МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА:

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Сборник статей по итогам Международной научной конференции 24-25 апреля 2017 г.

Москва 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Институт истории и политики

Научный совет РАН
по истории социальных реформ, движений и революций

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Сборник статей
по итогам Международной научной конференции
24–25 апреля 2017 г. (г. Москва)

МПГУ
Москва • 2017

УДК 94+372.893(082)
ББК 63.3(2)61+74.266.31я43
В272

Редакционная коллегия:

Главный редактор – **Лубков А. В.,**
член-корреспондент РАО, д-р ист. наук

Ответственный редактор – **Ананченко А. Б.,**
канд. ист. наук

Воронин В. Е., д-р ист. наук

Вяземский Е. Е., д-р пед. наук

Горохова А. В., канд. ист. наук

Исхаков С. М., д-р ист. наук

Карасева А. А., канд. ист. наук

Рафалюк С. Ю., канд. ист. наук

Цветков В. Ж., д-р ист. наук

В272 Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания : сборник статей по итогам Международной научной конференции (24–25 апреля 2017 г., г. Москва) / Московский педагогический государственный университет. – Москва : МПГУ, 2017. – 398 с.

ISBN 978-5-4263-0556-4

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции, состоявшейся в Москве 24–25 апреля 2017 г. В нем нашли отражение результаты научных исследований отечественных и зарубежных историков и педагогов, посвященные изучению Великой российской революции 1917 года и проблемам преподавания этого переломного периода мировой истории.

Сборник адресован специалистам и всем интересующимся историей.

УДК 94+372.893(082)
ББК 63.3(2)61+74.266.31я43

ISBN 978-5-4263-0556-4

© МПГУ, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ: ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ 1917 ГОДА

Лубков А.В.

Приветственное слово участникам конференции 9

Рид К.

Британская историография Русской революции 16

Суслопарова Е.А.

Современные британские историки
о революции 1917 г. в России. 26

Чжо Ч.

Корейская историография русской революции:
за пределами идеологии холодной войны 33

Исхаков С.М.

Международная комиссия по изучению революций
в России 39

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА: ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ

Петровичева Е.М.

Местное самоуправление и государственная власть
после Февраля 1917 г.: дискуссионные проблемы изучения 47

Дриё К.

Революционная ситуация в Туркестане
(февраль 1917 – февраль 1918 гг.) 55

Смит Дж., Семенов А.

От империи к нации? Трансформация империи
и проблема национальности до и после 1917 г. 63

Сотникова А.А.

Воспоминания британского журналиста
М.Ф. Прайса о 1917 г. в России 78

Хрипунов А.С.

Проблемы народного образования как фактор складывания революционной ситуации и их отражение в программных документах ведущих политических партий Российской империи в начале XX в. 84

Анисков А.С.

Калужский гарнизон в 1917 г. 91

Кондорский Б.М.

Предпосылки и уроки русских революций. 97

Касаточкин Д.Р.

Политические ожидания и политическая реальность в Бурятии в период Великой российской революции и на начальном этапе Гражданской войны. 1917–1918 гг. 104

Марченкова Н.П.

Революция 1917 г. в оценках левоэсеровской эмиграции 111

Сыпченко А.В.

Российская революция 1917 г в интерпретации народных социалистов 121

Куренков Г.А.

Первые шаги советской власти по защите военной и государственной тайны после Октября 1917 г. 130

Войтиков С.С.

Комбеды и их «ликвидация» в 1918 г. (по опубликованным и неопубликованным источникам) 140

Виталь В.

Формирование и специфика деятельности органов государственного управления в Эстонской республике 1918–1920 гг. 148

Вдовин А.И.

Революционное решение национального вопроса в России, 1917–1924 гг. 155

Чураков Д.О.

Фабзавкомы в событиях Октябрьской революции 1917 г. 165

Астарджиева Т.С.

Проблема политической реставрации в программах лидеров белого движения в России 173

УРОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФЕВРАЛЯ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Лачаева М.Ю.

Когда старые книги становятся новыми: по поводу издания в начале XXI в. исторической публицистики П.Г. Виноградова (1854–1925), посвященной Февральской революции 1917 г. в России. 185

Архипова Л.М.

Февраль 1917 г. как историко-психологическая проблема. 190

Кочешков Г.Н.

Временное правительство и земельный вопрос: надежды и иллюзии. 197

Зданович А.А.

Попытки Временного правительства воссоздать систему обеспечения внутренней безопасности страны (март – сентябрь 1917 г.). 206

Горский В.В.

Анархический монархизм русского крестьянства и вектор Русской революции 219

Базанов С.Н.

Солдаты действующей армии и Временное правительство 230

Волгирева Г.П.

Последствия трагедии Февральского переворота 1917 г.: поиск и анализ новых источников, архивных документов по делу Романовых 238

Птицына Г.М.

Народная милиция Временного правительства
во Владимирской губернии: полномочия и состав 247

Хандорин В.Г.

Февраль 1917 г. глазами кадетов Сибири
в эпоху Гражданской войны 255

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭХО ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Толмачев Ю.О.

Концепция революции в трудах Мао Цзэдуна
и Джавахарлала Неру 265

Писчикова Н.П.

Влияние революционных событий 1917 г.
на русско-американские отношения во время
подготовки и подписания Брестского мира 272

Куприянов А.В.

Британская интервенция в Закаспии:
мифы и реальность 277

Гурьянова С.И.

Влияние Великой российской революции 1917 г
на положение военнопленных
стран Центрального блока в Вятской губернии 286

Савосина Ю.В.

Влияние Российской революции 1917 г.
на торгово-экономические связи
Советской России и Великобритании
в 1920-х гг. 294

Белоусова К.А.

1917–1991 гг. и периодизация новейшей истории 299

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Куренышева Е.П.

Октябрьская революция в современной концепции модернизации России 303

Смирнова О.А.

Проблема антибуржуазности национальной культуры как основы революционных потрясений в России и ее постановка Н.А. Бердяевым 309

Николаева М.Е., Смирнова Т.С., Яримака С.К.

Русская революция глазами студентов 317

Акимченков В.В.

Революция 1917 г в коммеморативных практиках Севастопольского музейного объединения (конец 20-х – 30-е гг. XX в.) 324

Куренышев А.А.

Русская революция глазами писателя И.Ф. Наживина 330

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Занданова Л.В.

Изучение истории Великой российсской революции 1917 г в процессе реализации магистерской программы «Историческое образование» направления 44.04.01 «Педагогическое образование»: из опыта работы 342

Усманов Н.В.

Использование «местного» материала при изучении событий 1917 г. в провинциальном вузе 348

Долгова А.В.

Великая российская революция 1917 г.: проблема преподавания в средней школе 355

Комкова М.С.

Междисциплинарный подход в преподавании истории революции 360

Белоус С.Г.

1917 год в школьном курсе истории Казахстана 364

Рыжкова О.В., Кочкина А.А.

«Телерефлексия» столетия Российской революции: возможности использования в образовательном процессе 373

Стрелова О.Ю.

От «трудных вопросов» по истории революции 1917 г. – к дискуссионным, актуальным для школьников XXI в. 384

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 392

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ: ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ 1917 ГОДА

Лубков А.В.

Ректор МПГУ, член-корреспондент РАО, доктор исторических наук

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ[1]

Вопросы преподавания истории Великой российской революции. Опыт актуального прочтения МПГУ

МВЖК – 2-й МГУ – это не только объект, но и субъект Великой российской революции. Огромную роль в событиях Февраля сыграла наша либеральная профессура МВЖК, что отразил в своих трудах Эдуард Николаевич Бурджалов – в книге, посвященной Москве, фронту и периферии, в ряде других замечательных работ о событиях Февральской революции в Москве. Действительно, из Московского императорского университета после событий 1911 г. в МВЖК ушли преподавать многие либеральные профессора по приглашению Сергея Алексеевича Чаплыгина. Наши Московские высшие женские курсы тогда были вторым по численности вузом Москвы.

[1] Организаторами конференции выступили Московский педагогический государственный университет; Научный совет Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций; Российское историческое общество; Ассоциация исследователей советского общества и новейшей истории; Государственный центральный музей современной истории России. Видеовыступление опубликовано: https://www.youtube.com/watch?v=urH2V704rko.

Весь 1917-й, 1918-й и в последующие годы МВЖК – 2-й МГУ, как наш вуз назывался после 1918 г., стал той площадкой, где проходили встречи вождей революции с нашей студенческой молодежью, рабочей молодежью, интеллигенцией. А Хамовнический район всегда представлял серьезный отряд московской партийной организации. В нашем Главном аудиторном корпусе неоднократно выступал Ленин. Историки спорили 3 или 4 раза, формально – 3, фактически – 4 раза, и в 1918 г. и позднее.

Сам термин «Великая российская революция» официально присутствует не только в Историко-культурном стандарте, который разрабатывала группа ученых из Института российской истории РАН и других вузов, но, по сути дела, уже двадцать лет тому назад в известном двухтомнике по новейшей отечественной истории под редакцией Эрнста Михайловича Щагина и Александра Федотовича Киселева соответствующие главы так и назывались – Великая российская революция.

В нашем Университете, помимо той традиции, которая была заложена российской либеральной профессурой, начиная с Владимира Ивановича Герье, Василия Осиповича Ключевского, Сергея Михайловича Соловьева, давшего свое согласие на проект Герье 1872 г., будучи ректором Московского императорского университета, в послереволюционный период существовала серьезная линия становящейся исторической науки, связанная с интересным, видным историком, первым заведующим кафедрой истории СССР в МГПИ – Андреем Васильевичем Шестаковым.

Это уже полузабытая, к сожалению, фигура. Но он именно тот человек, который накануне войны, в 1930-е гг. сделал очень многое и для изучения проблем Великого Октября, и для того, чтобы историческое образование в предвоенные годы вышло на серьезный уровень.

С начала 1930-х гг. в советском обществе наметился поворот к национально-государственным ценностям. Огромную роль сыграло возвращение исторических факультетов – их воссоздание в 1934 г. в системе и педагогических институтов, и классических университетов. МГПИ повезло: у нас кафедру истории СССР возглавил Андрей Васильевич Шестаков. Под его руководством был создан первый учебник по истории СССР для общеобразовательной школы. Наряду с теми проектами, которые осуществлялись советской властью, например, созданием Краткого курса истории ВКП(б), был запущен проект по созданию школьного учебника истории. Объявлен конкурс. Первую премию

никто не выиграл. А вторую, и они же стали победителями, получил авторский коллектив под руководством А.В. Шестакова.

Учебник был очень компактный, тоже краткий очерк, рассчитанный на учеников 3–4 классов. Книга была очень лаконичной, выверенной во всех отношениях, прежде всего, концептуально, начиналась со времен расселения славян и заканчивалась советским периодом. Особые страницы посвящены истории Великого Октября, роли большевистской партии, конечно, присутствовала фигура Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сам Сталин очень внимательно вместе с А.А. Ждановым наблюдал за конкурсом. Обсуждал его итоги с Андреем Васильевичем Шестаковым, вносил свои замечания, редактировал текст Иосиф Виссарионович не только автор Краткого курса, но и в работе над учебником принимал активное участие. Он сократил все упоминания о своей фигуре, какие считал излишними, что говорит не только о некоторой объективности, но и методологических подходах. Жданов, кстати говоря, акцентировал внимание на проблемах классовой борьбы.

С 1937 г. данный учебник был введен в общеобразовательные школы. Конечно, он сыграл огромную роль в развитии исторического образования, возвращении к национальным ценностям.

Все эти события происходили накануне Великой Отечественной войны. В профессиональном сообществе это было время переоценки ценностей, шла борьба с нигилизмом, насаждавшимся Михаилом Николаевичем Покровским. Сразу после его смерти началась критика его неоднозначной фигуры. Одно время Московский государственный университет носил имя Покровского.

Наш МГПИ им. А.С. Бубнова явился флагманом возвращения к традиционным ценностям. Учебник А.В. Шестакова просуществовал до 1956 г., то есть до XX съезда это был базовый учебник, что очень показательно.

В последующие годы вплоть до сегодняшнего дня проблемы изучения Великой российской революции всегда были в центре изучения кафедры истории СССР, которая в 1983 г. разделилась на кафедру истории СССР досоветского периода и кафедру истории СССР советского периода. Одну возглавлял Виктор Григорьевич Тюкавкин, вторую – Эрнст Михайлович Щагин. Это два выдающихся исследователя, которые создали современную школу изучения Российской революции в стенах нашего МПГУ Все здесь присутствующие: доктора и кандидаты наук, работающие в нашем университете, в других городах

и весях, это так или иначе люди, которые учились у Эрнста Михайловича и Виктора Григорьевича и многим им обязаны.

Было бы неправильно не назвать и тех гигантов, которые создали здесь, в стенах МГПИ сначала имени В.П. Потемкина, потом после объединения с Ленинским – общего МГПИ имени В.И. Ленина, целую научную школу по изучению Февральской, Октябрьской революции, всего 1917 г., и по созданию серии учебников. Конечно, это академик Исаак Израилевич Минц, который также возглавлял кафедру в МГПИ. Его концепция Октября была канонической вплоть до середины 1980-х гг. Трехтомник истории Великого Октября и последующий четвертый том (1918-й год), – это фундаментальная работа, без которой изучать Октябрь нельзя при всех идеологических штампах того времени.

Характерная особенность работы ученых кафедры, в частности А.В. Шестакова, чему мы были свидетелями и что следует особенно подчеркнуть, – ориентирование студентов на работу с неопубликованными источниками, а не только с общеизвестной литературой. Всегда к такого рода работе призывали и Виктор Григорьевич Тюкавкин, который вел спецсеминары на втором курсе, и Эрнст Михайлович Щагин – на третьем курсе, и Юрий Иванович Кораблев, заместитель И.И. Минца по научному совету по истории Великого Октября, выпускник нашего МГПИ в предвоенные годы (1939 г.).

Ю.И. Кораблев был предан нашему Университету. После того, как он ушел из Института российской истории, он продолжил работать на кафедре Э.М. Щагина вплоть до своих последних дней. Это и выдающийся историк, и автор учебников. Учебники И.Б. Берхина, учебники Ю.И. Кораблева – это те учебники, по которым мы изучали историю советского общества.

Говоря о проблемной стороне изучения истории, стоит отметить, что уже тогда на рубеже 1970–1980-х гг. наше внимание – студентов второго, третьего, четвертого курса – преподаватели обращали на многие сюжеты, которые тогда считались закрытыми. Например, Юрий Иванович Кораблев, знавший наследие Ленина практически полностью, говорил, что опубликованное наследие Ленина составляет всего $^{2}/_{3}$ его работ, известных исследователям, $^{1}/_{3}$ находится в архивах и еще долгое время будет недоступна. Как показало время, во второй половине 1980-х гг. стали появляться неизвестные ранее работы и выступления Ленина.

Также Юрий Иванович обращал внимание на то, что выступление Ленина на VIII съезде РКП(б) по военному вопросу, где тот поддержал Троцкого и обрушился на военную оппозицию, в том числе Ворошилова, было опубликовано в одном из Ленинских сборников, который вышел в конце 1970-х гг. И говорил, что это показатель того, что нам еще очень многое предстоит сделать в плане осмысления исторических событий и фигур. Его оценка Троцкого всегда была достаточно взвешенной и уважительной, если касаться его военных способностей. Он обращал внимание на публикации, на роль Троцкого как председателя Реввоенсовета и наркома. И, конечно, подобные оценки расширяли наше пространство.

Я не могу не назвать и другого историка – Сергея Николаевича Семанова, человека очень интересной судьбы, автора двух замечательных книг в серии ЖЗЛ об адмирале Макарове и генерале Брусилове. В свое время он очень многое сделал для того, чтобы серия «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» носила именно такой патриотический, державный характер. Таким образом, уже тогда выходили работы, которые не вписывались в официальную концепцию.

Сам С.Н. Семанов работал сначала в ленинградском отделении Института истории, занимался сюжетами, связанными с Первой российской революцией. Его спецкурс как раз был посвящен переходу от военного коммунизма к НЭПу. Мне он тогда рекомендовал изучить тему, связанную с дискуссией о профсоюзах и обратил внимание, что на самом деле речь шла не о профсоюзах, а о реальной борьбе за власть. Я смотрел газеты в Исторической библиотеке, «Правду» и другие, и, действительно, совершенно иная картина вырисовывалась. Обращение к источникам, опубликованным или неопубликованным, всегда отличало наших учителей истфака МГПИ. Это очень ценно.

У того же Сергея Николаевича есть замечательная книга, посвященная Кронштадскому мятежу, имеющая две редакции – одна научная, другая популярная, где показана роль политического фактора. Он обращал внимание, что Зиновьев не занимался как следует Петроградом, в частности, хозяйственные вопросы не были в центре его внимания. Конечно, такие факты совершенно по-иному расставляли акценты и даже, казалось бы, переворачивали каноническую концепцию И.И. Минца.

Вернемся к книгам Э.Н. Бурджалова и И.И. Минца. При всем их идеологическом фундаментализме, они заметно отличались от тех

подходов и оценок, которые существовали в то время в историографии и рассматривали Февраль как предтечу Октября. Бурджалов показывал народный характер движения, охватившего в феврале не только столицу Петроград, но и Москву, фронт, периферию. Казалось, что Октябрь мог носить заговорщический характер, а Февраль, наоборот, народный.

Сегодня мы по-разному оцениваем эти события, но тогда, в начале 1970-х гг., это был смелый научный подход, побуждавший нас, еще раз обращаю на это внимание, понять и осмыслить многомерность явления Революции и выстраивать свои студенческие работы, исходя из отсутствия готовых сценариев тех далеких событий. Бурджалов критиковал теорию двух заговоров, показывал народный характер движения, а мы смотрели, изучали и осмысливали эти сюжеты, в том числе – и масонские.

Инициатором обсуждения темы масонства неожиданно стал И.И. Минц. В 1980 г. он написал статью в журнале «История СССР» с критикой масонской легенды. А у нас в рамках кружка по истории общественной мысли, который вел Аполлон Григорьевич Кузьмин, в силу ряда причин эта тема была одной из ярких, мы рассматривали ее, начиная со времен Петра и заканчивая трудно даже представить чем. Николай Николаевич Яковлев в своей книге «1 августа 1914 года» и затем Виталий Иванович Старцев в своих книгах «Революция и власть» и «Крах керенщины» также коснулись данных сюжетов. И коснулись таким образом, что Исаак Израилевич Минц должен был выступить и объяснить, что это отход от классового подхода, и все эти масонские сюжеты являются выдумкой и вряд ли с ними можно что-либо связывать. Его коллега и друг А.Я. Аврех также написал отдельную публицистическую работу по данным сюжетам.

Аполлон Григорьевич Кузьмин предложил обсудить статью Исаака Израилевича и пригласил его к нам в МГПИ выступить с докладом в рамках научного студенческого общества. Конечно, Аполлон Григорьевич посоветовался с деканом истфака Эрнстом Михайловичем Щагиным и секретарем партбюро Александром Федотовичем Киселевым (все нам знакомые родные люди) добро было получено.

И вот мы, студенты, ожидаем события. Об этом остались яркие воспоминания.

Идет вереница людей по Хользунову переулку в весьма преклонном возрасте. Некоторые дамы говорили, что они знали Распутина. Все они дошли только до первого этажа, на второй – уже не пустили.

Из горкома партии было указание обсуждение закрыть. Аполлон Григорьевич тогда даже не расстроился – он всегда был бойцом – и говорил, вот это как раз «индикатор присутствия», показатель, а мы ведь с марксистских, научных позиций хотели обсуждать статью академика Минца. Исаак Израилевич Минц был в очень хороших отношениях и с Эрнстом Михайловичем Щагиным, и с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным, но поскольку он был в преклонном возрасте, то не смог прийти, и мы готовы были обсуждать и без него, в своем кругу.

Конечно, мы так и делали. Само время, весь контекст давал возможность выходить на сюжеты, которые сегодня считаются общепризнанными, хотя и носят проблемный, дискуссионный характер, есть и споры, и оценки. Здесь в стенах нашего университета на истфаке была мощная научная школа, которая себя проявляла в изучении конкретных проблем, вопросов истории Российской революции, и самое главное, выполняла просветительскую функцию.

Исторические проблемы, которые затрагивались в учебниках Юрия Ивановича Кораблева, освещались и до него, а затем эту традицию подхватили наши коллеги с кафедры Олега Ивановича Тернового и Александра Анатольевича Данилова. Эти учебники по истории нашей страны до сих пор являются одними из базовых.

В связи со столетием Великой российской революции наша конференция включена в перечень официальных мероприятий. Очень заслуженно и закономерно она проходит в стенах МПГУ, привлекая внимание исследователей. Неформальная сторона нашей конференции связана с развитием тех подходов и традиций, которые зародились и свято чтятся в стенах нашего МГПИ – МПГУ, начиная с предвоенных времен.

Рид К.

БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Автор приходит к выводу, что интерес к событиям 1917 г поддерживался в Великобритании намного больше, чем где-либо еще за пределами России, т.к. американские, европейские и российские ученые в основном занимались исследованием 1930-х гг Работы молодых британских ученых в последнее десятилетие показывают, что традиция появления новых исследований в этой области в Великобритании по-прежнему развивается и, скорее всего, продолжит свое развитие в последующие десятилетия.

Ключевые слова: британская историография, тоталитарная модель, ревизионизм, постревизионизм.

Read C.

BRITISH HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Abstarct: The author comes to the conclusion that interest in 1917 has held up better in Britain than almost anywhere else outside Russia. American, European and Russian scholars mostly studied the 1930s. The work of younger British scholars shows the tradition of producing important scholarship in the field still thrives and looks likely to do so for decades to come.

Keywords: British Historiography, totalitarian model, revisionism, postrevisionism.

Академическая взаимосвязанность англоязычного мира затрудняет выделение британской традиции в историографии Русской революции, в отличие от стран с более определенной и самостоятельной культурной и языковой самобытностью. С другой стороны, Британию и Россию – страны, находящиеся на определенном расстоянии друг от друга – связывают узы, уходящие своими корнями в далекое прошлое. Но эти отношения часто бывали омрачены и пронизаны взаимной подозрительностью. Однако недоверие послужило одной из основополагающих

причин, породивших любопытство и стремление к знаниям, в результате которого получился богатый и разнообразный набор представлений «островитян» (по выражению Замятина) о великой, окруженной со всех сторон сушей, империи.

Холодная война и появление тоталитарной модели

После 1945 г. зарождающаяся холодная война усугубила слияние политики и исторического анализа, хотя форма обсуждения перешла свидетельств очевидцев к исторической науке. Это также повысило политические ставки. Обе стороны в холодной войне бравировали тем, что каждая из них воспринимала как свои собственные «ценности» и порочила идеалы своего противника. Анализ советской истории и, в частности, легитимность Октябрьской революции были центральными темами в глобальной идеологической борьбе. Стремительный рост популярности тоталитарной теории в США был тесно связан с этим процессом.

Как для советской, так и для господствующей школы западных аналитиков в 1950-х и 1960-х гг. вся история сводилась к изучению небольшой группировки, пришедшей к власти в Петрограде и использовавшей столицу как плацдарм для освобождения/подчинения всей страны в целом. Несмотря на огромные разногласия, обе стороны сосредоточились почти исключительно на Ленине, партии и, по крайней мере в рамках 1917 г., на событиях в Петрограде. В этом смысле они были зеркальным отражением друг друга.

Многие из первых западных исследователей Русской революции и коммунизма основывали свои идеи, в большей или меньшей степени, на тоталитарной теории. Однако в 1950-е гг. ведущую роль в изучении указанных событий играли преимущественно политологи. В подходах к изучению СССР политология продвинулась дальше, чем история в 1950–1960-е гг. Основополагающей книгой о революции, использовавшейся в вузах в конце 1960-х гг и позднее, был двухтомник У.Г. Чемберлена, вышедший в 1930-х гг., и, на удивление, переиздаваемый и по сей день. Поскольку положения тоталитаризма и идеология холодной войны наложили видимый отпечаток на историографию многих стран, выделить самобытную британскую традицию сложно. Тем не менее, данный доклад будет направлен именно на это.

От холодной войны к ревизионизму

По большому счету, основное направление британской историографии, посвященной Русской революции, в большей степени подвергало критической оценке обоснования тоталитарной модели, нежели преданно следовало ей. Сейчас можно только предполагать, почему это могло произойти. В Британии не было маккартизма, поэтому было меньше затруднительных обстоятельств, к которым надо было приспосабливаться. Еще одним фактором могло быть желание предотвратить американизацию британской культуры. Одной из ведущих фигур в создании самобытной британской историографии был Э.Х. Карр, который стал если не поклонником, то, по крайней мере, одним из наиболее позитивных аналитиков большевизма. Исходя из положения, что изучение проигравших не заслуживает внимания, он в своей монументальной истории революции, которая выросла в огромный, многотомный труд по истории СССР, сосредотачивается на большевиках и их достижениях[1]. В Британии существовали представители тоталитарной школы, в авангарде которых был Л. Шапиро, либеральный адвокат, превратившийся в ученого Лондонской школы экономики. Его критика российского самодержавия распространялась на царей, большевиков и многих белых генералов, при этом подчеркивалось важное значение верховенства закона, которому все подчинялись, даже правительство[2].

Для одного из талантливейших историков, изучавших события 1917 г., – Дж. Кипа, – ключевым интеллектуальным вопросом в истории революции было стремление «понять, как и почему Русская революция 1917 года, изначально народное движение, вдохновленное идеалами равноправия и свободы, породила в XX столетии самую прочную диктатуру»[3]. Это совершенно нормальный исторический вопрос, и не только о революции как таковой, однако, он искажает анализ этого события, которое, в идеале, стоило бы избавить от ретроспективного взгляда на то, что должно было последовать. Критики тоталитарного подхода все чаще взывают к необходимости рассматривать революцию саму по себе,

1 *Carr E.H.* The Bolshevik Revolution 1917–23. 3 vols. London, 1950; 1952; 1953.

2 Основной вклад Шапиро в изучение революции – это ‘The Origins of the Communist Autocracy 1917–21’ (London, 1955) and ‘The Russian Revolutions of 1917 and the Origins of Present-day Communism’ (London, 1984).

3 *Keep J.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1976.

нежели исходить из предположения, что можно считать закрытым дальнейшее обсуждение того, что она была всего лишь первым шагом к сталинизму и «большому террору». Эта тенденция подкрепляется весьма влиятельной работой Р. Конквеста. Его труд «Большой террор» привел к отказу от рассмотрения всей советской истории как просто прелюдии к террору, глубоко укоренившемуся в самой ее сути, в ее генах[1].

Большое сражение, которое началось тогда, продолжается до настоящего времени.

Тоталитаристы и ревизионисты – появление социальной истории (1970–1991)

Появление ревизионизма в Британии при изучении советского прошлого было связано с общими тенденциями в изучении истории, особенно, с развитием социальной истории. Многие историки, в том числе работающие в сфере русистики, вдохновленные этими новациями, приступили к работе над социальными группами, которые ранее практически не были рассмотрены в историографии. В авангарде исследований, в ответ на марксистскую атмосферу того времени и марксистский аспект самой Русской революции, стояло изучение рабочего класса. В этом отношении новаторской оказалась работа С. Смита «Красный Петроград»[2], которая была построена на наиболее значимых результатах его анализа. В частности, Смит утверждал, что радикальные настроения российских рабочих выросли в большей степени непосредственно из их повседневной работы на заводах, нежели из идеологического воздействия.

Прошло еще одно десятилетие или больше, прежде чем начали появляться серьезные исследования крестьянства[3]. Со временем

---

1 Конквест занимался скорее сталинской эпохой, чем революцией, и, действительно, был одним из первых, кто перефокусировал внимание с более ранних событий. Его наиболее значительные работы – 'The Great Terror' (London, 1968) and 'Harvest of Sorrow' (London, 1986).

2 *Smith S.A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories 1917–18. Cambridge, 1985.

3 Однако, обратите внимание, что в 1920-е и 1930-е гг Сэр Джон Майнард проявлял значительный интерес к русскому крестьянству. См.: *Russell E.J.* Sir John Maynard and His Studies of the Russian Peasant (12 July, 1865 – 6 December, 1943) // The Slavonic and East European Review. 1946. Vol. 24. No. 63. P. 56–65.

ревизионисты стали все больше уделять внимания исследованию тем, связанных с Москвой и Петроградом. Одной из самых важных работ был труд Р. Сервиса «Партия большевиков в революции»[1], в которой рассматривались аспекты выдвинутых тоталитарных положений. Сервис убедительно показал, что идея дисциплинированной, высоко централизованной и идеологически единой партии большевиков была плодом воображения. Вместо этого он нарисовал картину энергичной, «склочной» партии с ограниченным прямым управлением.

Одним из последних явлений данного периода было создание в 1974 г. исследовательской группы по изучению Русской революции (SGRR) в качестве ветви Британской ассоциации славянских и восточно-европейских исследований. Исследовательская группа была неизменно благосклонно настроена к широкому кругу как авторитетных, так и молодых ученых. Ее история и развитие отражают меняющийся облик не только британских, но и мировых подходов к изучению революции, поскольку в ней состояли участники со всего мира и, к счастью, наступил момент, когда российские ученые также вступили в ее ряды[2].

Постревизионизм после крушения коммунизма (с 1991 г. до настоящего времени)

Растущая диверсификация в историографии Русской революции в конце 1980-х и начале 1990-х гг. может рассматриваться как постревизионизм, в котором аспекты обеих ранних школ стали активнее взаимодействовать и растворяться во вновь появившихся интерпретациях.

I. Появление периферии: местности, регионы, провинции

Без сомнения, самой продуктивной сферой поздней и посткоммунистической историографии стал вопрос изучения сельского и провинциального опыта революции. Первая работа Г. Гилла не получила широкого круга последователей, но несколько преемников все же обрела. Дж. Ченнон взялся за изучение не только крестьян, но также

[1] *Service R.* The Bolshevik Party in Revolution: a Study in Organisational Change. London, 1979.

[2] *Smele J.D.* The Study Group on the Russian Revolution: The First Thirty Years // Revolutionary Russia. 2005. 18:2. P. 201–238. Published online 20 August 2006.

обделенных вниманием землевладельцев. Орландо Файджес приступил к изучению провинциальной истории, в конкретном случае – крестьян из Саратова[1], выдвинув, помимо других важных идей, мысль о том, что крестьянство стремилось к сплочению, дабы противостоять вмешательству извне и проникновению «чужаков», под которыми подразумевались люди, не входящие в состав крестьянской общины. Также он сделал предположение о том, что деление крестьянства на конфликтующие группы кулаков, середняков и бедняков не утвердилось во времена революции, когда общие усилия, направленные на получение и удержание земель, превалировали над конфликтами в рамках самой общины. В 1990-х и 2000-х гг. первые исследования по аграрной истории стали магистральными направлениями, произошел подлинный международный взрыв в изучении местной и аграрной истории. В Великобритании Сара Бедкок, ведущая фигура в исследовательской группе Русской революции (SGRR), написала отличное исследование о революции в Нижнем Новгороде[2]. Хороший показатель растущего разнообразия методологических и идеологических подходов, а также предмета изучения среди британских историков этого времени можно найти в сборнике трудов под редакцией Роберта Сервиса «Общество и политика в Русской революции»[3]. Он содержит работы таких исследователей, как М. Перри о крестьянах, С. Джонса о национальных меньшинствах, Г. Уайта о городском среднем классе, Э. Модсли о солдатах и матросах, Дж. Ченнона о землевладельцах, К. Рида о культурной интеллигенции, Р Сервиса о заводских рабочих и обзор Э. Актона.

Из подобных исследований сложилось представление, что на территории бывшей Российской империи произошла не одна, а целый ряд революций, включающих политические, национальные, социальные, гендерные и другие ключевые аспекты, которые существовали

---

1 *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution 1917–21. Oxford, 1989.

2 *Badcock S.* Politics and People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007. Наряду с другими локальными историками, такими как Аароном Ретиш и Майклом Хайки из США, Людмилой Новиковой из России и Стефаном Каршем из Германии, Сара Бедкок была частью неформальной школы «калейдоскопа революции». См.: *Badcock S.*, *Retish A.* and *Novikova L.* Russia's Home Front in War and Revolution 1914–22: Russia's Revolution in Regional Perspective' comprising. Vol. 3, book 1 of 'Russia's Great War and Revolution' (Bloomington, 2015).

3 *Service R.* (ed). Society and Politics in the Russian Revolution. London, 1992.

в различных комбинациях, в разных национальных областях и регионах. Очерк революции К. Рида «От царя до Советов: русский народ и его революция»[1] подчеркнул эту точку зрения и напомнил своим читателям, что результаты революции были разнообразны. Белые победили в Финляндии и разгромили красных; социал-демократы вышли на первое место на Кавказе, но затем были жестоко свергнуты; движение Махно имело значительное влияние в регионах Украины; в Центральной Азии произошла революция модернизации; появились демократические страны в Прибалтике и крестьянская диктатура правого толка в Польше и т.д. В бестселлере О. Файджеса по истории революции «Трагедия народа»[2], который вышел в свет спустя несколько недель после книги К. Рида, высказаны похожие суждения, хотя в целом интерпретация событий разная. Работа покрыта налетом глубокого пессимизма в духе М. Горького о разрушительных демонах в бунтарской, мародерствующей толпе, в то время как Рид, следуя идеям британского историка и социолога Э. Томпсона, видит в них рациональных и конструктивных участников революционного процесса[3].

II. Война и революция

В мейнстримном течении революционной истории тенденция, исходящая больше от США, чем от Великобритании, ставит Мировую войну и Гражданскую войну в гораздо более тесную связь с революцией, а в эпохальной фразе П. Холквиста фигурирует «непрерывный кризис».

1 *Read C.* From Tsar to Soviets: The Russian People and their Revolution. London, 1996.

2 *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 1996.

3 В дискуссии участвовали и авторы статей: *Read C.* Writing the History of the Russian Revolution // Reviews in History Institute for Historical Research [Электронный ресурс] http://www.history.ac.uk/reviews/review/45a; *Hobsbawm E.* Can we Write the History of the Russian Revolution? // *On History.* London, 1997. P. 241–52. The paper was first presented as the Isaac Deutscher Memorial Lecture at the London School of Economics on December 3, 1996.; *Smith S.* Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // Europe–Asia Studies. Vol. 46. No. 4; Soviet and East European History. 1994. P. 563–578; *Murphy K.* Can we write the history of the Russian Revolution? // International Socialist Journal. [Электронный ресурс] Issue: 116 http://isj.org.uk/can-we-write-the-history-of-the-russian-revolution / Posted on 28th September 2007.

Два новаторских мнения, связывающих войну и революцию, были представлены британским историком П. Гатреллом, чьи замечательные труды «Движение целого мира»[1] и «Первая мировая война России»[2] соединяют войну и революцию, не умаляя важности последней. Еще совсем недавно замечательная работа Дж. Смила – «"Русские" гражданские войны. 1916–1925»[3] – не только подвергала критической оценке хронологию революции, но также объединила воедино революционное и военное насилие, хотя в работе также уделяется должное внимание мотивам революции, социально-историческим истокам насилия. Неизбежно рассмотрение Гражданской войны привлекло внимание к народам, и это также стало основной темой исследования нескольких видных британских историков, в частности Дж. Смита, сконцентрировавшегося на политике большевиков и народах, а также региональных специалистов, в частности, проживающего в США историка валлийского происхождения С.Ф. Джонса, который пишет о Грузии и Кавказе. Также глубоко связано с войной, но выходит далеко за ее пределы одно из наиболее значимых исследований последнего десятилетия, применяющее экономические показатели для демонстрации краха российской экономики с 1914 по 1921/1922 гг. Исследование российского и британского ученых А. Маркевича и М. Харрисона заполнило брешь между работой П. Грегори, изучавшего показатели российского производства, которые были доведены до 1913 г., и трудом А. Бергсона, который начинается с 1928 г.[4] Они показали, что в 1919 г. уровень продукции российской экономики упал до средневекового не только в результате войны, но, как они утверждают, в результате неумелого вмешательства правительства большевиков[5]. В связи с этим в британской

1 *Gatrell P. A* Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War One. Bloomington, 1999.

2 *Gatrell P.* Russia's First World War: a Social and Economic History. London, 2005.

3 *Smele J.* The 'Russian' Civil Wars 1916–1926. London, 2016.

4 *Gregory P.R.* Russian National Income 1885–1913. Cambridge, 1982; *Bergson A.* The Real National Income of Russia since 1928. Cambridge and Oxford, 1961.

5 *Markevich A., Harrison M.* Russia's Home Front: The Economy // *Waldron P., Read C., Lindenmeyr A.* (eds). Russia's Home Front in War and Revolution. Vol. 3. Book 4. National Disintegration. Bloomington–Indiana, 2017 (forthcoming). An earlier version appeared as 'Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928' (*Journal of Economic History*. 2011. 71:3 P. 672–703).

историографии также появился интерес к теме, от которой практически повсеместно отказывались по разным причинам – создание центрального государства большевиков и его институтов. Интерес к большевизму в мировом масштабе с точки зрения историографии революции представляется устойчиво низким, однако на этом фоне появилась важная работа Л. Кук, посвященная развитию центральных руководящих органов советской власти, и труд о революционных трибуналах М. Рендла, который также написал блестящее исследование на гораздо более популярную тему о белых после Октября[1].

III. Другие сферы исследований британской историографии – история культуры, биография

Чтобы завершить этот обзор, необходимо упомянуть ряд дальнейших направлений британских исследований. История культуры революционного периода расцвела во всем мире с момента появления ревизионизма, но ведущими представителями в этом направлении были американские и российские исследователи. По сравнению с ними британский вклад был существенно меньше.

Однако область, в которой британские исследователи заявили о себе больше всех, – это биографии, в частности, революционных деятелей. Перечислим некоторые из них: Р. Сервис написал биографии советской «большой тройки» – Ленина, Троцкого и Сталина[2]. Затем появились биографии Свейна и Тетчер[3] о Троцком, Мак-Дермотта и Рида о Сталине[4]. Рид и Уайт написали биографию Ленина[5], а начинающий ирландский писатель, ныне живущий в Британии Д. Райан написал

1 Последние работы обоих ученых опубликованы в *Read C., Waldron P., Lindenmeyr A.* (eds). The Russia's Home Front in War and Revolution. Book 3. National Disintegration; Book 4. Re-integration. Bloomington, Indiana, 2017 (forthcoming).

2 *Service R.* Lenin. A Political Biography. 3 vols. London, 1985; 1991; 1995; Lenin. A Biography. Oxford, 2000; Stalin. A Biography. Oxford, 2004; Trotsky. A Biography. Oxford, 2009.

3 *Swain G.* Trotsky. London, 2006; *Thatcher I.* Trotsky. London, 2002.

4 *McDermott K.* Stalin. Revolutionary in an Era of War. London, 2006; *Read C.* Stalin. From the Caucasus to the Kremlin. London, 2017

5 *White J.* Lenin. The Practice and Theory of Revolution. London, 2001; *Read C.* Lenin. A Revolutionary Life. London, 2005.

первоклассное, уравновешенное и проникновенное исследование об отношении Ленина к насилию[1]. Д. Ливен писал о Николае II (также одна из самых интересных книг, сконцентрированных на изучении империи, но выходящая далеко за пределы России)[2]. Гендерная история революционного периода ограничена, в отличие от аналогичных исследований, посвященных имперскому и советскому времени. Тем не менее, значительный вклад в развитие указанного направления был внесен работой британской исследовательницы К. Тертон, отразившей историю женщин из семьи Ульяновых[3]. Ш. Элстон писала о некоторых международных последствиях революции, ориентируясь на Версальский договор и его влияние на страны Балтии[4]. Наконец, прекрасные работы, развивающие традицию ревизионистов о рабочем классе, были созданы К. Мерфи и С. Пирани[5].

Заключение

Как мы видим, британский вклад в изучение истории 1917 г был обширным и разнообразным. Многообразие исключает идею «британской школы» революционных исследований, однако, остается открытым вопрос о существовании специфических черт британской историографии Революции. Прежде всего, как уже было сказано, интерес к 1917 г поддерживался в Великобритании намного больше, чем где-либо еще за пределами самой России. Значительный вклад в историографию сталинизма был сделан многими британскими авторами, мало где еще 1917 г. до сих пор остается столь же привлекательным для исследователей. Это не значит, что британские историки доминируют

1 *Ryan J.* Lenin's Terror: The Ideological Origins of Early Soviet State Violence. London, 2012.

2 *Lieven D.* Nicholas II: Emperor of All the Russias. London, 1993; Empire: The Russian Empire and its Rivals. London, 2001; The End of Tsarist Russia: The March to World War I and Revolution. New York, 2015; also known as 'Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia' (London, 2015).

3 *Turton K.* Forgotten Lives: The Role of Lenin's Sisters in the Russian Revolution 1864–1937. London, 2007.

4 *Alston C. Piip, Meierovics, Voldemaras: The Baltic States*. Makers of the Modern World, the Peace Conferences 1919–23 and their aftermath. London, 2010.

5 *Murphy K.* Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. London, 2007; *Pirani S.* The Russian Revolution in Retreat 1920–24: Soviet Workers and the New Communist Elite. London, 2008.

в этой сфере, отнюдь нет, существует большое количество прогрессивных ученых из США, Европы и России, но в этих трех регионах доля исследований о 1930-х гг. значительно выше, чем о 1917 г. Во-вторых, британские историки больше, нежели их американские и российские коллеги, отстаивали 1917 г как поворотный момент и последовательно противостояли «сглаживанию» революции, в то время как большинство специалистов было склонно к этому в разгар дискуссии о либерализации царизма. Сегодня, например, большевики до сих пор являются предметом исторического изучения в Великобритании, хотя в других странах не так уж много историков интересуется ими. Работы молодых британских ученых и авторов докторских диссертаций в последнее десятилетие показывают, что традиция появления новых исследований в этой области в Великобритании по-прежнему развивается и, скорее всего, продолжит свое развитие в последующие десятилетия.

Суслопарова Е.А.

СОВРЕМЕННЫЕ БРИТАНСКИЕ ИСТОРИКИ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению революции 1917 г. в России в современной Великобритании. Автор рассматривает оценки революции, представленные на страницах работ британских историков, анализирует, какие сюжеты и проблемы, связанные с Русской революцией, привлекают на сегодняшний день их наиболее пристальное внимание.

Ключевые слова: революция 1917 г. в России, британская историография.

Susloparova E.A.

MODERN BRITISH HISTORIANS ABOUT THE RUSSIAN REVOLUTION 1917

Abstract. The article deals with the studies of the Russian Revolution 1917 in contemporary Britain. The author examines the interpretation of the Revolution in the works of British historians, analyzes what

subjects and problems connected with the Russian Revolution at present attract their greatest attention.

Keywords: Russian Revolution 1917, British Historiography.

События 1917 г в России пользуются неизменным вниманием на страницах работ современных британских исследователей. Определенным стимулом для этого стал распад СССР и завершение бурного XX столетия, подтолкнувшие многих историков к подведению его итогов и осмыслению в этом контексте значения Русской революции.

На рубеже тысячелетий во многом новой по характеру для британской историографии стала работа профессора Лондонского университета О. Файджеса, вышедшая в соавторстве с Б.И. Колоницким, «Интерпретируя Русскую революцию. Язык и символы 1917 г.». В ней была предпринята попытка использовать так называемый «лингвистический поворот» для анализа произошедших в России событий. На страницах книги анализируется происходящая в ходе революции трансформация языка, лексики, новая терминология. В частности, рассматривается, насколько комично и неожиданно революционная фразеология воспринималась и передавалась из уст в уста жителями деревень[1].

Наряду с этим, немалое внимание в этой работе отведено изучению визуальных символов. Крушение царской власти, говорится в ней, многие современники восприняли именно через призму уничтожения старой государственной символики. Один из основных выводов книги сводится к тому, что в процессе революции новые слова и символы стали своего рода «кодом общения» людей. Был выработан «боевой язык», «лексика борьбы», которая призывала население покончить с угнетателями[2].

В 2014 г. была издана еще одна работа О. Файджеса, в которой автор затрагивает события Русской революции и Гражданской войны: «Революционная Россия 1891–1991». Среди главных факторов, сыгравших в пользу большевиков, О. Файджес в русле своих более ранних исследований выделяет неспособность Белого движения предложить населению политику и символику, которая обеспечила бы массовую поддержку[3].

---

1 *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, L., 1999. P. 128–129.

2 Ibid. P. 190.

3 *Figes O.* Revolutionary Russia 1891–1991. A History. N.Y., 2014. P. 120.

В ряду других британских историков, обращавшихся к теме Русской революции на рубеже XIX–XX вв., необходимо отметить профессора университета Уорвик К. Рида. Его перу принадлежат такие работы, как «От царя до советов. Русский народ и его революция», «Создание и слом советской системы. Интерпретация»[1]. После окончания Второй мировой войны в западной научной литературе в целом доминировало «традиционное» направление, рассматривавшее октябрь 1917 г как «государственный переворот». В последней трети XX в. на авансцену вышло так называемое «ревизионистское» направление, отводившее гораздо бóльшую роль «социальной истории» и признававшее, что в отсутствие поддержки населения страны «переворот» 1917 г едва ли мог завершиться успешно. В целом К. Рид пытается выйти за рамки как первого, так и второго указанных направлений историографии. С одной стороны, по его мнению, в Петрограде хотя и имел место «переворот», он был результатом общей ситуации в стране, и в этом плане едва ли октябрьские события можно рассматривать как «переворот» в полном смысле слова. С другой стороны, – автор критикует «ревизионистское» направление, уделявшее, с его точки зрения, слишком большое внимание Москве и Петрограду в ущерб изучению ситуации в провинции[2].

Исследователь полагает, что каждая социальная группа, каждая национальность, каждый регион, более того, каждая деревня в России пережили свою собственную революцию. В результате события 1917 г он склонен интерпретировать не как одну, а скорее как множество «революций», порой вступавших в противоречие друг с другом. Главная трагедия русской революции, с точки зрения автора, оказалась заключена в том, что большевики в итоге буквально навязали народу собственные представления о том, «какой революция должна быть и что должны делать ее главные действующие лица»[3].

На страницах своих исследований К. Рид обращается и к весьма популярному среди современных британских историков вопросу, почему из всех политических сил именно большевикам в период от февраля к октябрю 1917 г. удалось добиться успеха в борьбе за власть. Автор

1 *Read C.* From Tsar to Soviets. The Russian People and their Revolution, 1917–1921. L., N.Y., 2001; Idem. The Making and Breaking of the Soviet System. An Interpretation. Basingstoke, N.Y., 2001.

2 *Read C.* From Tsar to Soviets. The Russian People and their Revolution, 1917–1921. P. 5–6.

3 Ibid. P. 1, 7.

видит несколько причин такого сценария развития событий. Во-первых, по мнению Рида, существенную роль сыграл отказ большевиков иметь дело с Временным правительством, слишком быстро утратившим свою популярность. Во-вторых, сказалось отсутствие на российской авансцене одной мощной фигуры, способной сплотить за своей спиной стихийно вспыхнувшее народное движение[1]. В целом автор признает огромное значение событий 1917 г. в России, полагая, что это была самая глубокая социальная революция в Европе в новое время.

В 2005 г. была опубликована еще одна интересная работа К. Рида «Ленин. Революционная жизнь». По словам автора, целью его исследования было не оправдать, а именно «попытаться понять Ленина»[2]. Если говорить об оценках, предлагаемых К. Ридом, то в этой и в более ранних своих публикациях он отмечал, что Ленин первоначально уделял не так много внимания вопросам «постреволюционным». «У него были только смутные ожидания и оптимистические предположения относительно первых шагов по пути социализма…, – писал историк. С первого дня революции ему пришлось отступать и импровизировать»[3]. На взгляд автора, Ленин был «интеллектуалом», чрезвычайно далеким от образа активиста-конспиратора нечаевского типа, а также от рабочей среды[4]. Тем не менее, К. Рид называет его фигуру «иконой XX столетия». В определенном смысле, подчеркивает историк, отношение к Ленину стало в XX в. своего рода критерием для оценки взглядов человека: «скажите мне, что вы думаете о Ленине, и я скажу, кто вы есть»[5].

Современный британский исследователь Р. Ковальский, обращаясь к Русской революции в своей монументальной работе начала XXI в. «Европейский коммунизм», в целом предпринимает попытку вписать события в России в 1917 г. в более широкий общеевропейский контекст. Наряду с этим, в данной монографии автор вступает в полемику с целым рядом историков, склонных рассматривать дисциплинированность и сплоченность большевиков в качестве решающего фактора их успеха в борьбе за власть в 1917 г. Р. Ковальский, напротив, обращает

1 Ibid. P. 287–288.

2 *Read K.* Lenin. A Revolutionary Life. L., N.Y., 2005. P. 2.

3 *Read K.* The Making and Breaking of the Soviet System. An Interpretation. P. 21.

4 *Read K.* Lenin. A Revolutionary Life. P. 288

5 Ibid. P. 283–284.

внимание на отсутствие у большевиков должной дисциплины, а постепенно нараставший на протяжении 1917 г радикализм масс не склонен списывать исключительно на большевистскую пропаганду[1].

Значительное количество работ, затрагивающих историю Русской революции, принадлежит современному оксфордскому исследователю Р. Сервису. Среди них можно назвать такие книги, как «Товарищи! История мирового коммунизма», «Шпионы и комиссары. Ранние годы русской революции», а также вышедшие в недавнее время монументальные биографии В.И. Ленина, И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого[2]. Говоря о событиях Русской революции, Р. Сервис подчеркивает, что к 1917 г. «русская империалистическая монархия» оказалась полностью дискредитирована. Большевики же пришли к власти, не имея детального плана построения нового порядка. В целом, пишет автор, большевистский режим сумел «сыграть» на фатализме миллионов людей, угнетаемых на протяжении веков[3].

Обращаясь к главным действующим лицам революции и периода становления советской власти, Р Сервис особо выделяет роль Ленина. Было бы преувеличением утверждать, что в России никогда бы не появилась крайне левая партия, не будь Ленина, замечает он. Однако, с другой стороны, абсурдно думать, продолжает автор, что советское однопартийное государство с единой идеологией возникло бы без него. Р. Сервис обращает внимание на то, что именно Ленин детально разработал стратегию захвата власти. Не только октябрьская революция, но и Брест-Литовский мир, и НЭП, согласно взгляду британского историка, могли бы вообще не иметь места, если бы не Ленин. Наряду с этим, Р. Сервис подчеркивает, что именно Ленина следует рассматривать как главного создателя коммунистической партии, в основе которой лежали жесткий централизм и иерархия[4].

Что касается фигуры Троцкого, то автор отдает ему должное как блестящему оратору и организатору Однако не склонен делать вывод

---

1 *Kowalski R.* European Communism 1848–1991. Basingstoke, N.Y., 2006. P. 90.

2 *Service R.* Comrades! A History of World Communism. Cambridge (Mass.), 2007; Idem. Spices and Commissars. The Early Years of the Russian Revolution. N.Y., 2012; Idem. Lenin. A Biography. L., 2000; Idem. Stalin. A Biography. Cambridge (Mass.), 2005; Idem. Trotsky. A Biography. Cambridge (Mass.), 2009.

3 *Service R.* Comrades! A History of World Communism. P. 58, 70, 97.

4 *Service R.* Lenin. A Biography. P. 489.

о том, что, если бы Троцкому удалось одержать победу в борьбе за власть после смерти Ленина, то Россию ожидало бы благоприятное будущее. Проблема в том, пишет Р. Сервис, что кто бы ни управлял СССР, он неизбежно нуждался бы в сугубо авторитарных методах сохранения коммунистической власти. К тому же, подчеркивает автор, если бы Троцкий и сумел стать руководителем государства вместо Сталина, риск «кровавой бани» в Европе возрос бы неимоверно[1].

В биографии Сталина Р. Сервис стремится дать комплексный портрет этого человека. В этой связи он пишет о том, что если мы будем представлять людей, подобных Сталину, исключительно как «монстров», мы никогда не сумеем различить их последователей[2].

Наряду с публикациями К. Рида, Р. Ковальски, Р. Сервиса, в начале XXI в. был издан еще ряд работ британских исследователей, затрагивающих события Русской революции 1917 г. Среди них книга профессора истории университета Эссекса С. Смита «Русская революция. Краткое знакомство». Свое повествование автор доводит до 1929 г. Обращаясь к причинам революции, С. Смит, прежде всего, выделяет неспособность самодержавия осуществить «модернизацию» страны[3]. Что касается событий от февраля к октябрю, то, по мнению британского историка, судьба демократии в России в 1917 г. была окончательная предрешена решением продолжать участие в Первой мировой войне. Именно война усугубила глубочайшую поляризацию общества, довела ее, по словам автора книги, до «убийственной степени»[4].

С. Смит подчеркивает, что, придя к власти, большевики соприкоснулись с целым комплексом проблем, на которые марксизм-ленинизм в принципе не давал ответа. Так, например, пишет историк, идеология не могла подсказать большевикам, следует ли подписывать договор в Брест-Литовске. В результате решения зачастую принимались не только под воздействием идеологии, но и становилась следствием импровизации и прагматизма[5].

На страницах своей работы С. Смит ставит важный вопрос о том, был ли в ленинизме заранее заложен сталинизм. С одной стороны,

1 *Service R.* Trotsky. A Biography. P. 1.
2 *Service R.* Stalin. A Biography. P. 11–12.
3 *Smith S.* The Russian Revolution. A Very Short Introduction. Oxford, 2002. P. 6.
4 Ibid. P. 39.
5 Ibid. P. 159.

с точки зрения автора, в ленинской теории многое «предвещало» переход к сталинизму. Например, еще при жизни Ленина имело место подавление оппозиции, свободы прессы, складывалась монополия одной партии на власть, происходило подчинение этой партии советов и профсоюзов. С другой стороны, С. Смит считает, что между ленинизмом и сталинизмом все же присутствует «элемент разрыва». В конечном счете, автор приходит к выводу, что сталинизм, наряду с ленинизмом, синтезировал в себе многие элементы русской национальной традиции, явив собой новое для XX в. во многом самостоятельное явление[1].

В 2009 г. в Великобритании был опубликован монументальный труд известного оксфордского специалиста по советскому и постсоветскому периоду А. Брауна «Взлет и падение коммунизма», переведенный впоследствии на русский язык. Говоря о февральских событиях 1917 г., автор подчеркивает, что наиболее существенное значение в них имели «спонтанно вспыхнувшие беспорядки, поддержанные усилиями либералов в Думе, стремившихся отстранить царя от власти и создать эффективное правительство», а также неготовность армии выступить в защиту царской власти. Участие меньшевиков и эсеров было незначительным, большевики же вовсе, продолжает свою мысль автор, не сыграли никакой роли в Февральской революции[2].

События 7 ноября 1917 г. А. Браун обозначает в своей работе скорее как «государственный переворот, нежели революцию»[3]. Подтверждением этого, полагает он, стали выборы в Учредительное собрание в декабре 1917 г. со всей очевидностью продемонстрировавшие, что большевики к моменту захвата ими власти не являлись самой популярной в России партией.

Поражение Белого движения в Гражданской войне автор объясняет, прежде всего, наличием у большевиков более последовательной идеологии. Переход в 1917 г власти в России в руки большевиков, пишет он, нельзя объяснить только их стремлением силой свергнуть Временное правительство. Наряду с этим он не был простым следствием переживаемых страной экономических трудностей. Победа, подчеркивает А. Браун, стала торжеством «идеи о неизбежной гибели капитализма, веры в вытеснение буржуазии как правящего класса пролетариатом и в необходимость

1 Ibid. P. 159–163.

2 *Браун А.* Взлет и падение коммунизма. М., 2014. С. 73.

3 Там же. С. 77.

построения социализма, который должен со временем перерасти в бесклассовое, самоуправляемое общество, именуемое коммунистическим»[1].

В целом, освещение Русской революции 1917 г. в работах современных британских историков достаточно разнообразно. Такие авторы, как О. Файджес со всей очевидностью стараются найти новые «ракурсы» в интерпретации событий. Другие склонны изучать происходившие в Росси перемены с более традиционных позиций социально-политической истории. Р Сервис в целом ряде своих публикаций пытается взглянуть на события Русской революции сквозь призму биографий. Затрагиваемый на страницах британской историографии круг вопросов также весьма обширен. Исследователи по-прежнему настойчиво пытаются разобраться в причинах революции, объяснить конечный успех большевиков в борьбе за власть, оценить роль отдельных личностей в происходивших в 1917 г. и далее событиях, определить, был ли неизбежным последующий переход России к тоталитаризму.

Чжо Ч.

КОРЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИДЕОЛОГИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. С точки зрения автора, корейская историография русской революции отражает развитие ее академических возможностей на протяжении последнего полувека. Все началось с небольшого числа ученых, работавших под спудом идеологии холодной войны и угнетающей внутренней политики, но внезапный крах Советского Союза и либерализация корейского общества в 1990-х гг. создали благоприятную атмосферу для исследования революции. Однако со второго десятилетия нового тысячелетия опыт корейских ученых и их достижения стали не столь важны из-за экономической депрессии Кореи и отсутствия интереса к России в корейском обществе.

Ключевые слова: Южная Корея, Октябрьская революция, холодная война, крах Советского Союза, демократизация, история рабочего класса, изучение памяти, советские корейцы, торжественная конференция.

[1] Там же. С. 84.

Jo Junbae

KOREAN HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN REVOLUTION: BEYOND THE COLD WAR IDEOLOGY[1]

Abstract. The author's point of view is that the Korean historiography of the Russian Revolution reflects the development of its academic capacity for the past half a century. It started with a small number of scholars against the background of Cold War ideology and oppressive domestic politics. Yet the sudden demise of the Soviet Union and the liberalization of Korean society in the 1990s created a favorable atmosphere for the advance of the revolution study. From the second decade of the new millennium, however, their expertise and achievements greatly decreased because of Korea's economic depression and its resulting disinterest in Russia.

Keywords: South Korea, October Revolution, Cold War, Collapse of the Soviet Union, Democratization, Labor history, Memory study, Soviet Koreans, Ceremonial conference.

Introduction

Unlike the long tradition of mutual relationship between two countries, the study on the history of Russia did not develop very well in Korea. It was mainly due to the division system of Korean peninsula and its resulting war between 1950 and 1953. South Korea employed anti-communism as an important ideology of the regime from the time of its first government and oppressed the people who were interested in or argued for socialist thought and movement. Thus, the term of the Russian revolution was regarded as a taboo which people should not refer to openly. In addition, the red scare was much more prevalent in Korean society as the military dictatorship encouraged it for more than 30 years. During that time lectures and researches on the socialist countries were extremely limited and thus sophisticated monographs and articles could not be written at all. Scholars and students even had much difficulty reading and discussing related books and materials.

[1] По просьбе автора статья публикуется на английском языке.

After the Collapse of the Soviet Union

With the impact of Gorbachev's perestroika in the late 1980s and the final collapse of the Soviet Union in 1991, Korean historical writing on the Russian revolution was provided with a new momentum for further development in the future. First of all, the unprecedented revelations of Russian archives and the large scale release of their documents in post-Soviet Russia allowed historians to obtain a greater amount of Russian materials for their research than ever before. Korean scholars could also make contact with Russian historians without government permission, which had not been available until a few years ago. Some students went to Russia for PhD degree or to see what the post-Soviet Russia was like. Others left for the western countries to understand the Soviet experiment in the context of European as well as world history. The principal achievements of western academics in approaches and practices were vigorously introduced and widely accepted by Korean researchers during this period.

Democratization in the 1990s was another important factor which exerted great influence on the historical writing of the Russian revolution in Korea. In 1993, the civic government was reintroduced after more than 30 years of military dictatorship since the *coup de tat* of 1961. Moreover, 1998 saw the first peaceful replacement of political power in the modern history of Korea. Labor movement widely developed on a national scale throughout the 1990s with the legalization of the right to strike and organize trade unions. The general liberalization of Korean society allowed various kinds of political thoughts and social movements and thus lifted the ban on the study of the Russian revolution and Soviet history as a whole. Now a wide range of questions in the study of the Russian revolution, such as the working class, the revolution, and socialism, could be discussed from the affirmative viewpoint without any limitation.

The appearance of labor history was the key aspect of the development in the Korean writing of the Russian revolution during the last decade of the 20th century. A historian of old generation introduced the achievements of American social historians for the past twenty years and recognized that they had begun to be equipped with the conditions in which they could approach the level of study on the labor movement of western European countries. Yet In-ho Lee also revealed a totalitarian view, arguing that their work should be considerably revised as Perestroika had failed and the Soviet Union collapsed. In addition, she claimed that what the October revolution

gave birth to the world was an extreme form of developmental dictatorship, which was quite different from socialism itself.[1]

The collapse of the Soviet Union in 1991 allowed Korean scholars to contact the Korean minority who had been living in Central Asia since the Stalinist forcible deportation in 1937. Thus they could secure various kinds of primary materials on the history of Korean diaspora, which would tell about what had taken place to the Korean community at the time of the Russian revolution. A great number of Russian monographs and articles also came to light. Kim German, a Soviet Korean scholar, introduced various kinds of Russian literatures showing the activities and role of Koreans in the Russian revolution and following years. They were in the form of monographs, recollections, government documents, academic articles, literary works, and newspapers and journals.[2]

The New Millennium: The Golden Age of the Study on the Russian Revolution

The first decade of the new millennium was a heyday of the study on the Russian revolution in Korea. The number of articles greatly increased and the coverage of topics became much wider and deeper than ever before. Historians began to make intensive use of Russian primary sources for their research and actively accepted new historical methodologies from the West, such as linguistic and cultural turns. In addition, a new generation of researchers emerged, who had just come back from Russia and the United States with their doctoral degrees. They were trained as first-class specialists for Soviet history and formed a notable research group. They also knew how to use Russian archival materials and were greatly influenced by revisionism which had prevailed during the period of their PhD study. Young historians basically agreed on the understanding of the Russian revolution from below and thus the Soviet experiment as a whole from the affirmative perspective. They soon put out remarkable results and signaled the beginning of a new stage in the development of the historical writing on the Russian revolution in Korea.

---

1 *Lee I.* The Russian Revolution and Workers: Toward the New Perspective of Revolution Study // The Journal of Western History. 1991. Vol. 12. P. 1–36

2 *Kim G.* The October Revolution and Soviet Koreans // Journal of Korean Political And Diplomatic History. 1998. Vol. 19. P. 237–263.

Korean scholars in the new millennium also accepted the recent approach of cultural turn in history, which had become very popular in the western academics from the 1970s. A young historian has reinterpreted the Russian revolution by watching deeper the famous Russian film of Eisenstein, 'October'. Won-Yong Park claimed that Eisenstein placed revolutionary heroes squarely against the counter-revolutionary ones and made the negative image of the privileged estate to stress the legitimacy of the Russian revolution. Eisenstein, according to his argument, also tried to reflect people's power and enthusiasm by focusing on the October uprising in arms. He maintained that films and visual images could play an important role in common people's understanding of history, and in turn, historians should make a contribution to the extension of historical understanding through those efforts. Eisenstein's October provided a possibility for them to do that.[1]

The memory study was also introduced from the western academics and became prevalent among Korean historians. A young researcher discussed various attempts of the Bolsheviks to use the memory of the Revolution for the consolidation of the regime. Won-Yong Park argued that the Soviet leadership had an understanding that it could achieve the justification of the revolution and the stabilization of the regime by strengthening its affirmative memory in the mind of common people. Thus strenuous efforts were made to institutionalize positive memories in the form of the ceremonies for May Day and the October revolution. The first decade after the revolution was the time for the construction of those patriotic memories through a variety of media and thus, films, plays, festivals, and remembrances were all brought to fabricate people's official memory.[2]

The question of Soviet Koreans continued to be a subject of analysis and more articles were written particularly with the use of various kinds of primary materials and discourse theory. Some historian made an analysis on how the Russian revolution was accepted among Koreans under Japanese colonial rule by looking at a great number of newspaper articles carried in the organ of Governor-General of Korea. Examining them from the issue of November 1917 to that of February 1920, Moon-Jong Kim argued that the Russian revolution was intensively reported immediately after the March

---

1 *Park W.* Visual Reading on the October Revolution through Eisenstein's October // The Korean History Education Review. 2005. Vol. 95. P. 171–199.

2 *Park W.* Making of Memory on the October Revolution during the First Decade of Soviet Power // Slav Newspaper. 2009. Vol. 24. № 1. P. 183–212.

1st Movement for national independence had taken place in 1919. The articles covered the news about the location of Russia, the outbreak of the Russian revolution, and the situation of the Civil War. Yet the Japanese prohibited the atmosphere of revolution from spreading to Korea and propagandized the legitimacy of Japanese military expedition into Siberia.[1]

There was one more point which could not be missed out in the development of the Korean study on the Russian revolution. A considerable number of foreign works on the Russian revolution were translated into Korean in the first decade of new millennium. Trotsky's three volumes on the history of the Russian revolution were published in Korean between 2003 and 2004.[2] A year later, John Reed's monumental reportage on the Russian revolution was retranslated, which had appeared first, but partially in the 1980s.[3] In 2006 Susan Weissman's biography on Victor Serge came out in Korean, who had been a revolutionary during the October revolution but critical of the Stalinist regime until his death in 1947.[4] In 2007 Steve Smith's compact history of the Russian revolution was translated into Korean by his former PhD student, covering the period from 1917 to the NEP.[5] In 2008 Rabinowich's seminal work on the Russian revolution turned up with the author's special acknowledgements for Korean readers.[6]

From Enthusiasm to Disenchantment

From the second decade of the millennium passion and enthusiasm about Russia was greatly declined in Korea. This is mainly due to Putin's authoritarian regime and the weakening of Russia's international status after the transition to capitalism. The plight was also caused by domestic changes in Korea. As the economic crisis of 2008 went deeper, Korean society in general became conservative and disinterested in foreign studies. In addition, academic activities were generally neglected and specific fields

1 *Kim M.* A Content Analysis of <Maeil Shinbo> Coverage about Russia: Focusing on Russian Revolution Era (1917. 11–1920. 2) // Korean Journal of Journalism & Communication Studies. 2005. Vol. 49. № 4. P. 33–60.

2 *Trotsky L.* The History of the Russian Revolution. New York, 1930.

3 *Reed J.* Ten Days That Shook the World. New York, 1919.

4 *Weissman S*, Victor Serge: The Course Is Set on Hope. Verso, 2001.

5 *Smith S.* The Russian Revolution: A Very Short Introduction. Oxford, 2002.

6 *Rabinowitch A.* Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.

such as humanities and area studies were more acutely damaged as they were not directly related to the economic issues. Furthermore, topics like socialism and the communist party were completely dismissed and people's interest in them was unprecedentedly decreased.

Conclusion

The Korean historiography of the Russian revolution reflected the development of its academic capacity for the past half a century. It started with a small number of scholars against the background of Cold War ideology and oppressive domestic politics. Yet the sudden demise of the Soviet Union and the liberalization of Korean society created a favorable atmosphere for the advance of the revolution study. The Korean academic community grew up remarkably in terms of their output and capacity. Yet, from the second decade of the new millennium their expertise and achievements greatly decreased because of Korea's economic depression and its resulting disinterest in Russia.

However, the ceremonial conference is now in preparation for the centenary anniversary of the Russian revolution in Korea. It will be comprehensive one including all the scholars majoring in Korean, Asian, and western history with the participation of social scientists as well as humanities scholars. The conference will look back on what was achieved in the past years and anticipate what should be done for the development of the study on the Russian revolution in future. Furthermore, it will also be a place for the close examination of the meaning and significance of the Russian revolution in the national and international context. Much more things still remain to be done.

Исхаков С.М.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной в историографии роли Международной комиссии по истории революций в России, созданной в 1985 г. Небольшая группа исследователей, среди которых были не только известные специалисты из СССР / Российской

Федерации, Европы, США, Монголии, Китая, но и молодые историки внесли значительный вклад в организацию сотрудничества ученых разных стран, а также в изучение широкого круга сложных и актуальных вопросов истории Российской империи и Советского Союз с конца XIX в. вплоть до распада СССР. Данная комиссия фактически являлась первым международным экспертно-аналитическим центром (в него входили ученые из почти 20 стран мира), по революционной тематике в России, который стал играть существенную роль в научной жизни не только России со второй половины 1980-х гг

Ключевые слова: Международный комитет исторических наук, Международная комиссия, революция, реформа, перестройка, деволюция.

Iskhakov S.M.

THE INTERNATIONAL COMMISSION FOR THE STUDY OF THE REVOLUTIONS IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the role of the International Commission on the history of revolution in Russia, which was created in 1985. A small group of researchers, including not only well-known specialists from the USSR/Russia, Europe, the USA, Mongolia, China, but also young historians, contributed to the organization of cooperation of scholars from different countries, as well as to study a wide range of complex and relevant issues of the history of the Russian Empire and the Soviet Union from the end of the XIX century until the collapse of the USSR. This commission was in fact the first international expert-analytical center (it included scholars from almost 20 countries around the world), on a revolutionary theme in Russia, which began to play a significant role in the scientific life not only in Russia from the second half of the 1980s.

Keywords: International Committee of Historical Sciences, International Commission, revolution, reform, perestroika, devolution.

Изучение истории революционной России самым тесным образом связано с деятельностью международной комиссии по ее истории, о работе которой мало что известно в историографии. Начало ее было

положено в Ленинграде, где 5–9 октября 1984 г. состоялось первое заседание членов оргбюро, в которое входили ученые из разных стран: Д. Гайер (ФРГ), П. Дьюкс (Великобритания), Ф. Мучи (Венгрия), А. Рабинович (США), В. Руге (ГДР), Х. Хазельштайнер (Австрия), Х. Христов (Болгария), С.С. Хромов (СССР). Присутствовавшие на этом заседании советские историки отмечали, что цель Международной комиссии по истории Великой Октябрьской социалистической революции состоит в том, чтобы войти в структуру Международного комитета исторических наук и стать тем самым еще одной формой научного сотрудничества, получая возможность обмена мнениями со специалистами из буржуазных стран[1]. Вспоминая об этом собрании, П. Дьюкс отмечал, что в Ленинграде состоялось первое заседание этой Комиссии. Предыдущие обращения советских историков о сотрудничестве с Международным комитетом исторических наук были отклонены по той причине, что данная революция еще не стала, по выражению П. Дьюкса, «классической». Последнее обращение увенчалось успехом[2]. Другими словами, это значит, что революция в России в 1917 г была признана «настоящей» революцией, к которой привел кризис в обществе, из которого народы нашли выход путем свержения прежней власти, не справившейся со своими задачами.

Первое заседание Международной комиссии по истории Октябрьской революции состоялось во время XVI конгресса МКИН (Штутгарт, 25 августа – 1 сентября 1985 г.). Конгрессы МКИН, проходящие раз в 5 лет, на протяжении почти века привлекали внимание ученых со всего мира, поскольку показывали новые направления исследований и представляли собой возможность для настоящих научных дискуссий, в которых участвовали и отдельные ученые, и представители различных научных школ. Каждый конгресс отражал в той или иной мере состояние исторической науки в различных странах, расхождения и противоречия между историками, в том числе по революционной тематике.

Президентом Комиссии на этом заседании в Штутгарте был избран академик И.И. Минц, генеральным секретарем – С.С. Хромов

[1] *Иоффе Г.З.* Международная комиссия по истории Октябрьской революции // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 162–164; Отчет Научного совета за 1983–1985 гг. М., 1986. С. 113.

[2] *Dukes P.* Fifty years of Russian history // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 617.

(в 1979–1988 гг. директор Института истории СССР АН СССР). Хромов выступил с докладом о состоянии историографии по Октябрьской революции в России в различных странах[1]. Из него, в сущности, следовало, что какого-либо развития в советской историографии не было, а происходило движение по проторенной многократно тематике.

В ее состав помимо И.И. Минца и С.С. Хромова вошли авторитетные зарубежные исследователи – Д. Гайер, К. Герман (Чехословакия), П. Дьюкс, А. Морич (Австрия), Ф. Мучи (вице-президент), Ш. Нацагдорж (Монголия), А. Рабинович (вице-президент), Г. Розенфельд (ФРГ), Х. Христов. Принятие данной Комиссии в состав МКИН в качестве его внутренней организации состоялось во время данного конгресса. Это событие стало важным в международной научной жизни.

Первым крупным мероприятием этой Комиссии в СССР стала международная конференция «Классы и политические партии в Октябрьской революции в России», которая состоялась 19–22 мая 1987 г. в Одессе. В ее работе участвовали ученые из 13 стран, в том числе Австрии, Великобритании, Индии, Китая, США, Финляндии, Франции, ФРГ. Конференцию открыли И.И. Минц и С.С. Хромов. С докладами выступили члены Комиссии П. Дьюкс, А. Морич, Ф. Мучи, А. Рабинович, Х. Христов, а также другие известные историки, в частности, Б. Бонвеч (ФРГ), У. Розенберг (США), М. Ферро (Франция), Чэнь Чжихуа (Китай). В частности, доклад П. Дьюкса был посвящен необходимости компаративистского подхода к изучению революций. На примере развития британской историографии Октябрьской революции он показал, что ученые самых различных убеждений исходили из сравнения ее со «славной и бескровной» Английской революцией. Поэтому своеобразие революции в России британские историки выводили из традиционной «московской политической культуры конца XV–XVI вв.»[2]. Во время конференции И.И. Минц показал ее

---

1 *Chromov S.S.* Historiography on the Great Socialist October Revolution // Rapports. II. Stuttgart, 1985. P. 843–847. Содержание этого доклада в основном совпадает с текстом изданной в Москве в преддверии конгресса брошюры «Современная советская историография Октябрьской революции в России», авторами которой значатся И.И. Минц и С. С. Хромов.

2 Подробнее см.: *Балашова Е.Н.*, *Рожкова Н.Е.* Научная конференция о классах и партиях в Октябре 1917 года // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 153–155; *Раковский М.Е.*, *Самойлов Ф.А.*, *Булдаков В.П.* Международная научная конференция в Одессе // История СССР. 1988. № 4. С. 216–221.

участникам места, где он, будучи комиссаром, участвовал в событиях Гражданской войны[1].

Важной стороной работы Комиссии было содействие изданию наиболее интересных исследований. В частности, в 1989 г. перевод книги одного из членов Комиссии А. Рабиновича («The Bolsheviks Come To Power: The Revolution of 1917 in Petrograd» издана в США в 1976 г.), посвященной приходу к власти большевиков, был опубликован в СССР, тем самым став здесь первым западным научным исследованием революции 1917 г. Другая его книга «Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising» также была переведена и издана в Москве в 1992 г. под названием «Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г в Петрограде».

Комиссия планировала свою работу на перспективу, а самые важные вопросы ее работы решались во время заседаний в ходе работы конгрессов МКИН. Так, на XVII конгрессе МКИН в Мадриде (27 августа – 2 сентября 1990 г.) 28 августа состоялось заседание Комиссии, в котором был заслушан ряд докладов, в том числе советских историков. Согласно правилам МКИН, в заседании Комиссии были сделаны и кадровые решения: известный советский историк П.В. Волобуев был избран президентом Комиссии (на этот пост его рекомендовал вместо себя И.И. Минц), а другой специалист по российским революциям Г.З. Иоффе – генеральным секретарем[2].

На этом конгрессе происходило противоборство двух подходов к проблеме «Революция и реформа». Один из этих подходов выражается, писал позже Волобуев, «в продолжении поисков научных методов и решений данной проблемы, в выработке обновленных концепций на основе нового исторического опыта и его позитивного обобщения». Именно его представляли в большинстве своем выступавшие на заседании историки из СССР, ГДР, Испании, а также из других стран. Наиболее, по его оценке, зримый прогресс в данной области заключался в переходе от обособленного рассмотрения истории отдельных революций к их сравнительно-историческому изучению с целью установления их типологий, как в целом, так и по отдельным срезам революционных событий.

1 *Dukes P.* Op. cit. C. 617.

2 *Исхаков С. М.* Академический центр изучения революционного 1917 года и гражданской войны в постимперской России: некоторые итоги и перспективы // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 574.

Второй подход, на котором «сказываются влияние современной политической конъюнктуры и публицистики», склонен к отрицанию роли революций в социальном и цивилизационном прогрессе человечества. Выступление молодого российского историка А.В. Чудинова явило собой пример этого подхода. Чудинов разделил революции на органические (естественные) и не органические (противоестественные). К первым он отнес мирные, ко вторым – насильственные революционные перевороты (Великая Французская, Октябрьская революция 1917 г и революции 40-х гг. XX в. в Восточной Европе), в которых революционные партии, по мнению Чудинова, навязали народу свои идеи, что деформировало и сами революции, и все последующее общественное развитие.

Такое деление их на «хорошие» и «плохие» было подвергнуто критике рядом историков. В своем докладе «Особенности революций XX века: общее и особенное» на заседании Комиссии во время Мадридского конгресса П.В. Волобуев отметил, что советские историки, получив импульсы от начатой в СССР перестройки, переосмысливают проблему «Революция и реформа». Они отказываются от апологетики и иконизации революции, более трезво оценивают их действительную роль в истории, по-новому рассматривают и соотношение революций и реформ в XX в., особенно во второй его половине. Вместе с тем, в докладе Волобуев подчеркивал, что XX в. может быть назван веком революций, ибо по их количеству (до 60) и разнообразию он побил все «рекорды». Но в докладе был впервые сформулирован и тезис, что XX в. – это и век реформ, причем реформы были взяты на вооружение как метод общественных преобразований и ускорения прогресса развитыми капиталистическими странами. Страны социализма оказались невосприимчивыми к реформам, за что и расплатились свержением авторитарных режимов в ряде стран Восточной Европы в 1989 г. По мнению Волобуева, осуществлявшаяся в СССР «революционная перестройка» представляет по существу цикл радикальных реформ, направленных на коренное обновление советского общества[1].

[1] В английском переводе этого доклада соавтором П.В. Волобуева указан известный советский политолог и востоковед Н.А. Симония из Института мировой экономики и международных отношений АН СССР: *Volobuyev P.V., Simonya N.A.* Peculiarities of Revolutions in the XXth century: general and special // Grand themes. Methodologie. Sections chronologiques 1. Rapports et abregés. Madrid, 1990. P. 101–103.

Текущие вопросы работы Комиссии обсуждались и решались во время ее заседаний, которые периодически проводились в разных городах. Так, в Вене 19 октября 1992 г. состоялось заседание данной Комиссии, на котором были приняты важные решения – выдвинуть для обсуждения на XVIII конгрессе МКИН две темы: «Переосмысление истории русской революции» и «Человек в эпоху революции». Кроме того, по предложению П.В. Волобуева, было решено изменить название Комиссии, которая стала с тех пор именоваться как Международная комиссия по истории российской революции.

На заседании Комиссии в рамках XIX конгресса МКИН (Осло, 6–13 августа 2000 г.) ее вице-президент П. Дьюкс выступил перед собравшимися делегатами конгресса с докладом об основных направлениях современной зарубежной историографии Октябрьской революции. Большую роль в работе Комиссии сыграл также другой британский историк – Дж. Смит.

Позиция Международной комиссии по истории российской революции была и остается в том, чтобы развивать академическое революциеведение. Между тем, в российском обществоведении все активнее внедрялось смутоведение, которое стремится убедить не только неподготовленных читателей, но и исследователей в том, что революции тогда возникли от «поплывшего», абсурдистского сознания, от кризиса сознания, от аффективных действий, от потери народными массами здравого смысла.

Комиссия, естественно, не поддерживала тот взгляд, что вообще революции не оказали заметного влияния на исторический процесс в XX в., что, в частности, в России они являются случайными, выпадающими из общего мирового развития эпизодами, социальными «спазмами», отклонениями от «нормального» развития, очередной русской смутой и т.п. Подход же к событиям 1917 г. как смуте означает фактически отрицание классического, как в Европе, характера революции в России. Тем самым под понятие революции «антинормалисты» фактически подводили социально-психологические сдвиги самого различного характера и снимали суть всей проблемы социальной революции, разрешавшей в России, как и в других странах, накопившиеся противоречия, которые власть по тем или иным причинам не была в состоянии эффективно преодолеть путем проведения соответствующих реформ. Революция явилась результатом неспособности устаревшей системы адекватно реагировать на угрозу со стороны экономически

более развитых держав, стала следствием банкротства самодержавного государства, его административной и военной машины.

Между тем, как известно, в результате же большого давления критиков революций в России эти сложные явления в глазах общественности предстают только как один из трагических этапов на пути сползания страны в историческую пропасть, как результат недомыслия народа, поддавшегося влиянию различных амбициозных политических авантюристов. Подобная деволюция революции и превращение ее в «смуту» удивило тех зарубежных историков, которые многие годы сотрудничали с этой Комиссией и бывших ее членов. Так, бывший генсек Комиссии Г.З. Иоффе считает, что это была именно революция, которая опрокинула многовековую монархию и буржуазную республику[1]. Согласно его взгляду, развал советской системы вызвал столь же быстрый переворот в историографии революции в России: плюсы меняли на минусы и наоборот. «Тушинские воры» из XVII в. перебежали в XX в.[2], подразумевая «смутный» подход, который он также не поддерживает

Главная задача Комиссии на протяжении всех лет существования этого международного экспертно-аналитического центра состояла в том, чтобы стимулировать появление идей, активизировать и поддержать свободный новаторский поиск, содействовать международным научным контактам в теоретической и методологической областях, расширять документальную основу изучения, с чем Комиссия, несмотря на проблемы и расхождения между ее членами, которые у них время от времени, естественно, возникали, справилась. Эта Комиссия на самом деле сыграла важную роль в мировой и отечественной исторической науке в изучении революций в России.

---

1 *Иоффе Г.* Четвертая волна. М., 2012. С. 39.

2 *Иоффе Г.* Иные времена. Воспоминания. М., 2015. С. 250.

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА: ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ

Петровичева Е.М.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 17-11-33002

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 Г.: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам в истории местного самоуправления и общественных организаций после Февраля 1917 г. Изучение конкретного исторического материала центральных регионов России помогает автору внести вклад в решение важных дискуссионных проблем, касающихся соотношения центра и провинции, роли стихийного фактора в революционных событиях, характера власти на местах, а также вопроса об исторической ответственности «людей Февраля» за начавшийся в стране хаос и распыление власти, переросшие в Гражданскую войну.

Ключевые слова: местное самоуправление, общественно-исполнительные комитеты, комиссары Временного правительства, земские учреждения, революция 1917 г.

Petrovicheva E.M.

LOCAL GOVERNMENT AND STATE GOVERNMENT AFTER FEBRUARY 1917: A DISCUSSION OF THE PROBLEMS OF STUDYING

Abstract. The article is devoted to topical problems in the history of local self-government and public organizations after February 1917. The study of the specific historical material of the central regions

of Russia helps the author to contribute to the solution of important discussive problems concerning the correlation of the center and the provinces, the role of the elemental factor in revolutionary events, as well as the historical responsibility of the "people of February" for the chaos that began in the country and the dispersion of power that developed into a Civil war.

Keywords: local self-government, public-committees, commissars of the Provisional Government, zemstvo institutions, revolution of 1917.

История местного самоуправления после Февраля 1917 г остается недостаточно изученной в нашей исторической литературе. Важную роль играют появившиеся в новейшей историографии региональные исследования, поскольку революционные практики отличались не только по губерниям, но и по уездам и даже волостям[1]. Однако собранный в них материал нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении. В истории революции 1917 г остается много дискуссионных проблем, среди них вопросы о соотношении центра и провинции, роли стихийного фактора в революционных событиях, о характере власти на местах, об исторической ответственности «людей Февраля» за начавшийся в стране хаос и распыление власти, переросшие в Гражданскую войну[2] и др. Мы ставим своей задачей внести вклад в решение этих проблем через призму изучения истории местного самоуправления после Февраля 1917 г

После того, как революция смела местное царское управление, Временное правительство постаралось быстро заполнить образовавшийся вакуум власти на местах. Во-первых, оно попыталось опереться на председателей губернских и уездных земских управ, возведя их

---

1 *Кабытова Н.* Власть и общество в российской провинции. Самара, 1999; *Матвеев М.Н.* Земства Поволжья в 1917–1918 гг. Автореф. .. канд. ист. наук. Самара, 1995; *Остроухов В.В.* Местные органы власти и управления России и их деятельность в марте 1917 – марте 1918 гг (на материалах Тульской губернии). Дисс. … канд. ист. наук. 2007; *Гаврилова О.А.* Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. СПб., 2009.

2 1917 год в судьбах России и мира. Т. 1. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Т. 2. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.

в ранг своих **комиссаров**[1]. Однако удержать ситуацию на местах правительству не удалось. Так, уже в середине апреля под давлением демократизированного губисполкома в отставку подал его председатель и губернский комиссар К.К. Черносвитов, но все же тогда он согласился с просьбой правительства временно остаться на посту губернского комиссара[2].

В течение первых же месяцев революции большинство губернских и уездных комиссаров были переизбраны и заменены представителями, главным образом, «третьего элемента», демократической интеллигенцией. А вскоре и земские служащие стали вытесняться с этих постов делегатами от народных масс – рабочих, крестьян и солдат

Во-вторых, Временное правительство попыталось опереться на т.н. **временные исполнительные комитеты общественных организаций**, созданные в первые же дни революции во всех губернских, а вскоре и в уездных городах по инициативе лидеров местного самоуправления. По замыслам правительства, они должны были играть объединяющую роль в деятельности различных общественных организаций, органов самоуправления и символизировать единение различных социальных слоев. Общественно-исполнительные комитеты возникли во всех центральных губерниях очень быстро, и встречающееся в литературе объяснение этого факта «революционной инициативой масс» вряд ли можно считать убедительным. Очевидно, это был подготовленный заранее план, однако, как показали последующие события, сохранить контроль за местными общественными организациями и органами самоуправления Временному правительству не удалось.

Если поначалу во главе исполкомов вставали лидеры местного самоуправления, то вскоре вместо них и цензовых гласных стали выбираться представители «третьего элемента». Так, в советах (руководящих органах) временных исполнительных комитетов Ярославской губернии уже к началу мая преобладали представители земской интеллигенции. В совете губернского исполкома казначеем был избран земский агроном Ф.В. Нейланд. Председателями советов исполкомов в Даниловском и Романово-Борисоглебском уездах стали преподаватель гимназии А.Ф. Майде и преподаватель начального училища П.В. Беловский;

---

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1789. Оп. 1. Д. 157. Л. 30.

2 ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 159. Л. 45, 75об.

товарищем председателя совета Пошехонского УИКа стал учитель Д.Д. Пашков. Земский врач Л.В. Крестов был избран председателем совета в Пошехонском исполкоме, а врачи С.А. Скобников и С.А. Нифонтов – товарищами председателей в советах Мологского и Рыбинского уездов. Служащие земских управ заняли должности секретарей практически во всех уездных исполкомах[1].

Из шести уездных исполкомов Владимирской губернии, (заполнивших рассылавшиеся Временным правительством анкеты летом 1917 г.) в три входили как представители земских управ, собраний, так и земские служащие, а еще в три – только земские служащие[2].

С течением времени, особенно к концу лета, земская интеллигенция, вытесняемая поднявшейся «народной стихией», стала выходить из исполкомов. В отчете делегата, отправленного в Одоевский уезд Тульской губернии отделом сношения с провинцией Ф.С. Романова, отмечалось: «Со времени учреждения комитетов в уезде, последние сделались центром интересов населения. Первоначально выборы в комитеты дали всесословных представителей из лучших и наиболее способных к общественной деятельности людей, но благодаря недоверчивому отношению крестьян к интеллигенции, все интеллигентные работники должны были покинуть комитеты и их заменили: в городе мелкие чиновники, а в селах – крестьяне»[3]. В исполкомы выбирались крестьяне, рабочие, представители тыловых гарнизонов[4].

Переизбранные исполкомы не смогли выполнить поставленную перед ними изначально задачу и обеспечить единение всех общественных сил. 27 июня комиссар Ярославской губернии К.К. Черносвитов сообщал в МВД: «Пропаганда большевистских идей в губернии идет настойчивая, с успехом внешним. Я бы не думал, чтобы она была достаточно глубока, но она без сомнения вредит образованию власти на местах; этому вредит <...> и несогласованность действий властей»[5].

К концу лета исполкомов 1917 г влияние среди населения повсеместно резко упало.

1 Там же. Л. 44.

2 Там же. Д. 64. Л. 5, 84об.; Д. 87. Л. 208.

3 Там же. Д. 148. Л. 243.

4 ГАВО. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 2. Л. 48, 52, 57, 78, 96, 129; Д. 4. Л. 21; Ф. 382. Оп. 2. Д. 42. Л. 23.

5 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 159. Л. 75об.

Не удалось Временному правительству опереться и на **земства**, как основу будущей административной власти на местах. После Февраля 1917 г. земство, имевшее более чем полувековой опыт практической работы, должно было быть переизбрано на основе всеобщего избирательного права и получить после этого новое место в системе российской государственности[1].

Однако к началу февральских событий Временное правительство не имело продуманной программы реконструкции государственного управления. 23 марта было принято постановление о создании Особого совещания по реформе местного управления и самоуправления[2], но его работа затянулась на несколько месяцев. Как отмечал позднее известный либеральный земский деятель Б.Б. Веселовский, «все спасение тогда было именно в быстром проведении реформы на местах, что, как это ни странно, не понимали очень многие»[3].

Тем временем, некоторые земства: Ярославское губернское, Александровское уездное (Владимирской губ.), Белевское уездное (Тульской губ.) сами выработали инструкции для проведения выборов в земские органы самоуправления на основе всеобщего и равного избирательного права[4]. Однако правительство предостерегало от реформирования земских учреждений в рамках отдельно взятых уездов или губерний. Зам. министра внутренних дел Леонтьев в телеграмме, направленной в Ярославскую губернскую земскую управу, разъяснял: «Производство общих выборов в губернии до указа правительства нежелательно. В настоящий момент, как мера временная, допускается в крайних случаях пополнение состава собраний, дум и управ представителями демократических организаций»[5]. При этом подчеркивалось, что состав местных органов самоуправления мог быть увеличен не более, чем на 100%.

После разъяснений Министерства внутренних дел многие губернские земства отказались от проведения выборов вплоть до принятия нового земского закона. Однако уездные продолжали «демократизироваться по собственному усмотрению»[6]. В Ярославской губернии,

1 Там же. Ф. 1789. Оп. 1.Д. 157. Л. 30.
2 Земское дело.1918. № 1. С. 3.
3 Там же. С. 4.
4 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 159. Л. 30, 31.
5 Там же. Л. 20.
6 Там же. Л. 68.

например, в первые два месяца революции состав всех 10 уездных земств губернии пополнился, причем «в различной степени и на разных основаниях».

То же наблюдалось и в Рязанской губернии. И.о. председателя губернской земской управы В.Г Прорвич направил в марте 1917 г телеграммы председателю Совета министров, где писал: «Население постепенно само начинает восполнять существующие местные самоуправления случайно избранными представителями. Получаются разнообразные составы. Затрудняется правильность дальнейшей деятельности. Связь и взаимоотношения нарушаются»[1]. Опасения председателя Рязанской земской управы имели под собой самые серьезные основания. «Революционная демократизация» земств в Рязанской губернии перехлестнула все установленные правительством рамки. Рязанское уездное собрание, например, было демократизировано на 400%. По свидетельству председателя Рязанской уездной управы и уездного комиссара Кученева, на губернском земском собрании 9 июня состоялись новые выборы, «демократизация достигла 600%»[2].

На уездном уровне демократизация органов местного самоуправления нередко шла еще быстрее, чем на губернском. Во Владимирской губернии демократизации подверглись Гороховецкая земская управа[3]. Преседатель управы В.А. Бурмин вынужден был отказаться от занимаемой должности[4]. 23 апреля земство уже расширенного состава полностью обновило состав управы и выбрало ее председателем агронома А.И. Глебова[5]. Аналогичные события происходили в Юрьев-Польском, Меленковском, Ковровском уездах, Переславском, Гороховецком уездах Владимирской губернии[6].

Губернская управа была обвинена в бездействии; ее председатель С.А. Петров и члены Н.Н. Андриевич и Ф.К. Пришлецов вынуждены были сложить свои полномочия. Был избран новый состав

---

1 Там же. Д. 137. Л. 26.

2 Там же. Л. 104об, 108.

3 ГАВО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 160. Л. 50, 51, 58–59, 67об.

4 Там же. Л. 64, 68.

5 Там же. Л. 66, 71.

6 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 87. Л. 198; Оп. 2. Д. 137.Л. 6, 9; Оп. 3. Д. 64. Л. 2об.; Оп. 2. Д. 137. Л. 5.

губернской земской управы во главе с председателем губисполкома Н.В. Макеевым[1].

Столь же интенсивным, как и во Владимирской, был процесс демократизации земств в Нижегородской губернии. По свидетельству губернского комиссара, под давлением исполкомов весной 1917 г земские учреждения здесь подверглись «коренной ломке»[2]. К концу весны их состав оказался сильно измененным: из 11 уездных земств лишь в четырех остались прежние председатели управ, в семи они были переизбраны. В большинстве случаев эти посты заняли представители «третьего элемента»[3]. К началу лета в десяти уездах был изменен состав управ и земских собраний (полностью или частично) за счет представителей исполкомов общественных организаций, советов крестьянских депутатов и советов солдатских депутатов[4]. Весной – в начале лета 1917 г волна демократизации органов местного самоуправления захлестнула и Костромскую губернию, начавшись с губернского земства. Масштабы демократизации здесь также значительно превысили установленные Временным правительством нормы[5].

Гораздо менее интенсивно в первые месяцы после Февраля проходила демократизация земств Тульской губернии[6].

В целом в большинстве губерний Центральной России демократизация земств существенно превзошла установленные сверху рамки, причем наиболее интенсивно этот процесс проходил в промышленно-развитых губерниях, где уровень революционного движения пролетариата был выше, а также в тех городах, где располагались запасные воинские гарнизоны – особенно во Владимирской, Нижегородской и Ярославской губерниях. В условиях быстрого нарастания революционного экстремизма предварительная демократизация цензовых земств превратилась в необдуманную «перетряску» их состава.

Это приводило к эскалации социальной напряженности. Возникали конфликты между старыми, цензовыми и новыми составами земств,

---

1 Журнал чрезвычайного Владимирского губернского земского собрания от 22–23 августа. Владимир, 1917. Л. 60–62.

2 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 183. Л. 8об.

3 Там же. Л. 6.

4 Там же. См.: Д. 64. Д. 183, 217.

5 Там же. Д. 64. Л. 93–106.

6 ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64, Д. 148.

как это было в Скопинском уезде Рязанской губернии. Обострялись отношения между земскими гласными и земских служащими (как в Нижегородской губернии); между земствами и советами[1]. **Советы** повсеместно стремились расширить в земствах свое представительство.

«Революционная хирургия» земских учреждений, частая смена их составов в условиях роста стихийно-анархических тенденций, удаление из земских собраний опытных цензовых гласных, а затем и представителей «третьего элемента», избрание представителей народных масс, не имевших необходимого уровня образования и навыков управления, привели к нарушению преемственности и крайне отрицательно сказались на эффективности земской деятельности.

Особое совещание по реформе местного управления и самоуправления под председательством С.М. Леонтьева, начав работу 25 марта, выработало к октябрю пакет проектов, которые были утверждены Временным правительством[2]. Согласно принятым в апреле-мае 1917 г. правительственным постановлениям о выборах в местные органы власти, общественные исполнительные комитеты должны были передать свою власть новому городскому самоуправлению и земствам, избранным на основе всеобщего избирательного права.

Абстрагируясь от конкретной исторической практики России 1917 г., земскую реформу, разработанную Временным правительством, можно оценить весьма высоко. Были учреждены волостные земства и наряду с ними поселковые управления, расширился круг ведения земских учреждений, кардинально изменилась избирательная система и было введено практически всеобщее избирательное право. И все же попытки либералов провести в жизнь принципы формальной демократии без учета своеобразия и особенностей национального исторического развития провалились. Радикальные перемены, прервавшие постепенное течение реформ в период думской монархии, нарушили управление страной, взорвали социальную стабильность.

Выборы вновь учрежденных волостных земств прошли в центральных губерниях в сентябре-октябре 1917 г Однако большинство граждан новой России, не прошедших ранее школу работы в земствах и не обладавших необходимыми навыками и уровнем образования, оказались не готовыми к управлению. Следует заметить, что крестьяне,

[1] Там же. Д. 88. Л. 35–37.

[2] Земское дело 1918. № 1. С. 3.

получившие большинство мест в новых земствах, оставались равнодушными к их выборам (как позднее и к их роспуску), видя в них прежде всего органы, на содержание которых придется платить налоги.

Население все более отдавало предпочтение советам – крестьянских, рабочих и солдатских депутатов – как органам синдикалистского типа, видя в них защиту своих конкретных интересов. В большинстве уездов еще не прошли организационные собрания избранных на новых основаниях земских учреждений, как 25 октября в стране было провозглашено всевластие советов.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть историческую ответственность лидеров Февраля за разрушение российской империи, свержение складывавшейся веками российской государственности. При этом Временное правительство не имело готовой продуманной программы действий, не смогло обуздать стихийный фактор, допустило распыление власти на местах, утратило доверие населения, что привело к начавшейся вскоре Гражданской войне.

Дриё К.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ (ФЕВРАЛЬ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1918 ГГ.)

Аннотация. Февральская революция 1917 г. положила конец колониальному режиму и породила большие надежды. Однако этот демократический дух был быстро подорван появлением революционной идеологии, характеризующейся колониальным менталитетом славянского населения, напряженностью между формирующимися мусульманскими политическими движениями и, прежде всего, крупным экономическим и продовольственным кризисом, вызванным Первой мировой войной. В статье анализируется революционная ситуация, определяемая как политическая, в которой сосуществовали многочисленные суверенитеты, продолжавшаяся более года, с февраля 1917 г. до падения первого автономного правительства Коканда (февраль 1918 г.), охватывающая последствия октября 1917 г

Ключевые слова: Туркестан, Февральская революция, мусульманская политика, Первая мировая война, житель колонии.

Drie K.

THE REVOLUTIONARY SITUATION IN TURKESTAN (FEBRUARY 1917 – FEBRUARY 1918)

Abstract. The revolution of February 1917 put an end to the colonial regime and raised great hopes. However, this democratic spirit was rapidly undermined by the emergence of a revolutionary ideology marked by the colonial mentality of the Slavic populations, by the tensions between emerging Muslim political movements, and above all, by a major economic and food crisis due to the Great War. This article analyses the revolutionary situation defined as a political situation where multiple sovereignties coexist and that lasted over a year, from February 1917 to the fall of the first autonomous government of Kokand (February 1918), encompassing October 1917's consequences.

Keywords: Turkestan, February Revolution, Muslim Politics, First World War, Colonial.

По сравнению с другими мусульманскими регионами Российской империи Туркестан был мало затронут политическими и социальными революционными движениями, охватившими Российскую империю в 1905 г., Иран в 1906–1911 гг. и Османскую империю 1908–1911 гг.[1] Однако эти изменения коснулись лишь интеллектуальной сферы, в частности, культуры и городских кругов[2] до Февральской революции и ареста губернатора Туркестана, которые ознаменовали собой конец колониального правления в Туркестане и вызвали большие надежды. Но демократический дух Февраля был вскоре подорван «неоколониалистской»[3] идеологией, господствовавшей среди власть предержащих представителей славянского населения, напряженными отношениями между различными политическими течениями внутри

[1] *Dudoignon S.* «Et l'Iran saigne encore...» Les révolutions iranienne de 1906 et turque de 1908 vues par la presse des musulmans de l'Empire russe // 'L'Ivresse de la liberté'. La révolution de 1908 dans l'Empire ottoman. Louvain, 2012. P. 511–551; *Khalid A.*The Politics of Muslim Cultural Reform – Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998.

[2] *Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch.* La Presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris, 1964; *Khalid A.* Op. cit.

[3] *Ardant P.* Le néo-colonialisme : thème, mythe et réalité // Revue française de science politique. 1965. Vol. 15. N. 5. P. 837–855.

самого мусульманского общества, но главным образом, разразившимся в крае крупнейшим экономическим и продовольственным кризисом.

Данная статья посвящена не собственно «революционной ситуации», то есть политическому режиму, характеризующемуся сосуществованием нескольких властей. Это определение было впервые предложено Л. Троцким[1] и затем развернуто политической и социологической наукой[2]. Революционная ситуация в Туркестане продолжалась в течение одного года: с революции в феврале 1917 г до разгрома Кокандской автономии, – первого автономного образования Туркестана – в феврале 1918 г., а Октябрьская революция 1917 г. стала одним из ее эпизодов.

Февраль 1917 года в Туркестане

В Туркестане конец колониальной системы управления был спровоцирован Февральской революцией. Временное правительство отменило законы, дискриминировавшие часть имперских подданных (инородцев). В феврале-марте 1917 г бывшее колониальное население, напрямую не участвовавшее в событиях революции, воспользовалось ее достижениями[3]. Эта февральская революция без мобилизации способствовала образованию «революционной ситуации», так как породила новые формы политической власти. Но новый революционный политический климат характеризовался прежним колониальным менталитетом славянского населения, стремившегося подчинить территорию и население, предоставив мусульманам роль пассивных наблюдателей, несмотря на то, что они составляли около 98% от общей численности населения.

Европейское население Туркестана с большим вниманием следило за развитием кровавых событий в Петрограде в феврале 1917 г.[4]

---

1 См.: *Trotsky L.* Histoire de la révolution russe. 1. Février. Paris, 1930. P. 251–260.

2 *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. New York, 1978. P. 191; *Bennani-Chraïbi M., Fillieule O.* Pour une sociologie des situations révolutionnaires // Revue française de science politique. 2012. Vol. 62. N. 5. P. 767–796.

3 *Buttino M.* La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'impero zarista e la formazione del l'URSS. Napoli, 2003.

4 *Castagné J.* Le Turkestan depuis la révolution russe (1917–1921) // Revue du monde musulman. 1922. Vol. 6. P. 28.

Эйфория достигла своего пика 10 марта и выразилась в аресте 31 марта генерала А.Н. Куропаткина, назначенного губернатором Туркестанского края 22 июля 1916 г.[1] Это решение было принято в Ташкенте новыми политическими организациями, считавшими, что Куропаткин представляет угрозу порядку в крае[2]. Затем трансформация политической жизни в Туркестане осуществлялась относительно независимо от бывшей метрополии, несмотря на создание 7 апреля 1917 г Туркестанского комитета при Временном правительстве[3].

На трансформацию политической жизни мало повлияли и дореволюционные институты. В Туркестане никогда не было земских и думских собраний (кроме как в Ташкенте и Верном), являвшихся институционной базой, наделенной социальной легитимностью и опытом правления[4]. Это помешало местному населению приобрести управленческий и административный опыт и создать поле для сотрудничества между коренным и славянским населением. С другой стороны, бывшая мусульманская администрация с трудом смогла стать промежуточным звеном власти, так как кооптировала местную элиту и знать по принципу клановости или общинной логики: эта элита и знать стали главной мишенью восстания лета 1916 г.; а в других случаях глáвы местных администраций были прямыми участниками восстаний[5]. Таким образом, в 1916 г. традиционные формы политического сотрудничества и посредничества между славянами и мусульманским населением были маргинализированы или дискредитировали себя[6].

Революционная ситуация после февраля характеризовалась двойным разрывом, историческим и географическим: на местном уровне изменение политической ситуации происходило, с одной стороны, независимо от Петрограда, с другой, – в отрыве от предшествующей

1 Туркестанский курьер. 1917. 15 марта.

2 Там же; Семиреченские областные ведомости. 1917. 2 апреля.

3 Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 41; Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М., 2015. С. 11–15.

4 *Pichon-Bobrinskoy O.* Action publique, action humanitaire pendant le premier conflit mondial // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. N. 4. P. 673–698.

5 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124. Оп. 69. Д. 795. Л. 40.

6 *Buttino M.* Turkestan 1917 : La révolution des Russes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32. N. 1. P. 67.

колониальной системы управления, что способствовало появлению на политической сцене новых действующих лиц. Первым самоорганизовалось славянское население Ташкента и к концу марта в Туркестане насчитывалось 75 Советов. Заявленный классовый принцип для их создания в реальности был заменен на национальный (славянский). Советы избрали солдат или крестьян-переселенцев на ключевые руководящие должности. Таким образом, переход власти осуществлялся в основном в пользу славянских Советов с их неоколониалистской идеологией: «Революцию совершили мы – русские революционеры, русские солдаты и русские рабочие», поэтому «туземцы должны довольствоваться тем, что им мы даем, и не предъявлять чрезмерных требований»[1]. Мусульмане продолжали ощущать себя под гнетом иностранного владычества[2]. «Чрезмерным требованиям» мусульман, заключавшимся в том, чтобы иметь политическое представительство в новых органах власти, оказывалось активное сопротивление.

Рождение и развитие «мусульманской политики»

Мусульманское коренное население долгое время было лишено возможности участвовать в политической игре, но теперь также пыталось захватить политическое пространство и создать правящие институты. Война и затем революции обострили внутренние противоречия этого общества. В целом «мусульманская политика», как ее назвал А. Халид (США), разбивалась на два полярных течения: прогрессистов и традиционалистов.

Туркестанская элита меньше участвовала в политике, чем мусульманские элиты других регионов Российской империи, но колониальная система способствовала развитию движения за культурный реформизм[3]. Туркестанский джадидизм был сугубо городским движением, которое вплоть до 1917 г не имело своей революционной идеологии.

1 *Чокаев М.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 11; *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). Оксфорд, 1985. С. 97.

2 *Чокаев М.* Указ. соч. С. 11.

3 *Khalid A.* Op. cit. P. 231; *Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 годов в Туркестане. М., 1958. С. 525–526; *Khalid A.* Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. 1996. Vol. 55. N. 2. P. 271–272.

Параллельно ему возникли более консервативные, традиционалистские движения (улемов), взгляды которых расходились в области образования, раскрепощения женщин и участия в жизни империи[1]. Можно предполагать, что Первая мировая война обострила противоречия между традиционалистами и реформистами. Вступление России в войну в 1914 г. и призыв Блистательной порты к джихаду, имевший целью обеспечить внутреннее единство османского общества[2], мало поколебали их убеждения, по крайней мере, в начале войны. Они сохранили верность Российской империи, так как война понималась ими как событие, связанное с геополитикой, а не с религией[3]. Что касается традиционалистов, то их реакция была, по всей вероятности, прямо противоположной.

Конституционный либерализм Февральской революции соответствовал ожиданиям мусульманских реформистов, стремившихся к тому, чтобы местное коренное население было уравнено в правах и получило возможность участвовать в политической жизни новой демократической России. Февраль 1917 г. стал для них «моментом истины»[4]. Появились новые политические организации, которые 14 марта образовали Мусульманский совет (Шуро-и-Исламия). Первый Туркестанский мусульманский съезд состоялся 16–21 апреля 1917 г. и ознаменовал собой рождение широкомасштабного политического движения[5]. С другой стороны, мусульманскому духовенству (Улема Джамиэти), стоявшему на консервативных позициях, удалось добиться широкой поддержки населения (выборы в новую Ташкентскую городскую думу)[6]. Что касается славянского населения, то в его среде победу одержали эсеры[7].

1 См.: *Dudoignon S.* Djadidisme, mirasisme, islamisme // Cahiers du monde russe. 1996. Vol. 37. N. 1/2. P. 29–36.

2 *Aksakal M.* Islam and Jihad in World War I. Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's «Holy War Made in Germany». Leiden, 2016. P. 53–69.

3 *Khalid A. The* Politics of Muslim Cultural Reform… P. 238–239.

4 Ibid. P 246.

5 Туркестан в начале XX века… С. 30–33.

6 *Khalid A.* Nationalizing the Revolution: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // A *State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. New York, 2001. P. 149.

7 *Sahadeo J.* Op. cit. P. 196; Туркестан в начале XX века… С. 44.

Несовместимость политических взглядов реформистов и консерваторов становилась все более очевидной. Разногласия так и не удалось преодолеть, несмотря на грозящий голод и все более агрессивные рейды русских солдат, грабивших мусульманские пригороды.

«Красный октябрь» уже в сентябре 1917 г.

Революционная ситуация в Петрограде, характеризовавшаяся сосуществованием двух властей, отличается от того, что происходило в Туркестане, где господствовали три политических силы: власть Советов, стремившихся отделиться от политического центра; власть Туркестанского комитета Временного правительства; и власть представительских органов мусульманского населения, которые были лишены единства. В целом революционная ситуация была обусловлена постоянно усугублявшимися с начала войны экономическим кризисом и нехваткой продовольственных поставок. Голод использовался в качестве оружия. Положение все усугублявшейся анархии достигло своего пика в момент первой неудачной попытки большевистского переворота в Ташкенте 12 сентября 1917 г – раньше, чем в Петрограде – и второй удачной попытки, имевшей место после захвата власти в Петрограде большевиками и последующей активной милитаризации политики.

Первая мировая война подорвала колониальную экономику края, основанную отчасти на выращивании зерновых, но в основном на производстве хлопка, развернувшегося в XIX в.[1] В начале XX в. Туркестан обеспечивал треть хлопкового производства. После 1916 г. производство резко упало. С 1914 г падает и объем производства зерновых: производство Семиречья, например, пострадало из-за мобилизации славянских призывников в 1914 г.[2] Восстания 1916 г., холодная зима 1916–1917 гг. и засушливая весна 1917 г. привели Туркестанский край к катастрофической ситуации; в 1917 г Туркестан смог произвести

[1] См.: *Buttino M.* Study of the Economic Crisis… ; *Buttino M.* Economic Relations Between Russia and Turkestan, 1914–18, or How to Start a Famine // Transforming Peasants Society, State and the Peasantry, 1861–1930. Basingstoke, 1998. P. 194–209.

[2] *Buttino M.* Turkestan 1917… P. 65.

лишь половину своих собственных потребностей в зерновых[1]. Поставки и распределение продовольствия вышли на первый план, структурируя революционное политическое пространство. Советы контролировали экономические и транспортные центры и использовали это преимущество для контроля и подчинения себе остальных территорий. Эта «голодная блокада»[2] создала совершенно невыносимое положение, продолжавшееся не один год. Мусульманское население, прежде всего кочевое, умирало от голода; в результате в Туркестане погибло 800 тыс. человек[3].

10 сентября 1917 г. в Ташкенте большевики и левые эсеры свергли Туркестанский комитет и Туркестанский краевой совет 12 сентября сформировался вскоре распущенный революционный комитет без мусульман, готовый на решительные меры: изъять запасы продовольствия, национализировать банки, передать землю крестьянам, создать отряд Красной гвардии и назначить новый исполнительный комитет Однако этот переворот не получил широкой поддержки[4]. Более умеренный Туркестанский краевой совет бежал и обосновался в Скобелеве (Фергане), откуда обратился к А. Керенскому с просьбой прислать военное подкрепление. Большевистский переворот в Петрограде 25 октября 1917 г. положил конец революционной ситуации в Туркестане и началу войны между большевиками и сторонниками Временного правительства, в то время как мусульманское население оставалось в стороне[5].

В этой обстановке уверенные в своем влиянии на мусульманское общество улемы на ноябрьском Мусульманском съезде продолжали рассматривать возможность объединения с русскими радикальными политическими силами; но Ташкентский совет полагал, что отсутствие мусульманского пролетариата может негативно сказаться на участии мусульман в работе государственного аппарата[6]. В свою очередь реформисты решили перебраться из Ташкента во второй по значению город Туркестана – Коканд, и приняли решение о создании автономной

1 Туркестан в начале XX века… С. 48.
2 См.: *Чокаев М.* Указ. соч. С. 14.
3 *Castagné J.* Op. cit. P. 60.
4 Туркестан в начале XX века… С. 51–52, 55.
5 *Чокаев М.* Указ. соч. С. 17.
6 *Khalid A.* Tashkent 1917… P. 292.

территории в единении с Российской республикой, а также избрали Временное правительство Туркестанской автономии[1]. Руководители Шуро и Улема отказались признать это новое правительство, как и большевики Туркестана. Бои в Коканде начались в феврале 1918 г.[2] В результате кокандские отряды были скоро разгромлены Красной гвардией. 5 (18) февраля Кокандская автономия была свергнута, и за ней последовало крестьянское басмаческое движение, продолжавшееся в Центральной Азии до начала 1930-х гг. и ставшее частью общего для всей территории бывшей Российской империи варлордизма, то есть партизанской войны[3].

Смит Дж.,
Семенов А.

ОТ ИМПЕРИИ К НАЦИИ? ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМПЕРИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОСТИ ДО И ПОСЛЕ 1917 Г.

Аннотация. Авторы пришли к выводу, что категория «национальность», важная для позднего имперского и раннего советского политического ландшафта, далека от гегемонизма и едина как в дискурсе, так и в политической практике. Понятие имперской трансформации позволяет локализовать 1917 г в сравнительной и мировой перспективе по отношению к другим имперским преобразованиям во время европейского и мирового кризиса и делает возможным проследить распространение идей и политических сценариев через предполагаемую границу внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: империя, нация, национальность.

1 *Castagné J.* Op. cit. P. 47; Туркестан в начале XX века… С. 82.

2 *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 223; *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. London, 2015. P. 76–77.

3 *Sanborn J.* The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance during the First World War and the Civil War // Contemporary European History. 2010. Vol. 19. N. 3. P. 195–213.

Smith J.,
Semenov A.

FROM EMPIRE TO NATION? TRANSFORMATION OF EMPIRE AND THE PROBLEM OF NATIONALITY BEFORE AND AFTER 1917

Abstract. The authors came to the conclusion that the "category" of nationality, though important for the late imperial and early Soviet political landscape, was far from hegemonic and unified in discourse and political practice. The notion of imperial transformation also allows for locating 1917 into a comparative and global perspective with other imperial transformations at the time of the European and global crisis, and makes it feasible to trace the circulation of ideas and political blueprints across the private boundary of internal and external politics.

Keywords: empire, nation, nationality.

В современной историографии, посвященной Русской революции 1917 г., изменился сам способ исследования этого события. Устойчивые выражения «распад империи» и «деколонизация»[1] твердо закрепились в исследованиях, посвященных 1917 г., или, согласно Стивену Смиту[2], вытеснили понятие революции из интерпретации самого исторического момента. Учитывая переосмысление истории России до 1917 г. с помощью понятий «империя» и «колониализм», новое толкование 1917 г освещает национальность и национальные движения вместо классовых, преобразовывает гражданскую войну в межэтнический конфликт или в колониальную войну и ставит во главу угла продолжительную политику Российской империи и государственности над революционными преобразованиями.

В настоящем докладе этот вопрос пересматривается с точки зрения более широкого понимания преобразования империи. Подход базируется на современной литературе, посвященной Габсбургской

1 *Sanborn J.* Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 136–185.

2 *Smith Stephen A.* The Violence of the First World War and the Violence of the Russian Revolution / Paper given at the IX ICCEES World Congress (Makuhari, Japan, 3–8 August 2015).

и Германской империям, которая отводит национальности меньшую роль и бросает вызов анахроническим представлениям о ней. В данном подходе мы находим многочисленные несоответствия и двусмысленности при исследовании истории империи и большевистского движения, а также национальной политики. Напряженная обстановка преобразования империи в наиболее четкой форме отражена в Конституции РСФСР 1918 г. Конституция предусматривала, что новое политическое образование является «Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ст. 1) и «свободным союзом свободных наций как федерация советских национальных республик» (ст. 2)[1]. Та же Конституция предусматривала, что «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах» (ст. 10)[2]. Таким образом, первая советская Конституция содержала противоречащие реальному политическому устройству принципы, варьирующиеся между союзом наций и более традиционной логикой народного суверенитета («рабочего населения страны»).

В докладе говорится, что подмена «революции» понятием «имперский распад» в интерпретациях 1917 г. приводит ко многим недостаткам в историческом понимании: прежде всего, к разобщению процессов преобразования и модернизации империи в период, незадолго предшествующий 1917 г., что также осложняет понимание напряженности и превратности советской национальной политики и революционного универсализма Коминтерна, и наконец, представляет опыт

[1] Эти статьи взяты из «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» от 16 января 1918 г., которая была включена в общие положения Конституции 10 июля 1918 г. Характерно, что Декларация была принята во время переговоров с Континентальными державами, в состав которых входила делегация от Украинской Рады в Брест-Литовске, и роспуска Учредительного собрания, что отражает настоятельную необходимость представлять революцию в более конвенциональной логике межгосударственных отношений и конституционной основы нового политического пространства и суверенитета. – Документы и материалы по истории советской конституции. М.: Издательство Народного комиссариата юстиции, 1938. С. 423.

[2] Там же. С. 425. Впоследствии эти последующие дополнения были осуществлены с помощью юридических экспертов по конституционному праву.

после 1917 г как автаркический и не связанный с мировым процессом имперских преобразований, обусловленных концом Первой мировой войны. Авторы предполагают, что вместо манихейской дихотомии революции или распада империи можно предложить структуру имперских преобразований, которая охватывает взаимодействие ключевых категорий класса и национальности[1], а также раскола и целостности в процессе изменения бывшего политического пространства империи.

Категория национальности постепенно складывалась из двух составляющих – национальной идентичности и политических притязаний Российской империи в течение XIX в., сложившихся под воздействием национальных движений и национализации режима русской монархии и имперского центра (часто описываемого в предшествующей литературе как «русификация»). Но до становления основополагающей идиомы политики в поздней Российской империи было еще далеко, и что еще более важно, ее понимание и применение были дифференцированы и не всегда соответствовали требованию исключительного политического сообщества и суверенитета.

Идиома распада империи и перехода от империи к нациям, и одновременное обращение к интерпретациям прямого контекста 1917 г. затмевают сложные процессы преобразования имперского политического пространства и общества в предыдущий период. Для подобной трансформации было характерно возвышение категории национальности, а также неполной национализации возможных политических режимов и, кроме того, неоднозначное и многогранное применение категории национальности в условиях выдвижения политических претензий. На практике двусмысленность категории «национальность» проистекала как от незапланированных последствий появления многочисленных политических акторов, так и от проектов идентичности, примененных в области общественной политики, а также из-за того, что эти акторы и проекты вступали в опустевшую нишу наднациональной политической концепции имперского пространства.

Это неоднозначное отношение к национальности продолжило свое существование и в советский период. Хотя в большей части исторических трудов последних 25-ти лет революционный и постреволюционный периоды характеризуют как время, когда нации процветали,

[1] *Suny Ronald G.* The Baku Commune 1917–1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1972.

большевиками не была сформирована целенаправленная национальная политика. Кроме того, выступившие на арену политической борьбы из решающего, но ограниченного в возможностях пункта – имперской столицы – большевики, которые получили первый опыт в политике изменения бывшего имперского пространства задолго до 1917 г., столкнулись с другими акторами, движениями и спорами.

Большевистская концепция нации не настолько проста, чтобы ее легко можно было интерпретировать. И.В. Сталин попытался вывести четкое определение «нации» в своей статье 1914 г. «Марксизм и национальный вопрос»[1]. Однако это определение приобрело известность благодаря культу личности Сталина и преувеличенному вниманию западных исследователей, но никогда не упоминалось в первой половине 1920-х гг., когда принималось большинство решений относительно статуса различных национальных групп. Накануне революций 1917 г. большевики либо расходились во мнениях по национальному вопросу, либо не имели о нем представления, либо, во многих случаях, просто им не интересовались.

Если эта неопределенность до 1917 г. относительно концепции и роли нации что-то и доказала, так это преимущество компромиссного ответа на внезапное появление национальных движений в течение 1917 г Кроме того, большевики, к своему удивлению и в противовес собственным установкам на унитарность политических структур, оказались поборниками принципов автономии и федерализма, которые, как признал Ленин на Третьем Всероссийском съезде Советов, стали «результатом развития самой жизни, результатом стихийно складывающейся мировой революции»[2]. Монополизировав и унаследовав речи об автономии и федерализме и взяв их за основу в формировании пост-имперского порядка, большевики были открыты для многих предложений, когда пришло время дать ответ на появление национальных правительств после октября 1917 г

Тем не менее для многих членов партии оказалось трудным делом покончить с абстрактными соображениями и реагировать на ту возросшую роль национальностей, которую те играли во время революции.

1 *Сталин И.В.* Собрание сочинений. М., 1946. Т. 2. С. 296.

2 Это цитата из заключительных замечаний Владимира Ленина, сделанных на Третьем съезде Советов (январь 1918 г.), в которых он впервые принял концепцию федерализма, отметив его спонтанный характер. См.: Первая советская конституция. М.: Юридическое издательство, 1938. С. 104.

Обсуждение национального вопроса на конференции в апреле 1917 г. (где Ленин представил свои «апрельские тезисы») во многом было связано с еще одной попыткой Юрия Пятакова отменить политику предоставления права нациям на самоопределение, проводимую партией. После того, как эта задача была решена, окончательное решение конференции по национальному вопросу мало чем отличалось от итогов предыдущих программ и конференций РСДРП.

Однако в дискуссии появились две четкие позиции, изложенные Иосифом Сталиным: первая состояла в том, чтобы большевики поддержали Финляндию в ее продолжительном конфликте с Временным правительством, которое не только лишило Финляндию права на отделение, но и грозило лишением автономии, которой та уже пользовалась; второе положение говорило о том, что для тех наций, которые предпочли не отделяться от России (и Сталин считал, что 90% наций будут выступать против раскола), система территориальной автономии была бы предпочтительной формой организации многонационального государства[1]. Эта политика была принята большевиками в 1913 г и в значительной степени фигурировала в ранних работах Сталина.

Но это уже была не абстрактная дискуссия, каковой она являлась во время войны и в довоенные годы. Украинская Рада объявила о своих планах об автономии почти одновременно с конференцией большевиков, а национальные движения появлялись и выдвигали радикальные требования к самоуправлению в таком масштабе, которого никто не ожидал.

Однако вскоре стало очевидным, что политика территориальной автономии может перестать быть приемлемой. Главной причиной сдвига в национальных настроениях была позиция, занятая Временным правительством. Оно не только отказалось идти на уступки Финляндии, но и отвергло требования Украинской Рады о политической автономии. Именно этот отказ Временного правительства привел к тому, что Рада объявила в своем Первом Универсале, что «с этого дня мы будем управлять своими собственными жизнями»[2]. В Туркестане имели

[1] Седьмая (апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б). М., 1958. Р. 208–227; *McNeal R.H.* (ed.). Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union. Toronto, 1974. P. 225–226; *Сталин И.В.* Указ. соч.

[2] *Stochko W.* Ukrainian National Aspirations and the Russian Provisional Government // in *Taras Hunczak* (ed.). The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution. Cambridge MA, 1977. P. 4–32; *Reshetar John S.* The Ukrainian Revolution, 1917–1920. Princeton, 1952. P. 54–61.

место столкновения между силами Советов и Временного правительства, хотя по большей части местное мусульманское население в них не участвовало[1]. Разочарование политикой Временного правительства в отношении войны и земельного вопроса, вызванное регулярным дефицитом продовольствия и развалом центральной власти, дало дополнительный толчок местному самоуправлению, но независимо от того, приняло ли оно национальную форму, оно не следовало закономерной модели: в Ташкенте именно европейские поселенцы руководили революционным движением, в то время как в Баку национальные партии стали доминировать в местной политике, особенно после падения Бакинской коммуны в 1918 г. В более поздний период 1917 г. русские социалистические партии приобрели больший авторитет среди крестьянства и отдалились от национальных партий. К тому времени, когда в ноябре 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, национальные партии действовали наиболее выразительно только на Украине и в Эстонии[2]. К Октябрьской революции грузинские меньшевики фактически расстались с российской организацией, которая была запятнана своей связью с Временным правительством и представлена, в большей или меньшей степени, как национальная партия[3].

До революции ряд национальных партий, особенно социалистических, поддерживал идею федерации национальных государств: армянский Дашнакцутюн, грузинские социалисты-федералисты, Белорусская Громада, Социалистическая еврейская рабочая партия, Польская социалистическая партия, а также русские эсеры. То, что побудило ответственных за национальную политику Ленина и Сталина, которые к концу 1918 г. были ведущими членами Политбюро, продвинуться в сторону федерализма, отчасти было вызвано необходимостью завоевать поддержку, по крайней мере, у этих и подобных им групп. Но это было также ответом на внезапное проявление движений за независимость на окраинах разваливающейся Российской империи.

6 декабря 1917 г. Финляндия провозгласила независимость и быстро получила признание от Советской России. Позиция Украины была

1 *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007. P. 191–200.

2 *Radkey Oliver H.* The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge MA, 1950. P. 76–78.

3 *Jones Stephen F.* Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883–1917. Cambridge MA, 2005. P. 236–281.

более двусмысленной. Хотя Рада в своем Третьем Универсале от 19 ноября 1917 г теперь настаивала на федеративных отношениях с Россией, консолидация большевистской власти там сделала любое подобное примирение недолгим.

Возможно, большее значение имели заявления о независимости в Литве, Латвии и Эстонии в последний месяц 1917 г. и первые два месяца 1918 г В то время Балтийский регион был в основном захвачен немецкими войсками, но эти заявления, тем не менее, бросали вызов новым советским властям в России. Хотя Советы были готовы поддержать независимость Финляндии, чтобы подчеркнуть отличие нового режима от Временного правительства, Балтийский регион стал особым предметом для обсуждения. Латвия, в частности, была сильной опорой для большевизма, и новой власти сложнее было принять ее самостоятельность, которая могла перейти в независимость.

В то время как мировая и российская историография связывает принцип самоопределения с политикой большевиков, важно отметить, что большевистское руководство со временем изменило отношение к этому принципу под воздействием внешних обстоятельств, узнав, что в сфере имперских преобразований они не были единственными знатоками политических манипуляций. Принцип прав наций на самоопределение противоречил позиции большевиков в Брест-Литовске в отношении статуса западных окраин.

Это вызвало политическую переориентацию большевиков, утверждавших теперь, что политика Германии и Центральных держав, а затем и Антанты, основанная на принципе национального самоопределения, является фиговым листом для политики аннексии[1]. Новый политический курс определил два противоречащих друг другу подхода. Одним из них был дискурс о сочетании принципа национального самоопределения с марксистским взглядом на развитие модернизации и европейскости, в результате чего публикации Коминтерна обвиняли формирующийся режим Лиги наций в завоевании Европы «бессловесными варварскими колониальными войсками» и описывали ситуацию в Германии как «вивисекцию на теле Германии»[2]. Как ни странно, эти оценки послевоенной ситуации в Германии почти дословно

[1] Коммунистический интернационал. Русское издание. 1919. № 1. С. 111–112.

[2] Коммунистический интернационал. Русское издание. 1919. № 1. С. 95; №. 2. С. 149.

воспроизвели традиционный «правый» немецкий дискурс под названием «Позор на Рейне», который был противопоставлен критике политики Германии в ее колониях и осудил оккупационный режим после окончания войны[1]. Другим побочным продуктом этой переориентации явилась более систематическая и резкая антиколониальная и антиимперская критика Коминтерна (часто направленная против системы Лиги наций), включая нападки на замаскированную имперскую гегемонию под прогрессивным лозунгом национального самоопределения[2]. Эти различные установки, сформированные под воздействием глобальной политики Первой мировой войны, вновь появятся в процессе принятия решений в отношении «внутренних» политических проблем бывшего имперского пространства.

В то же время Советы столкнулись с сильными национальными движениями в Поволжье и на Северном Кавказе. Хотя по большей части они не требовали разделения государства, особенно когда необходимо было сделать выбор в пользу объединения с красными против белых в Гражданской войне, местные военные и интеллектуальные лидеры все чаще подчеркивали категорию национальности. Это потребовало ответа от большевиков, сначала во время поисков союзников в Гражданской войне, а затем в установлении подходящих форм управления на окраинах.

Возрастающее значение, придаваемое категории национальности, отчасти было ответом на осознание того, что даже в нерусских областях поддержка большевизма ограничивалась не только городами, но и их славянским населением, а также одной или двумя другими группами, например, латышей. Тогда нерусских приравняли к статусу, аналогичному статусу крестьянства, что нашло отражение в нарастающих дебатах, особенно в речах и сочинениях Сталина, об «отсталости»[3].

---

1 *Conrad S.* German Colonialism. P. 189–191. Учитывая преобладание немцев в большевистских рядах и секциях Коминтерна, не стоит удивляться тому, что они были знакомы с языком обсуждения послевоенного урегулирования в Германии, но совершенно удивительно, что расовый язык правого крыла войдет в официальные публикации Коминтерна.

2 *Стучка П.И.* Пять месяцев советской Латвии // Коммунистический Интернационал. Русское издание. 1919. № 3. С. 327–334; *Чичерин Г.В.* Международная политика двух интернационалов. // Коммунистический интернационал. Русское издание. 1919. № 6. С. 817–828.

3 См., напр.: *Сталин И.В.* Одна неотложная задача // Правда. 1918. 9 апреля; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. С. 75.

Тогда национальный вопрос был уподоблен крестьянскому и, в конечном счете, должен был быть преодолен прежде всего через экономическое развитие. В краткосрочной перспективе, в то же время, следовало стремиться к развитию территорий, поощряя отождествление национальности с гражданством, под руководством местных граждан, которые были готовы иметь дело с большевиками.

Суть этой стратегии была раскрыта в комментарии Сталина, который предназначался для башкирского лидера Заки Валидова и лидера казахской «Алаш-Орды» Ахмета Байтурсынова примерно в 1920 г.: «Хотя оба вы националисты, мы знаем вас как людей, которые могут принять идею мировой революции... В ваших краях начинается сегодня партийная жизнь. Мы хотим видеть вас внутри этой работы. Тех, кто оказывается вне организации, жизнь оставляет позади. Вы не коммунисты, но я хочу видеть вас членами партии и работать с вами»[1].

Несмотря на то, что это утверждение невозможно проверить, оно все же представляет собой сжатое изложение взглядов Сталина и других лидеров периода до и после Гражданской войны. Разумеется, это согласуется со снисходительностью Сталина к мусульманским лидерам, в частности, к тем, кто не придерживался ортодоксальной коммунистической линии, от Валидова до татарина Мирсаида Султан-Галиева.

Обращение к национализму в рамках мировой революции постепенно набирало обороты, но не являлось центральным направлением в стратегии большевиков, что было ясно подчеркнуто на съезде народов Востока, состоявшемся в Баку в сентябре 1920 г.[2], и в дискуссиях в Коминтерне в следующем году. Непосредственное значение имело представление о том, что националисты могли бы принять участие в революции рука об руку с коммунистами как в России, так и на международной арене. Источниками этой идеи были:

1) абстрактные соображения о стратегии развития для южных и восточных периферий;
2) политика национальных партий и движений, значение которых стало очевидным в Гражданской войне;

[1] *Sabol St.* Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. Basingstoke: Palgrave, 2003. P. 149. Цит. по: *Заки Валиди Тоган.* Воспоминания: борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. М., 1997. С. 224.

[2] Congress of the Peoples of the East. Baku, September 1920. Stenographic Report / Translated and annotated by Brian Pearce. London, 1977.

3) методы преодоления «шовинистических» настроений среди русского населения, управленцев и даже коммунистов, к которым восходило понятие «позитивных действий»[1];
4) революционный потенциал национальных движений, в особенности на колониальном Востоке.

Хотя все указанные положения были нацелены на решение общей проблемы, они имели разные последствия в более долгосрочной перспективе. В целом для Сталина более важными были первые два пункта, для Ленина – два последних.

Ученые регулярно обсуждали различия между Лениным и Сталиным, двумя главными фигурами в решении национального вопроса в первые годы советской власти, которые так и не достигли согласия[2]. Признание того, что вожди пришли к схожим выводам, исходя из разных предпосылок, во многом объясняет различные акценты в их работах и выступлениях, одновременно с этим оба единогласно высказывались против «национальных левых». В конечном счете, разногласия между ними выдвинулись на первый план при создании проектов организации Советского Союза[3].

Следствием новой национальной стратегии стала консолидация отдельных категорий в национальные группы. Термины «сарт» и «татарин», которые применялись фактически без разбора к любым мусульманам в царской России, были переосмыслены – первый быстро вышел из употребления, в то время как второй был применен к носителям определенного языка. На первых порах большевики вступали в сговор с национальными лидерами или, по крайней мере, терпимо относились к ним в вопросах продвижения национальных различий, даже если большая часть местного населения, возможно, не знала о таких различиях. Первым делом было проведено различие между татарами

---

1 Фраза, используемая Терри Мартином: *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, 2001). Как было отмечено, эта терминология не является точной характеристикой большевистского подхода, но подчеркивает резонанс с более современными дебатами.

2 Например: *Harris N.* National Liberation. London, 1990; *Ree Erik van.* Stalin and the National Question // Revolutionary Russia. Vol. 7. No. 2, December 1994. P. 214–238.

3 *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Basingstoke, 1997. P. 175–188.

и башкирами в Поволжье, которых, по мнению некоторых ученых, было трудно отличить[1]. Отсутствие четкой идентификации, равно как и сложность разграничения территории, лежала в основе первоначальной (в конечном счете, неудачной) попытки создания совместной Татаро-Башкирской автономной республики в 1918 г.[2] В следующем году в связи с ростом ярко выраженных национальных движений, в частности, особенно важных в военном отношении башкирских кавалерийских бригад, были предложены и в конечном итоге утверждены отдельные автономии для башкир и татар.

1919-й стал временем, когда началось обсуждение границ Белорусской советской республики. Здесь для определения этнических границ, в которых местное население мало что понимало, были использованы работы царских этнографов[3]. Последовав этому примеру, армия экспертов была также направлена для работы в Центральной Азии с целью определения этнических границ в середине 1920-х гг Хотя язык являлся основным критерием для определения национальности, границы все же были скорректированы с учетом экономических потребностей, что также было сделано и в Беларусии[4].

Таким образом, революционный момент выдвинул на первый план национальность, которая стала основой для организации нового советского государства. В поисках средств разделения национальностей на категории оказалось, что большевики полностью восприняли принцип национальности и сделали его центральным: Юрий Слезкин дошел до того, что назвал его «хронической этнофилией», основанной на «искренности большевистских усилий в интересах этнического партикуляризма»[5]. Одним из последствий утверждения принципа национальности при создании государства стало сохранение стереотипов

---

1 Эта точка зрения сформулирована в кн.: *Carr E.H.* Some notes on Soviet Bashkiria // Soviet Studies, 8, 3 (1957). P. 217–235.

2 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.

3 *Карский Е.Ф.* Язык белорусского народа. М., 1955. Т. 1; *Vakar Nicholas P.* Belorussia, the making of a Nation. Cambridge: Mass., 1956.

4 *Hirsch Fr* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

5 *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // In *Sheila Fitzpatrick* (ed.). Stalinism: New Directions. London and New York: Routledge, 2000. P. 314.

в отношении мусульман и некоторых других народов. Связь национальности с отсталостью в представлении Сталина и ряда других политиков способствовала формированию следующих стереотипов: по характеристикам в газете Наркомата по делам национальностей «Жизнь национальностей», туркменские и киргизские кочевники были «бездомными, безземельными, безлошадными бедняками»[1]; калмыки были «невежественными, забитыми массами»[2]; чуваши – неграмотными, жившими в нищете[3] и т.д. Во всех этих дискурсах подчеркивалось отсутствие возможностей классовой борьбы между народами, не имевшими никакой буржуазии. Непоследовательные попытки охарактеризовать мулл и беев как эквивалент буржуазии больше были характерны для большевистского дискурса. Прямым следствием перехода от таких дискурсов к конкретной политике стали высказывания Мирсаида Султан-Галиева, который, будучи коммунистом, назвал все мусульманское население пролетариатом, чья классовая борьба против имперского господства в связи с этим была охарактеризована в национальных терминах.

Существовали определенные границы, в пределах которых большевики проявляли признаки терпимости к национальным движениям. К радикальным антинационалистам, таким как Юрий Пятаков, присоединился Николай Бухарин, восходящая звезда молодых большевиков, продолживший открыто выражать свое несогласие с тем, чтобы вопросу национальности вообще отводилось какое-либо место в политике большевиков. Более того, и для Ленина, и для Сталина неожиданный переход к федерализму как основной форме советской государственной организации был прочно связан с пониманием того, что договоренность с националистами была временной. Это стало очевидно из споров между политиками в момент создания федеративного союза в 1922–1923 гг., а также из более раннего спора о позиции Коминтерна по национальному вопросу в июне 1920 г. В своем проекте тезисов Ленин писал: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций… Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду… тенденцию к созданию

[1] Жизнь национальностей. 1918. № 3. 24 ноября. С. 2.

[2] Там же. № 3. 24 ноября. С. 3.

[3] Там же. № 4. 1 декабря. С. 7.

единого… всемирного хозяйства…»[1]. В ответ на это Сталин возразил, что такие страны, как Финляндию или Польшу, не говоря уже о Германии, можно убедить вступить в федерацию на той же основе, что и Украину после того, как эти страны станут советскими. Он разделял с Лениным понимание федерации как «переходной формы» государственности[2].

Если Ленин и Сталин были согласны с тем, что федеративная форма должна быть переходной в 1920 г., то к 1922 г. между ними уже возникли разногласия. Спор по поводу того, что стало известно как «проект автономизации» Сталина, был хорошо проработан заранее[3]. Короче говоря, когда дело дошло до создания единого советского государства, Сталин предложил, чтобы Украина, Беларусь и три закавказских государства стали автономными республиками РСФСР по аналогии с уже существующими, например, Татарской Автономной Советской Социалистической Республикой. Ленин энергично боролся с тем, чтобы изменить это положение с целью создания федерации формально равных республик без ссылки на «Россию». Первый момент, который следует здесь отметить, состоит в том, что Сталин, который не видел большой разницы между понятиями «федерального» и «автономного» в 1920 г., не согласился с настойчивым упорством Ленина, но какого-либо открытого сопротивления не оказал, сосредоточившись вместо этого на отличиях в формах управления федерацией. Во-вторых, этот спор имел место в сентябре 1922 г., после того как Сталин несколько месяцев работал с лидерами республик по своим предложениям. В этот период идея федерализма просто не возникла вплоть до позднего вмешательства Ленина, подкрепленного схематическим планом Льва Каменева[4].

Подвижки в представлениях Ленина были вызваны не столько соображениями о важности гражданства для нерусских, сколько его опасением появления эффекта разложения от сохранившихся «великорусских

---

1 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1958–1965 гг. Том XLI. С. 164

2 *Ленин В.И.* Сочинения. 3-е издание. Москва, 1931. Т. XXV. С. 624. Ответ Сталина не опубликован в 5-м издании.

3 *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. London: Pluto Press, 1975; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. Basingstoke: Macmillan, 1999. P. 180–189.

4 РЦХИНДИ Ф. 5. Оп. 2. Д. 26. Л. 13–14.

шовинистических» настроений не только в среде царских чиновников, но и среди коммунистов[1]. Это наложило отпечаток на его последние труды, а также побудило настаивать на том, что явление национальности не исчезнет в ближайшее время. Независимо от того, разделяли его коллеги эту оценку или нет, дискурс Коммунистической партии в 1923 г. сосредоточился не на нациях как органах с присущими им особенностями и правами, а на балансе между угрозами, исходившими со стороны буржуазного национализма, с одной стороны, и великорусским шовинизмом – с другой[2].

Таким образом, факт, что теперь большевики поставили национальность в центр своей государственной организации, не означал, что они полностью усвоили национальность как существенную черту человечества. Исследователи уже давно отметили, что, сделав это, большевики бы отклонились от основных положений марксизма, и пришли к выводу, что уступки большевиков в национальном вопросе были не более, чем сомнительным ухищрением с их стороны[3]. Как уже было отмечено во введении, недавние историографические исследования рассматривают появление альтернативного национального государства в качестве разменной монеты построения государства в конце Первой мировой войны. Учитывая такое понимание эпохи, момент откровения большевиков и их переход от марксизма к централизованному, национальному суверенитету тем более представляется маловероятным. Этнический федерализм пришел в большевизм извне – от других социалистических партий и национальных организаций, и от царских этнографов. Но он был воспринят в штыки многими большевиками и был неохотно принят во внимание в качестве временной меры или как «меньшее зло» под воздействием самых видных сторонников этой идеи.

Категория «национальность», хотя и важна для понимания позднего имперского и раннего советского политического ландшафта, является далеко не главной ни в дискурсе, ни в политической практике.

1 *Lewin M.* Lenin's Last Struggle.

2 *Султанбеков Б.Ф.* (ред.) Тайная национальная политика ЦК РКП – стенографический отчет секретного IV совещания ЦК РКП, 1923 г. М.: Инсан, 1992.

3 *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism 1917–1923, *revised edn.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; *Schopflin G.* Politics in Eastern Europe: 1945–1992. London: Wiley, 1993.

Размышления о 1917 г исключительно сквозь призму категории национальности приводят нас к проектированию примордиалистских и устойчивых представлений об этничности и этно-федерализме 1930-х гг., базировавшихся на гораздо более сложном периоде поздней имперской политики и реалиях 1920-х гг. Включение категории «национальность» в центр переломных событий 1917 г также приводит к идиоме имперского распада и позволяет националистическим телеологиям доминировать над интерпретациями сложного периода трансформации, в рамках которой, что совершенно неисторично, окончательный триумф национального государства был отсрочен (как если бы можно было остановить исторические часы) на 70 лет Авторы полагают, что, рассматривая национальность и смежные с ней вопросы, направленные на изменение постимперского государства и политического пространства, можно выделить несколько векторов и действующих лиц этой трансформации, отказавшись от взгляда, представляющего большевиков демиургами этого постимперского порядка и революционного государства. Серьезное восприятие понятия имперской трансформации также позволяет локализовать 1917 г в сравнительной и мировой перспективе по отношению к другим имперским преобразованиям во время европейского и мирового кризиса, дает возможность проследить распространение идей и политических сценариев за пределами предполагаемых границ внутренней и внешней политики.

Сотникова А.А.

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА М.Ф. ПРАЙСА О 1917 Г. В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям известного британского репортера М.Ф. Прайса, ставшего очевидцем революционных событий в России 1917 г Особое внимание уделено его книге «Мои воспоминания о русской революции» (1921 г.), где автор живо описывает череду революционных событий от Февраля к Октябрю. В статье дается оценка этой книги советской и постсоветской, а также западной историографиях.

Ключевые слова: революция 1917 г. в России, русская революция, М.Ф. Прайс, воспоминания очевидца, британский журналист.

Sotnikova A.A.

MEMOIRS OF BRITISH JOURNALIST M.F. PRICE ABOUT 1917 IN RUSSIA

Abstract. The article is dedicated to the memoirs of the famous British reporter M.F. Price, who witnessed the revolutionary events in Russia in 1917. Particular attention was paid to his book "My Reminiscences of the Russian Revolution" (1921), where the author vividly describes a series of revolutionary events from February to October. The article gives an assessment of this book in the Soviet and post-Soviet, as well as in Western historiographies.

Keywords: revolution of 1917 in Russia, Russian revolution, memories of eyewitness, M.P. Price, British journalist.

Одним из очевидцев революционных событий 1917 г в России был известный британский журналист Морган Филипс Прайс, автор ряда книг, посвященных России. Он родился 29 января 1885 г. на западе Англии. Его отец был землевладельцем, либералом, депутатом парламента Великобритании. Прайс окончил Кембридж, после чего вступил в Либеральную партию. В 1908 г. он впервые посетил север России, а через год побывал в Москве, где встретился с русскими предпринимателями и дал общую оценку экономики России. Она, по его мнению, была крайне несбалансированной, достигающей успеха на внешних рынках сбыта лишь за счет угнетения сельского населения.

С началом Первой мировой войны Прайс был одним из тех, кто активно выступал в парламенте против участия в ней Великобритании. В апреле 1915 г он как военный корреспондент ведущей либеральной газеты «Манчестер Гардиен» был отправлен в Россию.

Незадолго до Февральской революции в Петрограде он находился на Кавказе. Получив в Тифлисе известие о начавшихся волнениях в столице, он поспешил в Москву. «Первое, что мне бросилось в глаза по приезде, – пишет Прайс, – сразу же возле Курского вокзала – это множество митингов на улицах, происходивших неподалеку от Курского вокзала. Это меня поразило: в царской России уличные митинги были делом неслыханным. Все так привыкли к… молчанию, что совершенно не могли себе представить, что можно просто так собраться и дать волю своим чувствам в публичных речах. Но вот, как будто под воздействием своего рода психологической волны, прокатившейся

по поверхности человеческого океана, повсюду люди стали собираться на углах, на площадях, вокруг памятников. Чувство тревоги носилось в воздухе. Царизм пал в результате собственного внутреннего разложения, и все были ошеломлены быстротой его падения. "Почему мы не свалили этого великана гораздо раньше?" – спрашивали, казалось, себя многие. Но отвечать на этот вопрос избегали, потому что легко напрашивалась мысль, что все они были жертвами своего рода трусости. Они дали себя запугать чучелу, которое красовалось в образе двуглавого императорского орла и внушало страх, который мешал им понять, что этот ужасный призрак всего лишь головка репы, а орел состоит из клейстера. Люди не хотели признать себя жертвой старой человеческой слабости, признать, что дали загипнотизировать себя властителям, просто потому, что эти властители умели заставить себя уважать»[1], – написал Прайс в книге, изданной в Лондоне в 1921 г.

Приехав из Москвы в Петроград, Прайс ожидал от Временного правительства прекращения военных действий, но, осознав, что оно поддерживает идею войны до победного конца, обратил свои взоры на большевиков. В сообщениях, отправляемых в редакцию «Манчестер Гардиен», он неоднократно подчеркивал их преимущество в сложившейся ситуации. О В.И. Ленине он писал как о движущей силе партии, о прекрасном тактике и стратеге. Отмечал Прайс и близость большевиков с народом. Отправляя в Англию весть о падении Временного правительства во главе А.Ф. Керенским, он отмечал, что главная причина его поражения заключается в том, что у правительства, как прежде и у Николая II, не было поддержки в народе. Крестьянство поверило большевикам, их обещаниям заключить мир и раздать землю[2].

Несмотря на то, что после Октябрьской революции Прайс не поддержал разгон большевиками Всероссийского Учредительного собрания и гонения на другие политические партии, он, тем не менее, пытался убедить английские промышленные торговые круги установить экономические связи с советским государством.

Будучи корреспондентом революционной газеты «The call», которая стала издаваться в Москве и Лондоне с 1918 г и распространялась среди английских и американских солдат, высадившихся на севере России, он осуждал интервенцию стран Антанты на территорию Советской

[1] *Price M.P.* My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 12.
[2] Ibid. P. 26, 44, 146.

России. За это представители британского правительства пригрозили отдать его под суд по возвращении домой, а главный редактор «Манчестер Гардиен» уволил Прайса. Но все это не лишило его энтузиазма, он активно посещал съезды Советов и ВЦИК, заседания Высшего Совета Народного Хозяйства, записывая речи выступающих.

Уже в 1918 г в Лондоне была издана первая книга Прайса о революционных событиях в России[1], переизданная в 2017 г., что свидетельствует об интересе европейского читателя к его воспоминаниям о революции в России.

В том же 1918 г. в Германии вышла его книга на немецком языке, посвященная интервенции Антанты в России и критике политики британского правительства в отношении нового государства[2]. В 1919 г. Прайс приехал в Германию, где устроился корреспондентом другой британской либеральной газеты – «Дейли Геральд».

В 1921 г. в Лондоне были опубликованы его воспоминания о русской революции, которые Прайс посвятил лидерам и рядовым участникам «британского рабочего движения, с помощью слова, пером и действиями защищавшим советскую республику России от натиска международных держателей акций»[3]. В том же году в Гамбурге вышел ее аналог на немецком языке[4].

В этой книге 24 главы, первые 8 посвящены событиям от Февраля к Октябрю 1917 г., которые, по мнению Прайса, показывали, что социальная революция созрела до того, как большевики пришли к власти. Автор не ставил своей непосредственной задачей защиту революции, но вся тональность книги сближает ее, на наш взгляд, с «10 днями, которые потрясли мир», – книгой известного американского журналиста Дж. Рида, опубликованной в 1919 г. в Нью-Йорке. Они схожи не только мотивом сочувствия русской революции, но и отношением авторов к народу И Рид, и Прайс писали о рабочих и крестьянах как об истинной силе революции, отводя Ленину роль лишь организатора.

Сравнивая русскую революцию с Французской, Прайс, в частности, писал о том, что видел в 1917 г.: «В элегантных книжных магазинах

1 *Price M.P.* War & revolution in Asiatic Russia. London, 1918.

2 *Price M.P.* Die Wahrheit über die Intervention der Alliierten in Rußland: wie die Regierung Englands d. russische Revolutioner drosselt. Leipzig, 1918.

3 *Price M.P.* My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 5.

4 *Price M.P.* Die Russische Revolution. Erinnerungen aus den Jahren 1917–1919. Leipzig, 1921.

на Тверской улице в Москве красовались на витринах книги по истории Французской революции в красных переплетах. В опере играли "Марсельезу", и вся публика, обладатели нумерованных мест и мест в ложах, поднималась при этом. Было ли это только лицемерным притворством русской буржуазии перед лицом идей свободы, равенства и братства? Хотела ли она, чтобы Русская революция кончилась там же, где веком раньше кончилась Французская революция?»[1]. Прайс боялся, что русская интеллигенция сможет задушить руками очередного диктатора те идеалы, к которым взывала революция в народе.

Характеризуя взаимоотношения Керенского и Ленина, Прайс, наблюдая работу Первого Всероссийского съезда Советов, проходившего с 3 по 24 июня 1917 г. в Петрограде, отмечал, что лицо Керенского «покраснело и его голос стал крикливым от возбуждения, когда он, стоя на трибуне, все больше приходил в возбуждение под влиянием собственной речи. "Вы говорите, что боитесь реакции – чуть ли не вскричал он, – и все же вы хотите послать нас по пути Франции 1792 года? Вместо того чтобы настаивать на восстановлении, вы призываете к разрушению. Из полного хаоса, на который вы делаете ставку, поднимется, как феникс из пепла, некий диктатор". Он умолк и медленно прошел вдоль ораторской трибуны, пока не очутился в углу, против того места, где находилась группа, окружавшая Ленина. В зале не было слышно ни шороха, когда мы, затаив дыхание, ждали его следующих слов. "Но я не стану тем диктатором, появлению которого вы пытаетесь помочь", – и с этими словами он повернулся к Ленину спиной»[2].

С большой тщательностью описал Прайс атмосферу Государственного совещания, которое проходило в Москве 12–15 августа 1917 г. Фиксируя основные моменты речи выступающих, журналист уделил особое внимание их жестикуляции, внешнему виду, впечатлению, которое им удалось произвести на публику. Многие высказывания, зафиксированные автором, не вошли в публикацию стенограммы этого совещания в 1930 г.

Прайс оценил русскую революцию как великое событие, гордился тем, что являлся ее свидетелем и современником. В целом эта книга, пропитанная симпатией к Русской революции, натолкнулась на жесткую критику в Великобритании. Впрочем, Прайс и не ожидал другого. В предисловии он отмечал: «Я не рассчитываю на то, что эта книга

[1] *Price M.P.* My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 14.
[2] Ibid. P. 46.

приобретет друзей в тех официальных кругах европейских столиц, которые несут ответственность за вооруженную интервенцию и за блокаду Советской России на протяжении первых трех лет ее существования. Не жду я и того, что она вызовет большое воодушевление у владельцев облигаций прежнего, царского правительства и их образованных лакеев в английской, французской и германской капиталистической печати»[1].

Естественно, что его воспоминания вызвали интерес у советского руководства. Подготовка к русскоязычному изданию затянулась, несмотря на то, что с воспоминаниями Прайса, как ему самому сообщил Л.Б. Красин, являвшийся тогда торговым представителем в Великобритании, был знаком В.И. Ленин.

Тем временем Прайс сделал блестящую политическую карьеру, став в конце 1920-х гг депутатом британского парламента. Под влиянием идей русской революции он активно занимался поиском компромисса между частными интересами предпринимателей и интересами общества.

После окончания Второй мировой войны Прайс неоднократно посещал СССР (в 1945, 1959, 1963, 1966 гг.), что свидетельствует о бесспорной симпатии к нему со стороны советского руководства. Впервые после Октябрьской революции он вернулся в Москву в 1945 г Воспоминания об этой поездке он опубликовал в книге, выпущенной в 1946 г в Лондоне[2]. В 1961 г. в Лондоне вышла другая его книга, которая была написана под впечатлением от поездки в СССР в 1959 г.[3] Во время поездки в СССР в 1966 г он давал интервью таким центральным советским газетам, как «Известия» и «Комсомольская правда». В 1969 г в Лондоне вышла его книга о трех русских революциях[4].

В западной историографии воспоминания Прайса о русской революции считаются «самым ценным» рассказом очевидца о 1917–1918 гг., написанным иностранцем[5]. В СССР же эта книга была почти неизвестна даже историкам.

---

1 Ibid. P. 8.

2 *Price M.P.* Russia, red and white: A record of a visit to Russia after twenty-seven years. London, 1946.

3 *Price M.P.* Russia forty years on: an account of a visit to Russia and Germany in the autumn of 1959; with a chapter of impressions by Mrs E. Price. London, 1961.

4 *Price M.P.* My Three Revolutions. London, 1969.

5 *Smele J.D. The* Russian Revolution and Civil War 1917–1921: An Annotated Bibliography. London; New York, 2003. P. 49.

В Москве в 1973 г. было решено издать перевод его воспоминаний о русской революции. Прайсу было направлено соответствующее письмо. Взволнованный тем, что спустя 52 года его воспоминания о революции будут опубликованы в той стране, где эта революция совершалась, он принялся писать предисловие к русскому изданию, но не успел передать его в редакцию. 23 сентября 1973 г. в Лондоне на 89 году жизни Прайс скончался. Предисловие его дочь отправила известному английскому публицисту, одному из основателей Коммунистической партии Великобритании профессору Лондонского университета Э. Ротштейну, который направил это предисловие в СССР

Перевод воспоминаний Прайса активно готовился с участием ряда известных советских историков. В начале 1970-х гг в его подготовке принял участие Научный совет АН СССР по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Но перевод так и не был опубликован ни в СССР, ни в постсоветской России. Этот перевод сохранился в Научном совете РАН по истории социальных реформ, движений и революций. Отрывки из этого перевода, посвященные событиям 1917 г., будут впервые опубликованы в этом году в Москве. Остается надеяться, что остальные части этого, безусловно, ценного исторического источника будут также изданы. Тем самым исполнится мечта замечательного британского журналиста, очевидца нашей революции Филиппа Моргана Прайса и завершится работа, которую в 70-е гг XX в. начали сотрудники Научного совета Академии наук СССР

Хрипунов А.С.

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СКЛАДЫВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы дореволюционной России в области образования в начале прошлого столетия. Наиболее острой среди них была элементарная неграмотность населения, к началу XX в. охватывавшая более двух третей жителей империи. Именно это в определенной степени тормозило развитие

российской экономики, сдерживало рост ее производительных сил в промышленности и в остававшемся на тот момент лидирующей отраслью – сельском хозяйстве. Также откровенно русификаторская политика царского правительства в школьном деле обостряла и без того сложные межнациональные и межконфессиональные отношения, способствовала дезинтеграции государства, в значительной степени предопределила отпадение от него многочисленных окраин. Эти и некоторые другие факты свидетельствуют о системности и очевидной важности образовательного вопроса, торможение решения которого в совокупности с другими взаимосвязанными факторами способствовало обострению социально-экономических противоречий. Также анализируются основные модели решения образовательного вопроса, отраженные в программных документах ведущих политических партий того периода, каждая из которых обладала своей уникальной образовательной доктриной.

Ключевые слова: Россия начала XX века, народное образование, политические партии, Государственная Дума.

Khripunov A.S.

THE PROBLEMS OF PUBLIC EDUCATION AS A FACTOR IN THE FOLDING OF A REVOLUTIONARY SITUATION AND HOW THEY ARE REFLECTED IN PROGRAM DOCUMENTS OF LEADING POLITICAL PARTIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. The article deals with the main problems of pre-revolutionary Russia in the field of education at the beginning of XX century are considered. The considerable illiteracy of the population by the beginning of the XX century, more than two thirds of all population of the empire, was the sharpest. It in a certain degree slowed down development of the Russian economy, contained growth of its productive forces in the industry and in the leading branch remaining at that time – agriculture. Also frankly russifier policy of the imperial government

in school question aggravated already difficult international and interfaith relations, promoted disintegration of the state, substantially predetermined falling away from it numerous regions. These and some other facts testify to systematicity and obvious importance of an educational question which braking of the decision in total with others, but the interconnected factors promoted an aggravation of the social and economic problems. Also the main models of the solution of an educational question reflected in program documents of the leading political parties of that period are analyzed, each of which possessed the unique educational doctrine.

Keywords: Russia of the beginning of the XX century, public education, political parties, State Duma.

Двадцатое столетие поставило перед Россией ряд важнейших задач, отсутствие адекватных путей решения которых, недостаточное внимание со стороны правящих кругов и различного рода полумеры, грозили стране серьезным социальным взрывом. Одной из таких проблем было народное образование. Удивительным образом оно объединяло в себе целый ряд наиболее острых вопросов России начала XX в. – демографических, социально-экономических, политических, национальных и конфессиональных.

Острый кризис отечественной системы просвещения стал особенно очевиден еще в 1890-е гг. Так, по мнению американского исследователя Б. Эклофа, первым серьезным сигналом о назревших проблемах в этой сфере стал голод 1890–1891 гг.[1] Тяжелые демографические и гуманитарные последствия голода стали следствием необразованности большей части крестьянства, которое, не имея необходимых знаний и навыков, не смогло справиться с последствиями этой катастрофы, а усилий органов местного самоуправления и администрации оказалось недостаточно.

В первую очередь отреагировали земства. Следует отметить, что занимались они практически исключительно крестьянским начальным образованием – устройством школ, наймом учителей, содержанием зданий, закупкой инвентаря и учебников. В общем и целом на эти нужды в тридцати четырех земских губерниях расходы на обучение выросли за 1890-е гг. с приблизительно 15–17% (средний показатель) до 23–25% по отношению ко всем земским тратам. В ряде случаев,

[1] *Eklof B.* Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley, 1990. P. 100.

уездные земства тратили более трети всех своих средств на образование[1]. Правительственные же расходы в этой сфере остались в целом неизменны в соотношении к общему бюджету (в среднем за период 2–2,4%), однако, выросли в абсолютных значениях – с 23 млн рублей в 1890 г. до 33 млн в 1900 г.[2]

Для правительственных кругов проблема стала очевидной уже после всеобщей переписи населения 1897 г., согласно которой, элементарной грамотностью (т.е. умением читать и писать) обладали всего 21,1% населения империи. При этом уровень грамотности сильно варьировался в зависимости от половозрастной и региональной принадлежности населения. Так, например, сам Николай II в рескрипте на имя будущего министра народного просвещения П.С. Ванновского в марте 1901 г. особенно отмечал, что в России существует живая необходимость коренного преобразования школьного дела с учетом основных начал русской жизни и потребностей времени[3]. Решение проблем просвещения, и в первую очередь начального, должно было стать ключевым фактором в усилении процесса модернизации России, а также ослабления социальных противоречий, необходимого для эволюционного развития страны.

Однако наиболее активные дискуссии вокруг проблемы просвещения начались в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Учреждение Государственной Думы и общая демократизация политической жизни страны способствовали этим процессам, дали надежду на совместную работу общественности и правительства. Активной стороной здесь была общественность, которая в стенах российского парламента обозначила новые проблемные участки. Так, например, указывалось, что отсутствие образования, плохое его положение и устройство являются хорошей почвой для развития революционной и социалистической агитации, подрывающей основы государства и существующего социального строя. В этом же ключе указывалось, что малограмотность является серьезной угрозой не только для внутренних

1 *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 1. СПб., 1909. С. 720–722.

2 Министерство финансов Российской империи. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1890 год. СПб., 1890. С. 17; Министерство финансов Российской империи. Общая государственная роспись доходов и расходов на 1900 год. СПб., 1900. С. 13.

3 *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 125.

врагов, но и для внешних. В частности, отмечалось, что результатом пагубной ситуации в системе отечественного просвещения стало поражение России в Русско-японской войне[1].

Наиболее всего в рамках работы Думы для широкой общественности были обнажены национальные аспекты образовательной проблемы. Они поднимались при рассмотрении двух законопроектов: «Об отпуске 6,9 млн рублей на нужды начального образования», который обсуждался осенью 1907 – весной 1908 гг и стал, по мнению доминирующей в третьей Думе фракции октябристов, первым шагом на пути к введению всеобщего начального обучения и «Положения о начальных училищах», которое активно разбиралось в течение 1910 г и было призвано регламентировать все аспекты работы единой начальной школы в России. Самым острым был вопрос языка, а именно – обеспечения права преподавания на родном языке в национальных окраинах России[2]. Чаще всего эта проблема поднималась представителями польских, прибалтийских и закавказских губерний. Крайне тяжело обстояли дела с еврейскими школами и вообще еврейским населением, которое подвергалась особенно сильной дискриминации на всех образовательных ступенях – начальной, средней и высшей. Об этом красноречиво сообщал представитель кадетской фракции, депутат от Ковенской губернии Н.М. Фридман.

С новой силой разгорелся давний спор о соотношении светского и религиозного образования в России. Значительная часть начальных школ, в том числе, и самых элементарных одногодичных школ грамотности находились в ведении Святейшего Синода. В то же время, по мнению В.К. фон Анрепа – члена ЦК октябристской партии и председателя думской комиссии по народному образованию в 1907–1912 гг., в России должно быть введено единообразие школьной системы, причем исключительно в пользу просветительского министерства и местных органов самоуправления[3]. Это положение вызвало острую критику со стороны правых и националистов, а также в среде самой фракции октябристов.

1 Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 458–464.

2 Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 1156; 1139 и др.

3 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х тт. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. Т. 2. М., 2000. С. 25.

Таким образом, видно, что проблема образования носила крайне важный системный и комплексный характер. Причем по преимуществу это были вопросы, связанные с начальной школой, т.е. наиболее важным, с педагогической и воспитательной точек зрения, временем обучения, когда закладываются основы нравственного становления личности.

Обратимся к тому, как эта проблема отражалась в программах наиболее влиятельных дореволюционных партий. Таковыми мы считаем те, которые занимали доминирующее положение в III и IV Государственной думах, могли оказывать реальное влияние на ход принятия тех или иных решений в образовательной сфере. Это, прежде всего, партии право-монархической ориентации (СРН, РМН, ВНС и др.) и либеральные (кадеты и октябристы).

Так, правые партии настаивали на исключительном праве русских занимать педагогические должности в школах, использовать русский язык как единственно возможный язык преподавания[1]. Эти положения отражали дискриминационную политику по отношению к нерусским народностям. Особое место в образовательной программе СРН уделяется православной церкви: все начальное обучение должно находиться «исключительно в ведении церковно-приходских общин, под руководством епархиальной власти и наблюдением министерства народного просвещения»[2]. Также СРН выступал за всеобщее обучение. Это требование повторялось и в избирательных платформах СРН перед выборами в Думу[3].

Интересным является пункт о необходимости распространения среди народных масс прикладных знаний, который присутствовал в программе ВНС. Он очень живо обсуждался в рамках работы Государственной Думы при обсуждении проектов «О введении всеобщего начального обучения в России» (1907 г.) и «Положения о начальных училищах» (1910 г.). Данное программное требование отражает общее мнение всех политических сил о необходимости усиления роста российской экономики, особенно в сельском хозяйстве, товарность

[1] Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 443–444.

[2] Там же.

[3] Правые партии, 1905–1917. Документы и материалы. В 2 тт. 1905–1910 гг. Т. 1. М., 1998. С. 42.

которого, хоть и увеличивалась от года к году, но производительность труда по-прежнему серьезно уступала ведущим западным странам. Важность развития прикладных знаний, главным образом, сельскохозяйственных и ремесленных, отмечалась и в платформах СРН[1].

Таковы в общем и целом программные положения партий правой ориентации в сфере начального образования. Они отражают лишь наиболее общий вектор политики этих партий. Программные пункты носят декларативный характер и отражают приверженность традиционной школе.

Обратимся к партиям либеральной ориентации. В первую очередь следует отметить Союз 17 октября. По их мнению, нужды образования должны быть выдвинуты на первый план в законотворческой деятельности российского парламента[2]. По мнению октябристов, именно скорейшее решение проблемы всеобщего начально обучения должно стать прочным фундаментом укрепления институциональных основ правового государства и стимулировать развитие в России гражданского общества[3].

В остальном положения их программы в области начального образования сводятся к следующему: скорейшее достижение всеобщего начального обучения, предоставление широкой свободы частной и общественной инициативе в деле открытия школ, пересмотр образовательных программ с целью достижения их большей ориентации на практику.

Вопросам образования посвящена значительная часть кадетской программы. Основные ее пункты в целом схожи с положениями партии октябристов: достижение всеобщего бесплатного обучения, свобода частной и общественной инициативы и т.д. Однако в некоторых пунктах программы кадеты уходят гораздо левее. Так, они прямо предлагают передать все образование в сферу ведения местного самоуправления. Кроме того, положение о всеобщности обучения дополняется требованием его обязательности.

1 Там же.

2 Полное собрание подробных программ существующих русских политических партий. Вильна, 1906. С. 51.

3 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х тт. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915 гг. Т. 2. М., 2000. С. 108–110.

Другим важным пунктом кадетской программы было предоставление права национальным меньшинствам на обязательное начальное образование на родном языке[1].

Таким образом, очевидно, что проблема образования в дореволюционный период имела сложный комплексный характер, что подтверждается наличием различных моделей переустройства русской школы у представителей разных политических течений, а разрешение проблемы являлось наиболее важным вопросом в рамках работы III Государственной Думы. Фракционная борьба привела к провалу многих прогрессивных идей, что в конечном счете, стало одной из весомых предпосылок революционного взрыва.

Список сокращений

ВНС – Всероссийский национальный союз

РМН – Русская монархическая партия

СРН – Союз русского народа

Анисков А.С.

КАЛУЖСКИЙ ГАРНИЗОН В 1917 Г.

Аннотация. В статье предпринята попытка оценить роль гарнизона в революционных событиях 1917 г в Калужской губернии. Изучается кадровый и социальный состав гарнизона, порядок комплектования и пополнения, численность и размещение военных частей, политическая принадлежность лидеров Совета солдатских депутатов, динамика изменения настроений среди военных, проблема дезертирства из частей гарнизона, роль гарнизона в расстановке политических сил в городе. По перечисленным критериям Калужский гарнизон сравнивается с другими запасными военными частями Западного фронта, что позволяет выявить ряд важных особенностей для гарнизона г Калуги и его роли в развитии революционных событий в 1917 г Отмечаются факторы, благодаря которым стала возможна постепенная большевизация солдатской секции Совета. Освещаются политические настроения офицеров и нижних чинов

[1] Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 328.

в ходе нарастания революционного кризиса, а также отношение солдатской массы к Первой мировой войне. Делается попытка оценить роль солдатской массы в ходе противоборства при разгоне Совета солдатских депутатов г Калуги и выявить причины столь легкого поражения Совета.

Ключевые слова: политизация армии, тыловой гарнизон, революция 1917 г., Совет солдатских депутатов, Временное правительство, разгон солдатского Совета, установление советской власти.

Aniskov A.S.

GARRISON OF KALUGA IN 1917

Abstract. In this article the author tries to evaluate the role of the garrison in the revolutionary events of 1917 in Kaluga province. The questions under study are the following: professional and social structure of the garrison, the rules of recruiting, the number and placement of military units, political affiliations of leaders of the Council of Soldierly Deputies, dynamic changes in militaries' attitudes, the problem of desertion from the garrison's units, the role of the garrison in the alignment of political forces in the town. According to the above mentioned criteria, the Kaluga garrison is compared with other reserve units of the western front that enables us to reveal a number of important features of the garrison in Kaluga and its role in the course of revolutionary events in 1917. We present the factors that made possible the gradual bolshevization of the soldier's section of the Council. The article also highlights the political beliefs of officers and lower ranks in the course of the rise of the revolutionary crisis and the attitude of soldiers to World War I. The author tried to assess the role of soldiers in the confrontation during the dispersal of the Council of Soldierly Deputies in Kaluga and to identify the causes of such an easy defeat of the Council.

Keywords: politicization of the army, support garrison, Russian Revolution of 1917, the Council of Soldierly Deputies, Russian Provisional Government, crackdown of the Soldierly Council, establishment of the Soviet power.

Калуга по соображениям военно-стратегического характера и благодаря своему географическому положению в период Первой мировой войны была одной из основных тыловых баз Западного фронта.

В 1917 г. в Калуге дислоцировалась 26-я пехотная запасная бригада, которая включала в себя Штаб бригады, 286, 288, 301 и 302 пехотные запасные полки, две запасные пулеметные роты, две учебные команды для связи и Бобруйский артиллерийский склад. Из них Штаб бригады, бригадные команды для связи и 286 полк расположились в казармах и зданиях г. Калуги, а остальные части, основная часть гарнизона, – на окраине, в барачном городке[1].

Численность гарнизона к 1 марта 1917 г. составляла 692 офицера[2] и 30322 нижних чинов[3], что являлось третьей частью всех запасных частей Западного фронта[4].

Большая численность военных в Калуге с общим гражданским населением в 50 тыс. человек придавала губернскому центру особый вид полувоенного городка[5]. Таким образом, гарнизон являлся крупной военно-политической силой, которая оказывала большое влияние на общественно-экономический, культурный и административный облик провинциального города.

Нарастающие проблемы действующей армии (растущий удельный вес призывников дополнительных призывов и солдат старше 40 лет, антивоенная и революционная пропаганда, дезертирство, подмена кадрового офицерства кадрами ускоренной подготовки, омоложение командного состава, сокращение процента дворян среди офицеров, дефицит вооружений и т.п.) не могли не затронуть и Калужский гарнизон, который, тем не менее, в годы Первой мировой войны выполнял возложенные на него функции, обеспечивая мобилизационную готовность, обучение, расквартирование и концентрацию войск, а также их ротацию.

Гарнизон восторженно встретил весть о революции и с первых ее дней активно участвовал в политической жизни города, в том числе, и в массовых манифестациях. В ночь на 3 марта бал образован Военно-распорядительный комитет, который избрал на должности

---

1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2060. Оп. 1. Д. 51. Л. 156.

2 Там же. Д. 124. Л. 124.

3 Там же. Д. 51. Л. 157.

4 Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 134. Л. 511об. Численность всех шести запасных бригад Западного фронта составляла ок. 68 тыс. солдат.

5 Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1917 год. Калуга, 1916. С. 249.

начальника гарнизона популярного среди солдат подполковника Калинина[1]. Военный комитет ставил задачи укрепления новой власти, охраны общественного порядка в городе и поддержания воинского духа в войсках гарнизона как обязательных условий победы над врагом. Военный комитет выступал за войну до полной победы[2]. На военном собрании 18 марта было решено организовать Совет офицерских и солдатских депутатов. В апреле гарнизонный Совет объединился с Советом рабочих депутатов, что стало следующим шагом в формировании революционных органов власти в Калуге.

Начавшаяся демократизация в армии после Февральской революции (Приказ № 1 и Декларация прав солдата) оказала сильное влияние на боеспособность тыловых частей. Калужский гарнизон, некогда боеспособная резервная часть русской армии, под влиянием в основном внутренних проблем, связанных с революционной анархией, затронувшей как солдат, так и младших офицеров, весной – в начале лета 1917 г постепенно терял свои боевые качества. Необходимость с первых дней марта выполнять функции полиции способствовала быстрой политизации солдат

Гарнизон сразу получил статус самого неблагополучного из всех запасных частей Западного фронта. По количеству дезертиров он занимал 1 место (4380 человек, ок. 30%) среди всех шести запасных бригад Западного фронта, а в деле отправки на фронт маршевых рот занимал только 4 место[3].

Почувствовавшие свободу солдаты стали небрежно отдавать честь, что заметил начальник гарнизона, подполковник Калинин[4]. В свою очередь, старшие офицеры сохранили традицию приветствия нижних чинов, а молодые офицеры весьма небрежно приветствовали солдат[5]. Имели место случаи неисполнения солдатами приказов офицеров, продажа солдатами населению предметов солдатского обмундирования, снаряжения, обуви и теплых вещей[6]. В Калужских клубах происходили

---

1 Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999. С. 57.

2 Там же. С. 81.

3 РГВИА. Ф. 2060. Оп.1. Д. 124. Л. 419.

4 Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 1337. Оп. 2. Д. 6. Л. 52.

5 Там же. Ф. Р–109. Оп. 2. Д. 4. Л. 81об.

6 Там же. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 6. Л. 522; Ф. 1337. Оп. 1. Д. 16. Л. 305.

азартные игры в карты, в которой принимали участие и воинские чины, причем были случаи крупных проигрышей офицерами Калужского гарнизона[1].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о разложении Калужского гарнизона, что было следствием, в том числе, и агитационной работы Калужской фракции большевиков в солдатской массе.

Для регулярного проведения агитационно-массовой и культурно-просветительной работы большевики Калуги организовали 13 мая 1917 г. клуб «Рассвет». В протоколе I Калужской губернской конференции РСДРП(б) 16 июля отмечалось, что в клубе принимало участие до 1,5 тыс. членов, большей частью солдат[2]. Ячейки клуба в частях гарнизона явились основной организационной формой политической работы среди солдат. С этого момента начинает быстро расти и постепенно становится преобладающим большевистское влияние в гарнизоне. 23 июля солдаты приняли участие в выборах в Городскую Думу, и только за счет их голосов фракция большевиков получила 7 мест[3].

Рост влияния большевиков среди солдат гарнизона позволил уже в начале августа развернуть агитацию за переизбрание Совета. Под давлением солдатских масс президиум Совета вынужден был 13 августа 1917 г. подать в отставку[4]. Это была серьезная победа большевиков. Влияние большевиков в гарнизоне стало, еще до разгрома корниловщины преобладающим. Во время перевыборов Совета солдатских депутатов, состоявшихся 20–21 сентября большевики получили 90% голосов избирателей. В исполнительный комитет Совета были избраны 15 человек, все – большевики. В результате «реальная власть» в городе фактически принадлежала не губернскому комиссару как носителю власти Временного правительства в губернии, а Совету солдатских депутатов, который опирался на политически активный гарнизон[5].

---

1 Там же. Д. 16. Л. 373.

2 Установление советской власти в Калужской губернии: Документы и материалы: март 1917 – июль 1918 г. / Под ред. К.А. Поленкова. Калуга, 1957. С. 61.

3 Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999.С. 220.

4 Установление советской власти в Калужской губернии: Документы и материалы: март 1917 – июль 1918 г. / Под ред. *К.А. Поленкова*. Калуга, 1957.С. 111–117.

5 ГАКО. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 3. Л. 263.

Осенью 1917 г. Совет солдатских депутатов противопоставил себя губернскому и военному руководству, игнорируя распоряжения местных и центральных властей. В этих условиях калужские власти обратились к Временному правительству и командованию Минского военного округа с просьбой выслать «надежные» войска для восстановления порядка в городе[1]. Присланный «карательный» 17-й Нижегородский Драгунский полк 19 октября разогнал Совет и арестовал его руководителей. Гарнизон предпринял попытку сопротивления, но не смог противостоять более организованным силам.

События в Калуге стали предметом обсуждения в Исполкомах Совета Москвы и Петрограда. Московская газета «Социал-демократ» 22 октября поместила о калужских событиях статью «Громят Советы», в которой призывала солдат, рабочих и крестьян к бдительности[2].

К причинам поражения Совета солдатских депутатов следует отнести следующие факторы: плохая организационная работа для отпора «карательному отряду» со стороны большевиков; нехватка военной техники в гарнизоне; нехватка энергичных руководителей в рядах военных, особенно после ареста популярного среди солдат начальника гарнизона подполковника Калинина.

По изученным материалам можно сделать вывод, что гарнизон занимал центральное место в политической жизни губернского города в 1917 г. Политизации гарнизона способствовало неуклонное падение авторитета власти Временного правительства, представители которого не были способны решить возникавшие перед ними задачи. На волне протестных настроений, под лозунгом незавершенности революции слабостью власти воспользовались большевики, нашедшие поддержку в солдатских массах. Опора на гарнизон позволила большевикам быстро набирать политический вес в губернии. Особенности «калужского варианта» развития событий были обусловлены сочетанием двух факторов: близостью Москвы и малочисленностью представителей рабочих профессий, что вынуждало местные большевистские силы искать поддержку в солдатской среде.

---

1 Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году / Под ред. В.Я. Филимонова. Калуга, 1999. С. 300.

2 Социал-демократ. 1917. 22 октября.

Кондорский Б.М.

ПРЕДПОСЫЛКИ И УРОКИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Революции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. Выделены три основные группы стран, в зависимости от характера протекания РП. Показаны основные факторы и процессы, характерные для русских революций в рамках РП в XX в. Дан анализ современной ситуации и прогноз желательного развития России в пределах мирового геополитического пространства.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, история России в XX в., геополитическое пространство, столыпинские реформы.

Condorskiy B.M.

THE ASSUMPTIONS AND LESSONS OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS

Abstract. Revolutions in one country make up a revolution period (hereinafter – an RP) an integral system that has its own laws. Specific revolutions are just evidence of these processes. Depending on the time of the RP and its nature the countries are divided into three main groups. The main factors and processes typical for the RP in the XXth century have been stated in the article. The analysis of a modern situation and an estimate of a desirable Russia's development within the bounds of geopolitical and geoeconomical space have been provided in the article.

Keywords: February Revolution, October Revolution, Stolypin reforms, geopolitical space, Russia in the XXth century.

Исторический процесс носит системный характер. Это относится и к так называемым буржуазным революциям, а точнее – революциям Нового времени. Анализ показывает, что в основе каждого этапа социальной эволюции лежал определенный тип революций, который

формировал потенциал дальнейшего развития[1]. В человеческой истории можно выделить следующие революции и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени.

Революции Нового времени происходили (проявляли себя) в форме революционного периода (РП) как системы, имеющей свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как процессы в рамках РП. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, США, Францию, т.е. государства, где РП начался ранее всего. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – учреждением Третьей республики, в США – окончанием Гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности, в Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии (СВГ) РП начался в середине XIX в. и закончился после Второй мировой войны. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах – РП ограничился рамками XX в.[2] Т.е. основной единицей классификации здесь являются не отдельные революции, а РП в каждой отдельной стране. Получается нечто похожее на таблицу Менделеева.

СТГ имели особенности, которые заметно отличали их от СПГ и СВГ. В СТГ отсутствовал потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Что и имело место в России, Китае, Турции. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под непосредственным руководством государства. Здесь отсутствовал капитализм как система. Был

[1] *Кондорский Б.М.* Революции в истории человечества // Революции как предмет научной и философской рефлексии: материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1. Н. Новгород: Изд. НГМА, 2016. С. 67–72.

[2] *Кондорский Б.М.* Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всероссийского конгресса политологов. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 289–290.

лишь уклад, который не имел потенциала развития. Отсюда – экономическая и политическая слабость буржуазии, финансовая зависимость экономики от более развитых СПГ и СВГ.

Россия была типичной СТГ. Бурное развитие промышленности в начале XX в. носило временный характер, к тому же связанный с активным вмешательством государства в лице С.Ю. Витте. Для формирования и развития капиталистической системы необходима критическая масса (объем) капитала. Однако капитал всех индустриальных и торговых компаний России соответствовал капиталу всего лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшн»[1]. К тому же доля России в общемировой задолженности составляла 31%[2]. Иностранные компании, обосновавшиеся в России, были частью своей капиталистической системы и действовали, в первую очередь, на пользу родного государства.

Россия, как и другие СТГ, была крестьянской страной. В начале XX в. крестьянство превращается в самостоятельную политическую силу. Еще в 1902 г. наблюдался широкий размах крестьянских волнений[3], который усилился во время революции и носил характер погромов помещичьих усадеб. Причем погромы, в большинстве случаев, носили организованный характер. Им предшествовали сходы, на которых утверждались приговоры. Это нельзя назвать разбоем. Крестьянские выступления во время революции 1905–1907 гг. были упорядочены и не похожи на разгул ненависти и вандализма в период Гражданской войны[4].

Столыпинские реформы так и не смогли решить основные проблемы в крестьянской среде, так же как и в других сферах государства. Попытки разрушения крестьянской общины так и не побудили инстинкта частной собственности. Кулаки, ментально ничем не отличавшиеся от крестьян-общинников, были далеки от французских крестьян-буржуа, которых мы видим в фильме «Соломенная шляпка».

Абстрактность замысла столыпинской реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди, плохо знавшие русскую деревню[5]. В итоге политика Столыпина – по разным причинам –

1 *Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. С. 19.

2 *Завалько Г.А.* Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005. С. 172.

3 *Шацилло К.Ф.* 1905-й год. М.: Наука, 1980. С. 18.

4 *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь Мир, 1997. С. 61.

5 *Зырянов П.Н.* Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. С. 25.

не смогла устроить ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя[1].

В этом отношении просматривается сходство с Францией в предреволюционный период. Разумные попытки реформ, предпринятые Тюрго при Людовике XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внутренней и внешней политике, правящий режим просто не знает, что ему делать. Его действия носят судорожный характер. Наступает паралич власти.

Революция 1905 г. развеяла иллюзии в отношении «доброго батюшки царя» в лице Николая II и у рабочих, и у крестьян. Указ 3 июня 1907 г., окончательно превративший Думу из законодательного органа в совещательный, испортил отношения власти и с либералами. На парламентаризме в России был поставлен крест. Начался необратимый процесс отчуждения верховной власти. Николай стал превращаться в глазах русского общества в «инородное тело». К тому же революция показала инертность и слабость русской буржуазии, ее антиреволюционность[2].

Высшее руководство страны проявило свою полную беспомощность и во время войны. Наблюдалась разобщенность армейского и гражданского руководства, не умевших, а часто не желавших, искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между Ставкой и Советом министров[3].

Еще при Николае I начался процесс корпоратизации высшей бюрократии, когда внутренние интересы начали явно превалировать над внешними. Все это привело ее к полному отчуждению от народа (в широком смысле этого слова). Трагедия реформаторов заключалась в том, что, будучи органической частью этой корпорации, они должны были подчиняться в своей деятельности ее законам. В конечном итоге правящая бюрократия в предреволюционный период стала быстро деградировать – за короткий срок от Витте и Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева по кличке «мертвая голова».

Процесс корпоратизации затронул, в той или иной степени, общественно-политические организации, которые, за исключением большевиков, превратились в партии «в себе» и «для себя». Особенно это было характерно для конституционных демократов.

---

1 *Тютюкин С. В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. С. 135.

2 Там же. С. 7.

3 *Оськин М.В.* История Первой мировой войны. М.: ИД Вече, 2014. С. 359.

Элита отвечает за поддержание социально-политического пространства государства. Ее деградация означает разрушение этого пространства, что способствует тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошел революционный процесс.

Следует обратить внимание, что Февральская революция была полной неожиданностью не только для властей и буржуазии[1], но и для революционных партий, включая большевиков[2].

Став носителем государственной власти, депутаты Думы пребывали в ими же придуманном пространстве. Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер[3]. Очень точно определил период правления Временного правительства В.С. Завойко (из окружения Корнилова) как эпоху сверхпомпадурства[4]. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. «Февральская революция не явила миру новых Дантонов и, тем более, Робеспьеров»[5].

Несмотря на то, что после июльских событий большевики подверглись преследованиям, руководству партии удалось не только за три месяца восстановить полное доминирование в Советах, но и в конечном итоге взять власть в свои руки. Переломным моментом стала организация большевиками отпора корниловской контрреволюции. Тысячи агитаторов распропагандировали войска, выступившие против революции[6]. Сила большевиков заключалась не в призывах к социализму, представления о котором оставались у народа еще крайне туманными, а в ряде конкретных действий по доведению до конца демократической революции, что нашло выражение в радикальном решении вопросов о мире и земле[7].

В СТГ РП закончился в 1990-е гг. Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем,

---

1 *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 422.

2 *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. С. 158.

3 *Оськин М.В.* Указ. соч. С. 33.

4 *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М.: Наука, 1997. С. 114.

5 *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 60.

6 *Старцев В.И.* Крах керенщины. Л.: Наука, 1982. С. 39.

7 Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008. С. 155.

гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой страны.

В России РП пришелся в основном на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон, от которого никуда не денешься. К тому же данный архетип невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В России доморощенные либералы попытались в 90-е гг построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Кстати, относительная легкость перехода к исходному состоянию в Польше, Чехословакии, Венгрии была обусловлена тем, что архетипический «фундамент», сформировавшийся здесь с окончанием Второй мировой войны, носил «буржуазный» характер.

Если бы не был изменен либеральный курс, Россия имела бы то, что сейчас происходит на Украине. Здесь «советский» архетип был полностью проигнорирован и образовавшийся «вакуум» стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности, вследствие попыток консолидации общества на основе поиска внутреннего и внешнего врага[1].

По существу, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. произошло воспроизведение «февральской» ситуации. С одной стороны, роковую роль сыграла корпоратизация партии и отрыв бюрократической системы от народа. А с другой, – и там и там попытка «демократизации» общества на основе опыта западных стран (СПГ и СВГ) привела к развалу государства. Здесь надо иметь в виду, что политик должен следовать, подчиняться законам политической системы. Керенский, будучи блестящим адвокатом, оказался бездарным политиком, также как и остальные члены Временного правительства, ухитрившиеся

[1] *Кондорский Б.М.* Теоретический взгляд на события конца XX – начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»: материалы Международной конференции. Краснодар: Куб. ГУ, 2015. С. 382–390.

за полгода полностью растерять весь кредит доверия со стороны народных масс. Горбачев в этом плане ушел недалеко от этих господ, что сыграло не последнюю роль в развале Союза.

Несколько иным путем пошел Китай. И важную роль здесь сыграла Культурная революция, направленная против носителей либерального сознания (в первую очередь в партии). Любая «перестройка» горбачевского типа здесь привела к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом нынешней ситуации на Украине, носили более чем разумный характер[1].

Рассматривая нынешнюю мировую ситуацию, нужно иметь в виду очень важную закономерность, характерную для РП. Государство становится субъектом геополитического пространства только после окончания РП. В интересной ситуации оказался СССР. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что СТГ, став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине и Ближнем Востоке следует рассматривать именно в этом разрезе.

Как уже говорилось выше, СТГ имеют свою специфику функционирования политической и экономической систем. В рамках мировой системы западного типа они «чувствуют» себя инородными телами. Это касается и Китая, который уже исчерпал весь потенциал промышленного и торгового придатка западных стран. Это касается и России, которой нужно уже окончательно расстаться с различного рода либеральными иллюзиями. Необходимо создание СТГ своего пространства – экономического, финансового, политического. Тем более, что из мирового экономического кризиса 2007–2008 гг. не было сделано каких-либо серьезных выводов со всеми вытекающими в ближайшем будущем последствиями.

---

[1] *Кондорский Б.М.* Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 163.

Касаточкин Д.Р.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В БУРЯТИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1917–1918 ГГ.

Аннотация. Статья рассматривает национальное движение самого многочисленного коренного этноса Сибири – бурятов. Всплеск этого движения пришелся на один из самых противоречивых и трудных периодов русской истории – Революцию и Гражданскую войну. События русской Революции вывели бурятское национальное движение на новый уровень. Начавшаяся вскоре Гражданская война перевела вектор национального государственного самоопределения от стремлений к автономии в сторону создания собственного национального панмонгольского государства, которое должно было объединить все «народы монгольского корня».

Ключевые слова: Гражданская война, Великая российская революция, буряты, Забайкалье, атаман Семенов.

Kasatochkin D.R.

POLITICAL EXPECTATIONS AND POLITICAL REALITY IN BURYATIA IN THE PERIOD OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION AND IN THE INITIAL PHASE OF THE CIVIL WAR. 1917–1918

Abstract. This article examines the national movement of the most numerous aboriginal ethnos of Siberia – Buryats. The splash of this movement fell on one of the most controversial and difficult periods of Russian history – the Revolution and the Civil War. The events of the Russian Revolution brought the Buryat national movement to a new level. The Civil War, which began soon, changed the vector of national state self-determination from aspirations for autonomy to the creation

of its own national pan-Mongolian state, which was supposed to unite all the ethnoses of the Mongolian root.

Keywords: Civil war, Great Russian revolution, Buryats, Transbaikalia, Ataman Semenoff.

Буряты, самый многочисленный коренной этнос Сибири, составляли на начало XX в. около 332 тыс. человек. Единая национальная административная территория отсутствовала, проживали довольно компактно, на небольшой территории Иркутской губернии (17% от населения) и Забайкальской области (23% от населения). Основным занятием было традиционное кочевое скотоводство. Уровень грамотности не превышал 10%.

Всплеск бурятского национального движения, произошедший в начале XX в., был обусловлен следующими факторами: растущим национальным самосознанием бурят вследствие отсутствии прав и возможности национального самоопределения; разрушением патриархально-феодальной замкнутости и развивающимися капиталистическими отношениями[1]; недовольством бурят введением новых земельных и административных законов в начала века[2]; революционными событиями 1905 г.; национальной революцией 1911 г во Внешней Монголии[3].

Значительная часть земель, населенная бурятами, относилась к кабинетским землям[4]. В 1900-х гг эти земли использовали для пополнения колонизационного фонда, не считаясь с потребностями и интересами коренного населения. Впоследствии колонизационный фонд

---

1 *Курас Л.В.* Национальное и аграрное движение бурят в начале XX века // Власть. № 4. 2011.

2 «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» от 5 июня 1900 г. и «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г.

3 В результате событий 1911 г., Внешняя Монголия обрела фактическую независимость.

4 Кабинетские земли собственность царской фамилии, находившаяся в управлении Кабинета его императорск. величеств. Были сосредоточены на Алтае, в Забайкалье, в Польше. В Сибири кабинетские земли занимали 67,8 млн. га. На них возникли рудники по добыче серебра, свинца, меди, золота, заводы по выплавке железа, чугуна, стали. К кабинетским землям было приписано ок. 70 тыс. ревизских душ, ссыльно-каторжан, наемных рабочих. С 1861 г. администрация переходит к усиленной эксплуатации лесов, сдаче земель в аренду. С 1865 г. было разрешено переселение на кабинетские земли, и к 1907 г. вселилось до 1 млн крестьян.

пополнялся также «отрезками землепользования инородцев», так называемыми излишками.

Еще большее недовольство вызвала административно-территориальная реформа: упразднялось национальное самоуправление бурят Вместо Степных дум, вводились волости. Степная дума – историческая административно-хозяйственная единица в Российской империи, введенная еще Сперанским в начале XIX в. Во главе Степной думы стоял местный родовитый тайчжи, дума вела учет численности населения, ведала сборами, вела учет общественных средств и имуществ, защищала интересы кочевников перед высшим начальством.

Эти же реформы ударяли по самому укладу жизни кочевника, по сути переводя его на оседлый образ жизни и отменяли национальное самоуправление, так как волость подчинялась волостному старшине. Государь отвечал недовольным ходокам-бурятам, что «этот закон, закрепляющий оседлый строй жизни бурят взамен кочевого, ставшего несовместимым с экономическими интересами прочего населения Сибири, вызван государственным ростом Русской державы и отмене не подлежит»[1]. Примерно с 1903 г. начинаются недовольства бурят и неповиновения властям, обострившиеся в связи с событиями 1905 г.

С этими нерешенными проблемами (отсутствие прав на национальное самоопределение, нехватка земель, упраздненное национальное самоуправление, отсутствие единой национальной территориальной единицы) был встречен 1917 г

Важно отметить, что у бурят имелась пусть узкая, но авторитетная и европейски образованная интеллигентская прослойка национально-демократического толка. Ученые, врачи, агрономы, общественные деятели: Жамцарано, Ринчино, Богданов, Цыбиков, Барадийн, Цыбыктаров, Бадмажапов. Именно они и будут играть активнейшую роль в бурятском национальном движении.

Уже 6 марта 1917 г. в Чите[2] было созвано «частное совещание бурят-монгольских общественных деятелей». Всего их было три. По итогам было принято следующее: поддержка завоеваний революции

[1] Национальный архив республики Бурятия (НАРБ). Ф. 129 Оп. 1 Д. 4386. Лл. 44–44об.

[2] В это же время в Петрограде был созван Бурятско-Калмыцкий комитет. В целом он имел почти те же цели и претендовал на руководящую роль в национальном движении. Однако видимо сказалась удаленность от основной массы населения какой-либо особой роли он не сыграл.

и Временного правительства; пропаганда созыва Учредительного собрания; подготовка к созыву Национального Общебурятского съезда; создание национальной автономии, образование координирующего органа.

Весной прошел ряд аймачных съездов, где были выбраны делегаты на Общебурятский съезд. Он прошел 23–25 апреля в Чите. С этого момента начала формироваться Бурятская национальная автономия. Административное самоуправление должно было строиться по схеме: Сомон (село) – Хошун (волость) – Аймак (уезд) – Бурятская Национальная Дума. Также был поднят вопрос о единой территории.

Эти требования не нашли поддержки органов Временного правительства. Так, на Восточно-Сибирском Краевом съезде разгорелась борьба за бурятскую автономию и национальное самоуправление. Съезд признавал право бурят лишь на национальное культурно-просветительское самоопределение.

10–15 июня в Гусиноозерском дацане прошел 2-й Бурятский съезд. В центре внимания был религиозный вопрос. Согласно постановлениям съезда, религия определялась личным делом каждого, а дацаны играли роль культурных, просветительских, образовательных центров.

3-й съезд прошел 8–15 октября 1917 г. в Верхнеудинске. На нем был принят Статут о временных органах по управлению делами бурят и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии, согласно которому, бурятские органы местного самоуправления должны быть полностью отделены от каких бы то ни было русских земств. Также был создан координирующий орган – Центральный Бурятский национальный комитет (Бурнацком). Не обошлось и без аграрного вопроса, прежде всего, рассматривались жалобы самочинных захватов русскими бурятских земель. Также стоит отметить любопытный эпизод, как правило, остающийся незамеченным, но при этом определивший судьбу Забайкалья на ближайшие несколько лет: 3-м бурятским съездом была дана санкция есаулу Г.М. Семенову на формирование Монголо-Бурятского полка. Полк этот спустя несколько месяцев будет развернут в Особый Маньчжурский отряд (ОМО), который начнет бороться с большевиками в Забайкалье.

Когда отзвук залпа Авроры долетел до даурских степей, в конце декабря 1917 г прошел очередной Общебурятский съезд. На нем было принято решение держаться примирительной политики и Советов не признавать.

Тем не менее, вскоре бурятским национальным лидерам стало ясно, что не считаться с такой силой нельзя. С установлением большевистской власти в Забайкалье (14 февраля 1918 г в Чите произошел большевистский переворот) Бурнацком попытался продолжить держаться независимого положения и настаивать на автономии, однако, отсутствие какой-либо вооруженной опоры не дало возможность реализовать задуманное. На местах хошунные и аймачные управы разгонялись большевиками. Хотели опереться на казаков-бурятов, вернувшихся с фронта с оружием, но они оказались не опорой, а скорее угрозой порядка.

С каждым днем обострялись земельные конфликты: в баргузинском районе русские сельские общины требовали до половины земель, принадлежащих бурятам. В ответ аймачная управа приняла решение при необходимости оказывать русским вооруженный отпор. Создавалась хошунная милиция. Однако какую-либо боеспособную силу она не представляла.

Перед бурятскими национальными лидерами вставали две основные проблемы: отсутствие национальной вооруженной силы и взаимоотношения с Советами. Последнюю решили следующим образом: 24 марта – 5 апреля 1918 г. в Чите проходил III-й съезд представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкалья. Представители Бурнацкома, понимая, что голосование о признании бурятского национального самоуправления будет проиграно, поставили ультиматум. В случае, если съезд не признает бурятского самоуправления, Бурнацком объявит Советы враждебной для бурят организацией. Момент был выбран очень удачно: на юго-востоке Забайкалья наступал ОМО атамана Семенова. Не желая обострения отношений с бурятами, съезд принял ультиматум. В итоге бурятское самоуправление было условно признано Советами, а Советы, в свою очередь, условно признали Бурнацком. Также путем дипломатии бурятам удалось уклониться от мобилизации. Буряты, желающие поддержать Советы оружием, могли делать это добровольно.

Более успешно сложились отношения бурятских националистов с «белыми». В ходе удачного наступления ОМО, под контролем Г.М. Семенова оказалась часть Южного Забайкалья. По мере продвижения отряда вглубь региона и увеличения подконтрольной ему территории, создалась необходимость в ее управлении. Для этого Г.М. Семеновым было образовано временное правительство Забайкальской

области[1]. При правительстве предполагалось наличие представителей от бурятского населения.

Был создан при гражданской части временного правительства Забайкальской области свой национальный бурятский отдел. Его членами стали Ц.-Е. Цыдыпов, Н. Дылыков и Н. Дамдинов. Это был неформальный орган: так, после реквизиций семеновцев в бурятский отдел были направлены жалобы местного населения. Немедленно были приняты меры, и реквизиции практически прекратились[2].

Летом 1918 г., когда семеновцы были вытеснены на китайскую территорию, с поездом временного правительства Забайкальской области отступил и бурятский отдел. Хотя связь его с хошунами и сохранилась, но влияние заметно снизилось. Ситуация изменилась только при очередном наступлении ОМО.

В ходе Гражданской войны противоборствующие стороны активизировали свои усилия по привлечению на свою сторону инородного населения. Буряты, естественно, не стали исключением. Имевшие место бесчинства большевистских отрядов, а затем перехват инициативы «белыми», отчасти склонили чашу весов в пользу последних. Это выразилось в сочувствии бурятов по отношению к отряду есаула Г.М. Семенова. В ОМО отношение к бурятам было лучше, нежели в среде красногвардейцев. Забайкальские казаки и бойцы ОМО относились к бурятам, как правило, терпимо и уважительно. Красные оказались менее толерантными[3]: «Среди бойцов Лазо в ходу был лозунг “Грабь тварей!”, то есть бурят. К тем из них, кто сражался на стороне красных, относились презрительно: “Как я встану рядом с ясашным?”»[4]. Случаи раздачи земельных участков бурят русским крестьянам не могли не вызывать негодования и ответной реакции со стороны бурят

[1] В лице самого Г.М. Семенова, взявшего на себя роль председателя и руководителя по военным вопросам, И.Ф. Шильникова, возглавлявшего военно-административную и мобилизационную часть и С. А. Таскина, отвечавшего за гражданское управление освобожденными территориями.

[2] Г.М. Семеновым было приказано: «… без ведома бурятского отдела ничего не реквизировать, – что на самом деле было выполнено». *Базаров Б.В.* Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ, 2002. С. 17.

[3] *Ринчино Э.-Д.Р.* Доклад о деятельности Бурнацкома на Общебурятском съезде в г. Верхнеудинске 21 ноября 1918 г // Документы, стати, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 160–171.

[4] *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010. С. 117.

С установлением власти атамана Г.М. Семенова в Забайкалье, бурятский отдел в ноябре 1918 г слился с Бурнацкомом, образовав Народную думу бурят Восточной Сибири (Бурнардуму). Несмотря на довольно сложные отношения Бурнардумы с Семеновым, буряты пошли на сотрудничество с атаманом. Лидеры национального бурятского движения понимали, что «Бурятский народ будет раздавлен между двумя жерновами [Гражданской войны – *Д.К.*], если не будет использовано (пусть лицемерное) заигрывание атамана Семенова с бурятами и монголами, а также сепаратистские уклоны Семенова от правительства Колчака»[1]. Бурятских националистов больше устраивала его независимая позиция, чем Омск со своей «единой и неделимой Россией», кроме того, их привлекала прояпонская ориентация Семенова, более того, при помощи Семенова начала решаться проблема создания собственной национальной боеспособной вооруженной силы. Уже весной 1919 г появилась Бурятская конная бригада в составе Азиатской конной дивизии. Было создано два трехсотенных Бурятских конных полка. Комплектовались они по мобилизации и на добровольной основе. Наконец, главной точкой соприкосновения стали идеи панмонголизма. Именно этот путь развития бурятского государственного строительства избрали для себя национальные лидеры. Вариант независимости в составе панмонгольского государства «народов монгольского корня» устраивал их более любых автономий в составе Российского государства, положение которого на данном этапе было крайне неустойчивым, а будущее виделось довольно туманным. В результате 25 февраля 1919 г. на панмонгольской конференции в Даурии бурятские национальные лидеры поддержали создание панмонгольского государства «Великая Монголия».

Подводя итог, можно отметить, что буряты сочувственно встретили февральскую революцию 1917 г.; сразу приступили к созданию национального самоуправления и автономии; на начальном этапе Гражданской войны старались занять позицию невмешательства, при этом добились взаимопризнания с Советами и с белым региональным правительством атамана Семенова; при помощи атамана Семенова создали собственные вооруженные силы; приняли панмонгольский курс развития национального государства.

[1] *Ринчино Э.-Д.Р.* Указ. соч. С. 137

Марченкова Н.П.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В ОЦЕНКАХ ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье представлен критический анализ февральских и октябрьских революционных событий 1917 г., данный непосредственными участниками революционного процесса – лидерами левых эсеров, которые тесно сотрудничали с большевиками. Особое внимание уделяется рассмотрению основных идеалов и разочарований в результатах российской революции, появившихся в эмигрантской публицистике и периодике левых эсеров 1920-х гг. Эти материалы содержат интересные источники переосмысления самими революционерами практических шагов революции и ее конкретных результатов, непримиримых противоречий между привлекательными идеалами и порочными методами их реализации. Поднимаются проблемы революционного насилия, нравственной ответственности участников революции за судьбы страны и ее народа, актуальности великого и трагического опыта советских преобразований для последующих поколений.

Ключевые слова: революция, левые эсеры, левоэсеровская эмиграция, методы борьбы, публицистка, уроки революции, моральная ответственность.

Marchenkova N. P.

THE REVOLUTION OF 1917 IN THE ESTIMATES OF THE LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARY EMIGRATION

Abstract. The article presents a critical analysis of the February and October revolutionary events of 1917, given by the direct participants in the revolutionary process – the leaders of the Left Socialist-Revolutionaries, who worked closely with the Bolsheviks. Particular attention is paid to the consideration of the main ideals and disappointments in the results of the Russian revolution, contained in emigre journalism and periodicals of the left-ezers of the 1920s. These materials contain interesting sources of rethinking by the revolutionaries

themselves of the practical steps of the revolution and its concrete results, the irreconcilable contradictions between attractive ideals and vicious methods of their realization. The problems of revolutionary violence, the moral responsibility of the participants in the revolution for the fate of the country and its people, the relevance of the great and tragic experience of Soviet transformations for subsequent generations are rising.

Keywords: revolution, the left socialist revolutionaries, left socialist-revolutionary emigration, the methods of struggle, the publicist, the lessons of the revolution, a moral responsibility.

Российская революция 1917 г., включая ее февральский и октябрьский периоды, была наиболее ярким и драматичным явлением отечественной истории и наиболее мифологизированным как в отечественной историографии, так и в общественном сознании. Революционные события в России 100-летней давности продолжают в настоящее время привлекать внимание историков и общественности, но еще не приблизили наших современников к их разгадке и глубокому осмыслению. До сих пор не приходят к взаимопониманию две крайние позиции в оценке революции 1917 г., которые раскалывают и дезориентируют современную общественность: для одних она продолжает оставаться позорной и разрушительной, для других – великой и созидательной.

Обилие самых разнообразных, а порой диаметрально противоположных публикаций – как источников, так и исследований по проблемам отечественной революции – свидетельствуют об их остроте, востребованности и неисчерпаемости, требующей постоянного осмысления под разными углами зрения. Они со всей очевидностью доказывают, что Великая российская революция 1917 г являлась сложным и противоречивым историческим явлением, которое несло на себе, как и любая революция, печать созидания и разрушения, национальной славы и позора, в котором одновременно переплетались социальный и духовный подъем народа с нравственными деформациями.

Привлечение новых малоизученных источников, особенно связанных с теми политическими партиями и деятелями, которые стояли у истоков революционного опыта и делали попытку его критического анализа, помогут нашим современникам лучше понять анатомию и физиологию революции. К сожалению, до сих пор в исторической литературе при освещении революционных событий используются преимущественно большевистские источники, а также документы их

политических противников – монархистов, кадетов, меньшевиков, правых эсеров. И практически остаются невостребованными оценки и суждения временных политических союзников большевиков в октябрьских событиях 1917 г., и в частности, партии левых эсеров, у которых была массовая поддержка среди крестьянства.

Одна из причин невнимания к этому течению революционной демократии состоит в том, что сегодня у нас довольно непопулярны деятели, которые связали свою судьбу с революцией и сотрудничали с большевиками. В общественном мнении формируется демонологическое и резко негативное отношение к словам «революционный демократ», «революционер», ко всякой революции вообще и к любому революционеру в частности. Вторая причина связана с неоднозначностью оценок самой левоэсеровской партии и ее лидеров, кратковременностью существования этой партии, труднодоступностью целого ряда источников, поскольку большинство членов этой партии были репрессированы в 1920–1930-е гг., и лишь очень ограниченная часть левых эсеров эмигрировала за границу, оставив там воспоминания и размышления о первых результатах революционного эксперимента в России по горячим следам событий.

Нам представляется весьма полезным в современных условиях осмысление российской левоэсеровской эмиграцией трагического опыта русской революции «как опыта всемирного», ее оценки и прогнозы относительно цели и результатов революции. Во многом левоэсеровские представления о революции довольно оригинальны и отличаются как от большевистских, так и от оппозиционных большевикам идеологов, как справа, так и слева. Голос левоэсеровской эмиграции прорывался с большим трудом сквозь толщу непонимания и даже презрения, особенно со стороны соотечественников, оказавшихся за рубежом, а также и со стороны западных социалистов. Об этом с сожалением признавались сами левоэсеровские лидеры в журнале «Знамя», издававшемся в 20-е гг в Берлине: «Партия левых с.-р. мало или плохо известна заграницей, среди европейских социалистов. До сих пор вся великая историческая эпопея – российская социальная революция – ошибочно отождествлялась только с большевизмом… На Западе знают либо одних большевиков, как единственных носителей социальной революции, либо правых социалистов (меньшевиков и правых с.-р.), как противников ее. Такое представление – большая ошибка в понимании

перспектив социальной революции вообще, российской же революции в особенности»[1].

Причины подобного неприятия можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, левоэсеровская эмиграция была довольно скромной и малочисленной и не имела столь ярких идеологов, какие были у значительной по численности и авторитету российской монархической, либерально-демократической и эсеро-меньшевистской эмиграции. Во-вторых, сказывалась определенная неприязнь в среде известных эмигрантских лидеров к самой партии левых эсеров, так или иначе причастной к октябрьскому перевороту и политике большевиков, к эскалации насилия и Гражданской войне в России. Не случайно эсер А. Керенский в эмигрантской газете «Последние новости», выходящей под редакцией П. Милюкова, характеризовал левых эсеров, как «тройных предателей – Родины, революции, партии»[2].

На левых эсерах, которым удалось эмигрировать из большевистской России, оставалась печать «большевистских прихвостней», «пособников большевистского террора», и им довольно трудно было адаптироваться в эмигрантской среде и добиться того, чтобы их голос был услышан и понят мыслящей интеллигенцией. А сказать им было о чем, поскольку левоэсеровская эмиграция давала взгляд на события, которые потрясли мир, не стороннего наблюдателя, а недавнего их участника, взгляд изнутри с анализом, статистикой, фактами, выводами, не скрывающими их политическую страстность и душевную боль.

Левоэсеровская эмиграция заявила о себе лишь в начале 1920-х гг., когда усилились репрессии правящей большевистской партии против оппозиционных политических сил. Резолюция XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 г. «Об антисоветских партиях и течениях» указывала на необходимость «применения репрессий» в отношении политической оппозиции[3]. Легальная деятельность левых эсеров стала практически невозможной, особенно после процесса над партией эсеров летом 1922 г. Организационный распад партии левых эсеров окончательно произошел в конце 1922 г.: одна часть ушла к большевикам, другая находилась либо в глубоком подполье, либо в тюрьмах и ссылках, третья в эмиграции. Ядром левоэсеровской эмиграции стали

1 Знамя. Берлин. 1921. № 2 (август). С. 47.

2 Последние новости. Париж. 1922. 28 февраля. С. 2.

3 КПСС в резолюциях и решениях… Т. 2. М., 1970. С. 395.

легалисты (умеренное крыло левых эсеров), отвергавшее идею террора против большевистского режима (И.З. Штейнберг, А.А. Шрейдер, И.Ю. Баккал, Я.Т. Богачев и др.). Их эмиграция по существу продлила политическую, литературную и просветительскую деятельность партии левых эсеров, в то время как в России эта деятельность сошла на нет уже к концу 1923 г. Среди левоэсеровской эмиграции было немало интеллигенции, имеющей высокий образовательный уровень и определенный опыт практической работы в первые годы Советской власти в руководстве партийными и советскими органами. Поэтому в эмиграции они сумели наладить контакты с оппозиционными социалистическими организациями, создали «Международное информационное бюро» и прилагали усилия к тому, чтобы быть по меньшей мере услышанными западноевропейской общественностью, «чтобы европейские революционеры внимательно изучили нашу российскую распрю»[1]. В 20-е гг в Берлине выходили журналы левоэсеровской эмиграции «Знамя» и «Знамя борьбы», в которых была отражена их идейно-политическая платформа[2].

Наиболее интересные материалы, в которых обобщен опыт русской революции, ее трагические уроки содержатся в воспоминаниях и исследованиях бывших левоэсеровских наркомов и членов ВЦИК Советов, опубликованных в эмиграции. Среди них такие аналитические публикации, как И.З. Штейнберг «От Февраля по Октябрь 1917 года» (Берлин, 1919); «Нравственный лик революции» (1922); «Когда я был наркомом. Эпизоды русской Октябрьской революции» (1929); А.А. Шрейдер «Республика Советов» (1920); Б. Камков «Органический недуг республики Советов» (1920); «Кремль за решеткой. Подпольная Россия». Сборник воспоминаний (1922); «Пути Октябрьской революции». Сборник материалов и воспоминаний (1923) и др.

Левые эсеры, в отличие от своих правых соратников по партии, несмотря на революционный романтизм, были все же более прозорливыми и чуткими к народным нуждам, они отчетливо понимали, что октябрьская революция не была «случайным капризом истории» или «злой волей» большевиков. Левоэсеровские идеологи постоянно подчеркивали тесную связь Февраля и Октября 1917 г. С большим запазданием

---

1 Знамя. Берлин. 1921. №2 (август). С. 50.

2 Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 217, 224.

и правые социалисты стали отмечать, что увлеченные собственной фразеологией, они потеряли массы, «ибо если за меньшевиками и эсерами были бы массы, Октябрьской революции не было бы»[1]. «Октябрь был вызван ошибками марта… Революция – это всегда великая трагедия, в которой и героем, и жертвой часто является сам народ», – признавался бывший левоэсеровский нарком юстиции И. Штейнберг, подчеркивая высокую цену революции, которую за преступные ошибки власти платит, прежде всего, простой народ, вовлеченный в водоворот революционных событий[2].

Признавая неизбежность российской революции, ее объективный, перманентный характер от февраля к октябрю 1917 г., ее почвенность как гигантского массового социального процесса, левоэсеровские лидеры в эмигрантских изданиях все отчетливее выражали свое разочарование в ее конкретных шагах и результатах, болезненно усваивали печальный вывод о том, что **трагедия каждой революции в расставании с ее же идеалами**. Так, в своем эмигрантском журнале «Знамя» они признаются, что у партии левых эсеров «в огне гонений», ценой собственных потерь, жертв и политических разочарований «все больше растет дар критического анализа, и многое из того, что считалось каноном в эпоху дореволюционную или раннюю эпоху октябрьской революции, представляется в новом и поучительном свете, …по иному, чем большевистский шаблон»[3]. В чем суть такого переосмысления к началу 1920-х гг.?

Критически оценивая итоги революции в эмигрантской публицистике, в пылу полемики с оппонентами левые эсеры задают проблемные вопросы, сравнивая цели революции с ее результатами. Такое впечатление, что эти проблемно-риторические вопросы не потеряли своей остроты и через десятилетия обращены не только к некоторым нашим современным политикам, но и ко всем мыслящим соотечественникам, которых волнуют уроки нашего недалекого прошлого. Приведем некоторые фрагменты важнейших вопросов, поставленных левоэсеровской эмиграцией, сокрушавшейся по поводу революционной практики в России, чтобы передать ее колорит, гротескный и противоречивый характер.

---

1 Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1021. Л. 16.

2 *Штейнберг И.З.* От Февраля по Октябрь 1917. Берлин, 1923. С. 127, 128.

3 Знамя. Берлин. 1921. № 2. С. 48.

1. «Зачем было объявлять землю достоянием всех трудящихся, когда не было возможности справедливо ее распределить, когда она разделена и расхвачена как попало, когда она не дает и половины прежних сборов?».
2. «Зачем было торжественно объявлять о власти рабочих и крестьян, когда рабочие бегут и от работы и от власти – в деревню, к хлебу, из зачумленных вымирающих городов, от ужаса террора, от диктатуры лиц, от самовластия групп?».
3. «Зачем было прикрываться заманчивой вывеской Советской Рабоче-Крестьянской Власти, когда фактически правит кучка…? Какой толк рабочим и крестьянам, что власть называется советской "рабоче-крестьянской", когда в итоге – нищие города, разрушающиеся деревни, смерть, голод, произвол?».
4. «Зачем пролито столько крови, зачем погублено столько жизней, зачем разрушено столько богатств – не все ли равно рабочему Керенский или Ленин, Советы или "Учредилка", контрразведка или "чрезвычайка"? Не обманули ли народ те, кто в ноябре 1917 г вел их на бой с мещанским социализмом, с запутавшимся и растерявшимся, безликим и бессильным правительством Керенского, те, кто обещал вывести Россию на широкую дорогу социального переустройства?...»[1].

Левоэсеровские лидеры в эмиграции задавали себе главный вопрос: «Не ошиблись ли мы, … не было ли безумием и преступлением начинать глубинную борьбу за социализм, за свободный труд..?». И отвечая на все страшные «зачем», приходили к выводу о том, что «не сами идеи были виноваты,… не то, во имя чего мы вели рабочих – дурно или невыполнимо и невозможно, а дурно то, ***как*** это проводилось в жизнь…, при ***каких*** условиях, в ***какой*** ужасающей, безумной атмосфере войны – внутренней и внешней… ***Нужно не лозунги и задачи наши изменить, а методы борьбы, способы их осуществления…***»[2].

Таким образом, весь огонь критики левых эсеров был направлен не против самой идеи советской системы, а на «борьбу с большевистскими методами и приемами управления, исказившими лицо Советской власти»[3]. Они, прежде всего, осуждали курс большевиков на изоляцию

---

1 Знамя. Берлин. 1921. № 1 (июнь). С. 1–2.

2 Там же. С. 2.

3 Там же. С. 2–3.

и преследование других советских партий, в результате которого партия большевиков «стала единодержавной и диктаторствующей, тем самым открыв путь для бюрократизма, центризма и терроризма»[1].

В связи с этим три основные проблемы особенно остро поднимались в левоэсеровской публицистике в начале 1920-х гг.:

1) **проблема ненасилия**, «отрицательное отношение к массовому террору как системе управления и осуществления социализма»;
2) и тесно связанная с ней **проблема** возрождения **Советской власти**, как власти народа, а не над народом, которая подверглась деформации, лишается «массовых творческих начал «снизу», переходит к администрированию, «комиссародержавию», управлению «сверху», подавлению народной инициативы»;
3) **проблема нравственности политика, «личной моральной ответственности»** за каждый свой политический шаг в революции[2].

Все эти проблемы для левых эсеров были тесно взаимосвязаны и составляли живую и весьма чувствительную ткань революционного созидания, а не разрушения. Не имея возможности в одной статье рассмотреть отдельно каждую из поставленных проблем, остановимся на последней, которая является наиболее уязвимой в политической полемике и менее освещенной в нашей литературе.

Как свидетельствуют источники, не все активные участники революции обременяли себя заботой о моральной стороне своей деятельности. Однако нужно отдать должное левоэсеровским идеологам, которые постоянно поднимали в печати, в выступлениях во ВЦИК, СНК, на своих съездах нравственные проблемы революционной политики, призывали и большевиков прежде всего ценить «нравственную энергию в революции»[3]. Среди всех активных участников революционного процесса именно левоэсеровские лидеры чаще всего поднимали проблему не только социальной, но и нравственной цены революции. Среди них, как в период сотрудничества с большевиками, так и в период подполья и эмиграции, сильнее всех звучал голос профессионального юриста левого эсера И.З. Штейнберга в защиту нравственных аспектов

---

1 Знамя. Берлин. 1921. № 2 (август). С. 48.

2 Там же. С. 50.

3 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 564. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 11.

революции, осуждая тех революционных политиков, которым «вино власти ударило в голову», которые общечеловеческую мораль подменяли классовой, и мифической революционной целью оправдывали безнравственные, порочные средства[1].

Находясь в эмиграции и обобщая опыт революции, ее трагические уроки И. Штейнберг попытался раскрыть основную «болезнь революции» и многих революционеров, состоящую в попрании общечеловеческой морали, в оправдании террора, который «день за днем убивает душу народа». А ***революция***, по его мнению, ***может победить только «как массовое и сознательное, морально-чистое движение»***[2].

И. Штейнберг, являясь председателем Заграничной организации партии левых социалистов-революционеров и Союза эсеров-максималистов, в своих многочисленных эмигрантских публикациях в журнале «Знамя борьбы», в сборнике «Пути революции» не уставал подчеркивать, что там, где творится беззаконие и самосуд, искажается «нравственный лик революции», она показывает свое звериное лицо, которое все более отталкивает массы и ведет к прямому ***«политическому хулиганству»***. Опираясь на знания и опыт юриста, он приходит в начале 1920-х гг к горькому выводу о безнравственности такой политики правящей партии большевиков и тех левых эсеров, которые тоже были к этому причастны, когда насилием хотели «осчастливить народ», и возлагает на них прямую моральную ответственность за развязывание в стране политического террора, за преступную политику, которая заботилась не о благе народа в целом, а руководствовалась стремлением к власти, желанием править и повелевать, рассматривая государственную власть как средство достижения своекорыстных личных или узкопартийных интересов[3].

Анализируя работу Совнаркома и зная изнутри складывающиеся в ходе революции особенности советского госаппарата, И. Штейнберг с сожалением констатировал: «Наши Сов. органы развращаются все больше и с каждым днем. Вино власти так ударило в голову, что мы почти не умеем с ним справиться… Создается впечатление, что за деньги все можно сделать, что никогда партийные синекуры и кумовство не были так сильны, как теперь, что создается особая совет-

---

1 РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 187; Знамя. Берлин. 1921. № 2. С. 50.

2 *Штейнберг И.З.* Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 25.

3 Знамя. Берлин. 1921. № 2. С. 48–49.

ская, я бы сказал, преторианская бюрократия. Советское дело делается не народными массами, а специально поставленными людьми, которые превращаются в профессионалов власти… Все дело в том, что Советская республика еще не родилась, что до сих пор она заменяется диктатурой даже не пролетариата, а верхушек его отдельных партий и лиц»[1]. Надо ли пояснять насколько актуальны и сегодня эти выводы и оценки.

Несомненный интерес для понимания уроков Октябрьской революции представляют следующие размышления и альтернативные левоэсеровские рекомендации, выстраданные опытом русской революции: «Там, где сами массы активно и добровольно участвуют в социальном творчестве, …там нет нужды учреждать беспрерывно действующие трибуналы, чрезвычайные комиссии, смертные казни и все виды физического и духовного насилия. Для того нового, морально-чистого строя, к которому стремится социализм, для расцвета и возрождения человека, которое составляет душу социализма, насилие вообще представляет собой величайшую опасность. Поколение, выросшее в атмосфере сплошной крови и озлобленности, не в состоянии будет дальше развивать и углублять социалистические основы жизни. Уже в переходном периоде должно искать и развивать все возможности и пути для роста солидарности, братских чувств, жалости к побежденному врагу, уважение к человеку, как таковому… Борьба классов и учреждений не должна вырождаться в истребление людей и вековых наследий гуманизма»[2].

Бывший нарком юстиции в большевистском правительстве И.З. Штейнберг, один из немногих левоэсеровских идеологов, который попытался понять механизмы превращения революции в свою противоположность, ведущие к ее гибели. Не без горечи он писал: «Все эти социальные, политические и административные формы диктатуры над трудящимися медленно, но верно убивают массовое, т.е. личное творчество, а значит, и самую революцию»[3].

Эти выводы о метаморфозах русской революции с поразительной точностью перекликаются с выводами другого активного участника революционных событий, правого эсера П. Сорокина, ставшего в дальнейшем выдающимся социологом, пронзительно раскрывшим анатомию и физиологию социальных переворотов в своем первом

---

1 РГАСПИ. Ф. 564. Он. 1. Ед.хр. 1. Л. 187.

2 Знамя. Берлин. 1921. № 2. С. 50.

3 *Штейнберг И.З.* Нравственный лик революции. С. 302, 303.

фундаментальном труде «Социология революции» (Прага, 1923 г.). Анализируя деформации поведения людей в революции, деформации рефлексов собственности, совести, власти и т.п., П. Сорокин выявляет разительное расхождение между идеалами и лозунгами революции, их реальными результатами и плодами, которые позднее назовет «законом социального иллюзионизма». В работе подробно показано, как война и революция «разбудили в человеке зверя» и вывели на арену истории, где столкнулись «наряду с благородным, мудрым, созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, а, следовательно, и созидательную душу революции»[1].

Подобные критические размышления о революции, переоценка ценностей самих революционеров, их драматические судьбы для нас, современников, должны явиться хорошей прививкой от революционного фанатизма. Их голос, а порой и крик, прорывается к нам из глубины многих десятилетий и нуждается не только в том, чтобы быть услышанным, но и в понимании, сострадании, уважении к революционным романтикам, к тому великому, горькому и трагическому опыту, наследниками которого мы все являемся, уроки которого имеем возможность учитывать уже в нашу эпоху социальной ломки и больших перемен.

Сыпченко А.В.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ

Аннотация. В статье на основе анализа широкого комплекса источников (архивных документов, периодической печати, мемуарной литературы) раскрыто отношение народных социалистов к российской революции не только как ее непосредственных участников, но и как первых исследователей, способствовавших становлению историографии проблемы и закрепивших целый пласт подходов к изучению революции. Доказано, что народные социалисты признавали закономерность Февральской революции, ее огромное значение для демократизации России. Октябрь 1917 г. они характеризовали как большевистский переворот, положивший начало новой эпохи,

[1] *Сорокин П.А.* Социология революции. М., РОССПЭН, 2005. С. 6, 37–164.

не связанной с основными идеями революции 1917 г. (то есть Февраля) и прервавшей развитие России по демократическому пути.

Ключевые слова: российская революция, народные социалисты, Февральская революция, Октябрьский переворот, большевистский мятеж.

Sypchenko A.V.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 YEAR IN THE INTERPRETATION OF THE PEOPLE'S SOCIALISTS

Abstarct. In the article on the basis of the analysis of a wide range of sources (archival documents, periodicals, memoirs) disclosed relevant folk Socialists to the Russian Revolution as not only its immediate members, but also as the first researchers contributing to the formation of the historiography of the problem and which created a whole layer of approaches to the study of revolution. It is proved that the people's Socialists recognize the pattern of the February revolution, its great importance for democratization of Russia. October 1917 year they described as Bolshevik coup, heralding the beginning of a new era, not related to the basic ideas of the revolution of 1917 year (February) and interrupt development of Russia on a democratic path.

Keywords: the Russian Revolution, the people's Socialists, the February revolution, the October coup, the Bolshevik revolt.

Народные социалисты (энесы, члены Трудовой народно-социалистической партии – ТНСП) являлись известными общественными и политическими деятелями России, авторитет и профессионализм которых способствовали их представительству во многих органах государственного и общественного управления, созданных в ходе российской революции. Летом 1917 г. ТНСП становится правительственной партией, получив места во Временном правительстве. В мае-августе 1917 г. энесы занимали ключевые посты в коалиционном Временном правительстве: в министерстве продовольствия (министр – А.В. Пешехонов, товарищи министра – В.И. Анисимов и А.А. Титов) и в министерстве юстиции (министр – П.Н. Переверзев, товарищ министра – А.С. Зарудный, с июля 1917 г. – министр А.С. Зарудный, товарищ министра –

А.А. Демьянов)[1]. В связи с этим, они лучше, чем многие другие деятели, знали реальное положение дел в стране. Были среди энесов и профессиональные историки (С.П. Мельгунов, В.А. Мякотин, А.Ф. Изюмов), которые позднее, в эмиграции, осуществили системный анализ событий 1917 г., собрав по крупицам и введя в научный оборот огромный комплекс источников. Мельгунов и Изюмов сыграли важную роль в создании Русского заграничного исторического архива в Праге, который стал центром хранения важнейших документов по истории российской революции, в немалой степени способствуя ее изучению[2]. Поэтому интерпретация народными социалистами российской революции представляет интерес не только как свидетельство непосредственных ее участников, но и как первых исследователей, способствовавших становлению историографии проблемы и закрепивших целый пласт подходов к изучению революции. Многие из них были приняты зарубежной историографией, а в 90-е гг XX в. – и российскими историками, определив широкий спектр спорных проблем современной исторической науки.

Народные социалисты восторженно встретили Февральскую революцию. Они признавали закономерность революции, доказывая ее обусловленность глубокими противоречиями российского общества[3]. Стихийность Февральских событий лишь подтверждает их революционный характер, по мнению энесов, так как революция всегда стихийна, ее никто не устраивает, никакая партия или организация[4]. Энесы отмечали необыкновенную легкость, с которой народу удалось одержать победу[5]. Эту легкость они объясняли широким составом политических сил, участвующих в революции. В связи с этим энесы характеризовали

1 *Сыпченко А.В.* Предисловие // Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Сост. А.В.Сыпченко, К.Н.Морозов. М., РОССПЭН. 2003. С. 5–57.

2 *Сыпченко А.В.* Объективной истории революции Вы вообще указать мне не сможете. Письма С.П. Мельгунова к А.Ф. Изюмову // Исторический архив. 2007. № 4. С. 189–217.

3 *Петрищев А.* Внутренняя летопись // Русские записки. Пг., 1916. № 12. С. 211; *Пешехонов А.В.* Политический кризис// Там же. № 11. С. 238–251.

4 *Мякотин В.А.* На распутье // На чужой стороне. Берлин, 1923. № 1. С. 199; *Пешехонов А.В.* Первые недели (из воспоминаний о революции) // Там же. № 1; *Пешехонова А.Ф.* Былое // РГБ. ОР. Ф. 225. Картон 1. Д. 64. Л. 33–34.

5 Митинг народно-социалистической партии // Власть народа. Пг., 1917. № 6. 4 мая.

революцию по движущим силам как «всесословную», «общенародную». Они выступали против характеристики революции как «пролетарской»[1]. По целям и задачам энесы характеризовали революцию не как «буржуазную», а как «социальную», «политическую», «демократическую»[2]. По их мнению, революция пошла намного дальше, чем первоначально ожидалось, перевыполнив задачи буржуазной революции. Для демократизации страны, полагали энесы, революция тоже сделала намного больше, чем любая до этого буржуазная революция. Именно поэтому, предостерегали энесы, существует опасность перерастания революционного движения в крайние левые формы. Такая опасность, по их мнению, исходила от Советов[3].

ТНСП выступала за государственно-правовые формы преобразования, за конституирование новых органов власти через Учредительное собрание. После Февральской революции она решительно высказалась за установление в России демократической республики. Однако энесы считали, что республика должна быть «парламентарной», а не «советской». Являясь государственниками, они не признавали своеобразия созданной в ходе революции политической ситуации в виде двоевластия. Энесы отмечали опасность сохранения двоевластия, так как оно ослабляло законную власть и могло дезорганизовать государственную и хозяйственную жизнь страны. Поэтому они решительно выступали против двоевластия, отрицая сам его принцип и настаивая на необходимости передачи всей полноты власти Временному правительству За Советами, полагали они, может быть закреплена лишь функция «общественного контроля над революционным правительством»[4].

Энесы всегда осуждали теорию и практику большевизма. Однако первоначально они, как и большинство общественно-политических деятелей, не считали большевиков серьезной политической силой. Весной 1917 г., до возвращения Ленина из эмиграции, энесы относились

---

1 *Мякотин В.А.* Революция и ее ближайшие задачи. М., 1917. С. 3–5; Стенографический отчет заседания членов Государственной думы первого, второго, третьего и четвертого созывов. Пг, 1917. С. 17.

2 *Каррик В.В.* Война и революция. Дневник 1916–1917 гг. // Голос минувшего. М., 1918. № 7–9. С. 75

3 Воззвание Организационного комитета народно-социалистической партии // Бюллетени Организационного комитета партии народных социалистов. Пг, 1917. № 1. С. 3.

4 Там же; *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 430.

к РСДРП как к партии «количественно незначительной, не имевшей в стране авторитета и приобретшей влияние лишь в некоторых Советах рабочих и солдатских депутатов»[1]. По мере развития большевиками курса на социалистическую революцию, энесы все более отчетливо понимали исходящую от них угрозу. Пытаясь предотвратить эскалацию левоэкстремистских настроений, энесы призывали правительство применить силу против большевиков[2]. Накануне июльских событий, они провозгласили борьбу с большевизмом как одну из важнейших задач своей деятельности[3]. В ходе июльских событий их тактика приобретала все более антибольшевистский характер: они призывали «заставить большевизм замолчать»[4]. Именно энесовский министр юстиции Переверзев во время вооруженных столкновений опубликовал документы о финансировании большевиков немецкими спецслужбами, а также начал аресты деятелей РСДРП[5]. Когда в ЦК ТНСП Переверзев объявил, что он выдвигает Ленину обвинение в шпионаже, то другие члены партии его поддержали[6]. Рассматривая июльскую демонстрацию как начало большевистского восстания по заданию немецкого генерального штаба с целью разложения армии и России в условиях войны, энесы приветствовали решительные действия правительства[7].

Народные социалисты считали, что июльские события способствовали обновлению Временного правительства за счет социалистов и расширению полномочий главы правительства А.Ф. Керенского. Керенский же повел политику заигрывания с левыми силами и с Советами. В этих условиях Корниловское выступление оказалось неудачным.

---

1 *Петрищев А.Б.* Как это произошло // Русские Записки. Пг., 1917. № 2–3. С. 396.

2 *Петрищев А.Б.* Противоречия революции // Русское богатство. Пг., 1917. № 8–10. С. 305–306; Передовая // Народный социалист. М., 1917. № 34. 5 июля. С. 1; Передовая// Народное слово. Пг., 1917. № 26. 5 июля. С. 1.

3 Передовая // Народный социалист. М., 1917. № 34, 5 июля. С. 1.

4 Народное слово. Пг., 1917. № 27, 6 июля. С. 1; Народное слово. Пг., 1917. № 28, 7 июля. С. 1–2; Народный социалист. М., 1917. № 1 (50). С. 1, 5.

5 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 857. Оп. 1.Д. 43. Л. 29.

6 Государственный архив Россиийской Федерации (ГА РФ). Ф. 539. Оп. 2. Д. 10. Л. 1, 2; РГИА. Ф. 857.Оп. 1. Д. 43. Л. 29; Народное слово. Пг., 1917. № 28. 7 июля. С. 1.

7 Народное слово. Пг., 1917. № 27. 6 июля. С. 1; Там же. № 28. 7 июля. С. 1–2; Народный социалист. М., 1917. № 1 (50). С. 1, 5.

Однако инерция антикорниловской борьбы не исчезла, а наоборот, нарастала, способствуя все большему укреплению оппозиционных элементов: «восстание генерала Корнилова чрезвычайно увеличило силу большевизма и в Советах, и в рабочих массах»[1], большевики получили легальную возможность вооружаться, что и позволило им чуть позже захватить власть[2].

Октябрь 1917 г энесы рассматривали не как революцию, а как «мятеж», «переворот», «большевистскую авантюру», «захват власти большевиками». При этом они называли большевиков «захватчиками», «узурпаторами и насильниками», показывая отсутствие у них массовой поддержки[3]. Энесы резко осудили октябрьский переворот Они активно участвовали во всех легальных формах протеста, призывая к защите законной власти в лице Временного правительства, к противодействию большевикам[4].

Первоначально энесы считали, что большевики могут иметь лишь временный успех. 26 октября энес Пешехонов вместе с Н.Д. Набоковым как руководители Совета республики посетили английского посла Бьюкенена и заверили, что выступление большевиков будет подавлено[5].

По мере укрепления власти большевиков, народные социалисты, стремясь создать ей действенный противовес, уже более глубоко анализировали теорию и практику большевиков, пытались выявить причины их победы. Они характеризовали власть большевиков не как «диктатуру пролетариата», а как «диктатуру группки захватчиков власти, прикрывающих свои действия именем рабочих и крестьян». Успех

1 Народный социалист. М., 1917. № 5. С. 9.

2 *Мельгунов С. П.* Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1953.

3 ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.; Народное слово. Пг., 1917. 27 октября. С. 1–2; Там же. 28 октября. С. 1–2; В Центральном комитете народных социалистов // Народный социалист. М., 1917. № 12 (61). 7 ноября. С. 1; О соглашении с большевиками // Там же. С. 1–2.

4 ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.; ГА РФ. Ф. 9591. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; ГОПБ. ОРК. Коллекция листовок, обращений и прокламаций народно-социалистической партии; Народное слово. Пг., 1917. 27 октября. С. 1–2; Там же. 28 октября. С. 1, Там же. 29 октября. С. 1; В ТНСП// Власть народа. Пг., 1917. № 154/ 29 октября. С. 1–2.

5 *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 94.

большевиков энесы объясняли, прежде всего, популистским характером их лозунгов, увлекавших темные массы. Кроме того, подчеркивали энесы, «большевики, прежде всего Ленин и Троцкий, вносили в политическую борьбу элемент личной страсти… В этом смысле Ленин был вне конкуренции». Однако можно не сомневаться, пророчески писал А. Петрищев, что в ближайшее время толпа выдвинет конкурентов, «не менее Ленина одержимых страстью властвовать»[1]. Позднее в эмиграции, Мякотин, анализируя октябрьские события, пытался понять феномен большевиков: «Какая идея могла привести их к власти, а главное помогла им удержать эту власть? Но при всем старании, – писал Мякотин, – я такой идеи не мог открыть… Я видел в лице большевиков власть, утверждавшую себя исключительно насилием и обманом, мертвившую все, к чему она не прикасалась»[2]. Мякотин считал, что большевики смогли захватить власть, лишь воспользовавшись революционным движением социальных низов. Рабоче-крестьянской власти не существовало. Это были всего лишь слова, используемые для завоевания доверия и поддержки народа и для юридического прикрытия (весьма плохого) совершавшихся беззаконий. «Страной управляли ни кем не избранные люди»[3].

Одной из причин победы большевиков энесы считали ошибки Временного правительства, отмечая, что оно медленно создавало органы самоуправления, государственного принуждения, новую армию, проявляло «колебания и несогласованность». При этом энесы возлагали вину и лично на Керенского, который проводил тактику заигрывания с Советами и левыми силами, и, тем самым, способствовал их укреплению. Керенский больше опасался правого переворота и не смог расправиться с надвигающейся революцией. Позднее, в эмиграции, Демьянов отмечал, что Временное правительство недостаточно оценило в свое время опасность Ленина и большевиков[4].

Победе большевиков, по мнению энесов, значительно способствовал и выдвинутый ими лозунг прекратить войну[5].

1 *Петрищев А.* В гриме и без грима // Русское богатство. Пг., 1918. № 1–3. С. 338.

2 *Мякотин В.А.* Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. Прага, 1925. № 13. С. 211.

3 Там же. С. 210.

4 ГА РФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 118–119.

5 Там же. Л. 119–119 об.

Важной причиной победы большевиков, считали энесы, являлось и отсутствие действительной поддержки со стороны тех, кто формально заявил о своей солидарности с правительством. При непопулярности правительства в стране, «борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с Правительством»[1].

Успеху большевиков способствовали также отсутствие «единого революционного фронта» в стране и «разброд мнений повсюду, даже внутри той или иной партии»[2].

Следующая причина – склонность российской интеллигенции к «крайне радикальным действиям», обусловленная идейным максимализмом русской интеллигенции[3].

Особенности российских условий и российской интеллигенции определили, по мнению энесов, еще одну причину успеха большевиков: после Февраля в Петроград «нахлынули и начали руководить событиями в качестве главарей левых партий эмигранты и ссыльные, мало знавшие русскую действительность и, главное, непосредственно не ощущавшие ее»[4].

Энесы не снимали ответственности и со своей партии за то, что она не смогла сплотить силы для противодействия большевикам, а также за то, что будучи представленной в правительстве, не сумела подтолкнуть его к более действенным мерам, которые смогли бы смягчить общественные противоречия и предотвратить переворот[5].

Наиболее системный анализ российской революции осуществил в эмиграции Мельгунов. Не без оснований он называл себя «историком революции»[6]. Он считал важнейшей задачей исторической науки изучение русской революции и в эмиграции сосредоточился на исследовании различных ее аспектов. Как он сам справедливо заметил в письме к Изюмову от 9 декабря 1937 г., «в Октябрьском перевороте я сделал несколько небезынтересных «открытий». Во всяком случае,

---

1 *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1920. С. 272.

2 Конференция Петроградской группы ТНСП // Народное слово. Пг., 1918. № 13. 21 января. С. 1–2; *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1920. С. 283.

3 *Марголин А.* Украина и политика Антанты. Записки еврея и гражданина. Берлин, б/д. С. 35.

4 *Пешехонов А.В.* Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 29.

5 Там же. С. 29–30.

6 *Мельгунов С. П. На* путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 184.

от официальной версии Керенского ничего не остается»[1]. Мельгунов аргументировано доказал связь большевиков и немецкого генерального штаба[2]. Он подчеркивал, что в Октябре 1917 г наступила «новая эпоха, не связанная с основными идеями революции 17 года», то есть Февраля[3]. В Октябре, по его мнению, столкнулись большевики, не скрывавшие стремления установить диктатуру своей партии, и революционная демократия – социалистические и либерально-демократические партии. Последний лагерь не смог организовать должное сопротивление тем, кто еще вчера считался соратником по борьбе с самодержавием. Мельгунов отрицал идею «закономерности» и «неизбежности» так называемой «Великой Октябрьской социалистической революции», утвердившуюся в советской историографии к тому времени. Он считал, что Октябрь можно было предотвратить: «Октябрь не был реализацией Февраля… «неизбежным» захват власти большевиками сделали лишь ошибки тех, кто мог его предотвратить»[4]. Показывая отсутствие массовой поддержки большевиков со стороны петроградского пролетариата и петроградского гарнизона, Мельгунов доказал, что приход большевиков к власти был ничем иным, как «переворотом», «мятежом», «авантюрой»[5]. Крайне негативно оценивая свершившееся в Октябре 1917 г. и позднее, Мельгунов считал, что «другими путями мы скорее бы пришли к этим завоеваниям, с меньшими жертвами, с меньшим бесчестием для нашего времени»[6].

Таким образом, народные социалисты были едины в оценке российской революции. Признавая закономерность Февральской революции, ее огромное значение для демократизации России, они отмечали, что революция пошла намного дальше, чем любая предшествующая буржуазная революция. Поэтому энесы характеризовали революцию не как «буржуазную», а как «социальную», «политическую», «демократическую». Вместе с тем, они считали, что революция сделала для

---

1 ГА РФ. Ф. 5962. Оп. 1. Д. 3. Л. 107об.

2 *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940.

3 *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1953. С. 7.

4 Там же. С. 11.

5 Там же. С. 92–111.

6 *Мельгунов С.* Завоевания революции // Борьба за Россию. Париж, 1926. № 4. 18 декабря.

демократизации страны так много, что существует опасность перерастания революционного движения в крайние левые формы. Однако спасти страну от такой опасности им не удалось. Октябрь 1917 г они характеризовали как переворот, мятеж, захват власти большевиками, большевистскую авантюру, начало новой эпохи, не связанной с основными идеями Февральской революции и прервавшей развитие России по демократическому пути. По их мнению, Октябрь 1917 г не являлся закономерным и неизбежным, его можно было предотвратить, так как большевики не имели массовой поддержки. Однако правительство и демократические силы не смогли дать своевременный отпор большевикам. Энесы резко осудили Октябрьский переворот Считая власть большевиков гибелью для России, они призывали к ее свержению, и вели активную антибольшевистскую борьбу, как на фронтах Гражданской войны, так и в эмиграции.

Список сокращений

ГОПБ. ОРК – Государственная Общественно-политическая библиотека. Отдел редкой книги

РГБ. ОР – Российская Государственная Библиотека. Отдел рукописей

Куренков Г.А.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЗАЩИТЕ ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Аннотация. В данной статье освещены первые шаги Советской власти в области защиты государственной и военной тайны, указаны государственные и партийные органы, проводившие данную работу, а также рассмотрены определенные организационные мероприятия по некоторым направлениям деятельности по защите информации с 1917 до начала 1920-х гг.

Ключевые слова: советская власть, Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война, военная и государственная тайна, защита информации, секретность, цензура.

Kurenkov G.A.

THE FIRST STEPS OF SOVIET POWER TO PROTECT MILITARY AND STATE SECRETS AFTER OCTOBER 1917

Abstract. The article analyzes the first steps of the Soviet Government in the field of protection of military and state secrets and examines state and party bodies which conducted work in that field. Besides, the author analyzes the institutional arrangements in some areas of information security from 1917 to early 1920s.

Keywords: Soviet Government, the Great October Socialist Revolution, the Civil War, military and state secret, information security, secrecy, censorship.

Почти сразу после свершения Великой Октябрьской Социалистической Революции новая власть столкнулась с объективной необходимостью защиты военной тайны. Но теперь был необходим и имел место совершенно иной подход, основанный не только на государственном, но и на новом политическом и идеологическом мышлении. После социалистической революции, закончившейся успехом, на первое место выходит не только государственное противостояние, но и идеологическое противоборство государств. Отсюда и соответствующая направленность действий, как во внешней, так и во внутренней политике. Политическую доктрину большевиков определила сначала борьба за выживание (наличие прямого вооруженного давления как внутреннего, так и внешнего врага), а затем положение «страны – изгоя» и определяющий тезис, что «мир разделен на два лагеря, лагерь капитализма и лагерь социализма, окруженный капитализмом». Именно это окружение оправдывало проводимую внешнюю и внутреннюю политику большевиков. Данное обстоятельство диктовало необходимость создания определенных структур и принятие мер по защите нового государственного строя в целом и обеспечению защиты военной, государственной и партийной (политической) тайны в частности. Опыт конспиративной (секретной) работы большевики накопили еще в дореволюционный период, во время работы на нелегальном или в полулегальном положении. Большевистская партия в дореволюционный период – это, прежде всего, партия революционеров-профессионалов с полувоенной

организацией, отсюда и определенное политическое и социальное мышление лидеров партии. Когда в повестку дня встал вопрос об организации системы защиты информации, большевики взяли «на вооружение» традиции и принципы своей прежней конспиративной работы. Как ни странно может показаться, в начале своей государственной деятельности работа по защите информации большевиками как таковая теоретически не обосновывалась и не планировалась, но жизнь заставила вплотную заниматься этим вопросом. Организация защиты информации всегда была сложной и дорогостоящей задачей, как в организационном, так и техническом плане. Большевики в принципе не могли принять децентрализованную систему дореволюционного периода, как в организационном, так и в политическом плане. Они ориентировались на организацию унифицированной и централизованной системы защиты информации. Это касалось как государственных, так и партийных структур. Не было соответственно и правового, и организационного обеспечения данной работы. Придя к власти, большевики до 1919 г еще не создавали ни партийный аппарат как таковой, ни специальные структуры по защите информации. Если вначале они широко использовали критерий политической целесообразности, то ко второй половине 1920-х гг политическая целесообразность и «политическое чутье» в области защиты информации все более заменялись правовыми нормами. Все решения партийных органов, включая ЦК, проводились через государственные органы власти и управления, все мероприятия в области защиты информации проводились в рамках государственного строительства и по государственной линии. Многие вопросы по защите информации и секретности решались не только на партийном, но и на государственном уровне, в основном по линии СНК РСФСР, ВЧК и Реввоенсовета.

Одним из первых шагов в области законодательства по защите государственной тайны как одной из составляющих осуществления контрразведывательной деятельности было принятие 24 ноября 1917 г декрета СНК РСФСР «О суде». В пункте восемь данного декрета говорилось, что «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы», на которые впоследствии возлагались также дела по борьбе со шпионажем. Следующим шагом по защите нового государства было введение системы паспортного контроля для упорядочения процесса въезда и выезда

на территорию Советской республики. Так, 21 декабря 1917 г. Иностранным отделом НКВД и Народным комиссариатом по иностранным делам была принята совместная инструкция комиссарам в пограничных пунктах Российской Федерации «О правилах въезда и выезда из России», в которой запрещались к вывозу «документы, могущие повредить политическим и экономическим интересам Российской Республики». Данная инструкция и послужила основанием для установления нового порядка въезда и выезда. Важным событием в создании системы защиты государственной и военной тайны стала организация чрезвычайных органов исполнительной власти, на которые возлагалась функция защиты информации. Среди них была, прежде всего, ВЧК. 21 февраля 1919 г. постановлением ВЦИК «Об Особых Отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте возлагалась на вновь созданный Особый отдел ВЧК. Вышло и положение об Особых отделах ВЧК. Несколько позднее, 24 апреля 1919 г., был издан декрет СНК «О порядке выдачи заграничных паспортов». Теперь заграничные паспорта российским и иностранным гражданам могли выдаваться только НКИД и лишь тем лицам, против выезда которых не возражали Наркомвнутдел и Народный комиссариат по военным делам.

Особо важным событием в организации централизованной системы защиты информации следует считать создание 5 мая 1921 г. постановлением Малого Совнаркома РСФСР 8-го спецотдела при ВЧК (с 6 февраля 1922 г. по 25 декабря 1936 г. – спецотдел при ГПУ, потом при ОГПУ; затем при Главном Управлении ГБ НКВД СССР, а с 25 декабря 1936 г. по 9 июня 1938 г. – 9-й спецотдел при ГУ ГБ НКВД СССР). Именно Спецотдел, кроме всего прочего, занимался защитой информации по всем направлениям деятельности. К примеру, Первое отделение спецотдела занималось «наблюдением за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны», Пятое отделение осуществляло контроль и проведение проверок ведения секретного делопроизводства и шифрработы. Именно Спецотдел (СПЕКО) фактически являлся той организацией, которая координировала все мероприятия по защите государственной тайны в масштабах страны. Он разрабатывал руководящие документы, регламентирующие различные направления деятельности по организации защиты государственной тайны во всех организациях и учреждениях страны. По защите информации в пар-

тийных органах (и не только) он тесно сотрудничал с образованными в партаппаратах (от местных комитетов до ЦК) секретными подразделениями. Одной из первых попыток наведения порядка в секретном делопроизводстве следует считать рассмотрение 30 августа 1922 г. Секретариатом ЦК РКП(б) вопроса «О порядке хранения секретных документов» и принятие «Инструкции о порядке хранения и движения секретных документов»[1]. В Инструкции впервые говорилось о том, что все секретное делопроизводство центральных и местных учреждений страны сосредоточивается в специально выделенных для этой цели секретных частях, и также был утвержден список учреждений, в которых вводился порядок хранения и пересылки секретных документов.

Таким образом, в начальный период существования страны централизованного подхода и общего регламентирующего документа по работе с секретными документами не существовало, ведомства самостоятельно вели секретную работу и также самостоятельно определяли степень секретности информации. Положение изменилось только в 1922 г и далее в связи с выходом инструкций, регламентирующих работу с секретными документами в государственных и партийных учреждениях в масштабах всей страны.

Обеспечение секретности партийного и государственного обмена информацией требовало ее защиты от несанкционированного доступа извне. Это обуславливало проведение мероприятий по созданию систем технической передачи и защиты информации, создание специальной техники, шифров и кодов, организации шифрработы в целом, как в государственных, так и партийных органах. Эта работа была сопряжена со многими организационными, техническими и кадровыми трудностями. Радиоразведка и шифровальное дело приобретали все более широкие масштабы, а организация криптографической службы была весьма дорогостоящим и требующим определенного уровня развития техники, специальных знаний и подготовки кадров мероприятием. Прежде всего совершенствовалась техника. В первые годы своего существования советское государство располагало лишь тем арсеналом технических средств и профессиональных кадров, которые остались от царских времен. (А осталось их крайне мало.) В условиях Гражданской войны уделить должное внимание созданию шифровальных и дешифровальных служб не было возможности; это была

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 365. Л. 1–9.

необходимая, но трудновыполнимая задача. Особая проблема заключалась в том, что после революции несколько опытных криптографов эмигрировали в Англию, где они были привлечены к работе над вскрытием советских шифров.

Но все же большевики смогли предпринять ряд мер по защите информации техническими средствами. Первым шагом новой власти в этом направлении стал отказ от большинства «старорежимных», дореволюционных шифров и создание новых. Но как оказалось впоследствии, эти шифры были слабой стойкости и вскрывались. Большинство зашифрованных радиосообщений и шифропереписка легко перехватывались и читались как западными спецслужбами, так и белогвардейцами, о чем неоднократно докладывалось руководству страны. Так, к примеру, англичане провели операцию по перехвату дипломатической переписки советской делегации, которая с декабря 1917 г. по март 1918 г. вела переговоры с немцами в Брест-Литовске о заключении мира. Английское правительство и в дальнейшем получало дешифрованные советские дипломатические депеши. И, как уже отмечалось ранее, лишь в мае 1921 г. было официально создано секретное подразделение (Специальный отдел при ВЧК), которое должно было заниматься криптографией и криптоанализом. В 1917–1918 гг. работа большевиков и государства в этом направлении могла сосредотачиваться только на мероприятиях организационного характера, включающих в себя отказ от старых и создание новых шифров, усиление требовательности, контроля и личной ответственности к работникам, имеющим отношение к шифровальной и дешифровальной работе, а также использование старых кадров, лояльных новой власти. Квалифицированных специалистов в данном деле в целом было не так уж много, новые кадры еще предстояло подобрать и обучить.

Также одним из первых шагов в области защиты государственной тайны как одной из составляющих осуществления контрразведывательной деятельности, стало принятие «Декрета о печати», вышедшего 9 ноября 1917 г., т.е. уже на второй день после революции. Оперативность и срочность его принятия обуславливалась тем, что в данный период пресса практически была вне контроля нового государства. Специальных партийных органов и государственных актов, регламентирующих цензуру, еще не было, но в печати появлялись сведения, опубликование которых наносило ущерб безопасности государства в политической деятельности, военном строительстве и экономической

сфере. В «Декрете о печати» говорилось, что закрытию подлежат только органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера. Запрещения органов прессы, временные или постоянные, должны проводиться лишь по постановлению Совета Народных Комиссаров. Это положение вводилось как временное, предполагалось, что оно будет отменено при наступлении «нормальных условий общественной жизни» особым указом. 21 ноября 1917 г был опубликован декрет СНК «О государственной монополии на печатание объявлений». Нарушители карались конфискацией всего имущества и тюремным заключением до 3 лет[1]. Для противодействия распространению контрреволюционной информации в печати уже в декабре 1917 г при Наркомате Юстиции был создан «Ревтрибунал печати», а 21 февраля 1918 г. на заседании СНК рассматривался вопрос о мерах борьбы с опубликованием в печати сведений, не подлежащих оглашению. Понятие «военная тайна» уже использовалось в нормативных документах того времени, но его сущность не была определена законодательством. Под ним подразумевалось «разглашение военных тайн, планов и сведений, передача военных тайн, планов и сведений», что определялось как шпионаж в постановлении Кассационного отдела ВЦИК «О подсудности революционных трибуналов» 6 октября 1918 г Для охраны военных тайн 23 декабря 1918 г при Реввоенсовете республики была организована военная цензура. Опубликован был только текст «Положения о военной цензуре». Параллельно был разработан фактически первый советский перечень сведений, составляющих военную тайну, но он являлся секретным, опубликован не был и являлся сугубо ведомственным служебным документом. Как видим, вначале охрана военных и государственных тайн возлагалась на органы военной цензуры Реввоенсовета, т.е. чисто военную структуру. С ноября 1918 до августа 1921 г цензурные функции в Реввоенсовете выполнял Отдел военной цензуры., но с 1921 г. функции военной цензуры были переданы в ВЧК, в котором было создано Управление военной цензуры ВЧК. Таким образом, эта работа полностью перешла к органам государственной безопасности.

[1] Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 20–21.

За время пребывания военной цензуры в военном ведомстве последовательно создавались: «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру Военной цензурой» от 21 июня 1918 г., состоявший из 27 пунктов[1], «Перечень деяний и сведений, наносящих вред Российской Федеративной Советской Республике, а также не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных международных и иных сношений» из 36 пунктов и «Перечень сведений, не подлежащих оглашению в повременной печати» от 23 декабря 1918 г. из 32 пунктов[2]. 21 июля 1919 г вышел «Перечень сведений, составляющих военную тайну и не подлежащих распространению» из 23 пунктов[3]. Этот перечень впервые указал в своем наименовании на сохранение тайны как на цель перечня вне зависимости от способа распространения сведений. Новые перечни времен Гражданской войны создавались аналогично периоду Временного правительства. Они рождались каждый раз в связи с изданием нового положения о военной цензуре, но не публиковались, а размножались для служебного пользования в составе сборников приказов Реввоенсовета и других ведомственных документах. Военная цензура РСФСР в 1918–1920 гг создавала перечни, которые носили сугубо ведомственный характер, являлись инструктивными документами для военной цензуры, и привлечение к их разработке других ведомств не предусматривалось. В мае 1921 г. был разработан «Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению». Впервые в его разработке участвовали два разных ведомства – ВЧК и Реввоенсовет. Предполагалось что дальнейшее его изменение может производиться только ВЧК, но по согласованию с Реввоенсоветом. После передачи в 1921 г. военной цензуры из Реввоенсовета в ВЧК к разработке перечня подключили также Наркомат юстиции, а затем в ЦК была создана более обширная комиссия уже с представителями ВЦСПС, Госиздата, РВСР и ВЧК под председательством Е. Ярославского, а затем – и комиссия А.С. Киселева с представительством Наркомюста, НКВД, ВЧК, РВСР, редакций «Правды» и «Известий». Конечный проект перечня был подписан представителями всех наркоматов, Президиума ВСНХ, редакциями газет «Правда» и «Известия». В итоге он был направлен в СНК и утвержден 13 октября 1921 г Перечень был

[1] РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 87. Л. 62–63.

[2] РГВА. Ф. 4. Оп.3. Д. 49. Л. 264–268об.

[3] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 33. Л. 103–104.

секретным, но впервые межведомственным. Он состоял из трех глав, причем первая глава, заключавшая сведения военного характера, состояла из частей «А» – «в мирное время» (из 17-ти пунктов) и «Б» – «в военное время» (из 9-ти пунктов). Кроме собственно пунктов в перечне также в необходимых случаях имелись и пояснения к ним. В октябре 1922 г. по решению ЦК РКП(б) была создана комиссия по разработке, как оказалось, последнего перечня РСФСР, которая подготовила проект нового «Перечня сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению», затем утвержденного Оргбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1922 г. По структуре и содержанию он был сходен с перечнем 1921 г. Также в это время был разработан и ведомственный «Перечень постановлений Президиума Госплана, не подлежащих печатанию». В целях осуществления контроля за выходом негативной, контрреволюционной информации и сведениями, составляющими военную и государственную тайну 21 декабря 1921 г. был образован отдел политконтроля при ВЧК. Он занимался перлюстрацией почтово-телеграфной корреспонденции и ее отбором по спискам контрразведывательных органов. Сотрудники отдела вели наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию.

6 июня 1922 г. на заседании СНК был рассмотрен вопрос «Об организации Главного Комитета по делам печати». Декретом СНК было создано Главное управление по делам литературы и издательств (знаменитый Главлит) при Народном комиссариате просвещения, которое в дальнейшем отвечало почти за всю цензурную политику государства. С образованием Главлита как главного цензурного органа на него была возложена функция координатора цензурной политики и практической работы в этом направлении.

После образования СССР необходимо было подготовить уже общесоюзный перечень. Вскоре была создана новая комиссия, которая и приступила к его разработке под эгидой ЦК РКП(б). Новый перчень был окончательно утвержден на заседании Секретариата ЦК 15 июня 1923 г. и затем введен в действие с 1 июля 1923 г. По структуре он был сходен с двумя предыдущими перечнями 1921 и 1922 гг. В него были добавлены только несколько военных статей, а также изъяты сведения экономического характера, касающиеся Госплана, которые уже находились в ведомственном перечне. Как видно, изначально ведомственные перечни военной цензуры были расширены до более широких,

общегосударственных перечней сведений, составляющих тайну и не подлежащих оглашению, ими обязаны были руководствоваться все организации, министерства и ведомства страны. Они были секретными, не подлежали открытому распространению и требовали при работе с ними соблюдения таких же требований и правил, как и при работе с секретными ведомственными и общегосударственными документами.

Необходимо отметить, что рамки одной статьи не позволяют осветить все направления деятельности государства по защите информации и сохранению государственной тайны. Если в начальный период советской власти основными формами защиты информации в РСФСР на рубеже в 1917–1920-х гг. являлись организационные, то в дальнейшем главными средствами достижения цели становятся централизация, стабильность и последовательность работы в этом направлении. В дальнейшем будут выработаны и станут основными принципами защиты информации такие, как:

1) принцип обоснованности доступа к секретным сведениям;
2) принцип персональной ответственности;
3) принцип материальной заинтересованности лиц, допущенных к секретным сведениям.

В Советском Союзе образовалась такая система защиты государственной тайны, в которой сложившийся механизм политической власти, закрепленный существовавшим в то время законодательством, обусловил главенство модели политико-правовой и государственной системы, где секретность выступала в качестве защиты социального института – государственности. Следует отметить, что законы защиты информации носят универсальный характер, т.е. присущи всем государственным устройствам. Проблема определения наличия и уровня секретности, а также определения границы и баланса между гласностью и секретностью при решении вопросов защиты государственной тайны на основе закона, а также на уровне партийных и правительственных постановлений и решений, требуют своей разработки, также как миф о «сверхсекретности» в СССР и тезис о том, что закрытость института секретности от общества приводила к тому, что результаты его функционирования не подвергались критическому анализу. Все это требует не только историко-политической оценки, но и анализа с точки зрения понимания специфики и законов защиты информации. Очевидно одно, что новому советскому государству, особенно в начальный период

существования, какие бы оценки ему ни давали с позиций сегодняшнего дня, пришлось в совершенно чрезвычайных условиях и в сложнейших ситуациях (вначале – в период Гражданской войны и разрухи, затем в положении «страны – изгоя», или во время II Мировой, Великой Отечественной и последовавшей далее холодной войны) разрабатывать и создавать систему защиты государственной и военной тайны, когда просто не было возможности и, по большому счету, необходимости, думать о мерах для установления «баланса и границы между гласностью и секретностью». К слову сказать, теоретические и практические аспекты данного вопроса не разработаны до настоящего времени. И хотя в 1917 – начале 1920-х гг практика защиты информации и государственной тайны в нашей стране делала только первые шаги, а ее основные принципы и структура были сформированы в конце 1920-х – 1930-е гг. XX в., нельзя не сказать, что с профессиональной точки зрения система была организована весьма эффективно, о чем свидетельствуют и исторические факты, и события, а также, что немаловажно, признания и свидетельства бывших, настоящих и потенциальных противников.

Войтиков С.С.

КОМБЕДЫ И ИХ «ЛИКВИДАЦИЯ» В 1918 Г. (ПО ОПУБЛИКОВАННЫМ И НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Аннотация. В докладе, основаппом на опубликованпых и неопубликованных источниках, предпринята попытка уточнить сложившиеся в научной и учебной литературе представления о том, что слияние комитетов бедноты с местными советами в РСФСР в конце 1918 – начале 1919 г. «...в определенной степепи являлось признанием большевиками нежизнеспособности этого института». Делается вывод о том, что о припципиальпом отказе руководства ВЦИК от политики военного коммунизма в ноябре 1918 г речи в действительности не шло. В верхушке РКП(б) имело место серьезное расхождение во взглядах на принципиальные вопросы, в том числе связанные с политикой в деревне. Именно поэтому большевистское руководство, ликвидировав в ноябре 1918 г комитеты бедноты

на VI Всероссийском съезде Советов, вынужденно поставила в марте 1919 г. вопрос о союзе с середняком на VIII съезде РКП(б). Упразднение комбедов и военно-политический союз со средним крестьянством – отнюдь не одно и то же.

Ключевые слова: комитеты бедноты, 1918 год, Я.М. Свердлов, В.И. Ленин.

Voytikov S.S.

KOMBEDI AND THEIR «LIQUIDATION» IN 1918 (FOR PUBLISHED AND UNPUBLISHED SOURCES)

Abstract. The report, based on published and unpublished sources, attempts to clarify the notion that the merger of committees of the poor peasants with local councils in Soviet Russia in late 1918 – early 1919 was formed in the scientific and educational literature «...to a certain extent was the recognition by the Bolsheviks of this Institute's inability». It is concluded that in fact there was no question of a fundamental refusal by the leadership of the All-Russian Central Executive Committee from the policy of military communism in November 1918. At the top of the RCP(b) there was a serious divergence in views on fundamental issues, including those related to politics in the countryside. That is why the Bolshevik leadership, having liquidated committees of the poor peasants at the Sixth All-Russian Congress of Soviets in November 1918, forcedly raised the question of an alliance with the middle peasant at the Eighth Congress of the RCP (b) in March 1919. The abolition of the committees of the poor peasants and the military-political alliance with the middle peasantry is not the synonyms.

Keywords: committees of the poor peasants, 1918, Ya.M. Sverdlov, V.I. Lenin.

На страницах современной учебной литературы вопрос о комитетах бедноты (комбедах) преподносится следующим образом:

1) «20 мая и 4 июня на заседаниях ВЦИК Я.М. Свердлов и Л.Д. Троцкий высказались за гражданскую войну в стране, подразумевая в качестве основного противника новой власти крестьянство (желательным было бы уточнение: кулачества и среднего кре-

стьянства. – *С.В.*). С этих лозунгов и началась политика "военного коммунизма"»[1]. Как видим, здесь комбеды как аппарат в поле зрения не попали вовсе, хотя без изучения институционального аспекта затруднено постижение советского партийно-государственного строительства в целом;

2) «11 июня 1918 г был принят декрет об организации комбедов», ставший «…важнейшим звеном в системе мероприятий советской власти, реализуемых в деревне, и ознаменовал собой установление политики военного коммунизма в сельском хозяйстве. […] В конце 1918 – начале 1919 г. комбеды были преобразованы в слиты в Советами, что в определенной степени являлось признанием большевиками *нежизнеспособности этого института* (курсив наш. – *С.В.*)»[2]. Вместе с тем выделенный нами курсивом тезис, стопроцентно отражающий взгляды современных историков, нуждается, на наш взгляд, в некоторой корректировке.

Большевики были всецело за крестовый поход против крестьянства: прекрасную почву подготовил для этого похода своими трудами Карл Маркс. И в годы Гражданской войны, и в 1920-е гг., по справедливому замечанию И.В. Сталина, «…из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, – и мигом разденут кулака»[3].

9 мая 1918 г. нарком продовольствия РСФСР, старый большевик А.Д. Цюрупа утверждал, что «…нет другого выхода, как объявить войну деревенской буржуазии, которая имеет значительные запасы даже недалеко под Москвой и не дает их ни голодающей Москве, ни Петрограду, ни другим центральным губерниям… Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб»[4]. В тот же день за подписями В.И. Ленина, Я.М. Свердлова и секретаря ВЦИК В.А. Аванесова вышел декрет ВЦИК «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий

---

1 История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2014. С. 154.

2 Новейшая история России. 1914–2011 / Под ред. М.В. Ходякова. М., 2013. С. 133.

3 XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г: Стеногр. отчет. М.-Л., 1926. С. 48.

4 История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. С. 153–154.

по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», которым предписывалось все хлебные излишки (в тексте дословно: «…весь избыток, сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая») сдать в недельный срок[1]. Были прописаны и суровые репрессии в отношении крестьян, которые не выполнят постановление. Кроме того, один из пунктов постановления предусматривал применение вооруженной силы «в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов»[2].

27 мая ВЦИК принял декрет о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов для объединения в едином органе снабжении населения продуктами первой необходимости, организации их распределения в государственном масштабе и подготовки перехода к национализации торговли предметами первой необходимости[3]. При местных продовольственных органах учреждались «…отряды из сознательных и рекомендованных партиями, стоящими на советской платформе, профессиональными и советскими организациями рабочих», формируемые по преимуществу в голодных потребляющих районах»[4].

В мае-июне 1918 г Я.М. Свердлову удалось провести во ВЦИК фактическое объявление Гражданской войны в деревне; для ее ведения была сформирована специальная Продовольственно-реквизиционная армия[5].

Осенью 1918 г развязанный руководящим ядром ЦК РКП(б) курс на эскалацию насилия себя исчерпал, однако если В.И. Ленин проявил готовность ко временному смягчению политики, то второй лидер ЦК – Я.М. Свердлов, представлявший в большевистском руководстве интересы местных партийных организаций, стоявший во главе партийно-государственного механизма в сентябре-октябре (после ранения вождя 30 августа) и проведший 2 сентября во ВЦИК решение

1 Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 280.

2 Там же. С. 281.

3 Там же. С. 286.

4 Там же. С. 287.

5 См.: Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960. С. 296 и др.; История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. С. 154.

об объявлении массового красного террора[1], был настроен против какого бы то ни было смягчения политики.

Для решения вопроса о дальнейшем существовании комитетов бедноты была создана специальная Междуведомственная комиссия в составе представителей наркоматов земледелия, продовольствия, внутренних дел, финансов, государственного контроля и ВСНХ. В.И. Ленин, судя по всему, выступил за полное упразднение комбедов: во всяком случае, он признался 7 ноября 1919 г., что большевики «год тому назад не могли еще вполне справиться» с созданным рабочими продовольственным аппаратом[2]. Я.М. Свердлов, напротив, остался верным взятому уральскими товарищами курсу на разжигание Гражданской войны в деревне. Глава Советского государства крепко взял решение вопроса в свои руки, четко высказавшись на втором заседании междуведомственной комиссии 14 октября 1918 г за упразднение комбедов. Правда, связав эту ликвидацию не с *завершением Гражданской войны в деревне*, *а с организацией местного советского аппарата*. В выступлении на заседании междуведомственной комиссии председатель ВЦИК сообщил: «В деревне [имеются] три органа: открытый орган власти – волостной совет, в качестве его контроля, дающий ему директивы, комитет бедноты, и над ним стоит партийный комитет – в общем, все друг друга контролируют и мало работают»[3]. По убеждению Свердлова, была необходима «единообразная организация» из «всех элементов, которые пойдут против засилья кулаков»[4]. Комбеды должны были пополнить своими кадрами отделы волостных советов, а заодно оздоровить их состав. Свердлов даже заявил, что волостные советы, которые «…все же […] продолжают оставаться кулацкими советами, должны быть переизбраны»[5]. Результатом, по мнению Свердлова, явилось бы создание «однотипной организации по всей России» волостных советов из активных слоев пролетариата и беднейшего крестьянства[6]. По итогам соответствующего «оздоровления» и «кадрового укрепления» в следующем с.-х. году организация

1 См., напр.: *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого. М., 2016.
2 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: Т. 39. М., 1974. С. 296.
3 *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. Т. 3. М., 1960. С. 40, 41.
4 Там же. С. 41.
5 Там же. С. 43.
6 Там же. С. 43.

волостных советов обеспечила бы выкачку того хлеба, который еще оставался у крестьян, на ура. Несомненно, председатель ВЦИК видел перспективу: временная передышка, перегруппировка сил и новая серия борьбы за изъятие урожая и удовлетворение потребностей пролетариата крупных городов. Свердлов настаивал на скорейшем принятии положения комиссии, «гарантируя», в свою очередь, «самое быстрое проведение» его через Совнарком или ВЦИК[1]. Выступления и предложения Свердлова легли в основу окончательного решения комиссии о включении комбедовцев в волостные советы для активизации работы последних[2]. Собственно, в данном ключе и было выдержано решение VI Всероссийского съезда Советов о т.н. ликвидации комбедов – съезд, в т.ч., предложил произвести перевыборы всех волостных и сельских советов, возложив непосредственное проведение перевыборов на комбеды (догадайтесь, как именно, «перевыбрали»)[3]. После съезда НКВД РСФСР телеграфировал заведующим отделами управления губернских исполкомов: прежде всего, «…необходимо добиваться систематического и планомерного участия [в волостных советах] самых широких слоев деревенской бедноты […] так, чтобы волостной совет не был простой административной надстройкой, а самым тесным образом сливался с трудовыми элементами крестьянства»[4]. Правда, такой вариант ликвидации комбедов не устроил В.И. Ленина: вождь мировой революции продавил в ЦК РКП(б) поручение сделать доклад «об упразднении комитетов деревенской бедноты»[5] закаленному в интригах Г.Е. Зиновьеву, которому априори не могло понравиться единоличное решение вопросов Я.М. Свердловым. Председатель Совнаркома Северной коммуны выдал то, что было необходимо вождю: он «выступал против тех, кто хотел организовать только деревенскую бедноту, деревенский пролетариат, и не хотел видеть, что у нас есть “средний крестьянин, который является многочисленной прослойкой деревни и который нам крайне нужен, и, следовательно, отбрасывать его в сторону наших врагов мы не должны... С одной стороны – маленькие

1 Там же. С. 44.

2 Там же. С. 40, 42, 220 (коммент.).

3 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: Т. 51. М., 1970. С. 410 (коммент.).

4 *Гимпельсон Е.Г.* Становление и эволюция советского государственного аппарата управления 1917–1930. М., 2003.С. 93.

5 XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: Стеногр. отчет. С. 110.

кучки бывших кулаков.... С другой стороны – вся деревня”»[1]. Однако зиновьевской говорильне Я.М. Свердлов противопоставил конкретные шаги в качестве руководителя партаппарата. 22 ноября всецело ему подконтрольный Секретариат ЦК РКП(б), заклеймив постановление Малмыжского волостного партийного комитета Вятской губернии об упразднении Малмыжского совета для «передачи всей административной и политической власти комбедам» как «акт безусловно ненормальный [и] грешащий против Конституции»[2], предложил следующий выход из положения: «Если у вас Совет не отвечает своему назначению, а в комбедах (которые еще не были ликвидированы, вопреки решению VI Всероссийского съезда Советов. – *С.В.*) имеются товарищи более стойкие, революционные, более пролетарские», то «посредством перевыбора Совета ненужный хлам [следует] выбросить, а нужных работников ввести»[3]. Таким образом, комбеды как органы, выполнившие свои задачи в полном объеме, подлежали реорганизации в составные части советско-хозяйственного аппарата на местах. Предполагалось, что местные органы, укомплектованные бывшими комбедовцами, будут нацелены на возобновление классовой войны в деревне. Это был очередной шаг по эскалации террора – в данном случае в отношении «мелкобуржуазных элементов» российской деревни. 23 ноября на заседании Президиума ВЦИК в составе Я.М. Свердлова, В.А. Аванесова, И.А. Теодорович, Л.Б. Каменева, Л.С. Сосновского, С.А. Митрофанова, М.Ф. Владимирского, И.В. Сталина и А.С. Енукидзе было сделано «устное предложение» (знать бы кого именно) «…о создании Комиссии по выработке инструкции о слиянии комитета бедноты с Советами и о порядке их (Советов. – *С.В.*) перевыборов»[4]. Что и требовалось доказать: наиболее радикальные кадры усиливали Советы, которые тут уж точно переставали быть «органами народовластия» и становились по-настоящему боевым органами пролетарской диктатуры. Президиум ВЦИК создал комиссию из видных деятелей ВЦИК Л.С. Сосновского и В.В. Осинского, а также представителей наркоматов – Внутренних

[1] Там же. С. 110–111.

[2] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (Ноябрь – декабрь 1918 г.): Сб. док. Т. 5. М., 1970. С. 14.

[3] Там же. С. 15.

[4] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 20. Д. 14. Л. 98.

дел, Земледелия, Юстиции, Продовольствия; обязал инструкции представить на свое утверждение[1].

В уездном и волостном звене изменения происходили крайне медленно. Они, собственно, и свелись в конечном итоге к вливанию комбедовских кадров в волостные советы и расширению штатов последних. В данном случае будет вполне уместна цитата из статьи Ю.И. Кораблева и М.А. Молодцыгина о взаимодействии комбедов и местных военных комиссариатов, написанной по итогам обобщения массы источников из многочисленных региональных архивов России: «В таком звене, как волость, функции военкома и исполкома настолько переплетались, что по объявленному приказом Реввоенсовета Республики 28 декабря 1918 г новому положению о вол[остных] военкоматах во главе их ставился председатель волостного исполкома. (В апреле 1919 г была, правда, внесена поправка, что волвоенкомом может быть член волостного исполкома.)»[2].

В советской историографии подчеркивалось, что в конце 1918 – начале 1919 гг. комбеды были «…преобразованы и слиты с Советами»[3]. Это действительно так, однако ни о каком принципиальном отказе руководства ВЦИК от политики военного коммунизма речи в действительности не шло. Я.М. Свердлов аппаратными мерами упорно и систематично «душил» ленинские инициативы, направленные на снятие политической напряженности. Глава Советского государства по-прежнему проводил большевистскую политику последовательнее вождя мировой революции – в духе левых коммунистов, в соответствии с установками уральских и московских партийных радикалов. Именно расхождение во взглядах на принципиальные вопросы в руководящем ядре РКП(б) предопределило то обстоятельство, что правящая партия, ликвидировав в ноябре 1918 г. комитеты бедноты на VI Всероссийском съезде Советов, вынужденно поставила в марте 1919 г вопрос о союзе с середняком на VIII съезде РКП(б). Только по извращенной логике Я.М. Свердлова, навязанной вначале товарищам по партии посредством ВЦИК, а затем прочно вошедшей в советскую (да зачастую

[1] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 20. Д. 14. Л. 98.

[2] *Кораблев Ю.И., Молодцыгин М.А.* Военно-организаторская деятельность местных Советов в 1917–1918 гг // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 219.

[3] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 267.

и современную) историографию, упразднение комбедов и военно-политический союз со средним крестьянством – одно и то же. Свердловский прием по укреплению местных советов впоследствии использовал В.И. Ленин: 22 февраля 1920 г. он телеграфировал в Харьков Д.З. Мануильскому, в штаб Юго-Западного фронта: «…до перенесения центра тяжести на середняка надо сначала, т.е. раньше этого, организовать бедноту. Это безусловно необходимо сделать и лучше бы всего сделать это не в форме комбедов, а в форме Советов, составленных исключительно из бедноты и середняков, при особых мерах с нашей стороны для охраны интересов бедноты и для сбора хлеба»[1]. В ноябре 1918 г. большевистское руководство решало тактические вопросы, а отнюдь не пыталось изменить что-либо в стратегии партии. Упразднение комбедов вовсе не означало примирение РКП(б) со средним (и тем более зажиточным) крестьянством.

Список сокращений

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
Комбед – комитет бедноты
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК, Совнарком – Совет народных комиссаров
ЦК – Центральный комитет

Виталь В.

ФОРМИРОВАНИЕ И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ 1918-1920 ГГ.

Аннотация. На фоне революционных событий, Первой мировой войны и Гражданской войны в России показано формирование эстонского государства и все те сложности, с которыми ему приходилось сталкиваться при достижении признания на международной арене.

[1] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: Т. 51. М., 1970. С. 141.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, Эстония, Антанта, Германия, большевики, автономия.

Vital V.

THE FORMATION AND ACTIVITY OF THE STATE BODIES OF THE REPUBLIC OF ESTONIA IN 1918–1920

Abstract. Against the backdrop of revolutionary events, the First World War and the Civil War in Russia, the formation of the Estonian state and all the difficulties that it faced when achieving recognition in the international arena were shown.

Keywords: Revolution, Civil War, Estonia, Entente, Germany, Bolsheviks, autonomy.

В 1917 г в среде эстонской интеллигенции зазвучали призывы к национально-политической автономии. В Ревеле[1] было создано бюро военнослужащих, которое добивалось создания эстонских воинских частей. Главой комитета стал К. Пятс. Затем на I съезде эстонских военнослужащих Пятс был избран главой этого комитета.

С приходом Временного правительства у эстонцев появились реальные шансы на автономию. В Петрограде у автономистов был и свой лоббист, политический деятель, депутат Государственной Думы первого созыва от кадетской фракции Яан Тыннисон, который также состоял в «Союзе автономистов».

9.03.1917 г. Ревельский эстонский союз потребовал у Временного правительства автономии и присоединения Северной Лифляндии к Эстляндской губернии.

26.03.1917 г. в Петрограде прошла 40-тысячная (по официальным данным) демонстрация, в которой приняли участие солдаты эстонского полка под сине-черно-белыми флагами и с автономистскими лозунгами[2].

И наконец, 30.03.1917 г Временное правительство издало постановление «О временном устройстве адимнистративного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». По нему, в состав

---

1 Современный г. Таллинн.

2 *Андрес Казекам*. История Балтийских государств. / Пер. с англ. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2014. С. 154.

Эстляндской губернии были включены северные уезды Лифляндской губернии[1].

Связующим звеном между Временным правительством и Эстляндией был назначен ревельский городской голова Яан Поска[2]. На 21–22 (2–3 февраля) января 1918 г были назначены выборы в Эстляндское Учредительное собрание, которое должно было подготовить основы будущего общественного устройства. Предполагалось также провести референдум. Местные большевики склонялись к автономии в составе РСФСР, тогда как Ленин советовал эстонским товарищам провозгласить Эстонскую ССР. Но эстонские большевики отклонили это предложение, и это было их ошибкой. Ей воспользовались прогерманские силы и представители националистической части эстонцев. Они начали сбор подписей под петицией о независимости от России[3]. Еще в декабре 1917 г. Совет старейшин Эстляндского губернского земского совета сформировал делегацию для установления контактов с Германией и активно зондировал почву для переговоров в посольствах стран Антанты в Петрограде. А уже 31 декабря (13 января 1918 г.) на нелегальном заседании Совета старейшин и представителей буржуазных и националистических партий было решено объявить о независимости Эстонии, ожидая при этом немецкую оккупацию.

На выборах в Учредительное собрание 21–22 января (2–3 февраля) большевики получили 37,1%, трудовики – 29,8%, Демократический блок – 23,2%. Параллельно немецкое дворянство готовило проект, по которому Остзейский край стал бы единым целым с Германией.

В это время германское командование предприняло наступление с целью захватить весь Прибалтийский край. Большевики тем временем отступали. В период боев на территории Эстляндии совет старейшин 19 февраля принял манифест о независимости Эстонии. В условиях военных поражений Советов и успехов Германии, манифест провозглашал независимость, и созданный Комитет спасения объявлялся высшим органом распорядительной власти, объявивший Эстонию нейтральной. Все советские учреждения были упразднены. Комитет

[1] Эзельский, Верроский, Феллинский, Перновский, Юрьевский и часть Валкаского уезда.

[2] *Андрейс Плаканс*. Краткая история стран Балтии / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2016. С. 303.

[3] *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. С. 35.

возглавил Константин Пятс. К. Пятс, Ю. Вильмс, А. Саар, Й. Юхтунд приняли решение отправиться в Гапсаль (ныне Хаапсалу), но встретив части отступающего 1-го эстонского полка, вернулись в Ревель. Манифест о независимости был обнародован в Пернове 23 февраля, а в Ревеле 25 февраля. Конечно, в сложившейся ситуации требовалось подтверждение легитимности власти у немецкого командования. Пятс попытался установить контакт с германской администрацией, но генерал А. фон Зекендорф отказался даже принимать Пятса и приказал передать Пятсу, что никакой Эстонской Республики не признает

К марту 1918 г. вся территория Балтийских земель была оккупирована немецкими частями. Поэтому провозглашение 24 февраля 1918 г государственной независимости Эстонии выглядело как не более чем символический акт и не меняло ситуацию и зависимость от германских оккупационных сил. Германские власти восстановили прежнее административное деление и объявили вне закона все принятые большевиками решения по земле. Сам К. Пятс был арестован немецкими властями. А подпольное так называемое Временное правительство начало искать контакты с Антантой.

В мае 1918 г. правительства Англии и Франции признали Временный земский совет Эстляндской губернии de facto временным правительством, что означало международное признание Эстляндии как самостоятельного образования. Яан Тыннисон от имени Временного правительства вел переговоры в Стокгольме. Позднее Эстонскую республику признала и Италия. Параллельно в Петрограде эстонские коммунисты формировали свои антигерманские силы, а на территории Эстонии действовало большевистское подполье. Приближающееся поражение Германии заставило немецкое командование сформировать администрации из местных. Начальником сил самообороны из числа хуторян – «Омакайтсе» – был назначен Й. Питка, и из тюрем были выпущены деятели Комитета спасения. Все это должно было препятствовать большевизации Эстляндии.

11 ноября 1918 г. после окончания Первой мировой войны власть была сдана местному самоуправлению, которое пользовалось широкой поддержкой Антанты как перспектива буферного антибольшевистского государства.

Большевики же, планируя мировую революцию, рассчитывали на восстание немецкого пролетариата, и балтийские земли были единственной, по сути, преградой на пути к Германии. Революционные

волнения дошли и до германских частей, обстановка накалялась и в городах, где чувствовался дефицит снабжения. Капитуляция Германии заставила германское командование 13 ноября передать всю власть Временному правительству Эстонии[1]. Оно же, в свою очередь, для безопасности готово было некоторое время содержать германские войска на своей территории. Правительству было необходимо для начала создать собственные войска. Призыв добровольцев провалился, так как мало было тех, кто искренне верил в жизнеспособность молодого национального государства.

20 ноября К. Пятс занял пост председателя правительства, и из немецкого «Бюргервера» был сформирован «Кайтселийт»[2] как проправительственные силы (11 тыс. человек).

После свержения германской монархии большая часть немецких войск покинула остзейские земли, оставив лишь части Фрайкора и Ландесвера в Латвии. Поэтому советы решили, что серьезного сопротивления не будет.

В Эстонию большевики вторглись в конце 1918 г. и сумели быстро продвинуться вглубь страны. Так как эстонские национальные части после формирования Земского совета и его призыва эстонцам возвращатся в Эстонию (в массе своей так и поступили, чего не скажешь о латышских стрелках) были собраны в Эстонии в единое формирование.

Командование Северного корпуса после заключения договора с эстонским командованием 6 декабря перешло в подчинение эстонцам, и его снабжение обеспечивалось в счет долга. Конечно, здесь нельзя не упомянуть поддержку финских, датских добровольцев, а также британскую эскадру, Северо-западный корпус генерала Юденича, которые внесли огромный вклад в антибольшевистское сопротивление в Эстонии и вместе с эстонскими частями сумели не только остановить наступление Красной Армии на Таллинн, но и отбросить до границы.

[1] *Мельтюхов М.И.* Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. С. 75.

[2] Kaitseliit (эст.) – добровольческое военизированное формирование в Эстонии. Наряду с Вооружёнными силами Эстонии входит в состав Сил обороны Эстонии.

5.12.1918 г. последние германские части покинули пределы Эстонии, а 12.12.18 г. Яан Поска с радостью возвестил о прибытии в Ревель английской военно-морской эскадры. Затем Временное правительство приняло меры для более эффективной мобилизации в армию местного населения, пообещав наделить добровольцев земельными наделами. Но и это не подействовало. Правительству пришлось издать указ о 15-летней каторге для уклонистов, но и в этой ситуации удалось набрать слабомотивированное войско. Эстонское правительство делегировало посланника, который просил у Лондона дополнительную поддержку. Также Временное правительство с конца ноября 1918 г. добилось поддержки Финляндии, которая была обеспокоена успехами красных. Правительство Финляндии сформировало добровольческие части для помощи эстонцам. Добровольцы также прибыли из Скандинавии. Само же эстонское Временное правительство с декабря приступило к формированию армии. 14 декабря был образован оперативный штаб (начальник Й. Лайдонер); создавались добровольческие части, такие как Калевская дружина, Скаутский и Партизанский батальон Юлиуса Куперьянова, Морской десантный батальон. Все эти силы были брошены на то, чтобы остановить наступление красных войск на Ревель. С помощью английского флота близ Нарвы, фактически в тылу красных, высадился десант в количестве 1000 человек, что посеяло панику среди красноармейцев, а также пошло наступление по фронтам. Силы РККА были отброшены за р. Нарова. и к концу января уже не могли предпринять решительных действий. После отступления красных на северо-востоке Эстонии Й. Лайдонер направляет свои силы на юг, юго-восток, где действовала 2-я дивизия. На южном направлении шла маневренная война и тут эстонские части добились успехов, продвинувшись вглубь Латвии. В 1919–1920 гг Антанта увеличила материальную поддержку Эстонии. В 1919 г было предпринято наступление на Петроград Северо-западной армии генерала Юденича, которой на первых порах содействовала Эстонская армия, однако, в то же время Эстонское правительство начало вести закулисные переговоры с большевиками[1]. Эстонцы справедливо опасались не только большевиков, но и так называемых «белых», которые

[1] *Зирин С.Г.* Голгофа Северо-Западной Армии 1919–1920 гг.: венок соотечественникам. СПб: ООО «Береста», 2011. С. 112–115.

выступали за «единую и неделимую Россию» и не испытывали особого энтузиазма в отношении перспективы появления самостоятельных государств из числа западных губерний. Большевики же готовы были признать Эстонию независимой. Правительство во главе с Яаном Тыннисоном начало активно зондировать почву в Европе для получения гарантий от западных держав и 16 декабря послало в Париж меморандум, в котором неудачный поход на Петроград объяснялся неспособностью русских частей СЗА, разбродом в командовании, перекладывалась вина за мародерство и выдвигались обвинения в тайных сговорах с немецким командованием, а также панрусскими настроениями и нежеланием независимости Эстонскому государству. В то же время активно велись переговоры с большевиками, которые предлагали выгодные условия в обмен на неподдержку СЗА и ее полную ликвидацию. В меморандуме это было отмечено, и эстонское правительство ожидало реакции Парижа на переговоры с большевиками.

4 октября Эстония, Латвия и Литва сообщили РСФСР о готовности начать мирные переговоры. Главным условием литовских, латвийских и эстонских делегатов являлось признание независимости трех стран. В переговорах с эстонской стороной для РСФСР главным условием стало разоружение и ликвидация СЗА. Для Эстонского правительства желанием скорее начать переговоры объяснялось и тем, что в среде солдат эстонских войск зрели антивоенные настроения. Вопреки требованиям Антанты содействовать наступлению СЗА на Петроград Эстонское правительство село за стол переговоров с большевиками уже 4 декабря 1919 г.[1] 5 декабря начались советско-эстонские переговоры, на которых обсуждались демаркационные линии и судьба СЗА, которя была «бельмом в глазу у большевиков», да и сами эстонцы уже давно сменили раздраженный тон на дружественный. В этом вопросе советы и эстонцы, как ни в каких других, нашли полное взаимопонимание[2]. У стран Антанты не было единого мнения по отношению к переговорам в Дерпте: если Франция и США не разделяли стремлений эстонцев, то Англия чувствовала свой интерес в этом вопросе и всячески подталкивала Эстонию на ведение

[1] От советской стороны присутствовали Л.Б. Красин, А.И. Иоффе, М.М. Литвинов, К.Б. Радек.

[2] *Зирин С.Г.* Голгофа Северо-Западной Армии 1919–1920 гг.: венок соотечественникам. СПб: ООО «Береста», 2011. С. 112–115.

переговоров. По завершению переговоров обе стороны согласились не воевать против друг друга, не вести подрывную деятельность, направленную на свержение государственного строя договаривающейся стороны, не пропускать войск нацеленных на агрессию против одной из сторон, не содержать на своей территории иных войск кроме правительственных. Договаривающиеся стороны несли следующие обязательства: РСФСР – выплатить процент от золотого запаса Российской империи, расформировать эстонскую дивизию, передать военнопленных и эстонцев желающих покинуть РСФСР, а эстонская сторона обязывалась расформировать СЗА, а также ее территорию был должен покинуть британский флот[1].

Список сокращений

СЗА – Северо-западная армия.

Вдовин А.И.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ, 1917–1924 ГГ.

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены взгляды «творцов Октября» на проблему нации и Отечества, продемонстрирована внутренняя противоречивость ленинской национальной политики. В статье нашли отражение такие важные для понимания советской национальной политики черты, как иерархический федерализм и принудительный патернализм. Автор рассматривает причины, приведшие к политической нестабильности и, в итоге, к распаду советской системы.

Ключевые слова: нации, пациопальпый вопрос, пациопальпая политика, национальное самосознание, патриотизм, федерализация, унитаризм, патернализм, русский вопрос, сепаратизм, распад советской системы.

[1] Договор был ратифицирован ВЦИК РСФСР 4 февраля 1920 г., Учредительным собранием Эстонии – 13 февраля 1920 г. После обмена верительными грамотами 30 марта в Москве договор окончательно вступил в силу.

Vdovin A.I.

THE REVOLUTIONARY SOLUTION OF THE NATIONAL QUESTION IN RUSSIA, 1917–1924

Abstract. In this article, the views of the «creators of October» on the problem of the nation and the Fatherland are examined, and the internal contradictoriness of Lenin's national policy is demonstrated. The article reflected such important for the understanding of Soviet national policy traits as hierarchical federalism and forced paternalism. The author considers the reasons that led to political instability and, finally, to the disintegration of the Soviet system.

Keywords: nation, national question, national policy, national identity, patriotism, federalization, Unitarianism, paternalism, Russian question, separatism, disintegration of the Soviet system.

Говоря о будущем коммунистическом обществе, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что в нем не будет ни наций, ни государств. «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»[1]. С уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут»[2]. Развивая эти положения, В.И. Ленин писал об «идиотской системе мелких государств и национальной обособленности, которая, к счастью человечества, неудержимо разрушается всем развитием капитализма»[3]. Социализм «гигантски ускоряет сближение и слияние наций»[4] и должен завершить это разрушение. «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[5].

В 1915 г. Ленин вывел из «закона неравномерности экономического и политического развития капитализма» возможность победы

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.
2 Там же. Т. 42. С. 360.
3 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 457.
4 Там же. Т. 30. С. 21.
5 Там же. Т. 27. С. 256.

социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Дальнейшие события рисовались следующим образом: «Победивший пролетариат этой страны… организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»[1]. Угнетенные нации, национализм, сепаратизм антиколониальных, национально-освободительных движений в этой борьбе оказывались естественными союзниками пролетариата, они поддерживали все элементы распада в мире, подлежащие социалистической перестройке.

Ленин учил далее, что поскольку национальные различия невозможно уничтожить одним разом и при социализме, то все искусство «интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран» заключается в таком применении «основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»[2].

Соответственным было и отношение к отечеству Оно рассматривалось «как историческая категория, отвечающая развитию общества на определенной его стадии, а затем становящаяся излишней»[3]. Однако это не значило, что родину можно было просто игнорировать. «Отечество, – писал Ленин, – т.е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата». Фактор этот, как и судьба страны, должен был приниматься в расчет и интересовать пролетариат лишь постольку, поскольку это касалось классовой борьбы, «а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. “патриотизма”»[4]. Столь же неприличным казалось и любое, не окрашенное пролетарским цветом национальное движение и национальное государство. Не стоит забывать, что, по Ленину, «национальные движения реакционны… главное

1 Там же. Т. 26. С. 354–355.
2 Там же. Т. 41. С. 77.
3 Там же. Т. 26. С. 32.
4 Там же. Т 17. С. 190.

зло современности – государства… Основная цель – уничтожение всех государств и организация на их месте союза коммун»[1].

Призывы к защите отечества при таком понимании патриотизма и будущности государств с легкостью обращались в прямую противоположность. В 1914 г в условиях войны Ленин полагал, что «нельзя великороссам "защищать отечество" иначе, как желая поражения во всякой войне царизму»; это не только могло освободить $^{9}/_{10}$ населения Великороссии от угнетения царизмом экономически и политически, но и освобождало бы «от насилия великороссов над другими народами». Подчеркивалось, что «поражение» было бы «наименьшим злом… Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма»[2].

В условиях Гражданской войны в России тоже звучали призывы к защите отечества. «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за "защиту отечества", – писал Ленин в 1918 г., – но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма». Соотечественниками было предложено считать пролетариев всего мира, а лучшими из них – рабочих Германии. Ленин призывал: "Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они придут на помощь к нам"»[3]. Ленин сохранял веру в новых «соотечественников» и к концу Гражданской войны. Вскоре после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран Россия сделается, полагал он, «не образцовой, а опять отсталой (в "советском" и социалистическом смысле) страной»[4].

Представления творцов Октября о нациях и отечестве как явлениях, становящихся излишними уже при социализме, переводили традиционное национальное самосознание и патриотизм в разряд предрассудков, свойственных преимущественно крестьянским массам. Для интернационалистов, как отмечалось на XII съезде партии, «в известном смысле нет национального вопроса». Многие из них на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: революционер, коммунист

[1] Цит. по: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 428–429.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 14.

[3] Там же.

[4] Там же. Т. 41. С. 4.

В 1918 г Л.Д. Троцкий заявил на митинге в Петрограде: «Настоящий революционер не имеет национальности. Его национальность – рабочий класс». М.И. Калинин считал: «Национальный вопрос – это чисто крестьянский вопрос… Лучший способ ликвидировать национальность – это массовое предприятие с тысячами рабочих… которое, как мельничные жернова, перемалывает все национальности и выковывает новую национальность. Эта национальность – мировой пролетариат»[1]. Национальная политика партии при таких убеждениях и устремлениях означала, по краткому определению Сталина, «политику уступок националам и национальным предрассудкам»[2], которая щадила бы их национальные чувства в ходе «перемалывания». Тактика временных уступок была оборотной стороной национального нигилизма, определявшего стратегию национальной политики.

Внутренняя противоречивость ленинской национальной политики во многом обесценивала, казалось бы, трезвые оценки сложности и длительности процесса слияния наций. К примеру, Ленин в начале 1916 г писал: «К неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.е. их свободы отделения»[3]. Сталин полагал, что в условиях России этот период заканчивается с окончанием Гражданской войны. «Требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно»[4], – писал он в октябре 1920 г.

Захватив власть, большевики сознавали, что они меньше всего могут склонить народы России на свою сторону призывами к борьбе за осуществление конечной цели в национальном вопросе. В дело сразу пошло «приспособление принципов коммунизма к национальным предрассудкам». Советская национальная политика с этого времени определялась главным образом верой в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, а также прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов. Собственно, никакой иной национальной политики на протяжении всех последующих лет советской власти и не было.

1 Цит. по: *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Пер. с англ. М., 2012. С. 168.

2 *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 231.

3 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

4 *Сталин И.В.* Соч. Т. 4. С. 354.

Так, «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. провозглашала немедленное и бесповоротное раскрепощение народов, уничтожение всяческого гнета и произвола, замену политики натравливания народов друг на друга политикой добровольного и честного союза народов России. Гарантировались «равенство и суверенность народов России», их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»[1]. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (12 января 1918 г.) устанавливала, что «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик»[2]. Это означало, что уже в первые недели существования новой власти пришлось отложить до лучших времен предписания насчет того, что «пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики»[3], что «марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»[4].

Большевики с дореволюционных времен были известны как сторонники централизованного государства. Прогресс в государственном развитии представлялся как переход от разного типа союзных государств к единой республике, а от нее – к безгосударственному общественному самоуправлению. Принимая в 1918 г. курс на федерализм как приемлемую форму государственного устройства для всей бывшей территории Российской империи, российская власть неизменно подчеркивала стратегическую временность этой формы. «Принудительный централистский унитаризм» считалось целесообразным заменить федерализмом добровольным, для того чтобы со временем он уступил место «добровольному социалистическому унитаризму»[5]. На федеративной основе, как предполагал Ленин, будет создана и Мировая социалистическая республика. В мае 1918 г. Ленин говорил, что начавшийся «период войн и революций в разных странах продлится 50–75 лет», а потом, через 75–100 лет, «страны объединятся в огромную социалистическую федерацию или мировое сообщество»[6].

---

1 Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 72.

2 Там же.

3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 238.

4 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 144.

5 *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 4. С. 73.

6 Цит. по: *Куликова Г.Б.* СССР 1920 – 1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. № 1. С. 12.

Страна, рожденная Октябрем, первое время именовалась Советской Российской республикой. Однако уже через месяц, опасаясь распада многонационального государства при унитарной форме правления и стремясь перехватить инициативу в борьбе за массы, Ленин посчитал: нечего бояться раздробления России. «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»[1]. На III съезде Советов 25 января 1918 г. Российская республика была объявлена федерацией советских национальных республик, хотя таковые еще предстояло создать.

Решение было принято отнюдь не потому, что мелкие государства и присущий им «местный национализм» были большевистским идеалом, а исключительно из популистских соображений. Для создания «благоприятной атмосферы» в борьбе за власть в национальных регионах Ленин всячески приветствовал образование многочисленных временных советских правительств при продвижении революционных армий на «несоветскую» территорию[2].

Творцов революции не смущало, что при последовательной реализации Декларации прав народов равноправных субъектов федерации будет столько же, сколько суверенных народов объявится в России. Не это считалось важным. Существенным было то, что федерация приспосабливалась для ее расширения до вселенских масштабов. В первой советской Конституции 1918 г прямо говорилось, что основной задачей РСФСР является «установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах»[3]. Конституция СССР 1924 г. объявляла образование Союза ССР «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую Республику»[4].

Адепты мировой республики без устали раздавали обещания о готовности к объединению усилий и оказанию всевозможной помощи всем «угнетенным народам» в социалистическом преобразовании старого мира. «Когда будем правительством, – писал Ленин в 1916 г., –

1 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.

2 Там же. Т. 37. С. 234.

3 Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. М., 2001. С. 305.

4 Там же. С. 319.

мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен»[1].

В 1921 г. было сформулировано одно из центральных положений всей послеоктябрьской советской национальной политики: «Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях»[2]. В докладе на X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе было прямо сказано, что только «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой… Отсюда фактическое неравенство… которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым нациям и народностям»[3]. Представители более развитой нации, не проявлявшие готовности должным образом помогать, рисковали быть обвиненными в великорусском национализме или в уклоне к нему. Представители «отсталых» окраинных народов, не желавшие перестраиваться на социалистический лад с помощью большевистской России попадали в разряд местных националистов.

Принципиальные положения резолюций X и XII съездов РКП(б) об интернациональном долге русского народа – оказать всемерную помощь национальным окраинам в подъеме экономики и культуры, тезис Ленина о том, что ранее господствовавшая нация должна возместить бывшим угнетенным народам несправедливость, допущенную при царизме, – рождали в национальных республиках и автономиях устойчивые представления о том, что объектом государственной политики по переустройству социально-экономической жизни являлись в первую очередь национальные окраины. Что «центр» («русский народ») обязан всегда и во всем помогать отстающим, что не могло не порождать здесь известных иждивенческих настроений.

Со временем ложный взгляд на постоянную одностороннюю помощь отсталым и окраинным народам приобрел силу предрассудка.

---

1 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 120.

2 *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. С. 39.

3 Там же. С. 36.

К примеру, В.М. Молотов и в 1977 г. полагал, что более высокий уровень жизни в других социалистических странах и в советской Прибалтике – явление не только нормальное, но и необходимое. «Наши прибалтийцы, – говорил он, – живут на более высоком уровне, чем москвичи. И нам это необходимо. Это политика, соответствующая интересам Москвы»[1]. А. Запольскис, изучавший, как жили бывшие советские республики до выхода из общего Союза и как жили в 2016 г., пришел к следующему заключению: «Из-за этого стремления сделать жизнь в Ереване или Кишиневе не хуже, чем в Москве или Ленинграде, еще в 1960–70 годы, начал возникать явный перекос между трудом и вознаграждением за него. А в последние годы СССР он стал совсем неприличным. При формальном равенстве советская периферия стала жить намного лучше, чем центральные регионы страны»[2].

Иерархический федерализм, оформившийся в СССР с принятием Конституции 1924 г., объясняется фактическим неравенством народов. Считалось, что он представлял собой ту необходимую форму, в которой пролетариат решал национальную задачу путем действенной и длительной помощи отсталым народам в деле их хозяйственного, культурного развития, в их переходе к социализму. Автономная область и округ представлялись как форма самоуправления народов, особо нуждавшихся в поддержке центральной власти. Утверждалось, что распределение средств между нациями в СССР осуществляется по правилу «больше тому, кто слабее»[3], а «одно из драгоценнейших прав отсталых наций в Советском Союзе есть их право на активную помощь, и праву этому соответствует *обязанность* “державной” нации оказать помощь, которая есть только возвращение долга»[4]. Подобный принудительный патернализм имел негативные следствия, порождая иждивенческие настроения среди части населения и стремление местных элит обрести более высокий этнополитический статус. Это таило реальную опасность взращивания сепаратизма «на законных основаниях».

1 Цит. по: Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 521.

2 *Запольскис А.* Кто кого кормил в СССР и кто больше проиграл от его развала // Комсомольская правда. 2016. 23 августа. [Электронный ресурс] URL: https://www.kp.ru/daily/26571.7/3586720/ (дата обращения: 24.08. 2017).

3 *Гурвич Г.С.* Основы Советской Конституции. 7-е изд. М., 1929. С. 193.

4 Там же. С. 189.

Конституция СССР 1924 г. принималась и в расчете на возможность расширения Союза по мере успехов революции в других странах. Она объявляла СССР интернациональным государством, открытым «всем советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем»[1]. Узаконенное Конституцией государственное устройство с полным равноправием и правом свободного выхода республик из СССР оказалось «миной замедленного действия»[2], сработавшей в 1991 г. Право республик на отделение не снабжалось объяснениями, на каких основаниях это может произойти, какими должны быть порядок и процедуры практической реализации отделения. Правовая неопределенность в этих вопросах стала одной из причин, почему СССР не устоял против сепаратизма в национальных республиках.

Не добавляло прочности СССР и заложенное в основание советской национальной политики с 1920-х гг «фундаментальное противоречие: стремление к национализации этнических территорий и стремление к ассимиляции разных национальностей и создание советского народа, что вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, предшествовавшей падению Советской системы»[3].

Как представляется, важнейшим из упущений, допущенных при образовании СССР, стала нерешенность русского вопроса. К его обстоятельному рассмотрению и решению руководство партии и советского государства не возвращалось и позднее. В конце концов, эта нерешенность сыграла едва ли не главную роль в судьбе СССР. В.М. Молотов признавал, что «Коммунистическая партия так и не смогла решить русский вопрос. То есть, каким должен быть статус РСФСР и русской нации в СССР»[4]. Поскольку дело касается основного, государствообразующего народа, оно дает основание для важнейшего вывода – оно «исчерпывающе отвечает на вопрос, почему Советский Союз в декабре 1991 г. прекратил свое существование»[5].

---

1 Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2001. С. 319.

2 Путин раскритиковал Ленина за идею равноправия республик с правом выхода из СССР. 25 января 2016. [Электронный ресурс] URL: http://www.interfax.ru/russia/491443 (дата обращения: 12.05.2017).

3 *Муканова А.С.* Феномены «нация» и «национализм»: проблемы истории и теории: Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2010. [Электронный ресурс] URL: http://pandia.ru/text/79/046/72687.php (дата обращения: 12.05.2017).

4 Цит. по: *Кузнечевский В.Д.* Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза, 1931–1953 гг. М., 2016.

5 Там же.

Чураков Д.О.

ФАБЗАВКОМЫ В СОБЫТИЯХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Аннотация. В статье сопоставляются традиционные и новые подходы к вопросу об участии фабрично-заводских комитетов в Октябрьской революции. Среди новых подходов автор предлагает, прежде всего, рассматривать революцию 1917 г как «революцию самоуправления», т.е. учитывать самостоятельную роль различных социальных групп. С этой точки зрения им доказывается, что движение за рабочий контроль не было чем-то монолитным. Помимо этого, автором ставится вопрос о том, возможен ли был на каком-то этапе Октябрьской революции отказ большевиков от поддержки Советов и переориентация партии на фабзавкомы, учитывая доктрину большевиков и настроения в среде их сторонников?

Ключевые слова: революция 1917 г., рабочее самоуправление, фабзавкомы, советы, производственная демократия

Churakov D.O.

FABZAVKOMII IN THE EVENTS OF OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Abstract. The article compares and contrasts traditional and new approaches to the question of the participation of factory committees in the October revolution. Among the new approaches the author offers, first of all, consider the revolution of 1917 as a "revolution government", i.e. to take into account the independent role of different social groups. From this point of view it is proved that the movement for worker's control was not something monolithic. In addition, the author raises the question of whether it is possible at some stage to the October revolution was the failure of the Bolsheviks from the Soviets and the reorientation of the party on fabzavkom`s, given the doctrine of the Bolsheviks and the mood among their supporters?

Keywords: the revolution of 1917, fabzavkom`s, councils, worker self-management, industrial democracy.

На фоне растущего внимания к русской революции 1917 г. особняком стоит изучение рабочего движения. Исследовательский интерес к нему упал до критического уровня. Вместе с тем среди важнейших факторов, способствовавших созреванию второго, еще более радикального и глубокого этапа революции следует выделить и рабочее движение. В том числе, борьбу рабочих за свою автономию и самоуправление на производстве, в центре которой на протяжении всего 1917 г. находились фабричные и заводские комитеты.

Тему участия фабзавкомов в октябрьском перевороте неизученной не назовешь. Но к середине 80-х гг., и это видно на примере последних обобщающих работ по революционному движению рабочих, происходит некоторая консервация подходов к ней[1].

Не вполне «удобными», к примеру, для официальной науки были воспоминания Г. Орджоникидзе о его визите в Разлив к скрывавшемуся там вождю. В разговоре с ним Ленин якобы поделился своими соображениями по поводу сложившейся после июльского кризиса обстановки в стране. Меньшевистские Советы, утверждал Ленин, дискредитировали себя, – они могли взять власть без особого труда, но не сделали этого. Теперь считать их органами власти невозможно: власть у них отнята. По оценке Ленина, власть теперь можно было взять только путем вооруженного восстания. «Восстание будет не позже сентября-октября, – заключал Ленин. – Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы»[2].

Эпизод, приводимый Орджоникидзе, позволяет максимально заострить интересующую нас проблему: могли или нет, при известных условиях, большевики переориентироваться на фабзавкомы как на реальные *штабы вооруженного восстания*? А это, в свою очередь, выводит нас на более широкую проблему зрелости рабочего представительства и его политического веса в тот момент

Чтобы по-новому оценить участие фабзавкомов в октябрьском перевороте в контексте этой более общей проблематики прежних подходов недостаточно. Проблема роли рабочего представительства в этот

[1] См. напр.: История Советского рабочего класса. Рабочий класс Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920. Т. 1. М.: Наука, 1984; *Иткин М.Л.* Рабочий контроль накануне Великого Октября. М.: Высшая школа, 1984 и др.

[2] *Орджоникидзе Г.К.* Ильич в июльские дни // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 525.

переломный момент всей революции видится нам как последовательное решение комплекса более частных вопросов.

1. Прежде всего, учитывая доктрину большевиков и настроения в среде их сторонников, возможен ли был отказ от поддержки Советов и переориентация на фабзавкомы?
2. Далее, с точки зрения анализа органов рабочего представительства как системы, важно выяснить, насколько она была однородна, что стояло за процессом большевизации, и протекали ли эти процессы синхронно на всех уровнях структуры?
3. Наконец, с точки зрения институционального анализа, важно посмотреть на фабзавкомы как на особые организации революционного времени, а также на то, как их специфика могла проявиться в период борьбы за власть?

Для ответа на первый из обозначенных нами вопросов придется несколько расширить круг источников, используемый для изучения большевистской доктрины. В частности, интересную информацию содержат документы, отражающие позицию левых коммунистов. Так, лидер московских левых Н. Бухарин с трибуны Моссовета провозглашал желательность перехода власти к Советам[1]. Между тем противоречивость отношения левых к Советам видна из выступления Н. Бухарина на заседании МК РСДРП(б) 21 июня, проходившем сразу же после июньского кризиса, который Бухариным был воспринят столь же болезненно, как и июльский кризис Лениным. Бухарин откровенно заявлял: «Если у нас есть шансы для вооруженного восстания, можно пойти против Советов, за которыми идет большинство». Выступавшие после него Смидович, Ольминский и Усиевич не высказали ничего принципиального, что шло бы в разрез с этим заявлением Бухарина. Наоборот, признавая объективные трудности, они рассуждали о необходимости революционности в действиях[2].

С другой стороны, встречные настроения усиливались и в рабочей среде. Комментируя «Уроки Октября» Троцкого, В.И. Старцев делится важными наблюдениями: сопоставив резолюции солдатских и рабочих митингов видно, что солдаты поддерживали власть Советов, но не партии, тогда как рабочие, напротив, чаще в своих резолюциях настаивали

---

[1] Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 12. Д. 90. Л. 8–9.

[2] Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.

на передаче власти большевикам, выражали полное доверие им[1]. Таким образом, в предоктябрьские дни партийный радикализм смыкался с радикализмом, нараставшим в некоторых слоях рабочего класса.

В этом смысле по-новому может восприниматься и проводившаяся с 17 по 22 октября, т.е. в самый канун большевистского переворота, 1 Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов[2]. Если принять во внимание тот факт, что сроки восстания колебались с 20 по 26 октября, и примерно в тех же числах планировался съезд Советов, а также чрезвычайный съезд большевистской партии, то можно предположить, что конференция могла стать как бы запасным вариантом для большевиков в случае неудачи на Съезде Советов. В пользу допустимости такой версии говорит и тот резкий тон, который звучал в докладах Л. Троцкого и Л. Каменева, от имени руководства партии излагавших позицию большевиков по текущему моменту[3].

Однако сама по себя переориентация отдельных групп революционной демократии с Советов на фабзавкомы ничего бы не давала, если бы к такой переориентации была бы не готова сама *система органов рабочего самоуправления*. Это и объясняет важность второго вопроса, поставленного нами, и вытекающей из него задачи более детально проанализировать процессы, шедшие внутри фабзавкомовского движения. И здесь картина оказывается иной, чем представляется это обычно.

Как правило, в советской, да и современной историографии органы рабочего представительства привычно воспринимают как некую единую, внутренне недифференцированную данность. Но это совсем не так – к октябрю 1917 г фабзавкомовское движение уже прошло несколько этапов своего развития. Возникали руководящие и координирующие структуры фабзавкомовского движения. Внутри него образовывались свои «верхи» и свои «низы». Во всем ли их позиция совпадала?

Отвечая на этот вопрос, следует признать, что изложенная нами выше позиция Старцева и других исследователей о настроениях в рабочем классе нуждается в серьезной коррекции. Так, резолюция уже упомянутой 1 Всероссийской конференции фабзавкомов провозглашала,

---

1 Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Уроки Октября. Л., 1991. С. 345.

2 *Панкратова А.М.* История развития фабрично-заводского представительства и фабрично-заводских комитетов в России. М., 1924. С. 79.

3 Материалы конференции были помещены: Новый путь. 1917. № 3–4.

что «спасение революции» заключается «в переходе власти в руки Советов»[1]. Решение это отражало настроения большинства региональных центров фабзавкомовского движения в стране.

Однако если спуститься ниже, на уровень предприятий, ситуация окажется несколько иной. Бесспорно, симпатии к большевистской партии и надежды, связанные с лозунгом всевластия Советов, были широко распространены и здесь. Но далеко не везде. На Украине, к примеру, около трети рабочих работало на предприятиях, где фабзавкомы не были большевизированы[2], 16% рабочих крупнейших петроградских заводов также не шло за большевиками[3], причем на мелких, особенно текстильных предприятиях столицы ситуация была еще более противоречивой[4]. Даже на I Всероссийской конференции фабзавкомов, несмотря на то, что ее подготовка и ход контролировалась большевиками, около $^1/_3$ делегатов были их оппонентами[5]. Очевидно, новые массовые источники и методы их обработки могут дать и дадут еще более многоговорящие результаты.

Итак, несмотря на то, что в крупных городах леворадикальные настроения были достаточно сильны и в кругах большевистской партии, и в рабочей среде, фабзавкомы как особые органы рабочего самоуправления в большей мере тяготели к мирным, невооруженным способам борьбы в области экономики. В чем же проявилось их участие в организации перехода власти в руки крайних социалистических партий, окончательно определившихся в форме своей диктатуры не через фабзавкомы, а через опирающиеся на вооруженную силу Советы?

Степень и характер участия фабзавкомов в октябрьских событиях – вопрос непростой. Связано это с источниковой базой, по которой можно изучать деятельность фабзавкомов. В основном это источники, как и все источники по социальной истории, позволяющие с большей или меньшей точностью отслеживать процессы, протяженные во времени.

---

1 Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции, 5 июля – 5 ноября 1917 г.: Сб. док. М., 1957. С. 151.

2 *Грищенко А.П.* Робітничий клас України у Жовтневій Революції. Київ, 1975. С. 122.

3 *Астрахан Х.М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 376.

4 *Перазич В.* Текстили Ленинграда в 1917 г. Л., 1927. С. 91–92.

5 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 472. Оп. Д. 3. Л. 169.

Значительно сложнее по таким источникам, как протоколы заседаний фабзавкомов, переписка с другими пролетарскими организациями, журналы записей и т.п., сосредотачиваться на каком-то конкретном событии, дне.

И, тем не менее, некоторая информация, на основе которой можно судить о формах и степени участия фабзавкомов в перевороте, имеется и позволяет видеть неоднозначность и пестроту происходившего. Так, если мы посмотрим на происходящее в столице, то здесь в момент перехода власти к Советам, т.е. во вторник 24 и в среду 25 октября, на предприятиях города, как правило, работа не прекращалась (хотя вечером 24 на целом ряде предприятий и состоялись организованные большевиками митинги), о чем в те дни и сообщала кадетская «Речь»[1]. Соответственно вели себя и комитеты. Известные на сегодняшний день материалы позволяют говорить, что каких-либо важных корректив в исполняемых ими функциях или организационной структуре в эти дни не происходило. В частности, в протоколах фабзавкомов мы сталкиваемся с все той же будничной хозяйственной рутиной, которая лежала в основе деятельности фабзавкомов и до, и после интересующих нас событий.

К примеру, примечателен протокол заседания комитета 1-й электрической станции Общества электрического освещения (ОЭО) 1886 г. от 25-го октября. От Военно-революционного комитета на станцию как на объект повышенной важности был откомандирован комиссар. После обсуждения комитет принял следующий текст обращения к рабочим: «В ночь на 25 октября Военно-революционный комитет назначил на эл[ектрическую] станцию комиссара, которому поручили поддерживать непрерывную работу станции. Так как правильным ходом станции озабочен и сам заводской комитет, то мы призываем всех товарищей рабочих и служащих всемерно содействовать непрерывной работе станции и, в случае попыток нарушить правильный ход работ, противодействовать этому всеми силами». На этом же заседании был обсужден вопрос о том, возложить ли комитету задачу охраны станции на себя в целом, или избрать специальное лицо. Решено было «всему комитету быть ответственным за охрану станции»[2].

---

1 Речь. 1919. 25 октября.

2 Рабочий контроль в Промышленности Петрограда в 1917–1919 гг. Т. 1. С. 228–229.

Перед нами типичная ситуация тех дней без идеологических напластований. Заводской комитет признает ВРК постольку, поскольку совпадают их цели, но не по установлению власти, а по сохранению производства. В этом смысле прежняя формулировка, что рабочие из государственных интересов стремились не допустить падения производства[1], кажется несколько наивной. С государственной точки зрения, ВРК нужно было поддерживать безусловно, даже если бы в интересах восстания он распорядился взорвать станцию и обесточить расположения противника. Забота о сохранении своего предприятия (а не производства вообще) даже в такие переломные моменты показывает, что рабочими, как и в феврале, продолжало руководить чувство самосохранения и забота о выживании своем и своих семей.

Помимо петроградского, в те дни разворачивались и другие сценарии перехода власти к Советам. Большой спецификой, в частности, отличались события в Московском промышленном регионе. Важной особенностью региона стали широкомасштабные забастовки (вне зависимости от того, сопровождались они или нет вооруженными столкновениями). Наиболее отчетливо специфика региона в период октябрьского переворота проявилась в Иваново-Кинешемской промышленной области. Переломной в плане борьбы за власть стала здесь октябрьская стачка текстильщиков – самой многочисленной группы промышленных рабочих края. Начавшись как экономическая, с отчетливо выраженными уравнительными требованиями, стачка эта стала прелюдией к установлению в крае власти Советов.

Непосредственной базой для органов, руководящих октябрьской стачкой текстильщиков, становятся все действовавшие на тот момент пролетарские организации Иваново-Кинешемской области. Но поскольку сеть этих организаций не перекрывала всех существовавших там предприятий, возникла необходимость в организации новых, специальных структур. Ими стали организуемые на всех уровнях рабочей самоорганизации *стачечные комитеты*.

Переход фабрик и заводов в руки рабочих облегчался бегством предпринимателей. Ни один аршин мануфактуры не мог быть вывезен за пределы предприятия без санкции фабричного стачечного комитета. В довершение всего, вооруженные пикеты рабочих занимали помещения

[1] См. напр.: *Виноградов В.А.* Рабочий контроль над производством: теория, история, современность. М., 1983. С. 73–74.

с телефонами, брали под охрану конторы, входы, имущество фабрик. По сообщениям с мест, в большинстве случаев стачка протекала мирно и без эксцессов, организованно и четко[1]. На течении стачки сильно отразились октябрьские события в Петрограде и Москве. С этого момента «Центростачка» становится и политическим центром области.

Таким образом, несмотря на то, что перед нами две принципиально различные формы перехода власти в руки Советов (условно назовем одну из них «петроградской», – для нее характерно массированное использование Красной гвардии; и другая – «иваново-вознесенская» – мирная, ненасильственная, компромиссная, легальная), мы четко можем проследить общее в участии фабзавкомов в перевороте. Прежде всего, сами они в большинстве случаев не являлись органами вооруженного восстания, а руководящая роль принадлежала не им, а другим органам рабочего представительства (как правило не фабричного, а городского или регионального уровня).

В целом можно согласиться с мнением руководителей ЦС ФЗК Петрограда, позже писавших, что «фабзавкомы и их объединения (особенно на первых порах, до сосредоточения этих функций в Советах...) являлись организующими и снабжающими центрами». Единственным замечанием к этому будет то, что такие центры являются не штабами, а интендантскими отрядами, в лучшем случае, тыловыми гарнизонами[2]. Не менее значимым представляется и то, как виделась эта проблема, что называется, с другой стороны баррикад. Так, видный меньшевик и профсоюзный деятель П. Гарви отмечал: «…роль рабочих организаций... в подготовке и проведении октябрьского переворота не была ни решающей, ни преобладающей, ни направляющей, но все же несомненной и существенной, хотя судьбу всего предприятия решили не рабочие организации (рабочие секции Советов, ***фабзавкомы*** и профсоюзы), а тыловые армейские части, руководимые большевиками»[3].

---

1 Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 730. Оп. 1. Д. 2. Л. 15; *Климохин С. К.* Краткая история стачки текстильщиков Иваново-Кинешемской Промышленной Области (С 21-го октября по 17-е ноября 1917 г.) / Составил на основании подлинных документов секретарь Союза С. Н. Климохин. – Кинешма: Тип. хозяйств. секции С. Р., С. и К. Д., 1918. С. 16–32.

2 Октябрьская революция и фабзавкомы. М. 1927. Ч. 1. С. 11–12.

3 *Гарви П.* Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). Нью-Йорк: CHALIDZE PUBLICATIONS, 1989. С. 23.

Проделанный анализ позволяет нам сделать выводы по тем вопросам, которые были поставлены выше. Итак, хотя среди радикальных революционеров имелись силы, которые в процессе борьбы за власть были готовы переориентироваться с Советов на фабзавкомы, это были довольно маргинальные группы, такие, как анархисты или часть левых большевиков. Превращению фабзавкомов в реальные центры восстания мешала их специфика как хозяйственных, административных, но не политических органов. К тому же фабзавкомовское движение было очень неоднородным и процесс его большевизации к октябрю 1917 г. был еще далек от своего завершения, что также создавало препятствия для того, чтобы большевики организовывали вооруженное восстание именно через фабзавкомы. В действительности фабрично-заводские комитеты сыграли свою важную роль в октябрьской революции, но не в вооруженном захвате власти непосредственно. Роль фабзавкомов при переходе власти к большевикам сводилась в эти дни к обеспечению поддержки организационными и людскими ресурсами деятельности Советов и Красной гвардии.

Астарджиева Т.С.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ В ПРОГРАММАХ ЛИДЕРОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена взглядам на государственный порядок части белого генералитета, представленные в их программах и выступлениях. Показана специфика взглядов лидеров Белого движения в России в начальный период Гражданской войны (1917–1918 гг.): генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева и адмирала А.В. Колчака. Прослеживается эволюция взглядов на государственное устройство основоположников Белого движения. Это доказывает, что с 1917 г во время его формирования, также, как и год спустя, в конце 1918 г., они не заявляли планов восстановления самодержавия. Поэтому проблема реставрации старого режима не присутствовала в их программах. Существенное большее значение в программах имели идеи возрождения единства и величия России.

Ключевые слова: белое движение, белые генералы, государство, монархия, диктатура, Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.В. Колчак.

Astarjieva T.S.

THE PROBLEM OF THE POLITICAL RESTORATION IN THE PROGRAMS OF THE LEADERS OF THE WHITE MOVEMENT IN RUSSIA

Abstract. The publication treats the views about the state order that the White generals presented in their programs and statements. In connection with the events of 1917 and 1918 in Russia, the intentions of the founders of the White movement – the generals L.G. Kornilov, M.V. Alekseev and Admiral Kolchak – are reflected. The study of the views about the state system of the founders of the White Movement – generals M.V. Alekseev and L.G. Kornilov and of the interim Supreme Governing Admiral A.V. Kolchak – proves that when it was created, and a year later – at the end of 1918, they did not claim to restore the imperial form of self-government. Therefore, the restoration of the old regime as a problem to the White Guards does not exist and it needs to be understood as a restoration of the integrity and grandeur of Russia.

Keywords: white movement, white generals, country, monarchy, dictatorship, Kornilov, Alexeev, Kolchak.

В 1917 г. Россия перенесла две революции – Февральскую и Октябрьскую (некоторые исследователи полагают, что это единый процесс). Отрекается от престола последний российский самодержец, составлено Временное правительство, к власти приходят большевики, которые своими действиями вызывают противодействие своих оппонентов. События развиваются на фоне Первой мировой войны, а на территории России начинается Гражданская война.

Часто в исторической литературе, связанной с Гражданской войной в России, ставится вопрос о целях белых вождей вернуться к монархическому устройству. Публикация рассматривает взгляды на государственный порядок части белого генералитета, представленные в их программах и выступлениях. Не принижая всех имен белого офицерского состава, данная статья рассматривает идеи небольшой его части, его лидеров. В связи с событиями 1917–1918 гг. в России, отражены намерения основателей белого движения – генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева и в качестве временного Верховного управляющего – адмирала А.В. Колчака. Цель исследования – проследить их проекты

по отношению к государственной форме правления и степень взаимосвязи со старым царским режимом в России.

Воспитанники имперских военных училищ были возмущены происходящим в рядах российской армии, особенно – в последние два года Первой мировой войны. Углубляющиеся процессы деморализации, дезертирства, длительной усталости и напряжения на фронтах, а также разочарование бездействием Временного правительства в 1917 г настраивают офицеров на занятие позиции, отличной от политики правящих кругов. Благоприятной почвой для разрушения старого порядка служила созданная из-за «длительной и тяжелой борьбы, нехватки … рабочей силы и растущей бедности среди масс» обстановка[1]. Происходящие изменения в рядах монархической армии были необратимы. 1 марта издан Приказ № 1 об отмене званий, орденов, отличий, в воинские уставы введены новые положения. Жизнь в армии приобретает хаотичный характер, а после Октябрьской революции она попадает под контроль Совета народных комиссаров (СНК). Офицеры, подозреваемые в контрреволюции, покидают боевые ряды и переезжают на Дон, в Киев, Сибирь и другие регионы.

Октябрьская революция заставляет многих генералов и офицеров царской армии противостоять большевикам. Подобное противостояние существовало и в предыдущие месяцы, когда у власти находилось Временное правительство. Н.В. Стариков в своей книге «1917. Разгадка “русской” революции» указывает на Керенского и его сообщников как на основных разрушителей не только армии, но и страны[2].

Для того чтобы остановить анархию, произвол и антироссийскую политику правящих кругов в последние месяцы 1917 г началась вооруженная борьба, основанная генералами М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым и А.М. Калединым. Первым объединением высших офицеров является т.н. «Алексеевская организация», которая позднее перерастает в Добровольческую армию. Генералы ставят перед собой задачу восстановить силу и боеспособность российской армии, вместе со своими союзниками довести войну до победного конца и свергнуть новую власть. Со своей стороны, большевики определяют их как контррево-

---

1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2. Оп. I. Д. 61. Л. 21.

2 *Стариков Н.В.* 1917 Разгадка «русской» революции. СПб, 2014. С. 81.

люционеров и условно называют «белыми», себя же – «красными». Таким способом красные подчеркивают, что борьба, которую они повели, направлена против восстановления царской России и реставрации монархии.

Характерно то, что целью Добровольческой армии, также как и созданных позже белых войск, является восстановление российской военной мощи и борьба против Советов. Поэтому офицеры изначально не уделяют должного внимания государственному устройству. Лишь несколько месяцев спустя они обращают внимание на эти проблемы. Но при этом, решение государственных, национальных и социальных проблем в России откладывается ими до созыва нового Учредительного собрания.

В ходе правления Временного правительства напряжение в стране значительно возрастает, и на заднем плане остается отстаивание интересов России в войне. Одним из первых деятелей, который обращает внимание в своих записках на исчезающее понятие «Родина», является бывший Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев. Исследователь Н.Н. Рутыч уточняет, что эту мысль генерала можно рассматривать как повод к созданию Добровольческой армии, и это является основанием служить до конца Родине – России[1].

После Февральской революции генерала Алексеева назначают Верховным главнокомандующим. В своем приветственном выступлении в мае 1917 г. в связи с открытием Съезда офицеров, созванного с ведома правительства, Алексеев точно указывает на настроения действующей армии. Выступление проникнуто патриотическими чувствами и не содержит претензий к правителям. Основная концепция доклада состоит в необходимости общих усилий для спасения России без малейших намеков на реставрацию[2].

Руководящие посты, которые Алексеев занимает в армии со времен царской России, не приводят его к необдуманной преданности императору. Наглядным докозательством является его поведение во время лечения в Крыму, которое длилось с ноября 1916 по февраль 1917 гг К начальнику штаба российской армии приезжает делегация, которая информирует его о надвигающемся перевороте. Алексеев выражает мнение о необходимости сохранения государственного устройства

[1] *Рутыч Н.Н.* Думская монархия: Статьи разных лет. СПб, 1993. С. 140.

[2] Белая Россия. Альбомъ № 1. Издание первое. Ню Йорк, 1937. С. 14.

пока длится война, но вместе с тем, вопреки присяге, не делится мнением с государем[1].

Один из часто обсуждаемых вопросов связан с политическим пристрастием белых генералов. Существует немало авторов (преимущественно советских), которые определяют место этих генералов среди монархистов. В представленном эпизоде с делегацией, посетившей Крым и отношением к новости, нет основания считать Алексеева крайним монархистом. В.П. Слободин говорит о недоверии Алексеева к старой власти и о долге не к определенной форме правления, а, прежде всего, к Родине[2].

Взгляды Алексеева отражены в его письме ген. Д.Г. Щербачеву от 13 августа 1918 г Они основаны на необходимости возрождения единой и неделимой России, восстановления ее территории и автономии, введения порядка и безопасности для всех граждан, возможности приступить к труду, чтобы восстановить преступно-разрушенную государственность и народное хозяйство и сохранить национальное богатство от дальнейшего расхищения[3]. Высказанные идеи превращаются в основные цели и задачи «Алексеевской организации», а позже и Добровольческой армии. Генерал Алексеев предусматривает достигнуть их осуществления путем «переходного правления в виде военной диктатуры одного человека, но не более одного…»[4]. По его мнению, на начальном этапе трудно выбрать наиболее эффективный политический ход, но сознавая, что нет другой формы, которая обеспечила бы в данный момент целостность, единство и величие страны, необходимо установление конституционной монархии. Следовательно, основатель белой идеи, можно сказать, является сторонником монархического правления. Отсюда вытекает и общее мнение многих исследователей, что Белое движение является реакционным и монархическим. Вместе с тем, вся деятельность Алексеева свидетельствует об отсутствии в его целях реставрационных мер, а только о становлении свободной и демократической России.

1 *Лехович Д.А.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 64–66.

2 *Слободин В.П.* Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.) Учебное пособие. М., 1996. С. 20.

3 Там же. С. 4.

4 Там же. С. 19.

Последующие действия, декларации и выступления, высказанные «белыми», независимо от того в какой части российской территории они происходили, характеризуются отсутствием каких-либо стремлений к возрождению старого политического порядка.

После переворота большевиков Лавру Корнилову удается прибыть на Дон, где Алексеев уже занялся мобилизацией «всего живого, оставшегося от старой российской армии»[1]. Под руководством Алексеева, в новую военную структуру записываются преимущественно офицеры, студенты и старшеклассники, но отсутствуют данные об участии крестьян и солдат После некоторых недоразумений между Алексеевым и Корниловым, реальное командование Добровольческой армией берет на себя Лавр Георгиевич, а Михаил Васильевич ведет переговоры с союзниками и контролирует финансы.

Политические вопросы, беспокоящие Корнилова, стояли еще со времен, когда он занимал должность Верховного главнокомандующего, его внимание по отношению к ним усиливается в июле-августе 1917 г в спорах с А.Ф. Керенским. Корнилов начинает обдумывать введение военной диктатуры как единственную возможность спасения положения. 3-его августа он встречается в Зимнем дворце с Керенским и предлагает законодательные изменения. Керенский отказывает На проведенном несколько дней спустя в Москве Государственном совещании Корнилов подчеркивает падение дисциплины в армии и необходимость наведения порядка. Чувствуя, что власть ускользает, правительство удаляет Корнилова и объявляет его предателем. Это дает повод генералу обратиться к правящим с обвинением «в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять»[2].

Выступление Лавра Георгиевича знаменует начало формирования контрреволюционных сил, многие из которых входят в Белое движение. Г.З. Йоффе уточняет, что за личностью генерала не стоят никакие партии, а А.И. Деникин утверждает, что «Корнилов не является ни социалистом, ни реакционером»[3].

После столь дерзкого выступления генерал был арестован и посажен в тюрьму, однако от взглядов своих не отказался. Они нашли выражение в так называемой «Политической программе генерала Корнилова».

---

1 *Айрапетов О.Р.* «Живой мертвец», породивший белое дело // Родина. 2008. № 3. С. 13.

2 Белое движение. Исторические портреты. М., 2014. С. 29–31.

3 *Слободин В.П.* Указ соч. С. 15.

Документ считают секретным, но на деле он свободно передавался среди сторонников генерала. После объемного предисловия, выражающего состояние, в котором находится страна, автор объявляет, что «снова вступает на сцену политической борьбы…»[1]. В его программе отмечены 14 пунктов, которым необходимо следовать[2].

В четырнадцати пунктах нигде не обнаруживается стремления к возврату старого порядка. По просьбе Лавра Георгиевича «Программа» передана генералу Алексееву вместе с сопроводительным письмом. В нем автор рекомендует, чтобы не опубликовали ее до тех пор, пока она не будет нужна. В свою очередь, Алексеев пересылает документ своему политическому советнику П.Н. Милюкову. Он выражает несогласие с самим существованием такого документа, так как его написание не связано с консультациями политических партий. Милюков не упускает возможности напомнить, что вмешательство Корнилова в политику ведет к неудаче. Не считаясь с «прозорливостью» генерала, Милюков полагает, если «Программу» представить для широкого рассмотрения, то ее опубликование приведет к отливу от добровольческого движения. В то же время, не без основания, советник высказывает опасения, что Корнилов предпочитает учредить военную диктатуру во избежание образования правительства, похожего на Временное 1917 г., которое так и не сумело справиться с задачами, которые само себе ставило.

В тексте документа существует ряд недостатков, например, вопрос о земле. Происхождение самого Корнилова из казачьей семьи, котороя владеет землей, говорит о недостаточности у него знаний о проблемах в муниципальных землях. Факт, что почти все белые генералы предусматривают возврат земли ее крупным владельцам – идея, которая резко отличается от программы «красных». Изучая Гражданскую войну и вытекающие от нее события, отличие целей белых офицеров от лозунга большевиков по аграрному вопросу, можно утверждать, что в решении проблем земли заключается, в значительной степени, провальный эффект для белого дела. Слабости в их программах (также, как и в «Программе» Корнилова) вместе с другими факторами являются причинами их поражения.

В «Политической программе» Корнилова идет речь о созыве Учредительного собрания с депутатами, выбранными всеобщим

---

1 *Катков Г.М.* Дело Корнилова. М., 2002. С. 156.

2 *Катков Г.М.* Указ соч. С. 156–158.

голосованием. В документе 27 декабря 1917 г Добровольческая армия утверждает, что признает волю Собрания, при этом факты доказывают, что среди самих организаторов Белого движения нет ясности по вопросам политики и не существует единства взглядов на будущее устройство страны. Генерал Алексеев говорит о конституционной монархии, а Корнилов – об Учредительном собрании, которое выберет будущий государственный строй. Объединение между ними основывается на цели, которая стоит перед Добровольческой армией, борьбе с большевиками.

На протяжении года после Октябрьской революции, на всей периферийной территории России создаются правительства и армии, противостоящие новой советской власти. Последующие действия, декларации и выступления, произнесенные белыми правителями, характеризуются отсутствием каких-либо стремлений к возрождению старого порядка. Неосуществленная с лета 1917 г идея Корнилова введения военной диктатуры снова выходит на первый план в ноябре 1918 г

Титул временного Верховного правителя России получает адмирал А.В. Колчак. Характер переворота, совершенного в Омске, часто определяют как кадетско-монархический. В своем дневнике В.Н. Пепеляев отмечает, что именно кадеты несут ответственность за переворот и с ним связывают свои намерения по укреплению власти[1]. Обвинения Колчака как сторонника монархического устройства России в значительной степени основываются на участии монархистов в перевороте, а в заявлениях большевиков считалось, что целью белых является возврат страны к имперской модели. Осуществление временной верховной государственной власти Колчаком начинается с 18 ноября 1918 г Одна из поздравительных телеграмм Колчаку призывает его следовать идеям ген. Алексеева о спасении Родины. Священник 4-й стрелковой Уфимской дивизии о. Александр пишет о Колчаке: «…до сих пор не было человека правительства, искренне любящего Россию и такого, который бы чувствовал страдания России и с любовью исцелял бы ее…»[2]. В том же тоне звучит и поздравление ген. Деникина Колчаку, в котором сказано, что Верховный Правитель России «должен довести страну до Учредительного собрания»[3]. Опубликованный

[1] *Рунов В.*, Португальский Р. Легендарный Колчак. М., 2014. С. 310.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 176. Оп. 4. Д. 9. Л. 71.

[3] ГА РФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 93. Л. 2.

в «Правительственной газете» Приказ Колчака № 46 от 27 ноября 1918 г. гласит: «…Я вас призываю сплотиться вокруг меня… соблюдать воинскую дисциплину, отказываясь от любой политики, партийности, оставить небольшие, личные счеты, интриги и распри… и выполнять честно долг перед Родиной с оружием в руках»[1].

Сразу же после переворота адмирал издает приказ, раскрывающий основные направления новой власти: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности… Обстановка, в какой мы сейчас пребываем, заставляет меня и моих ближайших помощников сосредоточить все внимание прежде всего на создании сильной боеспособной армии…»[2]. Александр Васильевич пользуется поддержкой Антанты, которая оказывает ему материальную и финансовую помощь. Главной задачей перед новым правительством является борьба с большевиками и восстановление государственности. В перспективе остаются «демократические преобразования, ввод гражданских свобод, созыв Учредительного собрания, которое решит государственное устройство»[3].

Первое интервью Верховного правителя перед журналистами датированно 28 ноября 1918 г Был организован прием для представителей газет «Сибирская речь», «Заря», «Слово», «Вестник Временого правительства». На встрече адмирал обосновывает причины принятия власти, задачи, которые он ставит перед собой: «Когда распалось Всероссийское Временное Правительство и мне пришлось принять на себя всю полноту власти, я понимал, какое трудное и ответственное бремя беру на себя…»[4].

По примеру ген. Алексеева, адмирал Колчак ставит на первое место возрождение России и восстановление порядка в ней, создание армии и выдворение большевиков. Только после этого можно говорить о созыве нового, некомпрометированного Собрания, которое Верховный правитель называет Национальным. Адмирал полагает, что именно это Собрание определит будущее устройство страны.

---

1 ГА РФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 82. Л. 2.

2 *Гончаренко О.Г.* Белое движение. Поход от Тихого Дона до Тихого океана. М., 2007. С. 94–95.

3 История России, новое и новейшее время. М., 2010. С. 439; *Шамбаров В.Е.* Белогвардейщина. Параллельная история Гражданской войны. М., 2012. С. 340.

4 *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный моментрусской истории 1918–1920 гг. М., 2013. С. 239–242; Сибирская речь. Омск. 1918. № 92. 30 ноября. С. 4.

Производит впечатление, что за все время своего правления Колчак говорит о созыве Национального Учредительного собрания или же Земского собрания как об условии восстановления российской политической системы. Создаются Комиссия по вопросам общероссийского представительного собрания с учредительным характером и областные представительные учреждения. Они должны разработать проект, который предусмотрел бы принципы всеобщего, равного избирательного права и тайного голосования. Прямое голосование должно относиться только к городам с населением свыше 200 тыс. человек, а в сельских районах предусматривается двухступенное голосование[1]. Избирательные права предоставляются всем гражданам старше 25 лет, за исключением тех, кто поддерживает большевиков. Подобная система, однако, не вводится в годы Гражданской войны, и проект остается формальностью.

На вопрос является ли Колчак монархистом, перед допрашивающими его, адмирал отвечает следующим образом: «…до Февральской революции 1917 года считал себя монархистом… Когда совершилось отречение Николая II…, считал, что монархия восстановлена не будет, что установится строй республиканский, и такой строй считал приемлемым и наиболее соотвествующим создавшейся обстановке…»[2].

По мнению А.В. Смолина, Колчак первоначально являлся монархистом и верным служащим существовавшего самодержавного строя. Подобное определение характерно для всего офицерского состава, получившего образование в имперской России. Изменения в его политической ориентации связываются с событиями февраля 1917 г., отдавая предпочтение, однако, военной диктатуре и участию армии в правлении страны[3].

Отражением настроений, волнующих Колчака в марте 1917 г., является следующее высказывание: «Я приветствовал изменение правительства, считая, что власть будет принадлежать народу… Поэтому, когда государь отрекся, было понятно, что монархия пала и возврата нет…»[4].

---

1 С Колчаком – против Колчака. Краткий биографический словарь. М., 2007. С. 183.

2 Верховный правитель России: документы и материалы следственого дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003. С. 33–34

3 *Смолин А.В.* Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб, 2012. С. 191.

4 *Белиг А., Беспалов А.* «Я хотел вести свой флот по пути славе и чести» (к 130-летию со дня рождения адмирала А.В. Колчака // Морской сборник. 2004. № 11 (ноябрь). С. 70.

В.П. Слободин отмечает, что Дж. Бринкли в статье, посвященной белому движению, обращает внимание на факт, что ни Деникин, ни Колчак не ставят перед собой реакционной цели – реставрации старого режима. Составленное в марте Временное правительство дает новые надежды А. Василиевичу, так как предыдущая власть не в состоянии довести войну до победного конца и ввести демократические реформы в стране. Более того, характерно то, что Верховный Правитель в целом повторяет взгляды и следует идеям основателей белого движения Алексеева и Корнилова.

Своим произведением «Белое дело» Л.А. Суетов утверждает, что именно советская историография пропагандирует идею, что белые борятся за восстановление буржуазно-помещичьего строя и их целью является военная диктатура буржуазно-помещичьей контрреволюции[1]. Подобное мнение советских исследователей является ошибкой, так как отсутствуют доказательства о намерениях со стороны какого-либо белого правительства вернуть именно такой монархический порядок. Следует считать, что Белое движение являлось альтернативой советской власти и лозунги А.И. Деникина «Великая, единная и неделимая Россия», и П.Н. Врангеля «За Россию, за свободу» это подтверждают.

Белая идея рождается непосредственно после Октябрьской революции, когда уже зародились контрреволюционные силы. Е.В. Волков отмечает, что, некоторые авторы даже связывают ее появление с концом августа 1917 г в связи с выступлением Корнилова против Временного правительства и Советов[2].

Белое движение включает в себя широкий спектр политических и военных представителей. К нему примыкают разнородные политические и социальные силы – от монархистов, кадетов, эсеров до социалистов от крестьян и рабочих, до крупных производителей и помещиков, казаков, солдат, которые по-разному трактуют идею восстановления сильной и могучей России. В значительной степени эти разнородные слои порождают социальные споры и противоречия среди сторонников белой идеи, что, в свою очередь, ведет к разделению между ними. В своей статье И. Невзоров приводит слова А.И. Деникина: «Это борьба за Россию, поэтому нужны и монархический принцип, который должен

---

1 *Суетов Л.А.* Белое дело. СПб, 2000. С. 5.

2 *Волков Е.В.* Гидра контрреволюции. Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008. С. 8.

поддерживать моральный дух и боеспособность офицерского корпуса и республиканский принцип… по отношению к союзническим отношениям с национальными окраинами бывшей российской империи»[1].

Анализ взглядов генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, адмирала А.В. Колчака на будущее государственное устройство России доказывает, что ни во время начала Белого движения, ни позже, они не видели своей целью восстановление имперского вида самодержавия. Если в конце августа 1917 г., Лавр Корнилов говорит о единоличном правлении и диктатуре, а ген. Алексеев делает акцент на целостности страны, заявленное обоими повторяется в выступлениях адмирала Колчака. Целью, в первую очередь, является возрождение и объединение родины, создание боеспособной российской армии, установление порядка и законности и только после этого – проведение выборов в Учредительное собрание. Необходимо отметить временный приоритет единоличной власти над коллективной, так же, как и военной над гражданской[2]. Политическая и экономическая ослабленность России в 1917–1918 гг. заставляет установить временный режим диктатуры, но эта власть декларируют последующую передачу вопроса о будущем устройстве страны выборному собранию. Ошибочно поэтому утверждать, что за создателями Добровольческой армии и возглавлением белого дела адмиралом, стоят исключительно реставрационные имперские намерения, реставрация старого режима как проблема для белогвардейцев не существует, и необходимо ее понимать, как задачи восстановления целостности и величия России.

1 *Невзоров И.* Белогвардейская Россия. Политико-правовые аспекты // Посев. 2003. № 10. С. 39.

2 *Цветков В.Ж.* Формирование и эволюция политической модели представительной власти в белом движении на Востоке России в 1917–1922 гг. // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научно-практической конференции. Кемерево, 2007. С. 126.

УРОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ФЕВРАЛЯ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Лачаева М.Ю.

КОГДА СТАРЫЕ КНИГИ СТАНОВЯТСЯ НОВЫМИ: ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI В. ИСТОРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ П.Г. ВИНОГРАДОВА (1854–1925), ПОСВЯЩЕННОЙ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Аннотация. В статье показано, как ученик В.И. Герье – историк П.Г. Виноградов (1854–1925), автор работ по средневековой истории Англии и историческому правоведению, преподаватель Московского университета, Московских высших женских курсов, Кембриджского и Оксфордского университетов – стал очевидцем февральских событий 1917 г в Петрограде. Проанализированы его суждения о причинах и ходе Февральской революции 1917 г. на основании опубликованной в начале XXI в. публицистики Виноградова.

Ключевые слова: публицистика П.Г. Виноградова, Февральская революция 1917 г. в Петрограде.

Lachaeva M.Yu.

WHEN OLD BOOKS BECOME NEW: ON THE OCCASION OF THE PUBLICATION AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY HISTORICAL JOURNALISM OF P.G. VINOGRADOV (1854-1925), DEDICATED TO THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA

Abstract. The article shows how the follower of V.I. Gere – historian P.G. Vinogradov (1854-1925), the author of works on medieval English history and historical jurisprudence, Professor of the Moscow University,

the Moscow higher women's courses, Cambridge and Oxford universities, was an eyewitness to the events of February 1917 in Petrograd. Analyzed his judgments about the causes and course of the February revolution of 1917 on the basis of published in the beginning of the XX1 century journalism Vinogradova.

Keywords: the journalism of P.G. Vinogradov, the February revolution of 1917 in Petrograd.

Изданная в начале XXI в. публицистика историка П.Г. Виноградова сегодня дает возможность исследователям проанализировать понимание им *революции* как *процесса*, и *Февральской революции* как его *эпизода*. И хотя имя Виноградова встречается в литературе как ученика В.И. Герье, развивавшего практику исторических университетских семинаров, введенную учителем, и как активного либерала-политика[1], тем не менее, подробной характеристики концептуального представления Виноградова о революции в историографии до появления публикаций А.В. Антощенко не давалось.

Не лишенный идеализма профессор-либерал, очевидец Февральской революции, Виноградов увидел в ней переход к «нормальному» состоянию общества. Но он все же учитывал опасность недооценки усилий деструктивных сил и их последствий, а основной угрозой считал двоевластие. При анализе современного положения в нем в первую очередь говорил историк, который руководствовался своими представлениями об истории России и освободительного движения. А представлял Виноградов *русскую революцию как единый процесс и глубокий катастрофический кризис*.

[1] Обе педагогическая и общественная стороны деятельности Виноградова были взаимосвязаны. Через его семинары прошли историки: П.Н. Милюков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, С. К. Богоявленский, Д.М. Петрушевский, С. П. Моравский, С. Ф. Фортунатов; юристы-адвокаты В.А. Маклаков, А.Э. Вормс, М.И. Брун; литературовед, философ, публицист и переводчик М.О. Гершензон, А.И. Гучков (позднее лидер партии Союз 17 октября, член первого состава Временного правительства одновременно с кадетом П.Н. Милюковым). В молодости Гучков имел научно-педагогические амбиции. Виноградов консолидировал вокруг себя молодых коллег ученых и практиков, многие из них стали деятелями кадетской партии. В конце XIX в. к Виноградову был близок будущий марксист М.Н. Покровский.

Размышляя о причинах революционного кризиса, он показал «огромные изменения», произошедшие в состоянии и намерениях участвовавших с обеих сторон сил в 1917 г., по сравнению с 1905 г., «успехи всех классов в политическом образовании». «Изменившееся поведение армии, слабость полицейских сил, оставленных на произвол судьбы, значительные успехи всех классов в политическом образовании»[1]. Так, жестоко проявивший себя при подавлении восстания в Москве в декабре 1905 г Семеновский полк, в 1917 г в Петрограде (где был расположен, правда, только батальон семеновцев) *присоединился* к революционным силам. Ход мировой войны многому научил простой народ[2]. Виноградов подчеркивал, что использование народа в качестве пушечного мяса – это обоюдоострый меч.

Выделяя факторы, которые привели к кризису власти, Виноградов выделил утрату Россией доминирующего элемента русской политической жизни в лице власти царя, после принятия им должности Главнокомандующего. По мнению историка, династия Романовых изжила себя и утратила необходимую ей сакральность. О том, что процесс зашел далеко, свидетельствовал очевидный современникам факт. О размере и глубине надвигавшейся дворцовой катастрофе размышляли вслух уже не только интеллигенция, но и простые люди[3].

Повторение выбора наследника (как в 1613 г. – *М.Л.*) *из* какого-нибудь исторического рода, русского по происхождению, было для современников невозможно. По свидетельству Виноградова, наиболее частым возражением, высказываемым ему современниками, была очевидная для них реальность: «такие фамилии как Трубецкие или Долгорукие, через многочисленные свои ветви смешались с массой простонародья и не смогли бы возвыситься до возвышенного уединения правящей династии»[4]. И все же нотки сожаления в текстах Виноградова прочитываются: «Несомненно, – писал историк, – ореола, окружающего историческую династию, у новой власти не будет; но сама

1 *Виноградов П.Г.* Некоторые впечатления от русской революции // Историко-публицистические статьи. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 377.

2 Там же. С. 382.

3 Там же. С. 378.

4 Там же. С. 383.

династия Романовых виновата в этой национальной утрате»[1]. Церемониальные чары имперской традиции не смогли перевесить загнивания и разложения династии, преодолеть династический кризис и разногласия внутри Дома Романовых. И, тем не менее, – это большая, чувствительная «национальная утрата».

Историк показал негативное влияние на политику правительства непригодных «реакционных схем»[2]. «Лидеры реакции, – писал Виноградов, – изо всех сил старались сделать решение, предотвращающее крайности, невозможным»[3]. Присущая внутренней политике правительства линия «провокации», активизировавшаяся в период первой российской революции и в межреволюционный период, в феврале 1917 г. получила свое провальное завершение. В 1917 г., готовясь к расстрелу непокорного населения Петрограда (а такой опыт власть приобрела 9 января 1905 г.), не учли последствий «Кровавого Воскресения» и просчитались. Фактическую сторону развития событий Виноградов представил следующим образом: «Стачки и манифестации, – писал историк, – самонадеянно ожидали 27 февраля и 4 марта»[4]. По свидетельству Виноградова, для карательной акции были подготовлены около 600 пулеметов, произведенных главным образом в Великобритании. Правительство отказалось «от всех сомнений в разумности восстания в критический момент войны. Секретная служба Протопопова хотела восстаний – вместо этого она получила революцию», – такой вывод сделал Виноградов[5]. Современные исследователи ставят под сомнение информированность Виноградова о военно-технической стороне событий. Но в данном случае публицистика, скорее всего, более объективно раскрывает концепцию историка и его общественно-политические взгляды.

Он считал, что с утратой в глазах населения сакральности, и как следствие, легитимности верховной власти, дело окончательного разрушения власти взяла на себя масса. Философия численности стала,

---

1 *Виноградов П.Г.* Россия на распутье // Историко-публицистические статьи. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 384.

2 *Виноградов П.Г.* Некоторые впечатления от русской революции // Историко-публицистические статьи. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 379.

3 Там же.

4 Там же. С. 380.

5 Там же.

как всегда бывает в такие исторические моменты, единственной философией истории. В доказательство историк процитировал слова своего ученика – адвоката и представителя кадетов В.А. Маклакова (1869–1957): «…если порядок пошатнулся, демократическая масса всем своим весом будет давить наиболее решительно в направлении наступающих перемен»[1].

Наибольшую опасность в глазах Виноградова представляла тенденция стирания в повседневной жизни традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и мирским. У Виноградова, как свидетеля событий в России в судьбоносные мартовские дни 1917 г., опасения и ожидания дурного обретали «конкретный вид». Самые ужасные восстания, по его мнению, произошли не в Петрограде, а в Гельсингфорсе, Кронштадте и Ревеле.

Надежда на лучшее у историка все же была, но она требовала точки опоры. В сознании Виноградова такой точкой стало историческое воспоминание об утрате Московским царством российской государственности в начале XVII в. Но здесь в его рассуждениях об аналогии сквозила беспомощность и декларативность. Реальные новые формы возрождения государственности Виноградову не открывались. Ему оставалось рассчитывать на «элементарный инстинкт национального самосохранения» и заявлять, что этот инстинкт «вывел русский народ из куда более сложных положений – триста, двести, сто лет назад» и «вновь проявит себя перед лицом предметных уроков иностранного завоевания», возродит государственность[2].

Уроки Февральской революции Виноградов рассматривал, в том числе, и сквозь призму ошибок свергнутой власти. Системной ошибкой власти историк считал «репрессии», «вытеснение непокорных идеалистов, которые при более благоприятном правлении, могли бы стать великолепными работниками»; таким образом, «система поддерживала себя старательным устранением самых способных»[3]. «Чтобы лучше понять нынешнее состояние России и найти правильную точку зрения, – давал совет историкам Виноградов, – нужно, прежде всего,

---

1 Там же. С. 382.

2 Там же. С. 385.

3 *Виноградов П.Г.* Россия на распутье // Историко-публицистические статьи. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. С. 389.

отметить, что оно подготовлено сложной и долгой социальной дисгармонией»[1]. Накопление социальной дисгармонии любой новой властью в будущем неизбежно приведет к Смуте, революции. С этим мнением Виноградова не поспоришь. Сам же он в начале 1917 г. был удостоен звания рыцаря Англии (в дальнейшем баронета и сэра) за заслуги перед Антантой, а в 1918 г стал британским подданным, поддерживал интервенцию и Белое движение.

Архипова Л.М.

ФЕВРАЛЬ 1917 Г. КАК ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Психологические аспекты февральских событий 1917 г., отразившиеся в воспоминаниях их непосредственных участников и свидетелей, рассмотрены как соответствующие рецепции, закрепленные в литературных образах революции и сохраняющие актуальность в культурной памяти современного российского общества.

Ключевые слова: культурная память, «герои революции», национальное самосознание, психологические аспекты.

Arkhipova L.M.

FEBRUARY 1917 AS A HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL PROBLEM

Abstract. Psychical aspects of the famous political events of February 1917, which were been written in memoirs theirs participants, are present as literary images of revolution.

Keywords: culture memory, “heroes of revolution”, national culture self-acknowledge, psychical aspects.

[1] Там же. С. 423.

Исследование историко-психологической проблематики опирается на ряд методологических принципов. Согласно им, в центре исторического знания неизменно находится социально-психическое, объектом изучения является не прошлое, а исторические источники, предметом – самосознание источника, основным методом – герменевтический круг понимания, задачей – реконструкция источниковой реальности, а целью – познание общезначимого[1]. Историческая феноменология исходит из того, что понимание как познавательная деятельность есть последовательное и направленное раскрытие в исторических источниках объяснительных процедур, реконструкция способов внешнего самоописания во времени и пространстве[2]. В единстве с обращением к эго-источникам, отличающимся особой субъективностью информации, отмеченные приемы ее обработки позволяют изучить условия формирования тех историко-литературных образов Февраля 1917 г., которые и спустя сто лет после своего рождения сохраняют актуальность в культурной памяти нашего общества.

Светлый образ революции был создан уже в ее первые дни. 22 марта ученикам V класса Московской консерватории в качестве письменного экзамена была предложена общая тема сочинения «Первые дни свободы в Москве». Ученики изложили свои впечатления в форме писем к близким друзьям и родственникам, что заведомо обещало особую открытость в выражении чувств, чрезвычайную восторженность и идеализацию. Общим местом сочинений стало описание переполнявшего авторов «необычайного подъема духа», праздничной атмосферы улиц и площадей, заполненных толпами «ликующего» народа, звучанием духовых полковых оркестров, гармоник, балалаек и бубнов, а также особенно яркими на фоне белого снега красными бантами, лентами и флагами, часто «пролетающими» автомобилями с вооруженными отрядами или с хлебом[3].

Трудно признать результатом юношеской рефлексии те определения событиям, которые присутствуют в «письмах», поскольку их последствия авторами еще не были пережиты, и они могли опереться в своих

1 *Каравашкин А.В.*, *Юрганов А.Л.* Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: Рос.гос.гуманит.ун-т, 2005. С. 156–159.

2 Там же. С. 114–120.

3 Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 1. М.: Студия «ТРИТЭ», 1991. С. 191–204.

оценках на клише, навеянные широко развернувшейся антиправительственной пропагандой. Так, о причинах революции сообщалось: «Уже давно чувствовала Россия, что правительство их притесняет». «Масса лиц немецкого происхождения служила России. Измены, шпионство и всевозможные притеснения с каждым днем росли»; «…всюду измена, измена, идущая от венценосных людей, … народ опрокинул огермanизированный трон, а вместе с ним … всех лиц, стоящих у этого трона, зараженных германской гангреной»; «Россия избавилась от тиранов и стала свободной страной»[1].

Другой заменой самостоятельного критического осмысления событий послужили идеологические штампы, укоренившиеся в сознании учащейся молодежи за десятилетия освободительного движения в стране. Мысли и форма их выражения, как прямо указывают на признание авторами преемственности революционных этапов борьбы, так и ассоциативно вызывают в сознании читателя аналогию с характерными чертами народнической идеологии – признание жертвенности как обязательного условия «освобождения», любование необыкновенным величием русского народа, подчеркивание мессианских судеб России. «Свершилось то, … за что наши деды, наши прадеды шли в ссылку, клали свои головы на плаху…», «… во имя свободы каждый готов был пожертвовать собой». «Ведь сколько терпел русский человек, …, а вот свергнул царя … и нет у него злобы, ... он провожает своих мучителей…, добродушно подсмеиваясь над ними; … в этом выражается вся красота его души…». «Были обидчики, были притеснители, но все это в прошлом, все это … сметено с народной души», теперь она «станет впереди всех и создаст полную гармонию и красоту в мире»[2]. Характерны сравнения с Великой французской революцией: «Весь переворот произошел быстро и без кровопролития, как ни в одной культурной стране». «Это чудо! Французская революция создала гильотину, русская же уничтожила ее». «Это единственная революция, прошедшая без крови и жертв»[3].

Дух победы над общим внутренним врагом объединил «высших» и «низших», «чернь» и студентов, рабочих, солдат, офицеров, господ «в котелках» и женщин с детьми на руках, людей разных национальностей. «Я оглянулась и встретилась глазами со своим двоюродным

[1] Там же. С. 194, 195, 199.

[2] Там же. С. 199, 200.

[3] Там же. С. 196.

братом…, поляком и завзятым революционером… сияющими глазами он показывает на толпу «Смотрите, это все наши братья, теперь свободные граждане…». «Да поможет тебе всемогущий Бог, дорогой русский брат, несущий себе и мне, польке, свободу»[1]. Для характеристики этого настроения не достаточно назвать его общедемократическим подъемом, точнее будет определение «соборности» как духовного братства. Вера в «великое обновление России» как воскрешение к новой жизни по яркости выражения близка религиозной, а акцент на проявлениях открытости в общении, «любви и ликовании» позволяют назвать созданный в сочинениях образ «пасхальным». Даже спустя месяц после описываемых событий победная эйфория, оживавшая в памяти учащихся, мешала им трезво оценить насилия и опасность «разбушевавшегося моря стихийной народной жизни».

Созданию светлого историко-литературного образа Февраля 1917 г способствовал юный возраст авторов сочинений, особенно восприимчивых к чувствам толпы, а также цель описания и роль наблюдателя в ходе революции.

Одним из ее авторов был В.Д. Набоков, член ЦК кадетской партии, управляющий делами Временного правительства, затем заместитель председателя Временного Совета Республики. Созданный им либеральный образ Февраля отличается концептуальной основой. Заметки составлялись в апреле 1918 г в Крыму, завоеванном немцами. «Пережив все горькие разочарования, все ужасы, все унижения и весь позор этого кошмарного года революции, стоя у разбитого корыта истерзанной, загаженной, расчлененной России, испытав всю мерзость большевистской вакханалии, убедившись в глубокой несостоятельности тех сил, на долю которых выпала задача создания новой России», – он постоянно возвращается к проблеме – были ли шансы на другой исход событий[2].

Такой угол зрения позволил автору сконцентрировать внимание не на описании, а на рассуждении о возможностях сохранения монархического принципа, заключения мира, подавления анархии и разложения армии. При этом он осознанно выстраивает анализ с позиции не активного участника, а наблюдателя, оказавшегося внутри исследуемого им политического процесса. Это достигается рядом приемов:

---

1 Там же. С. 201, 195.

2 *Набоков В.Д.* Временное правительство // Наше наследие. 1990. № 5. С. 63.

подчеркиванием ретроспективного характера анализа путем включения в текст частой речевой оппозиции «теперь ↔ тогда»; многократным признанием своей неосведомленности о сложных внутрипартийных отношениях; указанием на честность и искренность в освещении фактов, наиболее ярко отложившихся в памяти, при отсутствии документального материала под рукой. В.Д. Набоков добивается эффекта «непричастности» к ошибкам революционного правительства и создает себе имидж политика-прагматика, юриста-аналитика. Впечатления как достояние памяти автора утратили свежесть и непосредственность, каждое подчинено рождающейся на страницах воспоминаний рациональной концепции.

«Я пережил не повторявшийся больше подъем душевный…, рухнул деспотизм, … произошло что-то великое, священное, что народ сбросил цепи». «Тогда…не отдавал себе отчета в том, что основой происшедшего был военный бунт, вспыхнувший стихийно вследствие условий, созданных тремя годами войны, и что в этой основе лежит семя будущей анархии и гибели…»[1]. Характерное в этом контексте описание Таврического дворца 02.03.1917: площадь перед Думой переполнена, кругом давка, раскаты «ура»; внутри дворца – «солдаты, солдаты, солдаты с усталыми, тупыми, редко добрыми и радостными лицами, всюду сор, солома, … истерические голоса ораторов, … везде давка и суетливая растерянность»[2]. С первых страниц заметок возникает предчувствие провала политики еще только рождающейся власти: «поразил мрачный и унылый вид, ... усталое выражение глаз» кн. Г.Е. Львова; М.Н. Милюков – «без голоса, сорвал на солдатских митингах»; А.Ф. Керенский – «в предобморочном состоянии»; о миссии Гучкова и Шульгина говорили «неодобрительно-скептически», настроение П.Б. Струве было «крайне скептическим», друзья были «смертельно усталыми»[3]. Это впечатление усиливается психологическими портретами тех, кто составил новый кабинет: Коновалов «ни минуты не верил в возможность благополучного выхода из положения»; Мануйлов «скорее других проникся безнадежностью …, приходил в уныние и отчаяние, …остался тусклой фигурой»; Терещенко – «бесцветная фигура, … отсутствие твердых убеждений, плана, полный дилетантизм

[1] Там же. С. 62.

[2] Там же.

[3] Там же

в вопросах внешней политики»; Годнев «держался совершенно пассивно…, был воплощенным недоразумением», его подход к делам отличался «простодушной обывательщиной, глубочайшим провинциализмом»; Шингарев «рассчитан … на уездный масштаб, …слишком очевиден был его дилетантизм, слабая подготовка, ограниченный кругозор»; В.Н. Львов «поражал наивностью и невероятным легкомыслием»; Г.Е. Львов – «воплощение пассивности»; Гучков «с самого начала в глубине души считал дело проигранным»[1]. Автор подводит к мысли: не столько сила Ленина и Троцкого, сколько слабость Временного правительства обусловила успех Октября[2].

В.Д. Набоков наполнил образ революции такой важной чертой как психическое состояние общества, последовательно обнажая безумие, охватившее всех: заседания правительства имели «хаотический характер», работа в МПС «лихорадочная», атмосфера «лихорадочная, сумасшедшая», «везде взволнованные, возбужденные лица», «великое потрясение народной психики, вызванное крушением престола», «бессознательный большевизм вскружил наиболее трезвые умы». Олицетворением этой стороны событий стал портрет Керенского, который «весь был соткан из импульсов». «Идолизация его – не что иное, как психоз толпы, …душа его «была ушиблена» той ролью, которая история ему – случайному, маленькому человеку – навязала…, если он был героем первых месяцев революции, то этим самым произнесен достаточно веский приговор этой революции»[3]. «Опьянение переворотом» привело не только к самосудам, но и к превращению народа в массу, сознанием которой можно управлять. Уже в апреле 1917 г «во имя партийной интриги и демагогических вожделений, поднят был Ахеронт…», а кадеты «выкинули республиканский флаг»[4].

Не столько конституционализм, сколько прагматизм автора проявился в едином потоке его негативных высказываний о самодержавии, политическом режиме Николая II и безусловном признании полезности сохранения монархического принципа для новой государственности, хотя бы на переходный период, поскольку только так могла быть обеспечена легитимность Временного правительства.

1 Там же. С. 73–77; Наше наследие. 1990. № 6. С. 69–71.

2 Там же. № 5. С. 60.

3 Там же. С. 72.

4 Там же. С. 60, 63.

Образ Февраля 1917 г., «весь сотканный из импульсов» свободных от власти государства и совести «низов» и деморализованных солдат, представлен в мемуарах П.П. Заварзина, бывшего начальника Варшавского ГЖУ, оказавшегося в Петрограде по делам службы. Они были написаны в 1930 г. в эмиграции в условиях появления охранительно-заговорщических версий революции, но психологизм источника определяется не политизацией памяти автора, а его ролью потенциальной жертвы расправы в феврале 1917 г Целью всей книги было убедить в значении тайной полиции для безопасности страны, Февраль – лишь один из ее сюжетов. Анархический образ революции складывается из перечисления ее движущих сил: в стихийном выступлении – «сотни тысяч рабочих, студентов, бездомных, посетителей ночлежек, безработных, обнищалых и озлобленных, подонков улицы…, пьяные оборванцы с винтовками, солдаты, деморализованные матросы»[1]. В двух словах отмечена цель кадетов – захватить власть, и они воспользовались ситуацией, измена генералитета и пассивность МВД.

Для описания событий автору не важна их последовательность и хронология, он точно достает из альбома фотографии и называет запечатленное на них: «улицы и тротуары сплошь запружены народом, … Стоят группами, разговаривают… серьезно и озлобленно; слышатся голоса протеста, что мало хлеба, …бранят правительство … Вдруг издали зашумел грохот пулемета… Толпа на момент замерла, а затем неудержимо ринулась, давя друг друга и бросаясь из стороны в сторону. Опять грохот. Вокруг меня лица, искаженные озлоблением и ужасом… Слышны мольбы, ругань и призыв к помощи… Но стрельба прекратилась, и часть толпы опять приблизилась к новому появившемуся оратору»[2].

Дальнейшее предстает как апогей криминального разгула: «…грабеж, ненависть, идеи, авантюра и праздность, все смешалось в одном котле революции. Начались насилия над офицерами и случаи убийств»[3]. Лаконичный, репортерский стиль речи, лексика «темного» текста, упоминание о собственном состоянии полной апатии, физической усталости, морального утомления, указание на участившиеся случаи самоубийства, – в своем единстве эти черты повествования создают

[1] *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 130, 136.

[2] Там же. С. 132.

[3] Там же.

экзистенциональный образ Февраля, достигая большой убедительности. Рефлексия встречается в самом конце сюжета, и суждение автора поражает точностью и простотой: «Аппарат государственного управления тотчас же был разрушен до основания, сдерживающих начал в массе русского народа не оказалось». Члены Временного правительства «метались..., обезумев от происходящего»[1].

Три мемориальных «картинки» Февральской революции, оставленные нам ее современниками и отличающиеся противоположностью оценок, эмоциональной тональностью, соотношением мысли и чувства, сложились вследствие разности целевых установок, уровня культуры, житейского опыта и мировоззрения их авторов. Они сохраняют актуальность, продолжая служить вместе с другими эго-источниками документальным основанием для историографических версий крушения Российской империи, в том числе дискуссионных. На пути достижения максимально полного, достоверного и одновременно целостного образа Русской революции необходимо, по-видимому, продолжать развитие источниковедческой критики в методологическом русле исторической феноменологии, которая, в отличие от постмодернистской психологизации истории, возвращает уверенность в объективных началах исторического знания, в его аксиологическом содержании.

Кочешков Г.Н.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС: НАДЕЖДЫ И ИЛЛЮЗИИ

Аннотация. Отечественная историография в целом негативно оценивает деятельность Временного правительства. Историки обращают внимание на неспособность либо на нежелание кабинета министров приступить к немедленному разрешению основных проблем российского общества, в том числе и земельного вопроса. Однако известно, что уже 19 марта 1917 г Временное правительство выступило со специальным воззванием по аграрной проблематике. Земельная реформа в России являлась одной из самых сложных и трудных социально-экономических проблем. Необходимо отметить, что правительство намеревалось решать земельный вопрос

[1] Там же. С. 138.

только на основе закона и с привлечением широких общественных сил. Для этого была создана система государственных и общественных органов в лице Главного и местных земельных комитетов, Лига аграрных реформ, в которых шло активное обсуждение контуров будущего законопроекта о земле. Однако февральская концепция аграрной реформы имела мало шансов на успех, так как реалистические планы соседствовали с популистскими лозунгами и утопическими рекомендациями, принятыми под воздействием радикально настроенного крестьянства.

Ключевые слова: Временное правительство, земельный вопрос, Лига аграрных реформ, Главный земельный комитет.

Kocheshkov G.N.

THE PROVISIONAL GOVERNMENT AND THE LAND ISSUE: HOPES AND ILLUSIONS

Abstract. The native historiography appreciates the activity of the Provisional Government extremely negative. The historians pay attention to the inability or the unwilligness of the ministers to proceed to the immediate realization of the main problems of the Russian society including the land question. But it is known that 19 March of 1917 year the Provisional Government addressed a special appeal on the agrarian problem. The land reform in Russia was a very difficult and a very complicated problem. It is important to mark that the government wanted to decide the land question only legally and with the representatives of the different social groups. The system of the state and public organs was created for its aim: the Chief and local land committees and the League of the agrarian reforms where the active discussion if the contour of the future bill on the land was taken part. But the February conception of the agrarian reform had few chance of the success as the realistic ideas were adjacent with the populist slogans and the utopian recommendations taken under the influence of the radical peasants.

Keywords: Provisional, Government, agrarian question, Liga agrarnich reform, Glavnii Zemelnii commitet.

В течение многих десятилетий земельный вопрос оставался одним из самых острых, болезненных для России. Реформа 1861 г. дала крестьянам волю, свободу, гражданские права, но не землю. Крестьянин

по-прежнему не чувствовал себя по-настоящему свободным, ибо он не ощущал твердой почвы под ногами. П.А. Столыпин мечтал увидеть сильную мужицкую Россию, с крепкими крестьянскими корнями, но не сумел до конца завершить начатое дело. Слишком сильны были вековые традиции крестьянской общины; так и не сумел Столыпин их преодолеть. Средний класс в деревне не смог оформиться в реальную силу. Февральская революция 1917 г разбудила мужика, породив у него робкую надежду на радикальное переустройство земельных отношений. Воодушевление, царившее в деревнях в первые недели после февральских событий, свидетельствовало о поддержке крестьянами Временного правительства. Однако эта поддержка была условной. На митингах сельчане принимали резолюции, подтверждавшие их намерения до конца бороться за землю. Так, крестьяне д. Дергалово Ярославской губернии на собрании 8 марта заявили: «Мы вполне надеемся, что оно (Временное правительство – *Г.К.*) услышит наш бывший угнетенный крестьянский голос и удовлетворит все крестьянские нужды. Тогда и мы крестьяне пойдем вместе с правительством рука об руку, на единое благо нашей матушки России»[1]. Крестьяне Подольского уезда Московской губернии приняли резолюцию следующего содержания: «Поддерживать Временное правительство, доколе действия его не будут расходиться с интересами трудового крестьянства и рабочего класса… Признать, что коренное разрешение земельного вопроса должно совершиться в Учредительном собрании»[2].

Такая вера в справедливость, вера в правительство являлась важным фактором общественно-политической жизни России весеннего периода. Это было движение, в котором лозунг в поддержку Временного правительства обязательно сочетался с лозунгом борьбы за землю. В том, что это сочетание было повсеместным, всеобщим, обязательным, была заложена обреченность либерального правительства. В скором времени иллюзии крестьян развеялись. Волна поддержки Временного правительства спала, и всенародный энтузиазм сменился разочарованием. Почему это произошло? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо переосмыслить историю взаимоотношений кабинета министров с российским крестьянством.

---

1 Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

2 Голос крестьянского союза. 1917. 25 апреля.

Отечественная историография в целом негативно оценивает деятельность Временного правительства за его неспособность и нежелание приступить к немедленному разрешению основных проблем российского общества, в том числе земельного вопроса. Историки критикуют кабинет министров кн. Г.Е. Львова за то, что те не сразу обратили внимание на значимость для России пересмотра всей совокупности земельных отношений. В качестве довода они приводят общеизвестный факт, что первая декларация Временного правительства (2 марта 1917 г.) по поводу своего образования в перечислении политических и экономических задач совсем не упоминала аграрный вопрос. И лишь после того, как деревня напомнила о своих нуждах антиправительственными выступлениями, кабинет министров декларацией от 19 марта пообещал крестьянам поставить вопрос о земельной реформе в Учредительном собрании[1]. Тем самым делается вывод о том, что Временное правительство якобы не собиралось решать аграрный вопрос. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее. Всего через три недели после падения царизма (можно ведь сказать и так? – *Г.К.*) правительство опубликовало постановление о подготовке земельной реформы. Можно ли на основании даты издания тех или иных документов говорить о нежелании правительственных органов решать насущные социально-экономические задачи? После свержения царского режима прежде всего требовалось учредить на местах порядок на новых демократических принципах, организовать общественные силы с тем, чтобы не допустить прорыва анархии и стихии. 19 марта 1917 г Временное правительство выступило со специальным воззванием. «Война и падение старого строя, – говорилось в документе, – поставили на очередь самые серьезные экономические и хозяйственные вопросы России. Их планомерное и целесообразное разрешение необходимо для благосостояния государства. Первейшим среди них является земельный вопрос, решение которого составляет самую серьезную экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента. Заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны – земельная реформа – составляет основное требование программ всех демократических партий. Она, несомненно, станет

[1] См.: *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966; *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974 и др.

на очереди дня в предстоящем Учредительном собрании. Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата… Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством. Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т.д. Временное правительство признает своим неотложным долгом скорейшее выполнение подготовительных работ по земельному вопросу с тем, чтобы все материалы и сведения были представлены народным представителям»[1].

Земельная реформа являлась одной из труднейших и сложнейших социально-экономических проблем, которые когда-либо человечеству ставила история. Все то, что приходилось делать в области земельных отношений в других странах, даже самым отдаленным образом не могло идти в сравнение с тем, что предстояло осуществить в России. Например, английскому законодательству потребовалось свыше 30 лет, чтобы урегулировать земельные отношения и добиться определенных и окончательных результатов. Речь шла всего о 3–4 млн десятин помещичьей земли, арендуемой крестьянами. В России на очереди дня стояло не урегулирование арендных отношений, а отчуждение частновладельческой земли, площадь которой более чем в 10 раз превышала земельную площадь английских ленд-лордов. Для того чтобы земельная реформа достигла своей цели – наделения землей всех наиболее в ней нуждающихся – необходимы были величайшая осмотрительность и осторожность. Не в оправдание А.Ф. Керенского, стоило бы, однако, вспомнить его слова: «Некоторые весьма влиятельные деятели демократических и социалистических партий внутри России, так и за рубежом, позднее писали, что Временное правительство проводило в жизнь земельную реформу “слишком медленно”. Но они так и не смогли объяснить, как ее можно было осуществить быстрее на бескрайних просторах России, в разгар ужасной войны и в самую горячую пору сбора урожая, от которого в предстоящем году зависело продовольственное снабжение армии, да и всей страны»[2].

---

1 Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

2 *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 157.

Проработка аграрного вопроса предполагалась на основе гражданского согласия различных общественно-политических сил; с этой целью была создана система государственно-общественных органов в лице Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ. Активное участие в подготовке проекта земельной реформы принимали ученые-аграрники: В.Д. Бруцкус, А.Н. Зак, А.А. Кауфман, З.С. Каценеленбаум, Н.Д. Кондратьев и др. Обсуждались вопросы о судьбах крупного землевладения, о нормах наделения крестьян землей, об организации территории для развития фермерских хозяйств. Серьезные дискуссии возникли вокруг проблемы частного землевладения. Известный либерал-экономист А.А. Кауфман был категорически против ликвидации так называемых «культурных» имений, в которых широко использовались современная техника, новые методы хозяйствования. Как правило, такие владельческие хозяйства были высокоэффективны с точки зрения товарности производства. По мнению ученого, крупные сельскохозяйственные предприятия имели преимущества перед мелкими крестьянскими хозяйствами в плане рационального расходования капитала, закупок техники и необходимого материала, использования передовых методов агрокультуры и т.д. А.А. Кауфман предлагал разрешить спор между различными видами хозяйствования путем честной конкурентной борьбы, вернувшись к вопросу о целесообразности сохранения крупнокапиталистических имений через 15–20 лет. «По истечении этих… лет придется вопрос о судьбе этих имений или частей имений пересмотреть, смотря по обстоятельствам. Если в течение 15 или 20 лет крестьянское хозяйство настолько поднимется в своем культурном уровне, что от распределения между крестьянами нельзя будет ожидать никакого производственного ущерба или вероятен будет лишь ничтожный ущерб, – тогда, конечно, и такие имения можно будет пустить в распределение… если крестьянское хозяйство не поднимется достаточно, а формы обобществленного хозяйства не успеют выработаться, тогда придется это частноправовое, под надзором государственной и общественной власти, заведывание продлить еще на некоторое время»[1].

Возникал вопрос: в каких формах и на каких условиях производить отчуждение тех частновладельческих земель, которые не представляли

[1] Главный земельный комитет. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 1. О крупном землевладении. Пг., 1917. С. 16.

ценности для народного хозяйства России: за выкуп или безвозмездно? По поручению Главного земельного комитета приват-доцент Московского университета З.С. Каценеленбаум подготовил докладную записку с расчетами о финансовых затратах государства за выкуп частновладельческих земель. В качестве исходной точки ученый взял продажную цену одной десятины земли 1913 г – в среднем 91 руб. За годы войны цена выросла в связи с инфляцией. Учитывая задолженность землевладельцев по ипотечным кредитам и удваивая оценку свободного от задолженности остатка, Каценеленбаум подсчитал, что за каждую десятину придется заплатить по 132 руб., а всего за 50 млн десятин всей частновладельческой земли – 5 млрд 600 млн руб.[1]

Теоретически выкупная операция могла быть осуществлена двумя путями: наличными деньгами или выкупными обязательствами (предъявительскими облигациями, иммобилизованными бумагами и т.п.). Все эти варианты отчуждения так и не дошли до Главного земельного комитета, застряв на стадии обсуждения в Лиге аграрных реформ. Однако анализируя выступления представителей политических партий как в комитете, так и в Лиге, необходимо признать, что либералы выступали с позиции возмездного отчуждения частновладельческих земель. Споры велись лишь в плане поиска юридического лица, которое должно было оплатить всю эту выкупную операцию.

Известный экономист Б.Д. Бруцкус, обращаясь к сторонникам конфискации частных земель, предложил: «Пусть они не в народных аудиториях среди серых шинелей, а здесь с кафедры ученого общества объяснят, как они без всякого вознаграждения сумеют взять землю»[2]. Конфискация владельческих земель расстроила бы не только всю финансовую систему государства (так и случилось в результате мероприятий в аграрной сфере, проведенных советской властью), но и разорила бы обладателей закладных листов на заложенную в банках землю частных собственников, среди владельцев которых находились и крестьяне.

В подготовке земельной реформы особое место занимал вопрос о крупнокрестьянских хозяйствах, посевная площадь которых

---

1 *Каценеленбаум З.С.* Финансовая сторона аграрной реформы. М., 1917. С. 18.

2 Лига аграрных реформ. Труды II Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. Вып. 1. Основные идеи решения аграрного вопроса. М., 1918. С. 43.

превышала 50 десятин. Главный земельный комитет охарактеризовал такие хозяйства, как хозяйства «полутрудовые», «полукапиталистические». Характерным признаком социальной сущности такого типа хозяйствования считалось то, что все члены его принимали участие в производстве, а произведенный продукт шел на удовлетворение потребностей семьи. Использование наемного труда не противоречило «природе трудового хозяйства»[1]. В ходе обсуждения выявились две диаметрально противоположные точки зрения. Н.Д. Кондратьев высказывал сомнения в целесообразности сохранения такого типа хозяйства, в тоже время другой экономист-аграрник – Н.П. Макаров, напротив, предостерегал правительство от опасности полного уничтожения «полутрудовых крестьянских хозяйств, которые имели большое значение в народнохозяйственной жизни страны»[2]. Главный земельный комитет установил, что частичное отчуждение земли у крупнокрестьянских хозяйств могло быть произведено только при наличии купленной земли, обрабатываемой с наймом более одного постоянного работника, и если посевная площадь всей земли превышала двойную норму «потребительно-трудового хозяйства»[3]. Полностью сохранялись «полутрудовые» крестьянские хозяйства на надельных общинных землях. Комитет предостерегал против немедленных и прямолинейных действий в отношении крупнокрестьянских хозяйств.

Кадеты и ученые-аграрники выступали с позиции сохранения частной собственности и минимального вмешательства государства в земельные отношения. Они резко выступали против национализации земли. В докладе «Аграрный вопрос» Н.Н. Черненков, отвечая оппонентам из лагеря социал-демократов, обратил внимание на то, что

---

1 Главный земельный комитет. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Пг., 1917. С. 41.

2 Там же. Вып. 3. О крупнокрестьянских хозяйствах. Пг., 1917. С. 69.

3 Потребительная норма – такая земельная площадь, которая давала возможность произвести продукцию, достаточную для удовлетворения потребностей семьи. Трудовая норма – земельная площадь, достаточная для полного использования рабочей силы крестьянина. Рассчитать данные нормы было чрезвычайно сложно, поэтому Главный земельный комитет предоставил местным комитетам самостоятельно определять размеры посевных площадей, необходимых для нормального функционирования крестьянских хозяйств.

скрывается под понятием «огосударствления» земель: «имеется ли в виду предоставление государственным органам сколько-нибудь широких функций распоряжения этими землями, или же только функций законодательного регулирования»[1]. В подкреплении формулы «Вся земля всему народу» эсеры ссылались на то, что в сотнях и тысячах приговоров, постановлений, резолюций крестьяне требуют «национализации» или «социализации» земли. Но какой действительный смысл всех этих резолюций? Разве крестьянин в самом деле требует «всей земли всему народу?». Конечно, нет – он требует земли трудовому крестьянству, т.е. самому себе. Он думает не о «социализации» или о «национализации». Он даже не понимает смысла этих слов. Он просто хочет и требует себе нарезки из казенных, удельных, помещичьих земель. «Заурядный, массовый крестьянин думает не о социальной справедливости, а о себе и о своих интересах, всякий крестьянин держится за свою землю. Крестьянин подписывается под каким угодно лозунгом, лишь бы этот лозунг обещал ему земли. Но ни за какие «национализации» и «социализации» он добровольно не отдаст ни пяди своей земли»[2].

Исключительная важность земельных отношений для России диктовала крайне осторожный подход к ним. Будучи согласны относительно общего направления аграрной реформы, либералы расходились между собой по ряду принципиальных вопросов, как-то: условия отчуждения и передачи частновладельческих земель крестьянам, судьба крупнокрестьянских хозяйств, размеры площади крестьянских подворий и др. Либеральные партии были едины во мнении, что земельный вопрос должен быть решен правовым путем. Однако давление, которое они испытывали как справа, так и слева, приводило к принятию явно противоречащих друг другу решений. Сложность предстоящей реформы требовала громадных работ по ее подготовке, времени и единства сторонников демократических преобразований России. Разработка кадетской реформы российской деревни осталась незавершенной; большевики, придя к власти, реализовали свой, радикальный вариант национализации всей земли в государстве.

---

1 Лига аграрных реформ. Основные вопросы аграрной реформы на 2-м Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М., 1917. С. 38.

2 *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Изд. 2-е, доп. М., 1918. С. 244.

Зданович А.А.

ПОПЫТКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОССОЗДАТЬ СИСТЕМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ (МАРТ – СЕНТЯБРЬ 1917 Г.)

Аннотация. В статье рассматривается попытка Временного правительства создать органы госбезопасности в условиях революционного времени, оценивая ее как неэффективную.

Ключевые слова: Временное правительство, органы госбезопасности, контрразведка, «Приказ № 1».

Zdanovich A. A.

ATTEMPTS OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT TO RECREATE THE SYSTEM OF INTERNAL SECURITY OF THE COUNTRY (MARCH – SEPTEMBER 1917)

Abstract. The article discusses the attempt of the Provisional government to create the organs of state security in a revolutionary time, regarding it as ineffective.

Keywords: Provisional government, organs of state security, counter-intelligence, «The Order № 1».

В феврале 1917 г в России пала монархия. Казалось бы, самая надежная опора старой власти – армия – не смогла защитить царскую власть. На фоне нараставшей усталости от многолетней войны и антивоенной агитации брожение в солдатской массе в частях действующей армии и в тыловых военных округах стремительно прорвалось массовыми митингами, принятием различных постановлений и резолюций по проблемам жизнедеятельности войск. Особое значение в этом плане приобрел «Приказ № 1» Петроградского Совета, в соответствии с которым столичный гарнизон фактически выводился из подчинения командованию. Именно с него началось повсеместное создание в войсках комитетов разного уровня, серьезно подрывавших основы старой

армии. Дисциплина в войсках падала день ото дня, боевая мощь рушилась далеко не от снарядов немецких сверхмощных орудий.

В обстановке усиливающегося с каждым днем хаоса на фронте и в тылу многие контрразведчики, призванные оберегать боеспособность армии и флота, приходили к печальному заключению, что борьба со шпионажем в таких условиях практически невозможна. Действия официальных властей не оставляли им реальных надежд на будущее.

Образованный 27 февраля 1917 г. «Временный комитет» Государственной Думы, через несколько дней преобразовался во Временное правительство. Фактически взял на себя управление страной.

На основании его приказа комендантом Петрограда назначался член Думы генерального штаба полковник Б.А. Энгельгардт. Он же возглавил Военную комиссию при Временном комитете, которая являлась реально действующим штабом революционных войск. Вскоре его сменил известный политический деятель А.И. Гучков. В число задач, решаемых А. Гучковым и его сотрудниками, входила организация борьбы с немецким шпионажем.

Уже 4 марта Временное правительство на своем третьем заседании, в котором, кстати говоря, участвовал и А. Гучков, приняло решение, значимое для всей страны и впрямую повлиявшее на ее контрразведывательную службу Постановлялось незамедлительно ликвидировать отдельный корпус жандармов (ОКЖ), царскую полицию, а также все отделения по охранению общественной безопасности[1]. Офицеров и нижних чинов ОКЖ и полиции предписывалось назначать в строевые части.

Занявший к этому времени пост военного и морского министра А. Гучков направил на места телеграмму, в которой довел новость до штабов фронтов, армий и округов и указал на необходимость неукоснительного исполнения постановления правительства.

Это было фатальное для контрразведки распоряжение. Прежде всего, серьезнейший удар наносился по руководящим кадрам аппаратов борьбы со шпионажем, а также по агентам службы наружного наблюдения. Подавляющее большинство офицеров и филеров были лишь прикомандированы к военному ведомству, но являлись сотрудниками расформированных учреждений.

[1] Февральская революция. 1917 год. Сб. док. и мат. М., 1996. С. 166.

Военное командование пыталось затормозить реализацию указания новых петроградских властей. Так, Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта в своем докладе в Ставку Верховного Главнокомандующего (СВГК) относительно состояния КРО предупреждал о несомненном полном прекращении деятельности контрразведки в случае одномоментного увольнения лиц, указанных в телеграмме А.И. Гучкова[1]. Однако обращение генерала осталось без ответа. Но военные не остановились и продолжали отстаивать столь нужные кадры.

Несмотря на ходатайства высших военных чинов и заслуги в деле борьбы со шпионажем был уволен от должности начальника Центрального военно-регистрационного бюро (контрразведки – *А.З.*) Главного управления Генерального штаба полковник В.Г. Туркестанов, откомандированный из Отдельного корпуса жандармов в военное ведомство еще в 1911 г. для организации КРО штаба Московского округа[2]. По решению Временного правительства арестовали и бывшего начальника контрразведывательного отделения Генерального штаба жандармского полковника В.А. Ерандакова. Не найдя ничего предосудительного непосредственно в его работе на указанном посту, председатель особой следственной комиссии Временного правительства, сенатор В.А. Бальц возбудил уголовное дело по фактам «злоупотреблений» в контрразведке вообще. Не зная существа расследования, «демократическая» пресса уже обвинила В. Ерандакова в совершении преступлений против народа[3].

Не отставали от центральных и местные революционные власти. Есть много свидетельств их «компетентных» решений относительно контрразведки и ее кадров. Так, бывший помощник начальника контрразведки Черноморского флота С.М. Устинов отмечал, что члены Севастопольского Совета обрушились на контрразведку, отождествив ее с охранным отделением. Совет принял решение создать специальную комиссию, поручив ей проверить и коренным образом реорганизовать флотскую службу по борьбе со шпионажем. «Комиссия признала необходимым, – пишет Устинов, – произвести основательную чистку служебного персонала. Все члены департамента полиции и агенты бывших

---

1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 98.

2 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 11. Л. 16.

3 Вечернее время. 1917. 23 июня.

жандармских отделений были уволены. Эта мера лишила контрразведку опытных работников, в некотором отношении даже незаменимых»[1].

Кроме бездумных кадровых решений к резкому ослаблению контрразведывательных органов привело фактическое уничтожение их агентурного аппарата. Этому способствовала кампания в прессе по разоблачению секретных сотрудников тайной полиции царской России, основанная на материалах архивов МВД. Чуть ли не ежедневно в газетах печатались списки выявленных в столице и на местах агентов охранных отделений. А ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью были переориентированы на борьбу со шпионажем и лицами, способствовавшими военным противникам России. И несмотря на это, бывших секретных сотрудников полиции изгнали из контрразведки, а впоследствии многих арестовали. Подполковник Б.В. Никитин, назначенный в начале марта 1917 г. начальником КРО штаба Петроградского военного округа, позднее писал, что встречал упорнейшее нежелание продолжать работу со стороны даже «чистых» (т.е. не связанных ранее с политической полицией – *А.З.*) агентов, вызванное страхом подвергнуться репрессиям по примеру секретных сотрудников охранных отделений[2].

В условиях кардинальных изменений, произошедших в системе государственного и, отчасти, военного управления, наблюдалась тенденция со стороны руководителей контрразведывательной службы всячески уклониться от выполнения функций, в прямую не связанных с борьбой с военным шпионажем. В этом видится вполне понятное стремление сохранить аппарат контрразведки в условиях, когда власти зачастую принимали решения под напором ультрареволюционных общественных настроений и когда политическая целесообразность превалировала над законом. Поэтому в циркулярных телеграммах, которые направлялись в органы контрразведки по линии Ставки и ГУГШ, подчеркивалось, что их задачей является исключительно борьба с военным шпионажем.

Итог кампании, проводимой «революционными» журналистами и политиками, был печален для системы обеспечения безопасности страны и ее армии. В этой связи стоит упомянуть доклад главы

---

1 *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки (1915–1920). Берлин, 1923. С. 26.

2 *Никитин Б.* Роковые годы. Париж, 1937. С. 17.

французской военной миссии генерала Нисселя своему парижскому руководству о развитии ситуации в России. Он прямо отмечал, что «русской контрразведки больше не существует»[1]. Это обстоятельство, кстати говоря, побудило разведывательные службы союзных России государств (Англии и Франции) приступить к форсированному укреплению своих официальных представительств и созданию связанных с ними нелегальных групп.

Несмотря на все сложности обстановки послереволюционного периода в России – воюющей стране, государственно мыслящие военные и ответственные гражданские чиновники отчетливо понимали необходимость укрепить потенциал отечественной контрразведки, реорганизовать ее с учетом произошедших радикальных изменений. Исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал В.Н. Клембовский провел в Ставке ряд встреч с заинтересованными лицами и с учетом их мнений направил докладную записку Военному министру А.И. Гучкову.

Автор записки указывал на критическое положение, в котором оказались КРО внутренних военных округов в связи с упразднением жандармского корпуса и охранных отделений. Своими силами контрразведчики едва могли обеспечить борьбу со шпионажем в местах дислокации окружных штабов. В связи с этим В.Н. Клембовский предлагал незамедлительно войти в контакт с МВД и решить вопрос об организации КРО во всех губернских и областных центрах на базе общественной милиции, однако, с непосредственным подчинением начальнику штаба соответствующего округа[2].

Поскольку реакции МВД не последовало, то и проект военных властей остался только на бумаге[3]. В.Н. Клембовский предпринял шаги и к побуждению своих коллег в Главном управлении Генштаба к созданию специальной комиссии по выработке новых инструкций по контрразведке, а также программ обучения будущих сотрудников КРО[4]. В ГУГШ он нашел поддержку и понимание.

---

1 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 198. Оп. 9а. Д. 12858. Л. 181.

2 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 22. Л. 4об.

3 В материалах КРО штабов военных округов автор не обнаружил упоминания о каких-либо специальных подразделениях милиции, исполнявших функции контрразведки в губернских городах и других стратегически важных центрах.

4 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 109об.

Как утверждалось выше, новую нормативную базу по вопросам организационного строительства и практической деятельности в борьбе со шпионажем должна была создать специальная комиссия. Председателем ее назначался генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н.М. Потапов. Комиссия начала свою работу 7 апреля 1917 г.[1] К этому времени проекты всех необходимых документов уже имелись. 23 апреля 1917 г. помощник военного министра генерал Новицкий утвердил «Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе»[2].

Согласно «Временному положению» задача контрразведывательных органов заключалась «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебных действиях против России и союзных с нею государств»[3].

Формулировка основной задачи существенно отличается от того, что было указано в «Наставлении по контрразведке в военное время», принятого в 1915 г. Кроме шпионов, определение которых дано в примечании к параграфу первому «Временного положения», объектом деятельности контрразведывательных органов становился довольно неопределенный круг лиц, поскольку понятие «благоприятствовать» могло трактоваться практиками с огромным числом вариаций.

Безусловно, большевики и их сторонники, призывавшие превратить империалистическую войну в гражданскую и повернуть штыки против собственного правительства, не могли не находиться в поле зрения спецслужб. Однако сводить значение термина «благоприятствование неприятелю» только к пропагандистской работе членов ленинской партии в войсках представляется поверхностным. Высшее командование серьезно беспокоили такие явления, как националистические проявления и сепаратизм, пацифизм, пропаганда сепаратного мира

---

1 Комиссия заседала до 20 апреля 1917 г. В ней приняли участие начальник разведывательного отделения ГУГШ М.Ф. Раевский, офицер штаба ВГК Н.В. Терехов, начальник Морской Регистрационной службы В.А. Виноградов, начальники КРО Петроградского (Б.В. Никитин) и Одесского (Ускат) военных округов, КРО штаба Северного фронта (Тихомиров), председатель МВД Н.В. Волчанинов.

2 Предполагалось, что «Временное положение» утвердит непосредственно военный министр А.И. Гучков, однако, он был в это время болен и его обязанности исполнял генерал Новицкий.

3 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 59.

с Германией. Тревогу вызывали участившиеся факты саботажа в сфере снабжения действующих армий всем необходимым для успешного ведения боевых действий, крупные хищения.

Нельзя забывать, что «Временное положение» разрабатывалось в период интенсивной подготовки русской армии к широкомасштабному наступлению в соответствии с решениями союзнических конференций в Шантальи и Петрограде, на которых удалось разработать общий стратегический план кампании 1917 г.[1]

Вопрос о наступлении являлся не только военно-стратегическим, но во многом и политическим. Расчет его организаторов сводился к следующему: в случае успеха наступление позволило бы укрепить власть Временного правительства и отвлечь массы от участия в решении острых внутриполитических проблем, а также принять решительные меры относительно тех, кто выступал против «войны до победного конца». Все это способствовало бы упрочнению существовавшей власти. Для обеспечения боеспособности армии и флота генералитет не мог не использовать и контрразведку.

Как видим, до высших руководителей страны наконец-то дошло, что после ликвидации жандармских управлений и охранных отделений некому вести борьбу с леворадикальными партиями, дезорганизующими работу оборонных предприятий, транспорта, связи, разлагающими фронтовые и тыловые армейские части, а также с националистами и сепаратистами.

Армия стала ареной острой политической борьбы, которая вела к серьезным негативным последствиям. В телеграмме, направленной Верховным главнокомандующим генералом М.В. Алексеевым 21 мая 1917 г. в адрес Временного правительства, констатировалось: «Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания. Без этого армия существовать при своем данном составе не может... войско стало грозным не врагу, а Отечеству»[2].

Исходя из изложенного, можно говорить о намерении составителей вышеуказанных документов и тех, кто утверждал «Временные положения», трансформировать аппараты контрразведки в орган безопасности, сохраняя за ним (в качестве одной из функций) борьбу со шпионажем. Причем органы безопасности должны были действовать не только

---

1 *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 337.

2 Первая мировая война. М., 1994. С. 163.

в войсках, но и выявлять благоприятствующих неприятелю лиц на всей территории страны.

В виде Контрразведывательной части (КРЧ) ГУГШ был создан центральный аппарат контрразведки, а сама система приобрела более стройный характер. Органы контрразведки получили статус самостоятельных подразделений и в Главном управлении генштаба, и в окружных штабах.

Организационные и штатные компоненты «Временного положения о контрразведывательной службе во внутреннем районе» с незначительными изменениями, продиктованными фронтовой обстановкой, воспроизведены в аналогичном документе для театра военных действий[1]. Здесь также учреждался руководящий орган – контрразведывательная часть штаба Верховного главнокомандующего и входящее в нее КРО. Начальник КРЧ непосредственно подчинялся 2-му Генерал-квартирмейстеру Ставки[2], должность которого вновь вводилась согласно «Временному положению». Однако назначение начальника КРЧ и КРО осталось прерогативой начальника штаба ВГК[3].

Разработчики нормативной базы посчитали необходимым еще раз указать, что даже чинами для поручений и наблюдателями не могут быть те, кто ранее служил в органах политического розыска.

Полностью укомплектовать руководящий состав КРО в действующей армии и в тыловых округах в соответствии с предъявляемыми требованиями удалось лишь к концу августа 1917 г. Генерал-квартирмейстер ГУГШ Н.М. Потапов доложил Военному министру, что к указанному времени во всех органах контрразведки закончен процесс реорганизации, осуществлено два выпуска специальных курсов при ГУГШ, изданы необходимые инструкции и можно считать аппараты КРО окончательно сформированными как на ТВД, так и во внутренних округах[4]. При этом генерал указывал на почти полное увольнение контрразведчиков царского времени.

---

1 Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 242. Л. 1–7.

2 Кроме КРЧ 2-й Генерал-квартирмейстер руководил также и военной разведкой.

3 Начальники КРО штабов фронтов и их помощники назначались начальником штаба, а армейских КРО – командующими армиями. Руководство КРО военных округов на ТВД назначались начальниками штабов соответствующих фронтов.

4 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 14. Л. 54 об.

Усиление централизации контрразведки просматривается в докладной записке по итогам съезда, представленной начальнику штаба ВКГ Эта мысль, в частности, нашла свое отражение в конкретном предложении о введении по соглашению с Министерством юстиции должностей следователей, специализирующихся на делах о шпионаже и государственной измене, и прикреплении их к органам контрразведки штабов фронтов и отдельных армий[1]. Все материалы по наиболее серьезным предварительным расследованиям предполагалось передавать из нижестоящих КРО указанным следователям.

Выше я показал, какие организационные и кадровые изменения произошли с военной контрразведкой с февраля по октябрь 1917 г. Практически весь этот период высшие представители армейского командования и сами контрразведчики пытались убедить общественность в том, что она не имеет никакого отношения к органам политического розыска, а занимается исключительно борьбой со шпионажем противника. Заявления об этом от имени Генерального штаба не раз помещались в газетах в виде воззваний за подписью А.И. Гучкова и А.Ф. Керенского, распечатывались в тысячах экземпляров и расклеивались на улицах и в казармах.

Иначе обстояло дело в самом Петрограде. Руководитель КРО Петроградского военного округа капитан Б. Никитин расходился по принципиальным вопросам с генерал-квартирмейстером ГУГШ Н. Потаповым и считал необходимым активно вести работу против большевиков, расценивая их действия как способствующие военному противнику в подрыве боеспособности русской армии. Следует отметить, что, будучи участником комиссии по выработке «Временного положения о контрразведывательной службе», он являлся одним из тех, кто настоял на расширительном толковании основной задачи контрразведки, что несомненно привело к политизации ее деятельности.

При прямой поддержке министра юстиции П.Н. Переверзева, он не просто возродил аппарат КРО столичного военного округа, но и, в отличие от дореволюционного времени, почти на порядок увеличил его штатную численность, доведя ее почти до 170 человек. Позднее Никитин писал, что превратил отделение в целый департамент[2]. Для сравнения можно отметить, что штат КРО фронтового штаба до мая 1917 г. составлял всего 48 единиц[3].

---

1 Там же. Оп. 15. Д. 809. Л. 19.

2 *Никитин Б.* Указ. соч. С. 16.

3 ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 242. Л. 6.

В обход Контрразведывательной части ГУГШ Никитин установил прямые контакты с представителями спецслужб союзников России по Антанте и в тесном взаимодействии с ними направил основные усилия на разработку большевиков.

По оценке П. Переверзева деятельность КРО штаба ПВО в бытность начальником этого органа Б. Никитина была очень успешной. В частности, доведение до представителей воинских частей Петроградского гарнизона некоторых материалов о якобы причастности сторонников В.И. Ленина и его самого к германской разведке, использование отделением возможностей прессы в дни июльского выступления большевиков позволило Временному правительству удержаться у власти[1].

П. Переверзев, сменивший в начале мая 1917 г. А.Ф. Керенского на посту министра юстиции, при поддержке последнего вскоре и сам предпринял меры к созданию еще одного аппарата тайной борьбы. Временное правительство на своем заседании 15 июня 1917 г. постановило отпустить из государственной казны на организацию в Минюсте «секретного наблюдения за враждебной деятельностью агентов находящихся в войне с Россией стран»[2]. Эти средства составляли сто тысяч рублей, что более чем в два раза превышало кредит, выданный военными на содержание КРО штаба Петроградского округа[3]. Новая структура получила наименование «Отдел контрразведки».

Министр юстиции 3 июля 1917 г утвердил положение об указанном отделе. Его задачи определялись следующим образом:

1) борьба со шпионажем воюющих с Россией держав;
2) борьба с попытками насильственного восстановления старого строя.

Таким образом, впервые в истории России была предпринята попытка создать спецслужбу вне военного ведомства, соединяющую в себе функции контрразведки и политической полиции. Фактически речь шла о том, что эта служба под прикрытием контрразведки выявляла бы нелояльные Временному правительству элементы, в том числе в среде военных, включая и генералитет.

Положение об ОКР МЮ предусматривало подчинение его непосредственно министру, который и назначал всех ответственных

---

1 Возрождение. 1929. 17 апреля.

2 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 15. Л. 1.

3 *Никитин Б.* Указ. соч. С. 15.

руководителей отдела, давал руководящие указания и контролировал их выполнение.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что предусматривалась возможность создания строго централизованной по вертикали структуры, напрямую подчиненной министру юстиции через Отдел контрразведки. Фактически на новом витке исторического развития материализовалась схема построения системы органов царской секретной полиции. П. Переверзев своим решением даже предоставил Отделу контрразведки право производства всех следственных действий, включая и аресты подозреваемых лиц, чего до мая 1917 г были лишены военные контрразведчики.

А. Керенский предложил назначить начальником отдела мало кому известного Н.Д. Миронова. Их связывали давние и довольно близкие отношения. В период первой русской революции доцент Московского университета, преподаватель санскрита Н. Миронов создает эсеровскую группу под громким названием «Организация вооруженного восстания» и ее печатный орган – бюллетень «Буревестник». Одним из первых Миронов пригласил печататься в бюллетене А. Керенского, фактически приобщив его таким образом к революционной деятельности[1].

Неофициальный руководитель всей контрразведки в Петрограде П. Переверзев приказал начальнику КРО штаба округа Никитину провести краткое обучение личного состава ОКР МЮ методам тайной работы и особенностям расследования дел по шпионажу. Политический розыск под флагом контрразведки вскоре начал действовать.

Летом 1917 г в ОКР разрабатывали материалы о заговоре в Ставке ВГК и Генштабе, о возможной шпионской деятельности известного эсера В.М. Чернова и его сподвижника М.А. Натансона, приверженца военной диктатуры адъютанта генерала Л.Г Корнилова, нефтяного дельца Завойко, а также о монархической офицерской группе[2].

После июльских событий в Петрограде и ухода П. Переверзева с поста министра юстиции А. Керенский, будучи недоволен работой Б. Никитина, снял последнего с должности начальника КРО штаба ПВО. Его заместителю М.Н. Лебедеву, юристу по образованию, работавшему

---

1 *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 40.

2 Архив УФСБ по СПБ и ЛО. Уголовное дело № 10059. Л. 91.

в контрразведке с начала мировой войны, Главнокомандующий округом генерал Василевский однозначно дал понять, что повышения по службе ему ожидать не стоит. По указанию свыше начальником КРО 27 июля стал Н. Миронов[1]. Он совмещал эту должность с руководством Отделом контрразведки Минюста. Таким образом, А. Керенский сосредоточил в одних руках почти все контрразведывательные органы в столице. Исключение составляла лишь соответствующая военно-морская служба и немногочисленное подразделение ГУГШ.

Особое внимание уделялось Н. Мироновым изучению окружения Верховного Главнокомандующего Л. Корнилова и тайной военно-политической группы из числа членов Союза офицеров армии и флота, легально действовавшего в Ставке.

Накануне корниловского выступления вместе с военным министром Б.В. Савинковым Н. Миронов прибыл в Ставку для производства ареста наиболее видных членов заговорщической группы. Но в Могилеве, где располагалась Ставка, полномочия Н. Миронова и его указания никто не воспринимал как обязательные к исполнению. Больше того, генерал Л. Корнилов заявил Б. Савинкову при конфиденциальной беседе, что если Н. Миронов приступит к арестам, то сам будет немедленно расстрелян[2].

Вместе с падением авторитета А. Керенского и способностью его держать ситуацию под контролем снижалась и дееспособность «карманной» контрразведки во главе с Н. Мироновым.

Когда очередным министром юстиции стал А.А. Демьянов, он по совету своего предшественника А.С. Зарудного решил ликвидировать ОКР. А. Демьянов позднее вспоминал: «Я убедился, что незаконность существования контрразведки была настолько ясна, что, не уничтожив ее, впоследствии нельзя было бы разделаться с запросами парламента по поводу ее существования»[3].

Как видим, нового министра юстиции волновала, в основном, возможная критика со стороны выборного законодательного органа и своих политических единомышленников, которые и вели кампанию по уничтожению политической полиции в первые после февраля месяцы.

---

1 ГА РФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 3. Л. 385 об.

2 *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. М., 1918. С. 98.

3 Архив русской революции. М., 1991. Т. 4. С. 105.

И вот 21 сентября 1917 г., на заседании «Совета пяти», куда входили министры: военный – генерал А.И. Верховский, морской – адмирал Д.Н. Вердеревский, внутренних дел – С.Н. Салтыков, иностранных дел – М.И. Терещенко и юстиции – А. Демьянов, последний выступил с докладом «О политической контрразведке Минюста» и высказался за ее упразднение. После детального обсуждения выяснилось, что большинство «Совета пяти» поддержали план А. Демьянова. Суть его состояла в ликвидации ОКР МЮ, все дела, связанные со шпионажем, передавались исключительно в военное ведомство. Одновременно министерству внутренних дел поручалось разработать подробный проект реорганизации уголовного розыска с тем, чтобы ему были подведомственны и «политические преступления, которые носят характер уголовно наказуемых деяний»[1].

После ликвидации ОКР МЮ часть его сотрудников перешла на службу в отделение контрразведки штаба ПВО, которым, как мы уже говорили, также руководил Н. Миронов. Все дела, находившиеся в производстве ОКР МЮ, были А. Демьяновым официально направлены в Главное управление Генштаба[2].

Заканчивая рассмотрение вопроса о попытках Временного правительства создать некую «иммунную систему» в виде органов госбезопасности значительно растянулась по времени и, во многом, не удалась. Об эффективности деятельности военной и политической контрразведки говорить вообще не приходится. Если не считать шаги по «привязке» большевиков к операциям германской разведки, сделанные с подачи и при непосредственном участии петроградского представительства французских спецслужб, то мы не видим каких-либо действенных мер по обеспечению безопасности существования Временного правительства, недопущению его свержения.

Исторический опыт показывает, что вне зависимости от формы правления никакое государство, не имеющее в своем распоряжении специального силового ресурса (органов разведки, контрразведки и политического розыска), нельзя считать устойчивым и перспективным.

---

1 Новая жизнь. 1917. 22 сентября.

2 РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 15. Л. 19.

Горский В.В.

АНАРХИЧЕСКИЙ МОНАРХИЗМ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И ВЕКТОР РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В современных дискуссиях о состоявшейся действительности и не реализовавшихся альтернативах Русской Революции сам ее процесс нередко рассматривается, в первую очередь, как игра элит при вмешательстве определенных внешних сил, преследующих свои интересы. Не отрицая многоплановости исторической субъектности в столь сложном процессе, представляется, что для понимания состоявшегося его содержания необходимо прислушаться к мнению наблюдательных современников, таких как С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, В.И. Ленин, А.И. Деникин, полагавших, что в основе революционных событий, приведших к падению монархии лежало народное, и прежде всего – крестьянское движение. Это тем более необходимо понять в свете существовавших упований и имеющих право на существование констатаций монархизма и религиозности русского крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения Российской Империи. Для решения этой проблемы необходимо обратиться к парадоксу сочетания «Россия – самая анархическая страна в мире» и «Россия – самая государственная страна в мире», сформулированному Н.А. Бердяевым, на примере носителя основы «души России» – сельского труженика.

Ключевые слова: монархия, крестьянство, община, социализм, анархизм, революция.

Gorsky V.V.

ANARCHIC MONARCHISM OF THE RUSSIAN PEASANTRY AND THE VECTOR OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Abstract. In contemporary discussions held about reality and unrealized alternatives to the Russian Revolution, the process itself is often regarded primarily as a game of elites, the intervention of certain external forces pursuing their own interests. Without denying the diversity of historical

subjectivity in such a complex process, it seems that the understanding held its content you must heed the observation of contemporaries such as S. Witte, P.N. Durnovo, V.I. Lenin, A.I. Denikin, who believed that the revolutionary events that led to the fall of the monarchy lay folk, especially the peasant movement. It is even more vital to understand in light of existing beliefs and has the right to exist of the findings of monarchy and religiosity of the Russian peasantry, which constituted the vast majority of the population of the Russian Empire. To solve this problem, you must appeal to the paradox of the combination of «Russia – the most anarchic country in the world» and «Russia – the state country in the world», formulated by N.A. Berdyaev, for example, the media framework of the «soul of Russia» – rural workers.

Keywords: the monarchy, the peasantry, community, socialism, anarchism, revolution.

В современных дискуссиях о состоявшейся действительности и не реализовавшихся альтернативах Русской Революции сам ее процесс нередко рассматривается, в первую очередь, как игра элит при вмешательстве определенных внешних сил, преследующих свои интересы, результат духовной и интеллектуальной слабости носителей власти, интеллигенции, духовенства, из самой себя, без объективных на то причин, родившейся. Особенно этот тренд в подходе к революционным событиям 1917 г усилился в последнее десятилетие, когда в попытке определить место фундаментальных событий начала XX в. в российской истории в рамках выстраивания новой идеологии постсоветской России предпринимается попытка канонизировать противоречивые публицистические подходы, предложенные А.И. Солженицыным, зафиксированные в его работе «Красное колесо» и суммированные в отдельно изданной главе как «Размышления над Февральской революцией» (1980–1983).

Не отрицая многоплановости исторической субъектности в столь сложном процессе, представляется, что для понимания состоявшегося его содержания необходимо прислушаться к мнению наблюдательных современников, таких как Л.Н. Толстой, С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, В.И. Ленин, А.И. Деникин, А.А. Блок и др., полагавших, что в основе революционных событий, приведших к падению монархии, лежало народное, и прежде всего, крестьянское движение.

Именно массовая позиция крестьянства по важнейшим вопросам жизни страны в сложном сочетании с интересами и выраженными

политическими позициями других социальных сил задавала в начале XX в., как социальное бытие, коридор возможностей мышления и деятельности элит, обуславливала их ротацию и ее последовательность. Не поняв и не приняв этого, мы будем обречены на путаные блуждания в дебрях субъективизма и волюнтаристского, асинхронного наложения на прошлый действительный исторический процесс, являющийся объектом рассмотрения исторической науки, произвольно мыслимых сценариев состоявшегося и альтернативного хода событий.

Власть может существовать более или менее стабильно и выполнять функции управления общественной жизнью только при наличии достаточной массы лояльных подданных, так или иначе рассматривающих ее положительный эффект в системе координат своих интересов как превосходящий неизбежные издержки. Если власть оказывается не нужна абсолютному большинству населения, то и поддержка организованного господствующего класса, даже если она еще более или менее существует, уже не позволит этой власти сохраниться. Такое положение будет означать, что обществу для его развития нужны уже другие политические формы. Поддержание старой формы в этой ситуации возможно только путем нарастающего насилия, что в условиях изоляции власти от общества быстро приводит к коррозии государственного аппарата принуждения и крушению. По справедливому замечанию Л.Н. Толстого в письме Николаю II от 16 января 1902 г., «мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им»[1].

В аграрной или аграрно-индустриальной стране критически важной для сохранения или реставрации власти – не важно, монархической в 1917 г., или советской в 1921 г. – является поддержка составляющих большинство населения сельских тружеников. В.И. Ленин это понимал лучше, чем Николай Романов, что демонстрирует его оценка «малой гражданской войны», выразившейся в нарастании крестьянских выступлений против политики большевиков: «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности…»[2]. Немедленной реакцией стала Новая экономическая политика, которая позволила

[1] Лев Толстой и русские цари. М.: ТОО Культурно-просветительская фирма «КСТАТИ», 1995. С. 107.

[2] *Ленин В.И.* Речь на X съезде РКПб // ПСС. Т. 43. С. 24.

сохранить и укрепить Советскую власть, сохранить управляемость страны и получить быстрый восстановительный эффект благодаря новой «смычке авангарда, пролетариата с широким крестьянским полем»[1], заручившись лояльностью крестьянства. Для царской власти такой маневр был недоступен, поэтому она была обречена. Значимость крестьянского фактора в буржуазно-демократической фазе революции и свержении монархии будущий лидер Октября также оценивал вполне адекватно: «Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством»[2].

Большие упования были у императора на «природный» монархизм русского крестьянина, который при любом уровне недовольства своим положением не позволит ему не только выступить против самодержавной монархии как формы правления, но и отказаться от ее поддержки. «Ваши советники говорят вам, – писал Л.Н. Толстой Николаю II, – что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь и будет свойственно до конца дней…»[3]. Писатель, невольно ставший «зеркалом русской революции», и, в первую очередь, революции крестьянской, советовал своему царственному «брату» не питать на этот счет особых иллюзий, и был прав.

Н.А. Бердяев в своей известной работе «Душа России» (1915) отметил и описал удивительный на первый взгляд парадокс российской общественной политической психологии. С одной стороны, «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, всё в России превращается в орудие политики»[4], с другой стороны, – «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире»[5]. Бердяев литературно ярко охарактеризовал эту антиномию, но, не будучи диалектиком, не мог объяснить сущности этого противоречивого единства в его живом развитии.

В формах собственно социальной организации общества можно выделить диалектические противоположности: территориально-

---

1 *Ленин В.И.* Выступление на IX Всероссийском Съезде советов // ПСС. Т. 44. С. 322.

2 *Ленин В.И.* Несколько тезисов // ПСС. Т. 27. С. 49.

3 Лев Толстой и русские цари. М.: ТОО Культурно-просветительская фирма «КСТАТИ», 1995. С. 103.

4 *Бердяев Н.А.* Душа России // Русская идея / Сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 299.

5 Там же. С. 298.

производственная общинная самоорганизация, основанная на горизонтальных связях относительно равноправного взаимовыгодного сотрудничества, и государство, в основе которого лежит социальная вертикаль отношений соподчинения, господства и принуждения. Территориально-производственная община – материальное основание генерации и воспроизводства в общественном сознании идей действительного коллективистского анархизма, поскольку являет собой альтернативный и в определенных рамках самодостаточный образец жизнеспособной социальной организации.

Коллективистский анархизм общинника-производителя – живой, действительный, стихийнодиалектический, проистекающий из самого социального бытия его носителей. Его обыденная формула «хороший правитель + воля» на теоретическом уровне может быть приведена как «эффективное государство при целесообразном минимуме бремени по его содержанию и вмешательства в дела ячеек самоорганизации». Она на самом деле глубоко отражает объективную диалектику взаимодействия внешней организации и самоорганизации в процессе развития общества, одинаково необходимых и неспособных друг без друга обеспечить стабильное функционирование социального организма, но в то же время пребывающих в постоянном противоречии и борьбе, как и положено противоположностям.

Строго говоря, данная формула не является в собственном смысле анархической, и близким к «полному» анархизму мировоззрение общинников оказывается только в периоды временного господства в их сознании ее второй составляющей.

Эту диалектику в ее практическом воплощении во время Гражданской войны отметил А.И. Деникин: «Не надо забывать, что наиболее яркий представитель чистого русского анархизма – Махно не долго мог держаться на юге России своим первоначальным лозунгом: "долой всякую власть, свободное соглашение между собой деревень и городов. Вся земля и все буржуйское добро – ваше"… Дважды разбитый, весной 1920 года он уже сам приступает к организации гражданского управления и произносит слово:

– Порядок.

Правда, лозунг этот не получил реального осуществления, но уже сама потребность в нем знаменательна»[1].

[1] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. I. Вып. 1. Париж: J. Povolozky & Cle, 1921. С. 27.

Можно сказать, что и крестьянство, и монархическая власть видели иллюзорные образы друг друга, содержавшие существенные противоречия, которые со временем становились непреодолимыми без отрицания. Царь мыслил себе типичного крестьянина в патриархальном образе, напоминающем Ивана Сусанина, готового отдать жизнь за царя. Крестьянин же видел в монархе сосредоточие всех положительных сторон публичной власти, отделенное от ее издержек, которые приписывались единственно реальным опорам трона – чиновничьему аппарату и помещикам. Но в XX в. деревня, сохраняя в главном общинные основы жизни, все теснее контактирует с окружающим миром через отхожие промыслы и уходящих в город на заводы и фабрики сыновей. Это приводило к эрозии патриархальности и прежних форм религиозности. Нарастающий земельный голод из-за относительного перенаселения в районах компактного проживания крестьян делает их неприятие помещичьего землевладения все более нетерпимым, а его защита государством усиливает анархическую составляющую в крестьянской политической психологии.

Писатели-современники, видевшие ситуацию изнутри, в иллюзии по поводу чрезмерного монархизма крестьян не впадали. М.П. Арцыбашев в «Записках писателя» отмечал: «Буржуазия и крестьянство были глубоко безразличны к самой идее монархии. Они подчинялись ей постольку, поскольку она вмешивалась в их жизнь, а в общем были к ней совершенно равнодушны»[1].

Л.Н. Толстой рисовал еще более мрачную и безысходную для монархии картину: «…Если лет 50 тому назад при Николае I еще стоял высоко престиж царской власти, то за последние 30 лет он, не переставая, падал и упал в последнее время так, что во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним»[2].

Объясняя это явление, классик русской литературы пишет: «…Все дело в духовном настроении народа, которое изменилось и которое никакими усилиями нельзя вернуть к прежнему состоянию, – так же нельзя вернуть, как нельзя взрослого сделать опять ребенком»[3].

1 *Арцибашев М.П.* Записки писателя // Литература русского зарубежья: Антология. В 6 т. М., 1991. Т. 2. С. 447.

2 Лев Толстой и русские цари. М.: ТОО Культурно-просветительская фирма «КСТАТИ», 1995. С. 105–106.

3 *Толстой Л.Н.* Не могу молчать! // Полное собрание сочинений. Т. 37. Произведения 1906–1910 гг. М.: Художественная литература, 1956. С. 89.

Это «взросление» народа в его крестьянской части вело к тому, что анархический, протестный компонент разрастался, окончательно опуская монархизм в низший слой крестьянской системы ценностей. Крестьянин по-прежнему не предполагал в массе своей выступлений, направленных лично против монарха, но испытывал все большую готовность разнести в клочья самодержавную государственность и ее базовую систему общественных отношений.

Его настроение красочно отражает разговор попутчиков в поезде с крестьянином весной 1906 г.:

«– Бунтовать? Почто бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем… Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем… Нам землю отдай да убери господ подалее, чтобы утеснения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны.

Один из собеседников засмеялся:

– Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны… Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить… Чудаки!

На это крестьянин ответил, что за правое дело народ "грудью встанет, жизни своей не пожалеет", потому что, если разобраться по совести, это будет святое народное дело»[1].

При этом крестьянин искренне не видит противоречия в своей позиции, потому что для него бунт – выступление против царя, а борьба против обманывающих монарха бар и чиновников – правое дело, которое царь, по их мнению, обязательно поддержал бы, если бы знал правду. Их видение императора было иллюзорным, идеалистическим, но оно создавало моральную точку опоры противостояния его социальной базе и госаппарату. Да и этот одинокий светлый образ становился все более блеклым. То есть такой монархизм уже никак не мешал крестьянину участвовать в революционных по сути своей акциях. Это положение вещей зафиксировал в своих мемуарах еще С.М. Степняк-Кравчинский: «Традиционный монархизм русских крестьян, сильно ослабевший за последние 20 лет, представляется нам, тем не менее, существенным элементом в нравственной жизни наших крестьян. Однако было бы совершенно неверным считать его предохранительным

[1] *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М.: Наука, 1991. С. 19.

средством против народных волнений, бунтов и даже революции»[1]. При этом государственный строй они видели, в абсолютном большинстве своем, только в виде самодержавной монархии.

Столыпинская аграрная реформа не могла существенно повлиять на ход событий в плане торможения революционных процессов в крестьянской среде. Это понимали уже современники. В.И. Ленин оценил ее как «последний клапан», открытый для снижения революционного давление внутри крестьянской массы, но явно недостаточный для решения этой задачи. А.И. Деникин, уже постфактум, отмечал: «…Аграрная реформа запоздала. Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения»[2].

Системность кризиса проявлялась в том, что выполнить крестьянские пожелания-требования, касающиеся решения аграрного вопроса власть не могла без уничтожения своей и без того слабеющей, разрушающейся, наиболее последовательной социальной базы – помещиков.

Таким образом, большинство крестьян не имело осознанного субъективного желания свергать самодержавную монархию, но всеми своими устремлениями и действиями они объективно делали это. Ф. Энгельс, описывая механизм исторического движения, отмечал: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие... Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что

---

1 *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции М.: Наука, 1968. С. 19.

2 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. I. Вып. 1. С. 134.

эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее»[1].

Крестьянские воли, сливаясь на таких важнейших направлениях, как нарастающее противостояние помещичьему землевладению и частнособственническим отношениям в деревне в капиталистическом формате, государству, которое их защищает и продвигает, создавали в аграрно-индустриальной стране мощнейший, в значительной степени – определяющий, вектор в действующем «параллелограмме сил» Русской революции. На это справедливо указывал С.Ю. Витте, анализируя события 1905–1907 гг.: «Самая серьезная часть русской революции 1905 г., конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге "Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники» – лозунге, осуществления которого начали добиваться силою"»[2]. Витте не дожил до 1917 г., но прозорливо пророчил: «Не подлежит, по моему мнению, сомнению, что на почве землевладения, так тесно связанного с жизнью всего нашего крестьянства, т.е., в сущности, России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особливо при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных»[3].

На какие принципы будущего социального созидания был объективно направлен стихийно, но закономерно обусловлено складывающийся вектор крестьянской революционной силы?

В отличие от многих современных комментаторов это понимали и чувствовали даже наиболее проницательные представители консервативного политического лагеря, обладавшие объективной информацией и способностью ее анализировать. Пожалуй, наиболее ярко и компетентно сформулировал свои мысли по этому поводу в удивительном пророчестве бывший министр внутренних дел и лидер правых

1 *Энгельс Ф.* Письмо Й(озефу). Блоху, 21–23 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395–396.

2 *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. Т. 2. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. С. 251.

3 Там же.

в Государственном Совете П.Н. Дурново. В феврале 1914 г. он, как известно, подал Николаю II аналитическую записку по поводу перспектив возможной войны с Германией. В ней, в частности, определенно указывалось, что в России «народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма»[1]. На этом основании он выдвигал неопровержимый и подтвержденный историей вывод: «политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое»[2].

Он также отмечал, что у буржуазной альтернативы нет перспектив: «Как бы ни распинались о народном доверии к ним члены наших законодательных учреждений, крестьянин скорее поверит безземельному казенному чиновнику, чем помещику-октябристу, заседающему в Думе; рабочий с большим доверием отнесется к живущему на жалование фабричному инспектору, чем к фабриканту-законодателю, хотя бы тот исповедовал все принципы кадетской партии»[3].

Совершенно солидарен с П.Н. Дурново его современник, существенно отличавшийся от него идейными взглядами и принципами осмысления ситуации – Н.А. Бердяев: «В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение было связано с Государственной Думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»[4].

В связи с вышесказанным, известные слова В.И. Ленина, лидера победившей революционной партии, принципиально отличавшегося по взглядам и методам анализа социальной действительности и от Дурново, и от Бердяева, звучат логическим завершением высказанных ими мыслей: «Конечно, есть люди, которые думают, что революция может родиться в чужой стране по заказу, по соглашению. Эти люди

1 *Дурново П.Н.* Записка П.Н. Дурново // Красная Новь. 1922. № 6. [Электронный ресурс] URL: http://on-island.net/History/Durnovo (дата обращения: 17.03.2017).

2 Там же.

3 Там же.

4 *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука классика, 2008. С. 294.

либо безумцы, либо провокаторы. Мы пережили за последние 12 лет две революции. Мы знаем, что их нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»[1].

Эти «десятки миллионов» – и есть, в первую очередь, русское крестьянство, которое даст миллионы бойцов в Красную Армию, обеспечив ей победу, и будет бежать от белой мобилизации на протяжении всей Гражданской войны. Даже в 1921 г во времена Кронштадтского, Тамбовского и других восстаний против большевистского варианта Советской власти, крестьяне никогда не будут жалеть о прошлом, и выступать под лозунгами реставрации монархии или возвращения белых правительств, являвшихся носителями идей буржуазного конституционализма. Вандеи не будет. Повстанцы будут выступать под социалистическими лозунгами, соединявшими идеи Советской власти в версии эсеров с элементами анархизма.

Давно назрела необходимость уйти от толкования революционных событий в России как цепи трагических случайностей и личных ошибок. Случайности выступают как проявления закономерного, а ошибки являются одной из форм проявления действия закономерностей. Строить на этих недоразумениях эффективную актуальную политику и перспективную идеологию, призванную заменить в принципе отвергнутую советскую, не представляется возможным. Объективные возможности понимания произошедшего нам оставлены наиболее вдумчивыми современниками событий, чья логика может быть наполнена огромным массивом доступных нам сегодня источниковых данных. Насколько у нас, их потомков, достанет сил, желания и мужества сделать это, понять своих предков вместо бесплодных осуждений и демагогических призывов к покаянию за их выбор, бессмысленных заклинаний революции как формы социального развития и придумывания для нее «лимитов» в пользу эволюции, опереться на понимание смысла неслучайности революционного прошлого России в строительстве ее будущего – станет ясно в обозримой перспективе.

---

[1] *Ленин В.И.* IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы. 27 июня – 2 июля 1918 г. // Полн. Собр. Соч. Т. 36. С. 457.

Базанов С.Н.

СОЛДАТЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье рассматривается отношение солдат-фронтовиков к Временному правительству, претерпевшее эволюцию от полной поддержки к полной утрате доверия, которое осенью 1917 г перешло к Советам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., Временное правительство, действующая армия, Приказ № 1 Петросовета, солдатские комитеты, антивоенные выступления 1917 г.

Bazanov S.N.

SOLDIERS OF THE ARMY AND THE PROVISIONAL GOVERNMENT

Abstract. The article discusses the attitude of the soldiers at the front to the Provisional government, has undergone evolution from full support to a complete loss of confidence, which in the autumn of 1917 had passed to the Soviets.

Keywords: First World War, the February revolution of 1917, the Provisional government, army, Order No. 1 of the Petrograd Soviet of soldiers ' committees, anti-war speeches of 1917.

К числу наиболее сложных и многоплановых проблем истории взаимоотношений власти и общества в свете революционных событий 1917 г относится разложение русской армии. Далеко не все аспекты данной темы к настоящему времени достаточно разработаны. Один из них – эволюция отношения солдат к Временному правительству, напрямую связанная с развалом русской армии, резко усилившимся после Февраля и достигшим апогея к кануну Октября[1].

[1] *Жилин А.П.* К. вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 153–165; *Уайлдман А.К.* Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история, 1996. № 2. С. 19–30.

Февральская революция вызвала радикальные перемены в различных слоях русского общества, в том числе и в армии, насчитывавшей свыше 9 млн человек, т.е. более 6% тогдашнего населения страны (причем большинство солдат – 7 млн – находилось в действующей армии). Однако стала ли законной новая власть, установившаяся после свержения самодержавия? Можно ли рассматривать двоевластие как систему, основанную на согласии всего народа? Временное правительство представляло, по большому счету, интересы верхов общества, а Советы – низов. Но после того как Исполнительный комитет Петроградского Совета согласился поддержать Временное правительство, новая система власти приобрела статус законности, хотя, следует заметить, достаточно условный.

В первое время после падения самодержавия Временное правительство в вопросе демократизации армии «шло в ногу» с Петроградским Советом. Так, изданный 1 марта его Исполкомом Приказ № 1 о создании солдатских комитетов в армии был поддержан Временным правительством. Более того, в его развитие 16 апреля был издан Приказ № 213, подписанный военным и морским министром А.И. Гучковым, согласно которому права солдатских комитетов значительно расширялись, число офицеров в них уменьшалось и т.д., гарантировалось «каждому воину осуществление его гражданских и политических прав»[1]. Известно, что к моменту его выхода во всех воинских частях и соединениях были созданы выборные солдатские комитеты. Только на фронте их количество приближалось к 60 тыс., в них состояло до 300 тыс. членов[2]. Это была огромная сила, широко поддерживаемая солдатской массой.

Таким образом, легитимность Временного правительства в сознании солдатских масс в тот период не подлежала сомнению. Однако все мгновенно изменилось, когда министр иностранных дел П.Н. Милюков обнародовал 18 апреля ноту, возмутившую всю страну и послужившую основной причиной Апрельского кризиса. Поскольку этот документ касался вопроса о мире, солдатская масса резко отреагировала на него: в Петрограде начались демонстрации солдат и рабочих, на фронте и в тыловых гарнизонах – многочисленные митинги протеста. Авторитет Временного правительства в глазах солдат резко упал. Для его поднятия в мае в состав кабинета министров включили представителей

[1] Русский Инвалид. 1917. 16 апреля.

[2] *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. М., 1967. С. 34.

социалистических партий (с согласия Исполкома Петроградского Совета). Кроме того, создали Министерство труда, призванное обеспечить «классовый мир» между рабочими и предпринимателями, Министерство продовольствия – для ликвидации продовольственных трудностей и Министерство призрения – для попечительства о воинах-инвалидах и семьях погибших.

Ставший военным и морским министром А.Ф. Керенский начал активную агитацию за организацию крупномасштабного наступления на фронте, которую поддержали солдатские комитеты и комиссары Временного правительства (последних назначал на фронты и в армии в основном Исполком Петроградского Совета). Солдаты же, как в действующей армии, так и в тыловых гарнизонах, напротив, устраивали митинги протеста и впервые (середина мая – начало июня) стали прислушиваться к большевикам. Часто бывавший в то время с агитационными поездками на фронте Керенский с раздражением позднее писал в мемуарах: «Большевистская зараза быстро распространилась по телу армии. Все попытки возобновить подготовку к боевым действиям встречали решительное сопротивление солдат по всему фронту... Комитеты подвергали офицеров и комиссаров… непрерывной травле. Приказы не выполнялись, а командиров, которые не пришлись по вкусу комитетам, заменяли демагогами и бесчестными приспособленцами»[1].

Подобные изменения в настроении солдатских масс явились показателем утраты Временным правительством значительной части легитимности. Сложившаяся после свержения самодержавия политическая система была, таким образом, поставлена с ног на голову: на новой стадии развития революционного процесса уже не представительный орган определял основные направления деятельности Временного правительства, а наоборот, именно оно через представительные органы (местные советы и солдатские комитеты) определяло их же поведение во имя законной государственной власти. На практике это означало, что на фронте надо было поддерживать дисциплину, беспрекословно исполнять приказы командиров и готовиться к новым боевым действиям.

Солдатские комитеты и комиссары Временного правительства энергично боролись с несанкционированными солдатскими митингами, наносившими огромный вред подготовке к наступлению. Стало ясно, что

[1] *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 183.

узаконение их весной 1917 г было крупной ошибкой новой власти, так как выступавшие там большевики не только агитировали солдат против наступления, но и призывали к неповиновению своим же комитетам, заявляя, что их руководство – меньшевики и эсеры – будто бы предало революцию. Поскольку с точки зрения революции бунтовать было вполне законно, то солдаты и бунтовали, причем без подстрекательства большевиков, а лишь согласно своей «революционной совести». Особенно крупные солдатские волнения произошли в период Июньского наступления (18 июня – 14 июля), когда целые полки отказывались идти вперед, что в конечном итоге и привело к его провалу[1].

Неудача Июньского наступления вызвала бурный народный протест, усилила антивоенные настроения среди солдат и привела к резкому падению авторитета Временного правительства. В те дни, 3–5 июля, когда в Петрограде шли массовые манифестации и стычки демонстрантов с юнкерами и казаками, кабинет министров практически не функционировал: из его состава вышли кадеты, угрожая меньшевикам и эсерам разорвать коалицию. Единственным кандидатом на пост главы правительства оказался А.Ф. Керенский, так как кроме него в правительстве не было социалистов, которые устраивали кадетов, а их участие в управлении государством на этой стадии революции ВЦИК Советов рассматривал как необходимое.

С одобрения ВЦИК Советов Временное правительство взяло на себя неограниченные права по восстановлению порядка и дисциплины в армии, в чем ему помогали на местах, как комиссары, так и солдатские комитеты. В послеиюльские дни солдатам казалось, что двоевластие кончилось: местные советы и их войсковые комитеты стали всецело подчиняться Временному правительству. Однако все было сложнее. Низовые солдатские комитеты (ротные, батарейные, эскадронные и т.д.), несмотря на репрессии, продолжали защищать себя от попыток высших комитетов (полковых, дивизионных, бригадных, корпусных и армейских), комиссаров Временного правительства и командования «ограничить их деятельность»[2].

[1] *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 347–393.

[2] Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). Автор-составитель *С.Н. Базанов*. М., 2010. С. 131–222.

В такой сложной политической обстановке 25–30 августа произошло выступление Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова[1]. Тщательный анализ приводит к выводу: провал корниловского движения был предрешен, поскольку захват власти военной силой возможен лишь при участии солдат, а они могли тогда принять только революционную власть в лице Временного правительства, поддерживаемого местными Советами и солдатскими комитетами. Несмотря на имевшиеся к нему претензии (ограничение прав солдат и их выборных организаций, фактическое игнорирование вопроса о мире, о земле и др.), в критический момент солдаты безоговорочно поддержали кабинет министров и на время «простили» его прошлые ошибки.

Выступление генерала Корнилова оказало сильнейшее воздействие на последующее развитие событий и на отношение солдат к государственной власти, которую они все еще рассматривали как свою и без колебаний встали на ее сторону Весьма показательно, что когда солдатские комитеты были активны, солдаты выступали вместе с ними, но когда комитеты медлили, солдаты выступали самостоятельно. Кроме того, именно тогда по инициативе солдатских масс были созданы военно-революционные комитеты – чрезвычайные революционные боевые органы для борьбы с генеральским заговором. Они брали под контроль штабы частей и соединений действующей армии, прослушивали телеграфные сообщения, арестовывали офицеров, заподозренных в связях с корниловцами и т.д. Примечательно, что комиссары Временного правительства и руководство высших солдатских комитетов всецело поддерживали деятельность ревкомов и действовали с ними сообща.

Таким образом, в корниловские дни впервые с момента Февральской революции власть и народ (в данном случае солдаты) выступили заодно. По этому поводу в передовой статье газеты «Известия» с восторгом отмечалось: «только благодаря своему демократическому строю армия так быстро и безболезненно парализовала все попытки сделать ее орудием мятежа, только благодаря этому строю была избегнута гражданская война, мятеж подавлен». И далее: «если бы не было армейских комитетов или они были лишены большинства своих прав, армия оказалась бы игрушкой в руках контрреволюционных генералов.

[1] *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 123–151.

Она не могла бы сразу создать организацию, необходимую для подавления реакционных выступлений командного состава». Наконец, был сделан вывод: именно в корниловские дни «оказалось, что интересы революции и интересы страны и ее обороны совпадают»[1].

В создавшейся ситуации командный состав был бессилен и даже не стремился помешать происходящему. Солдаты все еще доверяли Временному правительству, потому что его деятельность контролировалась Советами. Контроль, осуществляемый ревкомами, солдатскими комитетами и комиссарами Временного правительства над штабами олицетворял тот же принцип на местах.

Положение радикально изменилось после подавления корниловского выступления. Авторитет главы Временного правительства Керенского резко упал. С одной стороны, этому способствовали слухи о том, что он вместе с Корниловым якобы заранее договорились занять «надежными» войсками Петроград и разогнать Советы, но Керенский в последний момент струсил (эта версия распространялась самими корниловцами, а также крайне правой и левой прессой). С другой стороны, премьер-министр своими последующими действиями сам способствовал падению авторитета Временного правительства, назначив себя Верховным главнокомандующим, а своим начальником штаба – генерала от инфантерии М.В. Алексеева, чье негативное отношение к солдатским комитетам и демократизации армии было хорошо известно.

Изданные новоявленным главковерхом в начале сентября приказы по содержанию были очень похожи на июльские, подписанные Корниловым: ограничение политической деятельности солдат и их комитетов, беспрекословное подчинение приказам Временного правительства и т.п.[2] Комиссары последнего, опасаясь новой волны беспорядков на фронте, всецело поддержали жесткую политику Керенского и были ему благодарны за укрепление своего авторитета (хотя бы в приказном порядке). А так как командный состав после корниловского выступления потерял власть над солдатами, именно комиссары оказались теперь самыми авторитетными представителями государственной власти на фронте.

---

1 Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 сентября.

2 Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 562.

Когда пришел очередной приказ Керенского об упразднении ревкомов, а солдатским комитетам предписывалось не выходить за рамки обычной деятельности[1], их члены еще стремились укрепить революционную власть в армии. Они были убеждены, что установление контроля над штабами при активной поддержке солдат позволило победить контрреволюцию, и в то же время верили в необходимость революционного порядка на фронте, поэтому признавали авторитет Временного правительства. Большинство комитетов сразу подчинилось приказу, подписанному Керенским, и отменило контроль над штабами.

Скоро деятельность солдатских выборных органов на фронте вошла в обычное русло, и живой контакт с солдатской массой прервался, они опять стали ответвлением демократической власти в Петрограде вместо того, чтобы быть представительным органом солдат на фронте. Солдаты же окончательно разочаровались во Временном правительстве, главным образом в его главе. Они больше не писали писем, не посылали делегаций лично к Керенскому и другим членам Временного правительства, а обращались во ВЦИК Советов, Петроградский Совет, причем не через солдатские комитеты, а напрямую, посредством резолюций, принятых на несанкционированных солдатских митингах. Мандат доверия, полученный Временным правительством после свержения самодержавия, был утрачен, а возможность возобновить его в корниловские дни – упущена.

Керенский все еще думал, что лично олицетворяет демократическую законность, а ВЦИК Советов поддерживал в нем эту иллюзию. Зная о готовящемся в Петрограде восстании, премьер-министр заявлял, что легко с ним справится[2], и действительно, приказал командованию ближайшего к столице Северного фронта снять и направить туда значительный воинский контингент Однако Керенский смог привлечь лишь до 15 казачьих сотен и конно-артиллерийский дивизион 3-го кавалерийского корпуса (того самого, который в августе генерал Корнилов двинул на Петроград). Вместо ожидаемых войск, особенно пехоты, без которой казаки не хотели дальше наступать, к этому отряду присоединились еще три сотни казаков и 350 солдат, заявивших, однако,

[1] Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сборник документов. М., 1968. С. 593.

[2] Новая жизнь. 1917. 25 октября.

что в бой не пойдут[1]. Выступая 29 октября на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона, В.И. Ленин уверенно констатировал: «на фронте за Керенским нет никого»[2], и был прав. Так отплатили солдаты Временному правительству за его «антисолдатскую» деятельность в послекорниловский период.

Керенский же видел причину утраты доверия к кабинету министров, да и к себе, в том, что большевистская и правая пресса, большевистские и правые агитаторы с одинаковым рвением яростно критиковали его. «И для того, и для другого лагеря имя мое было символом демократической, революционной, свободной России, которую нельзя было уничтожить, не уничтожив возглавляемого мною правительства» – писал он. И далее сделал вывод: «и большевики, и сторонники Корнилова отлично понимали», что для захвата власти в стране необходимо, прежде всего, «уничтожить моральный авторитет тех, кто воплощал верховную власть в республике»[3].

Вопрос о власти в Октябрьские дни был решен в пользу Советов – наибольшим моральным авторитетом у солдат пользовались солдатские организации – аналоги тех же Советов. Поэтому фронтовики поддержали и Советское правительство, причем не в результате взятия власти большевиками, а в силу их лозунгов, ясных и понятных народу, тем более что первые декреты новой власти были о мире и о земле, чего тщетно ждали солдаты от Временного правительства.

В период от появления «Декрета о мире» до подписания Советским правительством 4 декабря перемирия с германским блоком в глазах солдат неуклонно росло доверие к новой власти. Это выразилось и в их деятельном участии в заключении локальных перемирий с противником на фронте («солдатских миров»), к которым призывали большевики[4]; и в массовых братаниях, узаконенных Советским правительством[5]; и в завершающем этапе демократизации армии – введении выборного

---

1 *Базанов С.Н.* Роль военно-революционных комитетов действующей армии в ликвидации мятежа Керенского–Краснова // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 43–79.

2 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36.

3 *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 306.

4 *Базанов С.Н.* Солдаты Северного фронта в борьбе за мир в ноябре–декабре 1917 г. // Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. статей. М., 1981, С. 83–93.

5 *Френкин А.С.* Указ. соч. С. 265–275.

начала, упразднении чинов и т.д.[1]; и в начавшейся демобилизации, проводимой солдатскими организациями при содействии самих фронтовиков[2]. Ярко выраженный «солдатский» характер этих мероприятий, проводимых новой властью в первые два послеоктябрьских месяца, обеспечил ей поддержку солдатских масс, как это наблюдалось и в случае с Временным правительством в марте-апреле.

Волгирева Г.П.

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАГЕДИИ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА 1917 Г.: ПОИСК И АНАЛИЗ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ, АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛУ РОМАНОВЫХ

Аннотация. Рассматривается вторая версия дела Романовых: вывоз семьи Романовых из Екатеринбурга в Кунгур, Пермь, с. Ильинское, Шадринск. Сообщается о новых источниках и сборе информации в полевых экспедициях в июне – июле 2014 г. среди местного православного духовенства.

Ключевые слова: семейный архив, фотографии, воспоминания, государственные архивные документы, дневники.

Volgireva G.P.

THE CONSEQUENCES OF THE TRAGEDY OF THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917: SEARCH AND ANALYSIS OF NEW SOURCES AND ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE CASE OF THE ROMANOVS

Abstract. We consider the second version of the Romanov case: the Romanov family's removal from Ekaterinburg to Kungur, Perm, p. Ilinskoe,

[1] *Гаврилов Л.М.* Истоки и финал демократизации русской армии // Армия и общество 1900–1941 гг Статьи, документы. М., 1999. С. 77–114.

[2] *Городецкий Е.Н.* Демобилизация армии в 1917–1918 гг. // История СССР. 1958. № 1. С. 3–31.

Shadrinsk. Information about new sources and gathering information in the field expedition in June – July 2014 among the local Orthodox clergy.

Keywords: family papers, photographs, memories, public archival documents, diaries.

В ноябре 2007 г изучение землеустройства в Пермской губернии с 1906 по 1917 гг. привело к знакомству с материалами домашнего архива потомков семьи Романовых, из которых следует, что семья Николая II была не расстреляна, а расселена среди крестьян Пермской губернии. Материалы отражают повседневную жизнь семьи Николая II после 1918 г. Комплекс документов личного происхождения представляет собой фотографии, открытки, письма, которые датируются 1919–1980 гг. Владелец архива **Наталья Владимировна Хаберева**, 1954 г. рождения, рассказала судьбу всех «героев» по своим воспоминаниям, а также по воспоминаниям матери.

Показывая домашний архив, Н.В. Хаберева начала свой рассказ: «С 2005 г я начала восстанавливать родословную своей фамилии и обнаружила сходства моих бабушек и дедушек с фотографиями Царской семьи Романовых, размещенными в Интернете. В конце 2006 г моя мать Валентина Николаевна Пузикова-Хаберева подтвердила мои предположения о том, что наша семья является потомками Романовых: "Ты поняла правильно". Целый год я анализировала, сопоставляла фотографии и, наконец, решилась изложить историю нашей семьи в советское время – так как я ее знаю по воспоминаниям мамы, рассказам родственников, своим личным впечатлениям. Бабушек и дедушек у меня было много, но о себе они никогда ничего не рассказывали, были сдержаны. Отец за всю жизнь не проронил о своих родителях ни единого звука. В конце жизни порывался мне что-то рассказать, но не смог Со слов мамы вышла следующая история. В 1919 г. семья жила в с. Ильинское Пермской губернии. Мать [Александра Федоровна] носила фамилию – Шерстобитова. Ее мужем являлся "священник" из с. Ильинского Пермского уезда – Иван Шерстобитов». Далее, со слов матери Натальи Владимировны, известно: «…семья голодала… и одну из дочерей [Анастасию] под именем "Филицата" отдали в Пермский приют».

В 1919 г. Мария Шерстобитова [Александра Федоровна] с детьми переехала в село Каргаполье под Шадринск. Из приюта [Анастасию] – «Цату» – забрала ее старшая сестра Ольга и увезла в с. Каргаполье.

15 июня 1919 г. [Анастасия] – «Цата» – родила сына Владимира, не будучи в браке. Впоследствии [Анастасия] – «Цата» – в селе Каргаполье «нашла» своего будущего мужа «Лаврентия» – [Алексея], который проживал со своей «матерью Марией» [Александрой Федоровной]. После 1926 г. они переехали в Шадринск. «Филицата» официально вышла замуж за Лаврентия Михайловича Русакова, взяв его фамилию. У них рос сын – Владимир. «Это был мой отец» – сообщила Наталья Владимировна.

Первая проблема заключается в том, что владелец большого семейного архива, Наталья Владимировна Хаберева, до 2005 г. не знала своей подлинной родословной, подлинных фамилий и имен своих предков. Эта тема для нее была закрытой. Более того, от нее скрывали дореволюционную историю ее семьи, в целях безопасности жизни, как ее, так и всех членов семьи. Ее собственное расследование и «невероятное» предположение подтвердила ее собственная мать – Валентина Николаевна Хаберева, в девичестве Пузикова. Изучение данного архива может идти посредством сбора дополнительной информации путем устных опросов тех людей, которые были связаны с данной семьей, т.е. посредством полевых экспедиций.

Вторая проблема изучения данного архива заключается в том, что новая легенда сформировалась в период 1918–1919 гг., в период Гражданской войны. Пермь была центром сопротивления войскам Красной Армии, что выразилось, не только в боевых действиях, но, прежде всего, в саботаже всех чинов на всех уровнях.

Таким образом, для изучения начального этапа формирования легенды семьи необходимо было провести исторические исследования, в первую очередь, среди пермского духовенства и монашества, а также гипотетически предположить первоначальные населенные пункты Пермской губернии, где могла останавливаться семья Николая II на пути в село Ильинское.

О священнике Шерстобитове информация получена 3 марта 2008 г. от кандидата исторических наук Петра Николаевича Агафонова. Он сообщил, что действительно в с. Ильинском был священник Иоанн Иоаннович Шерстобитов, г.р. 1894, заштатный священник, не имеющий постоянного прихода; в 1946 г. он проживал в селе Юрлинское. В семье были «Анна и Мария Шерстобитовы». О Марии Шерстобитовой от П.Н. Агафонова известно, что она была послушницей Кунгурского Иоанно-Предтеченского монастыря и носила в монашестве имя Пелагея. У нее была старшая сестра Елена. С 6 лет они были сиротами в селе Суда Кунгурского уезда Пермской губернии.

Как видим, местные имена, фамилии практически имеют отношение к людям, которые связаны с духовенством или монашеством и мало известны «в миру». Православные монастырские круги наиболее удобны для сокрытия тайн, а изготовить новые документы в условиях Гражданской войны не составляло никакой сложности.

Главным толчком к проведению поисков путем полевой экспедиции и проведению устных опросов явился письменный исторический документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации. В Фонде Николая II Романова (Ф. 601) имеется письмо от 19 февраля 1919 г. Министра Юстиции ***Старынкевича*** Управляющему Министерством Иностранных Дел в правительстве Колчака, которое характеризует две версии событий 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Вначале письма развернуто сообщается первая версия – расстрел, затем кратко – вторая. Обратимся ко второй версии, т.к. ее никто никогда не рассматривал.

На л. 12об. письма Старынкевича сообщается: «В июне месяце во время движения чехословацких отрядов на Екатеринбург местной большевистской властью было объявлено о расстреле бывшего Государя и всей царской семьи, и с ***этого времени в городе*** начали распространяться ***две версии*** по поводу исчезновения царской семьи из Екатеринбурга, из коих по одной версии – вся царская семья была убита, а по другой – увезена в Верхотурье или в Пермь»[1]. На л. 14об. читаем: «..дознанием путем опроса целого ряда лиц было установлено, что в ночь на 17 июля из дома Ипатьева выезжали автомобили, а по объяснению военного чиновника Леонова, 17 июля Комиссаром снабжения фронта Горбуновым были потребованы ***5 грузовых автомобилей***, причем ***один*** из них был ***возвращен обратно*** лишь ***19 июля*** и оказался запачканным в крови и грязи, хотя и было заметно, что его мыли и чистили»[2]. Далее читаем: «…***целый ряд свидетелей*** показал, что царская семья не ***расстреляна***, а ***увезена из Екатеринбурга в Пермь*** или в Верхотурье. Однако эта версия не нашла себе подтверждения в объективных данных следствия и никто из свидетелей не удостоверил, чтобы ***лично видел отъезжавшую царскую семью***»[3].

В связи с открытием комплекса новых документов личного происхождения потомков семьи Романовых проработка второй версии более

---

1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 2. Д. 26. Л. 12об.

2 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 26. Л. 14об.

3 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 26. Л. 15.

чем необходима. Относительно маршрута следования и остановок семьи Николая II можно предположить, что реальные населенные пункты могли быть: ***Екатеринбург – Кунгур – Пермь – с. Ильинское***.

Первым местом для сбора устной истории в исследовании формирования семейной легенды в период Гражданской войны на Урале явился г. ***Кунгур***, а средой сбора информации ***круг местного православного духовенства и монашества.***

5 июня 2014 г. я выехала автобусом в Кунгур. Встретил меня священник отец **Максим Кулаков**, который служит в храме Иоанно-Предтеченского монастыря. Узнав, в чем заключаются научные поиски, он познакомил меня с сыном почетного гражданина г Кунгура, благочинного отца Бориса Степановича Бартова – **Бартовым Василием Борисовичем**. Разговор с В.Б. Бартовым был в храме, сидели за столом, он внимательно слушал. После моего рассказа он сразу вспомнил один эпизод о Романовых, который он знал с детства. Отец его рассказывал, что «***в местечке между станцией Камаи и курортом "Песчанкой" семья Романовых, в частности Николай II, попросили, чтобы им дали возможность этот очень живописный участок пройти пешком. Они этот участок шли пешком, а поезд шел за ними***».

В тот же день вечером я проверила эту кунгурскую легенду и в дневнике Николая II от 3 августа 1917 г., когда их везли в Тобольск, увидела запись: «3-го августа. Проехали Пермь в 4 ч и гуляли за г Кунгуром вдоль реки Сылвы по очень красивой долине»[1]. В путевом журнале полковника Е.С. Кобылинского было записано: «3 августа. Завтрак, полдник, чай, обед поданы, как накануне. За ***станцией Кунгур Пермской железной дороги бывший император с детьми в 18.55 совершили получасовую прогулку***»[2]. Таким образом, первая кунгурская легенда о Романовых подтвердилась двумя историческими архивными документами: личным дневником Николая II и путевым журналом Е.С. Кобылинского.

Далее, В.Б. Бартов вспомнил об ***отце Антонии*** (***Виталии Щукине***), 1971 г. рождения, выросшем в среде кунгурских монахинь. Отец Антоний, как сказал В.Б. Бартов «резкий по манерам, на что не надо обращать особого внимания, и он может много рассказать». Также

[1] Дневники императора Николая II. В 2-х т. 1894–1918. Т. 2. Ч. 2. 1914–1918. М.: РОССПЭН, 2013. С. 325.

[2] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 858. Л. 1.

В.Б. Бартов упомянул одного крестьянина из дер. Сороки ***Павла Ивановича Уткина***, который в 1917 г. был членом Поместного собора в Москве как делегат от крестьян Кунгурского уезда и добавил, что «***П.И. Уткину могли доверять в церковных кругах***». В дальнейшем, это подтвердила его жена – Бартова Наталья Николаевна, с которой мы встретились в следующий приезд 25 июня 2014 г

Наталья Николаевна Бартова, 1954 г. рождения 26 июля, родилась в Перми в районе Запруд. Она начала рассказывать о дочери П.И. Уткина – об ***Анастасии Павловне Уткиной***. Жила ***А.П. Уткина*** в Перми в районе Балатово на ул. Мира. Наталья Николаевна у нее училась шить церковные облачения. Как рассказала Н.Н. Бартова: «Анастасия Павловна Уткина была гостеприимная, доброжелательная. Ездила я к ней в 1972 году. За шитьем Анастасия Павловна разговаривала чаще ***про царскую семью***, ***про Анастасию***, ***что жили в деревнях под другими именами***, ***ходили в простых одеждах***, ***скрывались в сельской местности***, ***в семьях***: ***один в одной семье***, ***другой в другой семье***. Она все сама рассказывала, я не расспрашивала, да и забыла потом, так как это не было никому нужно. Трепетное отношение было к ним у тех, которые знали. ***Одевались просто***, ***чтобы не выдать себя.*** В рассказах Анастасия Павловна поминала ***Кунгурский Иоанно-Предтеченский монастырь***, ***Строгановское имение село Ильинское***». Далее Н.Н. Бартова вспомнила, что у Анастасии Павловны была сестра ***Евдокия Павловна Уткина***: «Она была монахиней в парате в Иоанно-Предтеченском монастыре в Кунгуре, звали ее мать ***Евгения***. У нас в семейных альбомах должно быть ее фото». Очевидно, именно от своей сестры Евдокии, в монашестве Евгении, Анастасия Павловна Уткина могла знать историю судьбы Романовых.

Далее **В.Б. Бартов** начал показывать альбомы, их было около 10. Листая их, он показывал отдельные фотографии и пояснял, кто есть кто. Он показал ***Павла Ивановича Уткина*** в пожилом возрасте (фото 1959 г.), затем нашел его дочь – ***монахиню Евгению из Кунгурского Иоанно-Предтеченского монастыря***, затем показал фото ***отца Антония*** (***Виталия Щукина***). Василий Борисович **Бартов** добавляет: «Церковная среда – тайна, спрятано, внутри все знали».

Таким образом, версию вывоза Романовых из Екатеринбурга подтвердил факт причастности к этому делу местного монашества Кунгурского Иоанно-Предтеченского монастыря. Поэтому необходимо было

проверить историю Кунгурского Иоанно-Предтеченского монастыря в местном архиве.

В Кунгурском Государственном архиве сохранились материалы только об обстоятельствах закрытия монастыря. В «Протоколе № 6 Очередного заседания Кунгурского совета рабочих и красноармейцев» от 17 февраля 1921 г. под рубрикой «Текущие дела» читаем: «Товарищ Яковлев делает доклад по поводу ликвидации женского монастыря. Говорит, что, согласно декрету об отделении церкви от государства также не должно быть никаких религиозных общин, поводом чего и послужила ликвидация монастыря. Т. Яковлев подчеркивает, что в понедельник было заседание в 11 часов вечера, во время которого оглашает *анонимное письмо из женского монастыря*, в котором сказано, что игуменья укрывает дезертиров труда в лице певчих, не посылая их на работы. А потом, по прошествии нескольких дней, от этой монашки получают второе анонимное письмо, в котором чуть не со слезами просит выслать в монастырь политического комиссара. Письмо это т. Яковлев отправил в Комдезертир для проверки. Сотрудники Комдезертира были отосланы в монастырь. Когда стали спрашивать, где находится игуменья для представления их мандатов на право проверки документов в монастыре, им сказали, что игуменья больна, но сотрудники Комдезертира все же не посмели делать проверку без разрешения игуменьи. Отыскав келью игуменьи, предъявив ей мандаты, которая запротестовала, но стоявшая в изголовьях игуменьи монашка, начала ***прятать под рясу какой-то предмет, взявши из-под головы игуменьи***. ***Сотрудники приступили к обыску***, в результате оказалось, что ***монашка прятала китель с погонами***, что и послужило причиной обыска монастыря. Т. Яковлев подчеркивает факт, что в монастыре также найдена ***переписка белых 1920 года, когда двигались войска от Екатеринбурга***. Просит также поддержки на пленуме Уисполкома о ликвидации церкви, т.к. общины нет и церковь содержать некому, то ликвидировать таковую. Резолюция т. Яковлева проходит при 6 воздержавшихся»[1].

Настоятельницей монастыря в 1918 г. была ***игуменья Венедикта.*** В своем изголовье она могла прятать только необычайно ценный для нее предмет. Возможно «китель с погонами» принадлежал Николаю II. Фотографии Венедикты пока не обнаружены. Также еще не об-

[1] Кунгурский государственный архив (КГА). Ф. 78. Оп. 3. Д. 1. Л. 13об–14.

наружена переписка с «белыми», но в действительности она может датироваться только ***1918 г.***, т.к. Яковлев добавляет фразу «***когда двигались войска от Екатеринбурга***», а это было в 1918 г. Уже в декабре 1918 г. Пермь была сдана большевиками армии Колчака. Данный письменный архивный документ подтверждает несомненную причастность Кунгурского Иоанно-Предтеченского монастыря к делу вывоза семьи Романовых из Екатеринбурга.

Обратимся к дневникам Николая II[1]. Николай II начал вести дневниковые записи, будучи цесаревичем с 14 лет На сегодняшний день опубликованы дневники Николая II с 1894 по 1918 гг. Важно подчеркнуть, что Николай II никогда не пропускал ни дня, чтобы не заполнить дневник. Практически это стало его привычкой и внутренней необходимостью.

В последнем дневнике 1918 г., начиная с 26 мая по старому стилю, с ***8 июня по новому стилю***, дневниковые ***записи периодически отсутствуют***. Нет записей за 12 июня по новому стилю, 14–15 июня, 17 июня, 19–21 июня, 24 июня, 26 июня, 28–30 июня и 1–3 июля (всего 6 дней), 5 июля, 7 июля, 9–10 июля, 12 июля. Последняя запись от 30 июня по старому стилю, как писал Николай II, а по новому стилю – 13 июля 1918 г Таким образом, Николай II закончил дневниковые записи за три дня до 16 июля 1918 г Почему?

Отсутствие записей в дневнике, нередко составляющих от 2-х до 6-ти дней, притом, что автор ***систематически*** писал дневник на протяжении всей своей жизни, говорит о том, что автора дневника в эти дни просто не было в Доме особого назначения, в Доме Ипатьева. Николай II отсутствовал, т.к., очевидно, должен был участвовать в тщательной разработке и обсуждении дальнейшего маршрута, населенных пунктов будущего проживания семьи, в подготовке документов, определении всей дальнейшей жизни в целом. В общей сложности начиная с 8 июня 1918 г. Николай II отсутствовал в Доме особого назначения ***21 день*** (!).

Дата окончания записей «30 июня» или «13 июля» по новому стилю, за три дня до «расстрела», говорит о том, что в основе договоренности о спасении лежала ***передача документов***, в первую очередь, документов личного происхождения Николая II и всей его семьи: всех дневников,

[1] ГА РФ. Ф. 601. Оп. Д. 266.

фотографий, писем, черновых записных книжек и проч. Известно, что весь документальный фонд семьи Романовых поступил в руки большевиков. Председатель ЦИК, Яков Свердлов, уже 18 июля 1918 г. сказал: «…в распоряжении ЦИКа уже имеются дневники и письма царской семьи»[1]. Таким образом, передача личных документов Николая II и членов его семьи произошла с ***14 по 16 июля 1918 г.***

В ГА РФ среди различных дневников семьи Романовых сохранилась черновая записная книжка вел. кн. Анастасии, которая также доказывает, что семья не была расстреляна. Записная книжка Анастасии Николаевны Романовой датируется 1910–1913 гг. В это время Анастасии было 9–12 лет. В этой записной книжке имеются черновые карандашные записи, как дневникового характера, так и ее детские сокровенные желания и мечты. На л. 33 карандашом она пишет о своих мечтах, например, выйти замуж за Дмитрия Павловича Романова: «Я бы хотела выйти замуж за Дмитрия, очень я его обожаю, иза (!) всей, всей души»[2]. На другой странице вновь: «Я обожаю Димитрия П[авловича]»[3]. Причем эти строки расположены на страницах внизу под текстом, не касающемся данной темы, и зачеркнуты. Это говорит о том, что Анастасия невольно, спонтанно выразила свои чувства и сама же, испугавшись, зачеркнула их.

Анализируя данный документ, на пустых листах обнаруживаем не карандашом, но чернилами, записи ***столбцом 1919 г.***, ***касающиеся финансовых расходов***, ***почерком Ольги***. Например: «***8 Февраля 1919.*** Приход – 376,60 руб., 22,80 руб.; Расход – 1 февраля 1350 руб.; 10 февраля – 140 руб. …»[4].

Таким образом, записная книжка вел. кн. Анастасии, по архивной описи датируемая 1913 г., содержит записи 1919 г. (!) Данная записная книжка Анастасии могла быть оставлена из-за излишней неугомонности самой Анастасии, в результате ее суеты, ее рассеянности или несобранности. Известно, что Анастасию в семье ласково называли «Швибзенок». Тем не менее, позже записная книжка также была передана в руки большевиков и теперь находится в ГА РФ в личном фонде вел. кн. Анастасии Николаевны Романовой.

1 *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. М., 1990. С. 315.
2 ГА РФ. Ф. 683. Оп. Д. 1. Л. 33.
3 ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
4 ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1.Д. 1. Л. 44, 72–73, 74об–75.

Как видим, кратко изложенные факты, как устные, так и документальные создают определенную картину спасения семьи Романовых, а не расстрела.

Дальнейшие полевые исследования следует провести в с. Ильинском, в Шадринске и его округе. Также следует сопоставить почерка в материалах пермского семейного архива с почерками документов, принадлежащих детям Николая II в архивных фондах ГА РФ, подробно проанализировать их содержание.

В целом, обнаруженный новый комплекс документов потомков семьи Николая II, а также сбор материалов в ходе устных опросов местного населения и сопоставление их с местными архивными документами, документами центральных архивов, позволяют ставить и решать новые проблемы изучения семьи Романовых в условиях советской власти под другими именами и фамилиями.

Птицына Г.М.

Работа выполнена при поддержке РГНФ,
грант № АААА-А17-117041310147-8

НАРОДНАЯ МИЛИЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПОЛНОМОЧИЯ И СОСТАВ

Аннотация. В докладе представлен анализ особенностей состава и полномочий Владимирской народной милиции Временного правительства. На основе материалов архивных фондов, периодических изданий, а также позиций отечественной историографии, автор приходит к выводу, что отсутствие должной подготовки личного состава народной милиции, эффективных инструментов воздействия и, как следствие, авторитета, породили у населения ощущение безнаказанности и способствовали увеличению числа самовольных действий, особенно в сельской местности.

Ключевые слова: Народная милиция, Русская революция 1917 г., Временное правительство, локальная история.

Ptitsyna G.M.

THE PEOPLE'S MILITIA OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN THE PROVINCE OF VLADIMIR: THE POWERS AND COMPOSITION

Abstracts. The features of structure and powers of the Vladimir Militia of the Provisional Government are analyses in this thesis. Based on the materials of archival funds, periodicals, as well as the conclusions of Russian historiography, the author concludes, that the lack of proper training of the personnel of the people's militia, effective instruments of influence, gave the population a sense of impunity and contributed to an increase in the number of unauthorized actions, especially in rural areas.

Keywords: the People's militia, Russian revolution of 1917, Provisional Government, local history.

Легитимность власти в глазах населения напрямую зависит от служащих тех учреждений, с которыми оно имеет непосредственный контакт Особую роль в этом играют правоохранительные органы как проводники и защитники существующего строя, определяющие границы дозволенного. Именно поэтому уже 3 марта 1917 г. в «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» среди основополагающих принципов было объявлено о «замене полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»[1]. На заседании 4 марта было решено офицеров и нижних чинов упраздненного отдельного корпуса жандармов немедленно передать на учет подлежащих воинских начальников для направления в армию[2]. 17 апреля вышло постановление Временного правительства «Об учреждении милиции», которое устанавливало общие положения, согласно которым, милиция – это «исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении городских общественных управлений»[3]. В основу работы милиции

1 Вестник Временного правительства. 1917. 5 (18) марта. С. 1.

2 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1.4. 1. Л. 1.

3 Постановление Временного правительства об учреждении милиции. Пг,1917. С. 18.

были положены принципы децентрализации и выборности чинов, что лишило начальников милиции всей необходимой полноты власти.

Параллельно с формированием народной милиции по инициативе Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и социалистических партий шло создание рабочей милиции[1]. Сферой деятельности последней была охрана фабрик и заводов от пожаров, хищений, также защита митингующих трудящихся от провокаций и произвола промышленников[2]. Именно на изучение рабочей милиции и делали основной упор в советской историографии революции 1917 г., а народная милиция, созданная Временным правительством, воспринималась с позиций классового подхода как буржуазная и исследовалась достаточно скудно[3].

Правопорядком уезда ведала «уездная земская милиция», состоящая из начальника милиции, его помощника, участковых начальников милиции, непосредственно волостных милиционеров, конных и пеших, а также мелких служащих канцелярии[4]. Народная милиция подчинялась уездным земским и городским управам, более того, не состоя в служебном подчинении уездному комиссару, была обязана выполнять все его законные поручения[5]. Городская милиция не составляла отдельной от уезда самостоятельной милиции и подлежала ведению уездной земской милиции[6].

Об энтузиазме, с которым была воспринята эта новость, говорит тот факт, что инструкции для милиции в уездах Владимирской губернии принимались намного раньше, чем в центре. Уже 15 марта 1917 г уездным исполкомом была принята инструкция для Меленковской милиции[7], а 18 марта на заседании чрезвычайного земского собрания

1 *Журухин А.Н.* Формирование и деятельность отрядов милиции, боевых дружин и Красной гвардии в центральном промышленном районе в 1917 году: на материалах Владимирской, Калужской, Рязанской и Тульской губерний: дисс. ... кандидата исторических наук. Ярославль, 2010. С. 64.

2 Владимирская милиция: Прошлое и современность. 1802–2002 годы / Сост. А. Сухарев; ред. А. Карпилович. Владимир, 2002. С. 79.

3 *Аксенов В.Б.* Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50.

4 Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1186. Оп. 1. Д. 56. Л. 92.

5 Постановление Временного правительства об учреждении милиции. Пг, 1917. С. 16.

6 ГАВО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1. Л. 87.

7 ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.

Гороховецкого уезда было отмечено, что вопрос о правах и обязанностях милиционеров будет разработан местным временным исполкомом. По поручению исполкома был послан представитель в г Нижний Новгород по вопросу о выработке инструкций для милиционеров. Было принято решение о том, что начальник милиции и его помощники должны иметь лишь образовательный ценз не ниже средних учебных заведений, имущественного ценза не устанавливать. Подобные требования оказались типичны и для остальных уездов губернии. На волостных сходах были избраны кандидаты на должность помощников начальника милиции с представлением их подписок о согласии занять эту должность и с последующим утверждением уездной земской управой[1]. Местным комитетам также предоставлялось право решать в частном порядке вопрос об отсрочках чинов милиции от призыва в войска[2].

Во Владимирском уезде к организации милиции также приступили вскоре после переворота в марте 1917 г.: в 21 волости были избраны волостными сходами в разное время волостные милиционеры по одному в каждой волости, 15 марта уездным Исполкомом был избран начальник Уездной милиции, а 25 марта назначен участковый начальник милиции, 29 марта – помощник начальника, причем тогда же были временно оставлены на службе в канцелярии милиции бывшие чины полиции – столоначальник, регистратор и рассыльный. Таким образом, к 1 июля состояло на службе в милиции 34 лица, и число их осталось без изменения до 1 августа 1917 г.[3]

По «Временному положению» от 17 апреля, кроме борьбы с уголовными преступлениями, охраны и оповещения населения, милиции также вменялось в обязанность содействие в работе органам управления, взыскание недоимок, предотвращение самоуправств и охрана демократических завоеваний революции[4]. Такое расширение обязанностей новых правоохранительных органов, тем более в условиях революционного времени, приводило к тому, что милиция не успевала справляться даже со своими прямыми обязанностями[5]. Однако ситуацию катастрофически усугубляло непосредственно качество ее состава.

1 ГАВО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3об.

2 Там же. Л. 43.

3 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 56. Л. 92.

4 *Шаханов А.Н.* Главы Московской власти в марте–октябре 1917 года // Московский журнал. История государства Российского. 2005. № 8. С. 55.

5 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42. Л. 112.

В докладе Меленковского исполкома о деятельности за 1917 г. отмечено, что ликвидацией полиции и созданием милиции пришлось заняться в первую очередь. Население уезда в первые дни революции произвело разоружение и уездной полиции, подвергнув некоторых чинов полиции лишению свободы с последующей отправкой на военную службу. На должность начальника местной милиции был приглашен Н.А. Деев, бывший помощник Меленковского уездного исправника, признавший новый государственный строй. В должностях его помощников 8 марта 1917 г исполкомом были утверждены народные учителя Панков и Щеглов[1].

Исполняющим обязанности начальника Суздальской уездной милиции стал Д.И. Площаднов, закончивший лишь церковно-приходскую школу. Начальниками участков стали отставные солдаты, имевшие начальное образование. Главой милиции в г. Суздале был назначен бывший приказчик «в мануфактурной лавке», а в г Гаврилов Посад – бывший полицейский надзиратель. Рядовых милиционеров в Суздале было 15, в Гавриловом Посаде – 10. Все они, были «грамотные, из начальных училищ, военнообязанные, из них один колбасник»[2].

Милиция Гороховецкого уезда состояла из раненых отставных солдат, школьных учителей и даже недавнего семинариста[3]. В октябре один из крестьян уезда сам просил назначить его на должность милиционера, т.к. до его сведения дошло, что она не занята, причем добавил, что уже освобожден от военной службы. Был назначен в конные[4].

По признанию Меленковского уездного комиссара, волостные участковые милиционеры, выбранные волостными исполкомами, почти все оказались малограмотными и совершенно не знающими того дела, которое на них возложено. А потому все правонарушения и преступления, совершаемые в уезде, остаются необнаруженными[5]. В августе 1917 г. начальник Владимирской уездной милиции характеризует последнюю как недостаточную по численности и не всегда соответствующую по своему культурному и умственно развитию. Делает

1 ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.

2 *Акимова Т.* Зарождение милиции Суздальского уезда: весна–осень 1917 года // Суздальская новь. 2014. 28 марта (№ 23). С. 9.

3 ГАВО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1. Л. 26, 32, 36, 79.

4 Там же. Л. 101.

5 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42. Л. 98.

вывод о том, что желателен «более культурный состав милиционеров», необходимо снабдить лошадьми конных милиционеров[1].

Единой формы для чинов милиции разработано не было, поэтому носили собственную одежду с белой повязкой на левой руке с красными буквами «У.М.» («уездная милиция») или «Г.М.» («городская милиция»). Хотя Департамент МВД 2 сентября уведомил уездных комиссаров о том, что «рисунки и описание форменной одежды будут приложены к общей инструкции чинам милиции, которая уже разработана и будет издана в ближайшее время»[2].

В качестве вооружения народные блюстители порядка использовали револьверы и шашки, изъятые у бывшей полиции. Но по сообщениям начальников милиции, «оружие неудовлетворительно и недостаточно, часть его при разоружениях чинов бывшей полиции была расхищена и заменена малогодными»[3].

Достаточно низкая оплата труда при постоянном увеличении обязанностей обуславливала текучку кадров. В сентябре уездный комиссар докладывал, что в Александровском уезде милиция ограничена в средствах и постоянно меняет свой состав, поэтому работа продуктивной назваться не может. Как начальник, так и помощник являются временными и не чувствуют достаточной почвы под ногами[4]. Месячное жалованье волостных милиционеров, утверждавшееся органами местного управления, составляло в среднем 100 руб., а начальника уездной милиции и его помощника 123 и 112 руб. соответственно[5]. Попытки получить надбавки или хотя бы единовременные пособия не увенчались успехом[6].

Во избежание несанкционированных арестов и обысков жилых помещений, коих было много в центральных городах России[7], в мае было выпущено постановление Владимирских губернского и городского временных исполкомов «По выработке объявления и порядке производства ареста и обыска». Согласно документу, правом ареста и производства обыска по закону пользуются исключительно судебные

1 Там же. Оп. Д. 56. Л. 103.

2 ГАВО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.

3 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 1. Д. 56. Л. 103.

4 Там же. Оп. 2. Д. 42. Л. 109.

5 Там же. Оп. 1. Д. 56. Л. 92.

6 ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.

7 *Аксенов В.Б.* Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 39.

власти и чины городской и уездной милиции, причем предварительно необходимо предъявить лицам письменные постановления или другие документы, на основании которых производится арест или обыск[1].

В июне 1917 г. губернским комиссарам из МВД была прислана инструкция «Об употреблении оружия служащими в милиции при исполнении служебных обязанностей». В ней четко регламентировалось, когда допустимо использовать оружие: в случае, когда иное средство невозможно, для отражения вооруженного нападения, для личной обороны, обороны других лиц и при задержании преступника, когда он будет препятствовать насильственными действиями[2].

Такие меры в условиях чрезвычайного времени оказали губительное действие. Начальник милиции Переславского уезда пишет: «Единственные в моем распоряжении средства – убеждение и увещание, которые не могут иметь значения, когда за ними нет никакой силы и опоры. Речь может успешно действовать только на человека сознательного и лояльного, с грубым насилием можно бороться только опираясь на какую-либо силу. Чин милиции, как бы он ни был добросовестен к службе и исполнителен, при нынешних условиях не может составить ни одного протокола о привлечении к ответственности, если правонарушение совершено скопом или целым сельским обществом»[3].

Становилось очевидным, что конфликты и споры с местным населением, особенно сельским, решить одной силой милиции не представлялось возможным, поэтому все чаще прибегали к помощи делегатов, командированных из Исполкома Совета, прибытию воинской команды и привлечению виновных к судебной ответственности. Так, например, воинская команда вызывалась 9 июля 1917 г. в с. Дмитриевы Горы Меленковского уезда, крестьяне которого решили скосить луга крестьян соседнего селения и произвели захват хлеба с двух проходящих пароходов. А 26 июня 1917 г. часть крестьян с. Кононова произвела захват хлеба на складе Продовольственной управы в г. Меленки. Туда отправилась воинская команда, возвратившаяся после обещания крестьян вернуть хлеб. То обещание осталось невыполненным, и дело было передано судебным властям. 7 августа в г Меленки произошли волнения на почве недостатка хлеба: толпой рабочих и граждан были нанесены побои двум рабочим, председатель продуправы подвергся оскорблениям

1 ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.

2 Русские ведомости. 1917. № 141. 23 июня (6 июля). С. 4.

3 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42. Л. 123.

и угрозам, до такой степени его устрашившим, что последний просил исполком подвергнуть его аресту и передать воинскому начальнику для приема на военную службу[1].

Все указанное выше прямо говорит о низком авторитете народной милиции во Владимирской губернии. Более того, были случаи, когда сами блюстители порядка становились жертвами или же пособниками устраиваемых бесчинств. Осенью в Покровском уезде был случай, когда уездный комиссар и начальник милиции вынуждены были удалиться из леса под угрозой избиения. Такая же ситуация произошла с членом Уездной Комиссии по топливу[2].

О низкой результативности работы народной милиции свидетельствует большое количество арестованных, задерживаемых самим населением по различным поводам: самовольная запашка, покос, порубка леса, кражи, повышение арендной платы на землю. Зачастую это проходило без достаточных на то оснований[3]. К осени по всей губернии увеличивается количество самовольных порубок частновладельческого леса, и основной причиной этому в своих отчетах уездные комиссары называли слабость милиции, породившую ощущение полной безнаказанности[4].

Таким образом, народная милиция Временного правительства во Владимирской губернии не представляла собой централизованную систему в силу того, что воспринималась в большей степени как муниципальный орган и действовала по инструкциям, разработанным на местах. Состав милиции был разношерстным, неопытным и зачастую даже не обученным тонкостям службы, поэтому многие находили милиционеров некомпетентными, а крестьяне иногда и вовсе отказывались выполнять их требования. Кроме того, инструментов воздействия на население у служителей закона было недостаточно, мешало слабое вооружение, недостаток конных и даже пеших милиционеров, низкое жалование и большие ограничения по аресту и обыску нарушителей. Составить протокол и разъяснить неправомерность того или иного действия – вот все основные методы, что в условиях революционного времени казалось смехотворным и лишь увеличивало количество правонарушителей.

1 ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–6об.
2 ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42. Л. 142.
3 ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10.Л. 5об.
4 ГАВО.Ф. 1186. Оп. 2.Д. 42. Л. 111 об.

Хандорин В.Г.

ФЕВРАЛЬ 1917 Г. ГЛАЗАМИ КАДЕТОВ СИБИРИ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена изменению восприятия и оценки представителями кадетской партии (на примере кадетов Сибири) событий Февраля 1917 г., связанному с эволюцией их мировоззрения и программы в 1917–1918 гг. от западнического либерального демократизма, парламентаризма, федерализма и секулярности к идеям национальной диктатуры, унитаризма и религиозности. В работе раскрывается, как отразилась вызванная крахом Временного правительства и российской демократии, победой большевизма ломка мировоззрения кадетов на трансформации восприятия и оценки ими Февральской революции.

Ключевые слова: Белое движение, Гражданская война, кадеты, Колчак, Сибирь, Февральская революция

Handorin V.G.

FEBRUARY 1917 BY THE EYES OF THE CADETS OF SIBERIA IN THE ERA OF THE CIVIL WAR

Abstract. The report is devoted to the change in perception and evaluation by representatives of the Cadet Party (on the example of the Cadets of Siberia) of the events of February 1917, related to the evolution of their outlook and program in 1917–1918 from Western liberal democracy, parliamentarism, federalism and secularism to the ideas of the national dictatorship, unitarism and religiosity. The report reveals the impact of the collapse of the Cadets' outlook on the transformation of the perception and assessment of the February Revolution caused by the collapse of the Provisional Government and Russian democracy, the victory of Bolshevism.

Keywords: Civil war, Constitutional democrats, February revolution, Kolchak, Siberia, White movement

В последние годы в публицистике распространено мнение о российских либералах как об активных творцах Февральской революции,

«февралистах», к которым причисляются и будущие лидеры Белого движения. Распространенными стали оценки Февраля 1917 г. как «антинациональной, либерально-западнической революции» в противовес Октябрю как «национальной революции», призванные оправдать большевиков в качестве якобы «собирателей России» и «продолжателей ее исторического пути». При этом абсолютно игнорируется реальное содержание программ и деятельности как тогдашних либералов, так и большевиков, и Белого движения, сам характер событий Февраля 1917 г., заставших врасплох все политические партии России.

Ложность подобных оценок очевидна, в частности, из анализа последующей деятельности российских либералов, и прежде всего, кадетов (как ведущей либеральной партии), в Белом движении. Под влиянием краха российской демократии в 1917 г мировоззрение и программа кадетов претерпели радикальную ломку от западнического либерального демократизма и парламентаризма – к признанию особенностей национального пути развития, идеям авторитарной и надпартийной национальной диктатуры на продолжительный период времени, от федерализма – к унитаризму, от секулярности и агностицизма – к религиозности и поддержке православной церкви как государственной религии, от альянса с умеренными социалистическими партиями – к борьбе с ними, и т.д. Но наиболее показательно, как менялось само отношение кадетов к событиям Февраля 1917 г. под влиянием развития революции и Гражданской войны. Рассмотрим это на примере Сибири, где в 1918–1920 гг. господствовала военная диктатура адмирала А.В. Колчака.

Отношение сибирских кадетов к Февралю начало меняться еще при Временном правительстве. После эйфории «свободы» первых месяцев революции, охватившей всю российскую интеллигенцию, уже с мая 1917 г наступают симптомы отрезвления. Омская кадетская газета «Сибирская речь» писала: «Отечество несется на всех парусах к гибели, к экономическому и финансовому краху, к анархии…а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре»[1]. Полемизируя с эсерами и меньшевиками, упоенными «развитием революции», сибирские кадеты отмечали: «Ужас в том, что…мы приняли революцию как цель, а не как средство», и сравнивали затягивание революционной стихии

[1] Сибирская речь (Омск). 1917. 27 мая.

с затягиванием родов акушеркой[1]. Пессимизм разделяли и отдельные лидеры партии. Так, В.А. Маклаков на совещании депутатов Госдумы в Петрограде 4 мая 1917 г сказал, что «Россия оказалась недостойна той свободы, которую она завоевала»[2].

Главную причину того, почему демократия обернулась анархией, сибирские кадеты усматривали в отсутствии политической культуры: «Общество, привыкшее столетиями ютиться по перегородкам и полицейским камерам, на другой день после отмены сословных и национальных ограничений создало себе новые – партийные и социальные»[3]. Кардинальной ошибкой русской интеллигенции сибирские кадеты, вслед за авторами дореволюционного сборника «Вехи», называли наивно-романтическое «народопоклонство» (которому отдали дань и сами), развившееся в настоящую политическую религию. Революция, писали они, развеяла сентиментальные иллюзии, «стремление спасти человечество оказалось не более чем претензией синицы, мечтавшей зажечь море», «народ оказался сложнее»[4].

Эти нотки усиливаются после июльских событий 1917 г., впечатление от которых отражают строки иркутской кадетской газеты «Свободный край»: «Страна погибает, и каждый день приносит все новые и новые ужасы. А революционная демократия… лепечет жалкие и беспомощные слова… Ничему не научились и ничего не забыли»[5].

Показательна для кадетов оценка Временного правительства А.Ф. Керенского «Сибирской речью» как «странного толстовского “непротивленческого” государства, сводящего свою деятельность к голосованиям резолюций и изданию манифестов»[6]. Разочарование сказалось и на отношении к выборам в Учредительное собрание. «Свободный край» писал: «Учредительное собрание, с которым связывали столько надежд, для многих представляется такой же бесконечной говорильней, как и все бесчисленные совещания и съезды, от которых, кроме чувства оскомины, ничего не остается»[7].

---

1 Сибирская речь. 1917. 18 июня.

2 Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1917. 9 мая.

3 Сибирская речь. 1917. 22 августа.

4 Сибирская речь. 1917. 30 сентября.

5 Свободный край (Иркутск). 1917. 10 октября.

6 Сибирская речь. 1917. 19 августа.

7 Свободный край. 1917. 28 октября.

Изменение отношения кадетов к фетишу демократии характеризуют слова, произнесенные на Сибирском областном съезде в октябре 1917 г. кадетом Е.П. Березовским: «Нельзя народу навязывать формы государственного устройства, может быть, совершенные, но не отвечающие его потребностям, ему еще непонятные даже»[1].

Окончательная переоценка ценностей произошла после Октября и разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. В конце 1917 г. с первой полосы главного рупора сибирских кадетов «Сибирская речь» исчезает девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика», под которым газета выходила с момента основания в мае 1917 г. В начале 1918 г. омский кадетский лидер В.А. Жардецкий писал: «Пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш – Россия», и вопрошал: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода, всеобщее и проч.», когда «надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого слова… Может быть, государство Русское ближайших столетий будет весьма далеким от тех широких надежд, в которых мерещилось нам его будущее в марте 1917 года. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно»[2]. Показательно, что речь здесь идет об отказе от демократии возможно даже на «ближайшие столетия». Слова Жардецкого перекликаются с идеями П.Б. Струве, высказанными весной 1918 г. в сборнике «Из глубины»[3], и речью П.Н. Милюкова на Южнорусской конференции кадетской партии в январе 1918 г.[4] Можно согласиться с В.Д. Зиминой, что краеугольным камнем расхождения между либералами и социалистами в Гражданскую войну стало именно отношение к Февралю и его итогам, глубоко переосмысленное кадетами и оставшееся прежним у эсеров и меньшевиков[5]. Обобщая суть разногласий, лидер

---

1 Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. р-552 (1-й Сибирский областной съезд). Оп. 1. Д. 8. Лл. 4–5.

2 Сибирская речь. 1918. 21 января.

3 *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М.–Пг., 1918.

4 *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 79.

5 *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг). М., 2006. С. 27

сибирских кадетов В.Н. Пепеляев формулировал так: «Социалисты мыслят: да здравствует революция, хотя бы погибло государство. Мы же говорим: да здравствует государство, хотя бы погибла революция»[1].

Типична для послеоктябрьских кадетов оценка Временного правительства, данная томским профессором Г.Г. Тельбергом, впоследствии министром правительства А.В. Колчака: «Каждый политический деятель вступал в состав правительства как делегат определенной партии…получал от партийного комитета мандаты и директивы, связан был партийной дисциплиной… Немудрено, что правительство, состоявшее из таких министров с различными резолюциями в кармане, уподоблялось той крыловской тройке, которая усердно тянула воз в разные стороны и не могла сдвинуть его с места, пока не пришел сильный хищник, счастливый тем, что у него была лишь одна резолюция»[2] (т.е. большевики). Кадеты указывали, что развал государства и армии и позорный Брестский мир подготовили «не один Ленин и Бронштейн, а и Чхеидзе с Церетели, и Керенский с Черновым»[3]. Отсюда их отношение к наследникам разогнанного Учредительного собрания – Комучу, Директории и съезду членов Учредительного собрания, которые они именовали «мешаниной из керенщины и совдепщины»[4], «попыткой воскрешения непохороненного трупа» (из письма Н.И. Астрова В.Н. Пепеляеву от 3 ноября 1918 г.)[5], «привидением» (из дневника В.Н. Пепеляева)[6] и т.п. В резолюции совещания сибирских кадетских деятелей от 7 октября 1918 г говорилось, что партия «должна содействовать освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов (завоевания Февральской революции, вся власть Учредительному собранию и проч.), каковые в данных условиях являются фикциями,

1 Сибирская речь. 1918. 30 августа; См. также: *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 112.

2 *Тельберг Г.Г.* О внепартийности правительства // Сибирская речь. 1918. 7 августа.

3 Пределы соглашательства // Сибирская речь. 1918. 5 сентября.

4 Свободный край. 1918. 16 ноября.

5 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-5913 (Астров Н.И.). Оп. 1. Д. 600. Лл. 1–2.; Также см.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром... С. 174.

6 Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. *А.В. Квакина*. М., 2007. С. 48; ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В.Н.). Оп. 1. Д. 47. Л. 7об.

самообманом и обманом»[1]. Подводя итоги Февральскому периоду революции, «Сибирская речь» с горечью писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом "Германия превыше всего", а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство… мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище», и призывала к «здоровому» национализму[2].

При этом кадеты не снимали с себя ответственности за произошедшее. Видный сибирский кадет Н.К. Волков говорил: «Керенский – наш общий грех… Мы сами его выдвигали и поддерживали»[3]. Они имели мужество признать демократизм партии в 1917 г «роковой ошибкой», ибо «законодательное творчество и словесные убеждения действуют в порядке мирного времени, а во время войны, революции и государственного переворота волеизъявления государственной власти достигают своей цели применением силы»[4].

Перемену в оценке кадетами Февральских событий отмечали и их оппоненты-социалисты, сочинившие сатирическое стихотворение о сибирских кадетах и их главном рупоре В.А. Жардецком:

О парус корабля кадетского!
Тобою правит мелкий бес.
От Милюкова до Жардецкого –
Какой разительный регресс!

От Петрункевича – к лабазникам!
Внемли, читатель, и поверь:
«Сибирской речи» безобразникам
«Речь» указала бы на дверь[5].

Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г., в организации которого активное участие приняли кадеты во главе с В.Н. Пепеляевым, завер-

1 Отчет о совещании Партии народной свободы во Владивостоке // Свободный край. 1918. 19 октября.

2 Сибирская речь. 1918. 4 сентября.

3 *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 101.

4 Сибирская речь. 1919. 10 августа.

5 *Кроль Л.А.* За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921. С. 190. («Речь» – центральный орган кадетской партии до Октября).

шил их идейно-политическую эволюцию. Его поддержали и кадеты центра, и юга России, и заграничные группы партии, что подтверждает факт общей ломки ее мировоззрения, несмотря на разделявшие эти группы пространства (ее лидер П.Н. Милюков в письме И.И. Петрункевичу 2 октября 1919 г. писал о необходимости безоговорочно поддерживать диктатуру Колчака и Деникина как «свершившийся факт, полезный и благодетельный для России», и выступал «против формального ограничения фактического диктатора какой-либо коллективной волей, пока его дело не сделано»[1]. Совещание членов кадетского ЦК в Екатеринодаре в июле 1919 г. подчеркивало, что «не может быть возврата к системе управления Временного правительства Львова и Керенского»[2]). Подводя черту под событиями 1917 г., иркутский кадетский «Свободный край» писал: «Высокие лозунги, сиявшие и освещавшие путь человечества светом вечных истин, брошенные в темные невежественные массы, быстро поблекли, истрепались и выродились в уродливые, отталкивающие своим безобразием формы»[3]. Оправдывая диктатуру, газета напоминала: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через…диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне»[4]. Говоря о том, что именно Временное правительство А.Ф. Керенского расчистило дорогу к власти большевикам, сибирский кадетский лидер Н.В. Устрялов повторял обвинения авторов «Вех» в адрес интеллигенции: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю “теоретичность”, близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы… Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного миросозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и Фейербаха… Поколениями воспитанные в ненависти к власти, мы приучились отождествлять правительство с государством и Родиной». Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», расчистившее дорогу к власти большевикам.

1 ГА РФ. Ф. р-5856 (Милюков П.Н.). Оп. 1. Д. 184. Л. 5.; См. также: *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997. С. 147.

2 Цит. по: Сибирская речь. 1919. 18 сентября.

3 Свободный край. 1918. 30 ноября.

4 Свободный край. 1918. 1 декабря.

В заключение статьи Устрялов писал: «Окончательная победа над большевизмом – в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого…в отказе от прежней системы идей, чувств и действий… Русская интеллигенция должна сказать большевизму: Я тебя породила, я тебя и убью»[1]. Характерна в статье и оценка событий и лиц 1917 г. Рассматривая Корниловское выступление как попытку спасти государство, автор обвинял интеллигенцию в том, что она проявила дряблость, позволив «презренным Керенскому и Некрасову» погубить дело. Характерно, что «презренным» именовался бывший лидер сибирских кадетов Н.В. Некрасов, оставшийся на демократических позициях и вышедший из партии.

Много говорилось и о том, что важной идейной предпосылкой большевизма была слабость духовных начал в среде интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом»[2]. Квинтэссенцией этих рассуждений стал сформулированный «Сибирской речью» тезис о ***коллективной ответственности*** интеллигенции за тот оборот, который приняла русская революция[3].

Кадеты открыто признавали влияние революции на ломку их мировоззрения. В речи на III Восточной конференции кадетской партии 17 мая 1919 г. председатель Восточного отдела ЦК А.К. Клафтон сказал: «Революция с огромной силой ударила по нашей программе и по нашей привычной идеологии»[4]. Ему вторил Н.В. Устрялов: «Великими разочарованиями заплатила партия за предметные политические уроки, преподанные ей, как и всей русской интеллигенции, жизнью». Именно это, писал профессор, заставило кадетов «искать новых вех и новых путей»[5]. Кадеты извлекли уроки из событий 1917 г., находя своей переоценке ценностей и теоретические обоснования. Независимо от М. Вебера, высказавшего мысль о неизбежном отрыве демократии от народа, «Свободный край» писал: «Избранники народа, ставшие на верхах государственного и общественного устройства…станут

1 *Устрялов Н.В.* Большевики и мы // Сибирская речь. 1919. 12 апреля.

2 Сибирская речь. 1919. 12 марта.

3 Сибирская речь. 1919. 27 февраля.

4 Отчет о III Восточной конференции Партии народной свободы. Доклад *А.К. Клафтона* // Сибирская речь. 1919. 22 мая.

5 Сибирская речь. 1919. 1 июня.

снова обособленным классом»[1], и утверждал, что никакая демократия не в силах разрешить полностью противоречия между классами. Ему вторила «Сибирская речь»: «Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития… Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 году. Так или иначе, он эту одежду сбросил», – заключала газета, добавляя, что не поняли этого только эсеры, вобравшие в себя «всю оскомину русской революционной словесности»[2]. Эти настроения были созвучны мыслям и идеям адмирала А.В. Колчака, о котором близко работавший с ним Г.К. Гинс вспоминал: «адмирал больше всего ненавидел "керенщину" и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность – излишнюю "военщину"»[3]. Лидеры правого крыла кадетов в Сибири В.А. Жардецкий, В.Н. Пепеляев и Н.В. Устрялов по своим взглядам в этот период стояли даже правее Колчака, выступая против инициированного им осенью 1919 г. созыва такого скромного совещательного органа на частично выборных началах, как Государственное земское совещание, считая любое выборное представительство в тот момент «несвоевременным»[4]. А В.Н. Пепеляев стал инициатором привлечения на службу в правоохранительные органы профессионалов царской жандармерии и полиции (мера, на которую пошел А.В. Колчак и не решился А.И. Деникин).

Показателен поддержанный кадетами запрет колчаковским правительством в 1919 г. празднования годовщины Февральской революции и любых манифестаций в ее честь. «Сибирская речь» писала, что эту годовщину «уместно помянуть … во всенародном стыде и молчании»[5]. Все это подкреплялось существенными изменениями программных установок и тактики кадетов, упомянутыми в начале статьи.

1 К вопросу об антагонизме между народом и интеллигенцией // Свободный край. 1919. 1 июня.

2 Сибирская речь. 1919. 17 сентября.

3 *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 10.

4 Свободный край. 1919. 9 октября; Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 103; *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 190.

5 Сибирская речь. 1919. 14 марта.

Вопреки попыткам части западных исследователей представить поворот кадетов вправо «жестом отчаяния»[1], более оправдан вывод о внутренней логике их отказа от демократической модели в той ситуации, ибо для них «либерализм всегда был менее важен, чем российская государственность»[2]. В свете этого несостоятельными выглядят распространившиеся оценки Белого движения и кадетов его эпохи как «либералов-западников», «февралистов»[3]. Недобросовестность, либо некомпетентность таких заявлений очевидна, в частности, из вышеприведенных цитат и фактов.

1 *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princtone, 1974. P. 471; и др.

2 *Перейра Н.* Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М., 1996. С. 66.

3 *Кара-Мурза С.Г.* Истинная суть «белого движения» // Завтра (М.). 2000. 14 октября; *Мультатули П.В.* Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010. и др.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭХО ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Толмачев Ю.О.

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ МАО ЦЗЭДУНА И ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

Аннотация. В статье рассматривается концепция революции в трудах Мао Цзэдуна и Джавахарлала Неру; анализируются аргументы двух политических лидеров по революциоппому движению; изучается влияние идей революции на процесс принятия внешнеполитических решений. Работа адресована специалистам и широкому кругу читателей, интересующихся историей китайско-индийских отношений и международными отношениями в странах Азии.

Ключевые слова: Мао Цзэдун; Джавахарлал Неру; революция; марксизм; китайско-индийские отношения.

Tolmachev Yu.O.

THE CONCEPT OF REVOLUTION IN THE WRITINGS OF MAO TSE-TUNG AND JAWAHARLAL NEHRU

Abstract. The article describes the concept of the revolution in Mao Zedong's and Jawaharlal Nehru's works; analyzes the arguments provided by both political leaders on the revolution movement; studies the role of the revolution ideas affecting Foreign Policy decision making. The article is written for specialist and general readers interested in the history of the Sino-Indian relations and international relations in the Asian countries.

Keywords: Mao Zedong; Jawaharlal Nehru; Revolution; Marxism; Sino-Indian relations.

Проблема модернизации политической системы в Азии была одним из самых серьезных вопросов для политических лидеров азиатских стран, так как им требовалось выработать универсальную методологическую модель, которую можно было бы использовать для кардинальной трансформации системы внутриобщественных отношений. Революционные события на территории Российской империи в 1917 г. оказали серьезное влияние на формирование теоретической модели радикальной трансформации политической жизни в азиатских странах.

Социализм привлекал лидеров азиатских стран, так как в его основе лежала идея бесклассового общества и отсутствия эксплуатации народных масс. Лидером в этом учении становился человек, способный организовать революционную ситуацию. Поэтому, когда после Первой мировой войны вновь возник вопрос о том, каким путем должны развиваться азиатские страны, их лидеры обратились к теории революции, разработанной в результате свержения монархии на территории Российской империи.

Социалистические идеи были наиболее ярко представлены в трудах Мао Цзэдуна и Дж. Неру. Данное обстоятельство объясняется тем, что два крупнейших политических лидера начинали свой путь к вершинам власти в странах, которые находились в колониальной зависимости от других государств. С конца 20-х гг. XX в. Китай являлся ареной для соревнования различных западных держав. Основным решением Вашингтонской конференции было подписание договора девяти держав, согласно которому США, Япония, Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия получили исключительные права на использование китайских природных ресурсов. Также наиболее резкая конкуренция за переделами Китая шла между Японией, США, Англией и Францией. В банковском секторе доминировали американцы[1]. Схожая ситуация развивалась на территории Индии. Великобритания доминировала во внутриполитической и внешнеполитической жизни индийского государства. Ситуация существенно осложнялась тем обстоятельством, что индийские колониальные власти использовали

[1] Китай: обзор Вооруженных Сил и военно-географическое и военно-статистическое описания: по данным к 1-му апр. 1922 г. / Сост. и обраб. *А.М. Никонов*. М.: Изд. Разведыват. упр. Штаба Р.-К. Кр. Армии, 1922. С. 168–169.

противоречия между индусами и мусульманами для укрепления режима собственной власти[1].

Поэтому неслучайно, что идея национального освобождения является одной из главных, как в собрании сочинений Мао Цзэдуна, так и в работах Дж. Неру. Оба обращались к концепциям революций, сформулированных в классическом марксистском наследии. Для того, чтобы лучше понять их вклад в развитие теоритических концепций развития революционного движения в странах Азии, кратко рассмотрим методологические положения основоположников марксизма.

Если судить по работам Карла Маркса и Фридриха Энгельса, то именно пролетариат должен свергнуть буржуазию, после чего установится диктатура рабочего класса. По прошествии определенного количества времени отпадет необходимость в самом институте государства[2].

Поскольку в России уровень развития гражданского самосознания пролетариата в начале XX в. был достаточно низким, то В.И. Ленин добавляет переходный этап, а именно, буржуазно-демократическую революцию. Рабочий класс вместе с крестьянами, мелкой и средней буржуазией свергают монархию и устанавливают буржуазно-демократическую республику[3].

Однако данный переходный период не мог существовать в исторических условиях, которые сложились в странах Востока в тот период времени.

В связи с этим правители двух стран активно критиковали попытки превратить марксизм в догматическую формулу, которая должна строиться только на основе советского революционного опыта. Связано это был с тем, что, как Дж. Неру, так и Мао Цзэдун позиционировали себя в качестве лидеров азиатского мира, и свои концепции рассматривали как часть культурного наследия собственных стран. Китайский политик отмечал: «Теория Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина верна для всего мира. Но эту теорию нельзя рассматривать как догму, ее нужно рассматривать как руководство к действию. Нельзя сводить изучение

1 *Мосяков Д.В.* Новая и Новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. М.: Ин-т стран Востока, 2016. С. 98.

2 Исторический материализм. М.: Международные отношения, 1951. С. 323–334.

3 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. В 55 тт. М.: Политиздат, 1960?1970. Т. 37. С. 388–393.

марксизма-ленинизма к заучиванию голых формул; его нужно изучать как науку о революции»[1]. Также он указывал на то, что гражданская война в Китае существенно отличается от советского варианта[2].

Во многом его позицию разделял Дж. Неру. Многочисленные визиты в СССР позволили ему сформировать точку зрения, согласно которой, советская модель социализма показала свою эффективность. Он писал по этому поводу в своей работе «Советская Россия», где в основном положительно оценивал опыт Октябрьской революции и особенно отмечал, что советское правительство борется с бедностью и безграмотностью, и этот опыт в дальнейшем может быть творчески осмыслен на территории Индии[3]. Большое значение он придавал концепции истории Карла Маркса и В.И. Ленина, ведь именно благодаря их трудам, как полагал индийский политик, ему удалось лучше понять исторический процесс и проследить причинно-следственные связи между явлениями[4]. В конце концов, индийский политический лидер окончательно убедился в том, что «социализм представляет собой нечто большее, чем просто экономическое учение, это – философия жизни»[5].

Такие высокие оценки, с одной стороны, объясняются заинтересованностью в установлении дружеских отношений с советским правительством, которое неизменно поддерживало национально-освободительную борьбу азиатских народов, а с другой, – стремлением создать свою теоритическую концепцию революции. Причем в этой теоретической схеме на первый план необходимо было поставить конкретный исторический опыт собственной страны.

Как тот, так и другой политический деятель постоянно стремились каким-то образом переосмыслить классические философские трактаты и рассмотреть их через собственную модель революции. К примеру,

---

1 *Мао Цзэдун.* Место Коммунистической партии Китая в национальной войне (октябрь 1938 г.) // *Мао Цзэ-дун.* Избранные произведения. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 2. С. 339–357.

2 *Мао Цзэдун.* Избранные произведения по военным вопросам. М.: Воениздат, 1958. С. 100–101.

3 Зарубежная литература об Октябрьской революции / Акад. наук СССР. Ин-т истории; Под ред. акад. *И.И. Минца.* М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 254–255.

4 *Неру Дж.* Открытие Индии. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. С. 24.

5 *Неру Дж.* Внешняя политика Индии: Избр. речи и выступления. 1946–1964. М.: Прогресс, 1965. С. 19.

Мао Цзэдун проанализировал три принципа Сунь Ятсена, элементы конфуцианства и на их основании сформулировал теорию «новодемократической революции»[1].

Дж. Неру обратился к философскому учению Махатма Ганди. Однако в отличие от своего учителя он признавал, что бульшая часть индийского общества не сможет отказаться от своих привилегий. Поэтому эффективным методом разрешения классовых противоречий выступает принуждение. Вместе с тем, для достижения поставленных целей необходимо также стремиться проводить грамотную просветительскую работу с населением[2]. Одной из основных форм борьбы для Дж. Неру была организация и проведение гражданских акций неповиновения, суть которых заключалась в том, что протестующие должны были: «Не вносить деньги в военный фонд, не посылать индийцев на войну; не давать материалов на военные цели». Если какой-то участник этого движения попадал в тюрьму, то после своего освобождения он должен был продолжить борьбу[3]. Спустя некоторое время результатом таких акций станет освобождение страны от колониального гнета.

Абсолютно иную концепцию выдвигал китайский политический деятель. Революционная борьба, по его мнению, может быть успешной только тогда, когда она будет вестись против конкретного врага. Внешняя угроза способствует сплочению китайского народа. В его ранних трудах конца 30-х – начала 40-х гг в роли такого врага выступала Япония, которая и развязала китайско-японскую войну 1937–1945 гг. Именно крестьяне и рабочие в союзе с представителями мелкой буржуазии должны были бороться с иностранным оккупантами и помещиками. Результатом такой борьбы должно было стать провозглашение народной демократии как переходной формы правления к социалистической демократии.

---

1 *Смирнов Д.А.* К вопросу об идейных истоках теории «новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. / Ин-т востоковедения РАН. М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 6. С. 380–386.

2 *Горев А., Зимянин В.* Неру. М.: Мол. гвардия, 1980. С. 207.

3 *Юрлов Ф.Н.* От восхода до заката. Династия Неру–Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 215–216.

Существенное внимание также уделялось вопросу стабилизации внутриполитического положения после проведения революции. Дж. Неру акцентировал внимание на таком понятии, как классовый компромисс, который предполагал учет точек зрения различных социальных групп на те или иные проблемы, даже если их точки зрения входили в противоречие с текущими интересами государства. Практическая реализация данного направления выразилась в постоянной работе с представителями индийских политических партий.

Мао Цзэдун придерживался диаметрально противоположного подхода. Главная цель политического лидера – это борьба с контрреволюционными элементами. Контрреволюция может серьезно осложнить внутриполитическое положение на территории той или иной страны. При отсутствии внутреннего врага Мао Цзэдун всегда стремился найти внешнеполитических противников, которые проводят проимпереалистический курс.

Оба мыслителя также задумывались о цене революционных преобразований. Данный вопрос обсуждался между лидерами двух стран в Пекине 19 октября 1954 г. Китайский политик указал на то, что мировые войны способствовали возникновению революционных ситуаций в странах Азии, и если возникнет новый конфликт, то он даст новый стимул для развития азиатских государств. Дж. Неру со своей стороны выразил отрицательное отношение к любому типу военных действий, так как в конечном итоге они будут способствовать деградации человечества. Поэтому война, как полагал индийский премьер-министр, не являлась эффективным средством для создания революционной ситуации на территории той или иной страны. Для китайского политика военный конфликт являлся тем инструментом, с помощью которого можно создать напряженность на территории той или иной страны, а это, в свою очередь, поможет возникновению революционной ситуации в отдельно взятом государстве[1]. Мао Цзэдун также полагал, что количество жертв среди мирного населения не имело значения, так как через определенное количество лет произойдет прирост населения, а в случае ядерный войны, как полагал китайский политический лидер, «погибнет капитализм, и на земле воцарится вечный мир»[2].

[1] Talks between Mao and Nehru. October 1954. [Электронный ресурс]. URL: www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2017/01/195410TalksMaoNehru.pdf (дата обращения: 14.02.2017).

[2] Маоизм без прикрас: Некоторые уже известные, а также ранее не опубл. в кит. печати высказывания Мао Цзэдуна. М.: Прогресс, 1980.С. 238–239.

Следует также сказать о том, что китайское правительство разработало оригинальную концепцию организации революционной ситуации на территории Индии[1]. Для дискредитации внешнеполитического курса Дж. Неру использовалась как концепция пяти принципов мирного сосуществования Чжоу Эньлая, так и методы военной силы. Непосредственным результатом реализации этой программы стало то, что общественное мнение Индии начало оказывать беспрецедентное давление на Дж. Неру. В сфере внешней политики благодаря проведению китайско-индийской войны китайскому правительству удалось дискредитировать внешнеполитический курс индийского премьер-министра в странах Южной Азии.

На практике данную концепцию полностью реализовать не удалось, но китайские политические деятели смогли существенным образом осложнить внутриполитическую ситуацию на территории Индии.

Подобное столкновение индийской социалистической модели и маоизма неслучайно, так как два государства стремились своим примером показать остальным странам Азии, как надо правильно строить социализм и проводить революцию. Китайский политический лидер настаивал на использовании военной силы, а индийский предлагал полагаться на переговорный процесс и методы ненасильственного сопротивления.

Таким образом, концепции революций Мао Цзэдуна и Дж. Неру имели не только внутриполитическое, но и внешнеполитическое значение. Китай и Индия выдвигали свои теоретические разработки путей, методов и форм национального освобождения и единения, которые должны были стать образцом для всех остальных стран Азии. Геополитическая борьба Китая и Индии за статус Непала закончилась тем, что Новый Дели потерял большую часть своего влияния в этом горном королевстве, а особой популярностью там стали пользоваться идеи Мао Цзэдуна, что привело к формированию непальской маоистской партии. Если оценивать влияние русской революции, то следует сказать, что именно благодаря ей произошло оформление китайской модели коммунизма, которую поддерживал СССР. Социализм как основа для построения политического общества в Индии был зафиксирован в конституции индийского государства. Революционные события 1917 г. и опыт построения советского социализма стали для Мао Цзэдуна и Дж. Неру своего рода эталоном, к которому они всегда обращались и который переосмысливали.

[1] Архив внешней политики Российской Федрации. Ф. 0100. Оп. 53. Д. 79. Л. 56.

Писчикова Н.П.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. НА РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ПОДГОТОВКИ И ПОДПИСАНИЯ БРЕСТСКОГО МИРА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение положение России во время подписания Брестского мирного договора и отношение к ней США. Использовался сравнительно-исторический метод. В марте 1918 г. мирный договор между Россией и Германией был подписан. Ведя двойную политику, США пытались помешать заключению мира, воспользоваться сложной внутренней обстановкой в России разделить последнюю на сферы влияния других государств. Дипломатии США свойственны двойные стандарты. Выступая с мирными целями, это государство старалось достичь мирового господства любыми средствами. Следовательно, России следует учесть исторический опыт, чтобы избежать проблем во взаимоотношениях с другими странами, в частности, с США, на современном этапе.

Ключевые слова: история; международный договор; перспективы развития; политика «двойных стандартов», сферы влияния, Брестский мирный договор.

Pischikova N.P.

THE INFLUENCE OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 ON RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS DURING THE PREPARATION AND SIGNING OF THE BREST PEACE

Abstract. Background: consider position of Russia during signing of the Brest peaceful treaty and the attitude of the USA towards her. The comparative-historical method was used. In March, 1918 the peace treaty between Russia and Germany was signed. Conducting double politics of the USA tried to prevent to signing a peace treaty, to take advantage of sticky internal wicket in Russia to divide last on the spheres

of influence of other states. Diplomacy of the USA are peculiar double standards, acting with the peace purposes, they tried to reach world supremacy by all means. Therefore, Russia should consider historical experience to avoid problems in relationship with other countries, and in particular the USA at the present stage.

Keywords: history; international treaty; prospects of development; policy of «double standards», spheres of influence, the Brest peaceful treaty.

История отношений между Россией и США всегда привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Сегодня в мировой политике как США, так и России отводится значительная роль. Изучение истории взаимоотношений между ними способствует лучшему пониманию их современного состояния и перспектив развития. Немаловажным периодом в русско-американских отношениях было начало XX в., и особенно период становления страны Советов, ее первые шаги на международной арене во время подписания Брестского мира. Большой интерес представляет позиция, занятая американской администрацией в отношении Советской России во время подготовки и подписания мира с Германией. Молодое советское государство в лице правительства большевиков твердо решило выполнять лозунги революции, которые они предложили народу. Одним из таких лозунгов было незамедлительное подписание мира с Германией и выход из войны. На Втором Всероссийском съезде Советов данное воззвание было положено в основу Декрета о мире и принято. Советское государство заявило о поддержании мирных отношений со всеми государствами. Однако многие страны-союзники по Антанте, и в частности США, были настроены решительно этого не допустить. России пришлось выдержать много нападок с их стороны. В планы руководства США входило: непризнание страны Советов, организация блокады, вмешательство во внутренние дела путем поддержки контрреволюции внутри страны. Как известно, внешнюю политику США вершит государственный секретарь, в рассматриваемое нами время им являлся Р. Лансинг[1], который в письме к президенту Вильсону заявлял, что выход России из войны противоречит интересам США, которые потратят вдвое больше средств и воинов, так как война затянется на лишние 2–3 года. Лансинг выступал

[1] Лансинг (Lansing) Роберт (1864–1928), американский дипломат. По образованию юрист, специалист по международному праву. В 1915–1920 гг – государственный секретарь США.

за поддержку группы офицеров по руководством Каледина[1], которым обещал «моральную и материальную помощь от американского правительства»[2]. Также с целью поддержки белого движения в Россию были направлены войска США.

Однако цели, которые преследовали США, не ограничивались только несогласием с изменением режима в России и возвращением ее в активные участники войны. Руководители страны рассматривали вариант, наравне с другими западными странами, отчленения части территории Советов в свою пользу – речь шла о Сибири. Методы, какие они предлагали для реализации своих планов, были следующие: поддержать белогвардейцев в борьбе с большевиками, чтобы те растащили страну на части, создавая марионеточные государства, признать на международной арене эти государства как независимые от России и затем поделить их между «желающими» (США, Франция, Великобритания). В частности, американский посол в Петрограде Фрэнсис[3] предложил «признать Украину, Сибирь, донскую казачью область, создать правительство для Архангельска»[4].

Советская дипломатия неоднократно предпринимала шаги в деле заключения мира со всеми странами. Однако встретив упорное сопротивление, пошла на переговоры с Германией о перемирии. В декабре 1917 г. в газете «Известия» мы встречаем обращение НКИД к правительствам союзных стран и их народам: «Переговоры, ведущиеся в Брест-Литовске, прерваны на 10 дней для того, чтобы дать последнюю возможность странам Антанты участвовать в подписании»[5].

На это обращение госсекретарь США немедленно отреагировал в письме к Вильсону: «Обращение к пролетариату всех стран, невежественному и умственно отсталому, который благодаря своей численности побуждается стать руководящим. Здесь, по моему представлению,

---

1 Алексей Максимович Каледин (1861–1918) – российский военачальник, герой Первой мировой войны, 71-й атаман Войска Донского.

2 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914–1920 / Department of State. Vol. II. Washington D.C.: Government Printing Office, 1940. P. 343–344.

3 Дэвид Роуленд Фрэнсис (1850–1927) – посол США в России в 1916–1918 гг

4 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia. Vol. 1. Washington D.C.: Government Printing Office, 1931. P. 336.

5 Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 257. 21 декабря. С. 10.

лежит самая серьезная и действительная опасность ввиду нынешнего социального волнения во всем мире»[1].

Первоначально и Лансинг, и Френсис рекомендовали оставить без внимания обращение НКИД, но учитывая революционные настроения во многих странах было предложено «в ближайшее время заявить о наших мирных условиях более подробно, чем это когда-либо делалось»[2]. Президент США принимает решение выступить с разъяснением об отношении США к обстановке в России. Данное выступление вошло в историю как речь перед конгрессом, где были сформированы «Четырнадцать пунктов».

Часть выступления о России в очередной раз демонстрировала политику «двойных стандартов» США: «Необходимо настаивать на дружественном расположении Америки к России и на отсутствии у Америки эгоистических военных целей»[3]. С одной стороны, дружественное отношение, а с другой, – поддержание беспорядков внутри страны и ввод войск для расчленения «друга».

По предложению Фрэнсиса необходимо было любыми средствами сорвать переговоры России с Германией, но при этом убедить советское правительство, что в случае неудачи переговоров США его поддержат: «Сепаратный мир, кажется теперь весьма сомнительным... Украина и члены мирной делегации следуют за Троцким. Если, как я полагаю, переговоры закончатся без заключения сепаратного мира, то я был бы расположен установить деловые отношения с Советами»[4]. При этом Френсис предполагал установление отношений с правительством России «намерением оказать на него влияние»[5].

Предложения посла были одобрены на уровне госсекретаря, но США не собирались признавать страну Советов, так как правящие круги рассчитывали на недолгую судьбу молодой республики:

---

1 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914–1920 / Department of State. Vol. II. Washington D.C.: Government Printing Office, 1940. P. 348.

2 Ibid. P. 349.

3 *Warth R.D.* The Allies and the Russian revolution: From the fall of the monarchy to the peace of Brest-Litovsk. Durham D.C.: Duke University Press, 1954. P. 210.

4 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918, Russia. Vol. 1. Washington D.C.: Government Printing Office, 1931. P. 364.

5 Ibid. P. 369.

«Советское правительство будет свергнуто, как это теперь считается неизбежным»[1].

Что касается самих переговоров, то из-за демарша Троцкого, они были приостановлены. Против подписания договора с Германией резко выступал Бухарин, поддержавший Троцкого. Но большинство в ЦК поддержало позицию Ленина. Этой ситуацией незамедлительно решили воспользоваться США. Американский посол докладывал: «В стране хаос, правительство деморализовано; союзники должны решительно действовать, чтобы оказать влияние на развитие событий в России. Я убедительно настаиваю на том, чтобы мы установили контроль над Владивостоком, англичане и французы – над Мурманском и Архангельском»[2].

Несмотря на все попытки США, советская дипломатия заключила мир, который неоднозначно воспринимался современниками, и сейчас вокруг него много споров. Перед ратификацией правительство США в лице Вильсона предприняло последнюю попытку повлиять на Россию, они решили поддержать противников мира. Опять руководство США заняло двоякую позицию: с одной стороны, президент выразил «сочувствие русскому народу» по поводу германского вторжения, что «должно было укрепить позиции противников ратификации Брестского договора»[3]. А с другой стороны, президент заявлял, что США не сможет оказать поддержку Советам, но оно «использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость»[4]. Однако история все расставила по местам и показала истинное лицо американской демократии и поддержки, американские войска приняли активное участие в международной интервенции на территории России. Послание президента не возымело желаемого результата, Брестский мирный договор был утвержден.

В итоге заметим, США не удалось блокировать Брестский мирный договор, оставить Россию в изоляции и расчленить ее, но американские вооруженные силы участвовали в интервенции на территории молодой республики. Только с 1921 г. начинаются торговые отношения

1 Ibid. P. 381.

2 Ibid. P. 384.

3 *Kennan G.* Russia Leaves the War. Princeton: Princeton University Press, 1956. P. 509.

4 Документы внешней политики СССР. Т. (07 ноября 1917 – 31 декабря 1918) / Глав. ред. А.А. Громыко. М.: Политиздат, 1957. С. 212.

России и США (заключение соглашения с Американской администрацией помощи для получения помощи голодающим), а дипломатическое признание СССР со стороны США было значительно позже всех остальных стран. События во время подготовки и подписания Брестского мира в очередной раз доказывают, что Штаты ведут по отношению к России двойную политику, выступая с «миролюбивыми целями», на протяжении всего XX в. они старались достичь мирового господства любыми средствами. Следовательно, успехи на современном этапе развития отношений между Россией и США зависят от умения проследить и учесть положительные и отрицательные моменты во взаимоотношениях наших стран.

Куприянов А.В.

БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАКАСПИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные мифы, касающиеся британской интервенции в Закаспии, как советской, так и постсоветской эпохи, многие из которых до сих пор встречаются в учебной литературе. Речь идет о таких мифах, как стремление Британии превратить Русский Туркестан в свою колонию, влияние крупных потерь на решение генерала Маллесона не продолжать наступление на Ташкент и успешная деятельность подполковника Бейли в тылу большевиков.

Ключевые слова: британская интервенция в Закаспийской области, Маллесон, Бейли, шпионаж, сражение под Душаком.

Kupriyanov A.V.

BRITISH INTERVENTION IN THE TRANSCASPIAN REGION: MYTHS AND REALITY

Abstract. The article discusses the most common myths concerning British intervention in the Trans-Caspia, both the Soviet and post-Soviet, many of which are still found in educational literature. The author

analyzes the alleged desire of Britain to turn Russian Turkestan into its colony, the impact of large losses on the decision of General Malleson not to continue the offensive against Tashkent and the successful activity of Lieutenant Colonel Bailey in the capital of the Turkestan Republic.

Keywords: British intervention in Transcaspia, Malleson, Bailey, spying, Dushak battle.

История британской интервенции в Закаспийской области является одной из самых мифологизированных страниц истории Гражданской войны. Казалось бы, никаких предпосылок к этому изначально не было: в отличие от других ТВД, Закаспийский фронт Туркестанской республики возник в отдаленном и относительно изолированном районе, боевые действия на нем отличались малой интенсивностью. Фронт ни разу не посещали высокопоставленные государственные деятели, принимавшие позже участие во внутрипартийной работе; как следствие, отсутствовала необходимость в лакировке либо, наоборот, очернении деятельности того или иного персонажа. Наиболее видная фигура из числа связанных с Туркестаном полководцев, М.В. Фрунзе, после своей скоропостижной смерти фактически оказался вне критики; та же судьба постигла командующего Закаспийским фронтом, впоследствии возглавлявшего Инженерную академию, Г.В. Зиновьева. Никаких масштабных процессов против «закаспийцев» не организовывалось, хотя они наравне с другими полководцами и командирами Гражданской войны пострадали от репрессий: к примеру, председатель РВС фронта Н.А. Паскуцкий был расстрелян в 1938 г.

Роковым для историографии Гражданской войны в Закаспийской области оказался тот факт, что в боях на этом фронте открыто участвовали иностранные интервенты – контингент англо-индийских войск под командованием Уилфреда Маллесона. Этот эпизод удачно лег в общую канву советского мифа о Гражданской войне как о конфликте, в котором противниками Советской власти выступали, в первую очередь, державы Антанты, пытавшиеся руками своих белогвардейских наймитов свергнуть власть рабочих и крестьян и превратить Россию в свою колонию.

В результате уже к концу 1930-х гг. советская история Гражданской войны в Закаспии была написана и одобрена. В ходе этого процесса история конфликта подверглась значительной мифологизации: достаточно упомянуть хотя бы легенду о 26-ти бакинских комиссарах, якобы

расстрелянных англичанами. Этот миф, закрепленный силой искусства – стихами Есенина и картиной Бродского – прочно занял место в официальной картине истории войны.

В конце 1980-х гг. многие мифы советского времени были развеяны, однако, история Гражданской войны в Туркестане оказалась обойдена вниманием исследователей. Практически все легенды, созданные в советское время, по-прежнему тиражируются в научно-популярных работах и в средствах массовой информации.

В данной статье мы разберем три из них: миф о стремлении англичан превратить Закаспий (шире – Туркестан) в свою колонию; миф о высоких потерях, нанесенных британским войскам советскими частями, как о причине остановки британского наступления; и миф о супершпионе полковнике Бейли. Ряд мифов, включая наиболее живучий – о 26-ти бакинских комиссарах, – мы намеренно оставляем за скобками: на наш взгляд, его разбор требует отдельного исследования.

Миф о причинах интервенции: Туркестан как английская колония

Этот миф сложился, насколько можно судить, еще во время Гражданской войны, причем сразу по обе стороны фронта. Слухи о том, что британцы намерены сделать из Туркестана свою колонию, либо протекторат, ходили настолько широко, что в январе 1919 г., то есть уже после того, как британцы, по сути, установили полный контроль над всей политической жизнью Закаспийской области. В газетах, по личному распоряжению Маллесона, переданному через его представителя Тиг-Джонса, пришлось напечатать следующее сообщение: «Генерал Маллесон уполномочен Великобританским правительством объявить, что оно не имеет никакого намерения аннексировать или объявить свой протекторат хотя бы в одной из областей, раньше принадлежавших Российской империи, как к востоку, так и к западу от Каспийского моря, но желает водворить порядок в тех районах, где он нарушен, и провести эвакуацию немецких и турецких войск»[1].

Возможным источником этих слухов можно считать само Закапийское правительство. В частности, глава МИД Закаспия Зимин в одной

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4738. Оп. 1. Д. 17. Л. 29об.

из бесед заявлял: «Когда наши дела начали становиться с этой весны плохими, я обратился за помощью от имени правительства к английскому командованию, от которого получил ответ: предоставьте нам Закаспий лет на пятнадцать, и мы очистим Туркестан от большевиков. Мы от этого отказались»[1].

Вторым возможным источником, судя по всему, является деятельность майора Фредерика Маршмана Бейли, который, не имея в течение нескольких месяцев связи с руководством в Дели и Симле, щедро раздавал обещания местному белогвардейскому подполью. В пользу этого свидетельствует, в частности, доклад видного деятеля «Туркестанского союза» полковника Зайцева на имя войскового атамана Оренбургского казачьего войска: «Наша организация была вынуждена обратиться за помощью и содействием к англичанам. Когда прибыл в Ташкент английской службы майор Т……., то организация вошла в переговоры с ним и английским консулом… Соглашение было достигнуто и было условлено: 1/ что английское правительство обещает оказать помощь в борьбе с большевиками деньгами, оружием и техническими средствами борьбы, а в тяжелых условиях и поддержку вооруженной силой, 2/ После свержения Советской власти будет образована Туркестанская автономная республика, которая будет находиться под исключительным влиянием Англии.

Когда… председатель обороны К…… ознакомил меня с общим положением дел в организации и соглашением, заключенным с английским правительством, то я запротестовал и заявил, что все казаки твердо стоят за целость и неделимость России, на что мне ответили, что обещание одно, а исполнение другое. Так ли оно будет в будущем – не знаю. Одно только известно, что Английское правительство включило в число условий требование протектората над Туркестаном в течение 55-ти лет»[2].

До сих пор, однако, ни отечественным, ни зарубежным историкам, изучавшим переписку между правительством Британской империи, Британской Индии и британскими миссиями и консульствами, не удалось найти каких-либо упоминаний захватнических планов Лондона и Дели в отношении Русского Туркестана. Никаких указаний на это нет и в мемуарах. И неудивительно: никаких экономических причин для

[1] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1986. Л. 8.

[2] Там же. Д. 1609. Л. 13.

превращения Закаспия в британскую колонию не было. Главным богатством Туркестана являлся хлопок; но, как отмечал один из руководителей белого подполья Павел Назаров, Британия имела собственное высококачественное хлопковое производство в Индии и в Египте, и даже в случае, если бы возникла острая нужда в этом материале, его закупка в США обошлась бы дешевле, учитывая расходы на транспортировку[1].

Сама по себе идея о наличии детально разработанного и пригодного для реализации плана превращения Русского Туркестана в британскую колонию кажется невероятной. У британцев физически отсутствовала возможность удержать эту территорию под своим контролем. Для того, чтобы обеспечить защиту хотя бы Закаспийской области, не говоря уже обо всем Туркестане, требовалось установить полный контроль над южной частью Каспия, сосредоточить в регионе несколько дивизий с тяжелым вооружением, целиком зависящих от внешнего снабжения, как военными материалами, так и продовольствием. При этом, как показал опыт интервенции, дороги Персии не могли должным образом обеспечить переброску необходимых материалов и продовольствия даже для 1,3 тысячи индийских войск. Единственным вариантом, который позволял организовать снабжение, являлась бы долговременная оккупация Константинополя и всего Закавказья, но это требовало коренного пересмотра всей британской стратегии в регионе и никогда всерьез не рассматривалось.

Миф о причинах пассивности британских войск

В советской научной и научно-популярной литературе неизменно утверждалось, что причиной пассивности британских войск после сражения под станцией Душак в октябре 1918 г являлись их тяжелые потери.

Вот как, к примеру, объясняется этот факт в «Истории Советского Туркменистана»: «Отразив атаки советских войск [на Каахку] и получив свежие подкрепления, интервенты и белогвардейцы решили перейти в наступление и 14 октября 1918 г. напали на ст. Душак, на передовую базу наших войск. Противнику удалось занять станцию. Но в тот же день он был разгромлен и выбит из Душака подоспевшими

[1] *Nazaroff P.* Hunted through Central Asia. On the Run from Lenin's Secret Police. L.,1932. P. 20.

частями советских войск. Противник понес огромные потери. Почти все офицеры английских войск были перебиты. Получив сокрушительный удар, интервенты и белогвардейцы отошли к Каахка»[1].

Потери британских сил действительно были крайне тяжелыми: по оценке британского офицера Л. Блэкера, посещавшего англо-индийский контингент вскоре после боя, его боеспособность упала вдвое[2]. В 19-м Пенджабском полку не осталось британских офицеров – все они были ранены, и в итоге командовать пехотой пришлось офицерам-кавалеристам из 28-го легкоконного полка. В общем же 19-й Пенджабский полк потерял 47 человек убитыми и 139 ранеными, 28-й легкоконный полк – 6 человек убитыми и 30 ранеными.

Получив первые известия о бое, командующий британским контингентом Уилфред Маллесон, находившийся тогда в Мешхеде, телеграфировал в Симлу: «Ситуация очевидно серьезная… Противник, как известно, имеет 3000 человек в Мерве и 1600 в Теджене. Поскольку бесполезные русские войска, кажется, полностью рассеяны, только наш маленький отряд способен его сдержать»[3]. Маллесон потребовал прислать дополнительные силы: три кавалерийских полка, три артиллерийских батареи, бригаду пехоты, бронеавтомобили и самолеты[4].

Однако после того, как Маллесон узнал об отступлении красных войск после боя и очищении ими Душака и Теджена, он изменил свою точку зрения. Отчаяние сменилось уверенностью, и Маллесон решил возобновить наступление. В телеграмме от 20 октября он сообщал: «Моральный дух большевиков и австро-германцев очевидно упал, когда они достоверно узнали, что сражаются с британцами, многие заявляют, что нет никакой надежды и даже мысли об успехе… Подтверждаются все предыдущие данные в отношении всеобщей

---

1 История Советского Туркменистана. Ч. 1. (1917?1937). Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. Ашхабад, Ылым, 1970. С. 91.

2 *Blacker L.V.S.* Travel in Turkestan, 1918?1920 // Geographical Journal. 1921. Vol. 58. № 3. P. 178–198.

3 Telegram P., No. M. D.-00733, dated the 15th (received 16th) October 1918. From General Malleson, Meshed, To The Chief of the General Staff, Simla (Repeated Baghdad, Tehran and Quetta). NAI, ForeignDeptt, Sec-War, Nov. 1919. P. 98.

4 *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople.The Plot to Bring Down the British Empire. L., 1994. P. 375.

ненависти к большевикам и их низких моральных качеств; есть основания полагать, что стоит нам нанести мощный фронтальный удар, как произойдет немедленный коллапс, так как против них восстанут почти все»[1].

В результате для того, чтобы остановить наступательный порыв Маллесона, потребовался прямой приказ его непосредственного начальства. В телеграмме, отправленной на его имя, Маллесону категорически приказывалось «не поддерживать более никаких наступательных планов закаспийских властей»[2]. Причиной были небольшие потери: индийское руководство опасалось, что контингент интервенционных войск слишком увязнет в боях в Закаспии, и впоследствии могут возникнуть проблемы с его выводом.

Миф о супершпионе подполковнике Бейли

Легенда о необычайных успехах, достигнутых в Ташкенте сотрудником британской дипломатической миссии, по совместительству разведчиком Ф.М. Бейли, возникла еще во время Гражданской войны и быстро приобрела популярность, как в Советской России, так и в Англии. Ее распространению немало способствовал сам Бейли, выступавший с лекциями о своих приключениях, а в дальнейшем написавший мемуары. Советским спецслужбам этот миф позволял объяснить ряд неудач и подчеркнуть высокий класс противника, против которого приходилось вести работу; в то же время он импонировал британской национальной гордости и хорошо вписывался в популярный тогда жанр «приключения британского офицера на задворках мира».

В реальности дело обстояло куда скромнее. Прибывшая в Ташкент британская миссия изначально попала под подозрение компетентных органов и вынуждена была работать в крайне тяжелых условиях. Положение ее осложнила начавшаяся в это время британская интервенция в Закаспии, о которой члены миссии узнали только от руководства Туркреспублики.

1 Telegram P., No. M.D.-00790, dated the 20th October 1918. From General Malleson, Meshed, To The Chief of the General Staff, Simla. NAI, ForeignDeptt, Sec-War, Nov. 1919. P. 58.

2 Telegram P., No. 83834, dated the 17th October 1918. From The Chief of the General Staff, Simla. To General Malleson, Meshed (repeated Secretary, War Office. London). NAI, Foreign Deptt, Sec-War, Nov. 1919. P 53.

В это время британская миссия, находясь на легальном положении, пыталась, как утверждал сам Бейли, противодействовать угрозам британским интересам. В частности, Бейли, а следом за ним и советские историки, приписывают его деятельности расправу над советской консульской миссией в Мешхеде. Вот как, к примеру, излагает эти события сам Бейли: «Примерно в сентябре 1918 г советское правительство решило послать миссию в Мешхед в северо-восточной Персии, где находился штаб наших войск под командованием генерала Маллесона, и попросило меня предоставить рекомендательное письмо… Я не мог пренебречь такой возможностью отправить послание, которое миссия, не зная о его содержании, повезла бы с собой и доставила по назначению. Миссию возглавлял человек по фамилии Бабушкин. Один из ее членов был бывшим офицером по фамилии Калашников, который был помощником Дамагацкого в МИДе.

Однажды, когда я заехал в МИД, я поговорил с Калашниковым наедине… Я дал Калашникову отдельное приватное письмо к британским властям в Мешхеде, которые не арестовали его, а отправили [в Закаспий], дабы он присоединился к меньшевистским силам…

Бабушкин и его помощник, Афанасьев, были арестованы и содержались как заложники за мистера Тредуэлла, меня и других членов миссии»[1].

Однако, судя по обнаруженным нами в Национальном архиве Индии источникам, Бейли значительно приукрасил свою роль в этом деле. Об отъезде миссии Бабушкина генерал Маллесон узнал не из мифического письма, а из перехваченного телеграфного сообщения, после чего отдал приказ немедленно арестовать большевиков[2], что и было впоследствии проделано. «Я отдал распоряжение, чтобы эта группа была арестована, когда она приблизится к Мешхеду, – телеграфировал Маллесон. – Я намерен поместить их под строгий арест… Возможно, удастся договориться о немедленном освобождении Бейли в обмен на Бабушкина»[3].

1 *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 67.

2 Telegram P., No. M.D.-00636, dated the 29th September 1918. From General Malleson, Meshed, To The Chief of the General Staff, Simla (repeated Tehran). NAI, ForeignDeptt, Sec-War, Nov. 1919. P. 18.

3 Telegram P., No. M.D.-00827, dated the 24th October 1918. From General Malleson, Meshed, To The Chief of the General Staff, Simla (repeated Tehran). NAI, Foreign Deptt, Sec-War, Nov. 1919. P. 61.

В конце концов Бейли был вынужден перейти на нелегальное положение. Выехать из Туркестана он не мог: зима наступила рано, и перевалы, ведущие в Гилгит и Китай, завалило снегом. Бейли скрывался возле Ташкента до 15 октября 1919 г., когда он был обнаружен агентами Военконтроля (военной разведки) Туркреспублики. Бейли, однако, крупно повезло: сотрудник Военконтроля Мандич, курировавший операцию, взял его под свое покровительство, намереваясь использовать его для бегства за границу. Под видом агента Военконтроля он переправил Бейли в Бухару, одновременно сообщая начальству ложные сведения, чтобы сбить его со следа[1]. В конечном счете план Мандича полностью удался.

Бейли за время пребывания на нелегальном положении сумел избежать ареста – но, по сути, этим его достижения и ограничиваются. Он не участвовал в Осиповском мятеже в январе 1919 г.[2] Бейли даже не смог передать собранную им информацию в британское консульство в Кашгаре: один из его курьеров был застрелен, несколько человек просто не смогли преодолеть перевалы либо просто саботировали его приказы[3].

Те крупицы информации, которые Бейли удалось передать Маллесону в ноябре 1919 г., безнадежно устарели. Как отмечал сам генерал, все эти сведения он уже знал от своих агентов, либо из перехваченных большевистских депеш. К тому же, по словам Маллесона, в информации Бейли содержался ряд грубых ошибок.

В своей статье мы разобрали лишь три популярных мифа, до сих пор кочующих из издания в издание. Их тиражирование затрудняет процесс анализа событий и явлений Гражданской войны, осознания самой ее сути. Лишь беспристрастное исследование происходивших в Закаспийской области событий, причем с обязательным привлечением данных британских и индийских архивов, поможет заменить набор мифов достоверным изложением исторических событий.

1 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25859. Оп. 2. Д. 13. Л. 285.

2 *Bailey F.M.* In Russian Turkestan under the Bolsheviks // Journal of The Royal Central Asian Society. 1921. Vol. 8. № 1. P. 49–69.

3 *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 140.

Гурьянова С.И.

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. НА ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЛОКА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются малоизученные вопросы влияния Великой российской революции 1917 г. на положение военнопленных Первой мировой войны в Вятской губернии (на основе архивных материалов).

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г.; Первая мировая война; Вятская губерния; военнопленные германские и австро-венгерские подданные.

Guriyanova S.I.

THE INFLUENCE OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 ON THE SITUATION OF PRISONERS OF WAR OF THE COUNTRIES OF THE CENTRAL UNIT IN THE VYATKA PROVINCE

Abstract. The article deals with lesser known issues the influence of the Great Russian revolution of 1917 to the situation of prisoners of war of the First World War in the Vyatka province (based on archival materials).

Keywords: Great Russian revolution of 1917; World War, Vyatka Province; POWs German and Austro-Hungarian subjects.

Во время Первой мировой войны Вятская губерния стала местом размещения значительного числа иностранных военнопленных. В основном это были подданные Германии и Австро-Венгрии. Именной высочайший указ от 2 августа 1914 г.[1] предписывал «задерживать подданных неприятельских государств … в качестве военнопленных»[2].

[1] Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

[2] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. СПб., 1914. Ст. 2104. С. 3143.

Целью задержания было недопущение годных к ношению оружия подданных враждебных держав для участия в военных действиях или в шпионаже против России[1]. Пребывание на территории губернии «неприятельских пленных» в течение всего военного времени являлось значимым фактором внутренней жизни Вятского региона. Настоящая работа имеет целью исследование малоизученных аспектов влияния Великой российской революции на положение, умонастроения, поведение иностранных военнопленных в Вятской губернии на протяжении 1917 г.

Военнослужащие враждебных России государств, взятые в плен на полях сражений, состояли в распоряжении военного ведомства. В официальных документах иностранных подданных этой категории всегда именовали *военнопленными*. К другой группе относились подданные «враждебных России держав» призывного возраста, не состоящие на действительной военной службе. Они находились в ведении министерства внутренних дел и в документах чаще именовались *военнообязанными* (для отличия их от пленных, состоящих в распоряжении военных властей). Военнопленные разных категорий имели существенные различия в режиме содержания, определяемые нормативно-правовыми актами российского государства.

О достигнутом соглашении в сфере «распоряжения военнопленными» министр внутренних дел Н.А. Маклаков известил вятского губернатора А.Г. Чернявского телеграммой от 12 августа 1914 г. В Вятской губернии такое разделение полномочий положительно сказалось на работе местных гражданских и военных властей, упорядочило их взаимодействие[2]. Размежевание сфер ответственности произошло своевременно: с середины августа 1914 г. в губернию начали поступать крупные партии гражданских и военных пленных. Необходимо кратко охарактеризовать, в каком положении находились обе категории иностранных военнопленных в Вятской губернии к началу революционных событий 1917 г.

Военнообязанные иностранные подданные, т.е. пленные, принадлежащие к сфере ответственности гражданского ведомства, начали прибывать на вятскую землю в августе 1914 г. Численность гражданских пленных достигла максимума, вероятно, к концу осени 1915 г. и составила более 8,5 тыс. человек (с членами семей). Предположительно

---

1 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 191. Д. 33. Лл. 2–2об., 43–43об., 47.

2 Там же. Лл. 43–43об., 47.

до февраля 1917 г количество водворенных в Вятскую губернию военнообязанных менялась незначительно, оставаясь примерно на уровне 1915 г В связи с начавшейся перестройкой органов управления после Февральской революции 1917 г учет военнопленных значительно ухудшился.

Согласно упомянутой выше телеграмме министра Маклакова от 12 августа 1914 г. депортированных иностранцев необходимо было водворить на жительство под полицейский надзор. Высочайшим указом от 24 июля 1914 г Вятская губерния была объявлена на положении чрезвычайной охраны[1]. Губернатор получил широкие полномочия, в том числе право издания обязательных постановлений, регламентирующих жизнь депортированных иностранцев. Военнообязанным было запрещено собираться группами, посещать клубы, театры, кинематографы, разговаривать на улице и в общественных местах на немецком языке[2]. В целях предупреждения возможного шпионажа МВД телеграммой от 21 сентября 1914 г обусловило право иностранных подданных отлучаться из мест водворения: лишь в «самых исключительных случаях по особо уважительным основаниям».

Военнообязанные должны были содержать себя и свои семьи самостоятельно. Устроиться на работу в условиях Вятской губернии, особенно в сельской местности, для иностранных подданных было непросто. Корреспонденция военнообязанных подвергалась неизбежной в военное время цензуре, что задерживало ее своевременную доставку. Национальный состав германских и австрийских подданных, водворенных в Вятскую губернию, был весьма пестрым.

Отношение к военнообязанным со стороны населения Вятской губернии в начале войны было достаточно спокойным, без ярко выраженных негативных проявлений. Но в скором времени рост числа жителей в губернском центре и уездных городах привел к повышению цен на жилье и продукты. Кроме того, население тяготилось «продолжительностью войны» и видело в лице гражданских пленных «представителей враждебных наций, нарушивших мирную жизнь и душевный

[1] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. СПб., 1914. Ст. 2075. С. 3087.

[2] Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 год. Вятка: Издание губерн. Стат. комитета, 1915. С. 110; ГАКО. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 44. Л. 99.

покой». Близкое знакомство с «подданными враждебных государств» не поощрялось и влекло за собой неприятные последствия[1].

Отношение военнообязанных к местным жителям и к России было различным. Часть переселенцев считала себя «детьми России» или симпатизировала ей. В основном это были лица славянского происхождения. Другие связывали свою будущность с Германией и были ее горячими патриотами («закаленными германцами»). Эта часть гражданских пленных считала Россию «“азиатской страной” и желала ей поражения»[2].

После февраля 1917 г военнообязанные иностранные подданные оказались вовлечены во внутренние российские социально-политические процессы. Февральская революция многим дала, прежде всего, надежду на скорое изменение своей участи в лучшую сторону, а точнее, – на полное освобождение. Часть военнообязанных стала активно действовать, например, выступать на собраниях, рассчитывая добиться положительных результатов.

В свою очередь, новая власть неоднократно подтверждала и продлевала действие постановлений и законов, изданных до февраля 1917 г., в отношении гражданских пленных. Значительного изменения в положении депортированных «неприятельских подданных» не произошло. Отсутствовала свобода передвижения, выбора места жительства, по-прежнему существовали ограничения в выборе рода занятий. Кроме того, разрушение части старого административного аппарата на местах (в том числе, в Вятской губернии) привело к тому, что решение ряда насущных для гражданских пленных вопросов оказалось в руках людей некомпетентных. Нередкой для Вятской губернии была ситуация, когда комиссия по делам военнообязанных иностранных подданных раз за разом откладывала решение какого-либо вопроса.

Отношение местных жителей к гражданским пленным на протяжении 1917 г ухудшалось. Об этом свидетельствуют ходатайства ряда сельских обществ с просьбами полностью выселить иностранных подданных из конкретного села, волости.

Первые пленные, взятые на полях сражений, появились в Вятской губернии в августе 1914 г.; к концу года водворено было более трех тысяч военнопленных. По данным на 1 января 1916 г., на территории

---

1 Там же. Ф. 582. Оп. 154. Д. 84. Лл. 9, 9об., 14.

2 Там же. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1639. Лл. 27–28.

Вятской губернии находилось более 15 500 военнопленных офицеров и нижних чинов. Количество военнопленных в Вятской губернии по состоянию на 1 января 1918 г могло составить около 5000 человек. Необходимо отметить, что после Февральской революции учет военнопленных в Вятской губернии ухудшился. Значительная разница по сравнению с 1916 г объясняется неполнотой имеющихся сведений.

Национально-государственный состав военнопленных, размещенных на территории Вятской губернии, был разнообразным. Бóльшую часть военнопленных на Вятке составляли подданные Австро-Венгрии: венгры, чехи, немцы, словаки, румыны, поляки, сербы.

Все взятые в плен солдаты и офицеры противника подпадали под действие законов Российской империи[1]. Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. гарантировали право военнопленных на достойное обращение, сохранность личного имущества и денег, свободу религиозных отправлений, получение медицинской помощи, продовольственное, вещевое и денежное довольствие соответственно чину. В России основные принципы обращения с пленными были изложены в Высочайше утвержденном приложении к полевому Уставу «Наказе Русской армии о законах и обычаях сухопутной войны». Дополнительно было принято «Положение о военнопленных» от 7 октября 1914 г

В пунктах постоянного водворения военнопленные должны были размещаться казарменным порядком и несли все связанные с положением военнопленных ограничения. Довольствие пленных было установлено по нормам русской армии. Труд военнопленных в Вятской губернии наиболее успешно применялся на лесных и иных казенных работах. Острой была проблема размещения военнопленных, а также обеспечения их необходимой врачебной помощью. В ряде уездов не удалось избежать развития эпидемических заболеваний среди военнопленных. Причинами стали как отсутствие на начальном этапе должной координации военных и гражданских властей на местах, так и нехватка медицинского персонала, а также отправление в Вятскую губернию партий ослабленных пленных, уже имеющих в своей среде зараженных больных.

Февральская революция 1917 г повлияла на положение военнопленных и их умонастроения. Эти изменения особенно заметны, если

[1] Гаагская конференция «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. // Действующее международное право. М., 1997. Т. 2. Док. 74. Ст. IY.

посмотреть на них через призму отношения новой власти к военнопленным. Уже в апреле 1917 г штаб Казанского военного округа вменил работодателям в обязанности:

1) снабдить военнопленных удостоверениями личности;
2) не допускать их к «разгуливанию по улицам» позже 7 часов вечера;
3) обеспечить военнопленных верхним платьем «по возможности форменного покроя».

В случае «непринятых мер к ограничению свободного пребывания пленных» последних надлежало снимать с работ[1].

В апреле же 1917 г губернским комиссаром получена телеграмма министра внутренних дел князя Урусова о том, что военнопленные, работающие в сельском хозяйстве, предъявляют «непомерные требования в отношении содержания и пищи», не подчиняются установленным правилам и отказываются от работ, уходя в город. Находя недопустимой «подобную распущенность среди пленных», Урусов рекомендовал усилить охрану военнопленных, разрешал применять меры взысканий, установленные до февраля 1917 г., и переводить военнопленных, уклоняющихся от работ «без уважительных причин», на более тяжелые рудничные работы[2].

Сообщения с мест подтверждали опасения министра. Так, житель с. Можга Елабужского уезда Александр Дурнов отправил министру юстиции телеграмму: «Возмущаясь распущенностью пленных, прошу сделать распоряжение об ограничении в правах таковых, ибо пленные ведут себя возмутительно: отказываются от работ, бастуют партиями, избивают местное население, занимаются грабежами…»[3]. Между тем положение в Вятской губернии становилось все более неустойчивым. В мае 1917 г в губернском центре заявляли о «совершающихся в городе почти ежедневно» кражах и грабежах.

На фоне подобных обстоятельств в середине мая 1917 г «последовало разрешение пленным офицерам австрийской армии совершать прогулки по городу без конвоя»[4]. Распоряжение, преследующее самые гуманные цели, появилось в неподходящий момент – к этому времени

1 Вятская речь. 1917. № 91. 29 апреля. С. 3.
2 Там же. № 92. 30 апреля. С. 2.
3 Там же. № 88. 26 апреля. С. 3.
4 Там же. № 102. 16 мая. С. 1.

становится все более очевидным обострение отношений военнопленных и местного населения. Посыпались жалобы обывателей, а начальник Вятской городской милиции отметил, что подобное «свободопользование» вносит смуту в среду военнопленных, расположенных в казармах и не пользующихся такими привилегиями[1].

Бедное население г Вятки в мае-июне 1917 г также было недовольно тем, что на базарах происходила «массовая скупка продуктов перекупщиками», не прекращающаяся даже в присутствии милиционера. Торговцы умышленно скрывали продукты, выжидая появления военнообязанных и военнопленных, которые покупали продукты «не считаясь с ценами…без ограничений». Следствием этого было повышение цен. Поэтому губисполком возобновил действие обязательного постановления Вятской городской думы о «воспрещении на базарах скупки и перекупки» продуктов[2].

Негативное отношение к неприятельским пленным подогревалось также рассказами о «зверствах германцев». Так, 13 июня 1917 г вечером на площади у Александровского сада состоялся многолюдный митинг, организованный исполнительным комитетом Вятского совета рабочих и солдатских депутатов. Была принята резолюция: «1) выразить протест против зверского обращения австро-германцев с нашими военнопленными и военнообязанными; 2) интернировать всех военнопленных и военнообязанных германцев, находящихся на свободе в г. Вятке; 3) перевести их на строгий паек, нормируя потребление и 4) обратиться к Временному Правительству, чтобы оно потребовало у Австро-Германии отмены каторжного режима, применяемого к русским военнопленным и военнообязанным, и заменило его человеческим обращением»[3].

В течение 1917 г. количество нарушений со стороны военнопленных (побеги, неповиновение, отказ от работы и т.п.), в том числе в Вятской губернии, возросло. Ввиду «непрерывно поступающих жалоб на недопустимое своеволие и даже отказ от работ» со стороны военнопленных, военный министр приказал «всех бунтующих и непокорных военнопленных немедленно направлять в ближайшие пункты, где применять к ним суровый режим и строгие наказания»[4].

1 ГАКО. Ф. 1354. Оп. 1. Д. 35. Л. 640–640об.
2 Там же. Лл. 587–589, 590–590об.
3 Вятская речь. 1917. № 126. 15 июня. С. 3.
4 Там же. № 87. 25 апреля. С. 3.

В русле событий 1917 г. замечается эволюция отношения новой власти к военнопленным. Новая власть, с одной стороны, должна была продемонстрировать демократичность и гуманизм. С другой стороны, страна оставалась в состоянии войны. Поэтому власть не могла оставить без внимания участившиеся побеги и нарушения дисциплины со стороны военнопленных. Таковая необходимость практически сразу обернулась со стороны властей бульшим, чем ранее, бюрократизмом и многословием, а также «закручиванием гаек».

Новые изменения ожидали военных и гражданских пленных после свершения Октябрьской революции 1917 г. Было приостановлено действие всех достигнутых ранее договоренностей по обмену и репатриации пленных. Заключение Брестского мирного договора сдвинуло проблему возвращения пленных на родину с мертвой точки. Решение этого вопроса вновь затормозилось в связи с событиями начавшейся Гражданской войны. Восточный фронт проходил по южным и восточным районам губернии, что обусловило практическую невозможность транзита военнопленных через территорию Вятской губернии из уральских и сибирских областей к западным рубежам нашей страны, а также отправления пленных, размещенных в самой Вятской губернии. Тем не менее, на протяжении 1918 г. территорию Вятской губернии удалось покинуть большинству гражданских пленных. Основная часть пленных, взятых с полей сражений, была переправлена на родину лишь в 1919 г.

Таким образом, революционные события 1917 г. в России на протяжении периода с февраля по октябрь оказали значимое влияние на положение, умонастроения и поведение иностранных военнопленных, размещенных на территории Вятской губернии. Крах самодержавия породил надежду на скорое освобождение, повысил степень социальной активности «неприятельских подданных», подтолкнул их к действиям, направленным на изменение своего положения. Это выразилось, в том числе, в отказе от работ, побегах, неповиновении властям. Новая власть в обстановке военного времени и нарастающего кризиса была не способна, с одной стороны, отказаться от использования военнопленных в качестве рабочей силы. С другой стороны, невозможно было допустить репатриацию военнообязанных иностранных подданных. Это привело к необходимости проводить достаточно жесткую политику в отношении военнопленных, направленную на сохранение их прежнего положения.

Савосина Ю.В.

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-Х ГГ.

Аннотация. В статье автор рассматривает влияние Российской революции 1917 г. на англо-советские торгово-экономические отношения в 1920-х гг. Специфической особенностью этого периода были потребность в мирных экономических отношениях и непримиримость политических разногласий правящих партий Великобритании и СССР

Ключевые слова: Великобритания, СССР, Российская революция 1917 г., консервативное правительство, большевики, экономические и политические отношения, дипломатические взаимоотношения, торговля, мирная политика, экономическая и военная интервенция.

Savosina Yu.V.

THE IMPACT OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 ON TRADE AND ECONOMIC RELATIONS OF SOVIET RUSSIA AND GREAT BRITAIN IN THE 1920'S.

Abstract. In the article the author considers the impact of the Russian revolution of 1917, the Anglo-Soviet trade-economic relations in the 1920-ies. Specific feature of this period was economically a necessity of peaceful relations and irreconcilable political differences of ruling parties of the Great Britain and the USSR.

Keywords: Great Britain, the USSR, the Russian revolution of 1917, the conservative government, Bolsheviks, economic and political relations, diplomatic relations, trade, peaceful policy, economic and military intervention.

Российская революция 1917 г. явилась следствием многих нерешенных внутрисоциальных и внутриполитических проблем, усугубленных Первой мировой войной. Новый политический строй казался

логичным решением данных проблем, однако, воспринимался мировым сообществом крайне негативно.

Молодое Советское государство декларировало политику мира и заявляло о стремлении установить нормальные политические и экономические отношения с капиталистическими странами на основе полного равноправия и соблюдения взаимных интересов. Однако большевистское руководство на практике опиралось на «экспорт революции» и на принцип пролетарского интернационализма, что резко противопоставляло Советскую страну Европе[1]. Ситуацию усугубила и национализация частной собственности (в том числе огромного количества иностранных предприятий и фабрик, золотых приисков и пр.), а также подписание Брестского мира 3 марта 1918 г (который рассматривался союзниками по Антанте как предательство со стороны России). Все это делало невозможным бесконфликтное принятие нового государства в мировую систему.

Еще одним негативным фактором было то, что революция в России явилась началом эпохи пролетарских революций в метрополиях, и стала переломным рубежом в развитии национально-освободительного движения. Революционные настроения главенствовали во всем мире. Этот фактор вызывал недовольство и боязнь правительства Великобритании перед новыми политико-социальными потрясениями внутри страны, и в целом в мире.

Отказ стран Антанты и США ответить на мирное предложение Советского правительства означал непризнание его в качестве фактического или юридического правительства России.

Вскоре была сформулирована официальная точка зрения британского правительства в отношении Советской России. В заявлении в палате общин, сделанном 24 ноября 1917 г заместителем министра иностранных дел Робертом Сесилем, указывалось, что Великобритания не признает Советское правительство как субъект международного права. Английское правительство дало указание своему послу в России не вступать в официальные отношения с Советским правительством. Такое же решение было вынесено и на Парижской конференции Верховного совета стран Антанты: «Союзные правительства не будут иметь отношений с теперешним большевистским правительством»[2].

---

1 *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. 1917–1924. М.: Госполитиздат, 1954. С. 250.

2 *Никонова С.В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов 1924–1927 гг. М.: Межд. отнош., 1963. С. 134.

Далее последовал период интервенций в отношении Советской России, целью которых был «разгром Советского государства как очага мировой пролетарской революции»[1]. Но данная политика потерпела крах. После провала военной интервенции, правительство Великобритании настояло на проведение экономической интервенции путем отмены монополии внешней торговли.

В период политического противостояния Лондона и Москвы был нанесен серьезный урон торгово-экономическим связям двух государств. При этом необходимо отметить, что внутренняя экономика обоих государств переживала сложный период.

Так, начало 1917–1920-е гг стали для Советской России временем не только социально-политических потрясений, но и периодом тяжелого экономического кризиса. Промышленность, транспорт, финансовая система России в результате мировой и Гражданской войн были подорваны. Вследствие экономической блокады, организованной капиталистическими государствами, внешнеторговые операции были незначительны, а торговый баланс пассивным.

Внутренняя экономика Великобритании с конца войны и до середины 1920 г переживала своеобразный торгово-промышленный бум, приведший к значительному росту промышленной продукции и к расширению внешней торговли, что сопровождалось бурной инфляцией. Затем в 1920 г. начался глубокий экономический кризис, в результате которого промышленное производство резко упало. Кризис не сменился периодом подъема[2]. Экономика Великобритании в 1922–1923 гг. находилась в состоянии застоя и депрессии.

Для обоих государств взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество являлось возможностью вывести внутреннюю экономику на новый уровень. Таким образом, торговый баланс между Великобританией и СССР в начале 1920-х гг напрямую зависел от налаживания и развития англо-советских политических отношений.

Весной 1920–1921 гг. начались англо-советские торговые переговоры в Лондоне. Необходимо отметить, что несмотря на название «торговых», переговоры носили, в первую очередь, общеполитический характер. В условиях современного мира можно зачастую увидеть, когда

---

1 Там же. С. 139.

2 *Трухановский В.Г.* Внешняя политика Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма 1918–1939 гг. М.: Мысль, 1962. С. 178.

торгово-экономические переговоры опираются на решение политических проблем.

16 марта 1921 г. в Лондоне полпредом и торгпредом Советской России Леонидом Борисовичем Красиным и министром торговли сэром Робертом Хорном было подписано Англо-советское торговое соглашение между РСФСР и Великобританией и декларация о признании претензий. По данному договору Великобритания и Россия возобновляли торговые отношения и взаимно обменивались торговыми представителями, которым присваивался ряд дипломатических привилегий (дипломатический иммунитет, право шифра, право дипломатической переписки).

Если в период иностранной военной интервенции капиталистических государств и экономической блокады Советской России, англо-советская торговля находилась в упадке, и экспорт из Советской страны в Великобританию равнялся нулю, то уже в 1921 г., после заключения Англо-советского торгового соглашения, торговля между этими странами возросла.

Вновь снижение англо-советской торговли приходится на 1923 г. в период предъявления СССР «ультиматума Керзона» и очередной попытки капиталистических стран во главе с Великобританией начать военно-экономическую интервенцию против Советской России. В это время экспорт из Великобритании в СССР упал почти в два раза.

Однако установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией в 1924 г. способствовали быстрому росту англо-советской торговли. Политические, правовые и экономические основы между Советской Россией и Великобританией позволили торговым отношениям увеличить оборот в два раза и дали возможность постоянному росту этих отношений.

Можно говорить об успешном развитии англо-советских экономических отношениях на протяжении 1924–1926 гг., которые характеризовались резким скачком в сторону увеличения торгово-экономического баланса двух государств после признания СССР де-юре. Данный факт подтверждает взаимозависимость политических и экономических факторов в развитии двухсторонних отношений.

В 1926–1927 гг. политико-идеологические разногласия СССР и Великобритании возобладали над торгово-экономической необходимостью. Ряд политических (приход к власти консервативного правительства Болдуина, настроенного негативно по отношению к правительству

СССР), социальных (забастовка английских рабочих), дипломатических (ряд провокационных налетов на советское представительство, на офисы советской торговой делегации и компании «Аркос») событий привели к ухудшению англо-советских экономических отношений в целом, что спровоцировало резкий спад торгово-экономического баланса двух государств.

В мае 1927 г. правительством Великобритании были разорваны дипломатические отношения с правительством СССР. Снижение торгово-экономических контактов продолжалось вплоть до осени 1929 г., когда в ноябре был подписан протокол о немедленном возобновлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией, а также об урегулировании спорных вопросов.

Факторы, приведшие к подписанию нового англо-советского договора 1929 г., и расширению торговых связей, были самые разнообразные. Снижение англо-советского торгового баланса на протяжении 1927–1929 гг. привело к внутри социальным проблемам в Великобритании, вызванными недовольством рабочего класса, финансовыми потерями предпринимателей и разногласиями внутри правящей партии в отношении СССР[1].

Мировой экономический кризис 1929 г. стал ещt одним фактором, который усилил социальные и экономические проблемы Великобритании.

В свою очередь, доступность и близость советского рынка, рост социального недовольства, торгово-экономические проблемы английских торговых предпринимателей вынудили правительство Великобритании искать пути решения политических проблем в угоду экономической необходимости.

Англо-советские торгово-экономические отношения 1920-х гг характеризуются нестабильностью, вызванной противостоянием двух различных политических систем: капиталистической и коммунистической.

[1] *Волков Ф.Д.* Англо-советские отношения 1924–1929 гг. М.: Политиздат, 1958. С. 207.

Белоусова К.А.

1917–1991 ГГ. И ПЕРИОДИЗАЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Аннотация. С точки зрения автора периодизация новейшей истории должна начинаться с 1917 г. и заканчиваться 1991 г. Эти две вехи явились основными не только для нашей страны, но и решающими для судеб всего остального мира. Для стран Запада возникновение и распад СССР стали важны, прежде всего, в плане идеологической составляющей. Для стран Востока наше государство олицетворяло Надежду.

Ключевые слова: Великая революция 1917 г., распад СССР, новейшая история Запада и Востока, дисциплинирующая мира, деконструктивные процессы.

Belousova K.A.

1917–1991 AND PERIODIZATION OF THE NEWEST HISTORY

Abstract. To the author's opinion the periodization of the newest history must begin with 1917 and finish with 1991. These two marks appeared to be decisive not only for this country but for the fates of the entire world. For the Western countries the formation and collapse of the USSR became important mainly from the ideological point of view. For the Eastern countries our state embodied a Hope.

Keywords: Great Revolution of 1917, collapse of the USSR, the world diciplinizing, newest history of West and East, deconstructive process.

Вопрос о влиянии Великой Революции на страны всего мира в преподавании новейшей истории зарубежных стран многими ныне игнорируется, что видится, с нашей точки зрения, не только большим упущением, но и серьезной ошибкой. Новейшую историю мы преподносим (вынуждены преподносить) с начала XX в. или с начала Первой мировой войны. Это где-то оправдано, если мы берем исключительно новейшую историю Запада. Уже к концу XIX в. США смогли вытеснить Великобританию с первого места в мире по промышленному

производству[1]. Это означало начало конца Pax Britanica. Бывшие великие державы, Великобритания и Франция, уступали место Германии. Первая мировая явилась также вехой в судьбах западных стран, перекроив фактически весь европейский континент: рухнуло четыре империи, поменялась карта Европы. Что касается США, то они увидели в ней возможность начать свое «невидимое» внедрение в Старый Свет посредством политики «открытых дверей», хотя в тот период в целом без особых успехов.

Однако необходимо отметить, что и для стран Запада Революция 1917 г., мягко говоря, не прошла бесследно. Покушение на самое святое, на неприкосновенность частной собственности не могло не затронуть западную систему. Соединенные Штаты поначалу восприняли Революцию 1917 г с энтузиазмом, поскольку был свержен монархический, а, значит, недемократический режим. Однако очень скоро пришло разочарование. И немалую роль в изменении позиции официального Вашингтона по отношению к новой стране сыграл тот фактор, что именно Советская Россия стала воплощать в жизнь ту программу, которую В. Вильсон только декларировал. По этим и по другим причинам большевизм, советская власть, вся политика страны Советов и вообще все, что с ней связано, являлось предметом критики до 1991 г. и, что очень важно, после него.

Конец периода новейшей истории и начало современной истории пытаются связать с неоконсервативной революцией, ведущей свое начало со структурного кризиса, который подхлестнул нефтяной 1973 г Для стран Запада это действительно явилось важной вехой. Кризис кейнсианства, которое дискредитировало себя к этому периоду, заставил экономическую науку искать новые «рецепты счастья», которые на тот период помогли, и, более того, считались решением всех проблем на следующее тысячелетие, однако, время показало, что такие «рецептыя» являются утопией, а кризисы все также сотрясают мировую капиталистическую систему. Более того, изменился их характер (вмешались факторы этнического, религиозного, гендерного и даже традиционного толка), который никакой «экономикс» объяснить не в состоянии.

---

[1] *Согрин. В.В.* Крупный бизнес США от «позолоченного века» до «прогрессивной эры» (1870–1910-е гг.) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 38.

С нашей точки зрения, кризис 1973 г. не может быть вехой современной истории даже по той причине, которая была указана выше. Более того, именно распад СССР, крах социалистической системы явился тем поворотным пунктом, который позволил Западу говорить о единственно возможной модели развития, о «конце истории». 1991 г. стал поворотным не только в плане «теоретических» измышлений. Развалленная единственная дисциплинирующая мира позволила Западу диктовать свои условия, что немедленно отразилось на повсеместных конфликтах, в том числе на границах бывшего СССР, Югославии, а ближе к нашему времени – на Ближнем Востоке. Исчезновение соцсистемы обнажило глобальную суть «открытого общества», все более угрожающего всему человечеству[1].

Для стран Востока имеет некоторый смысл периодизация новейшей истории с начала XX в., и в какой-то степени 1914 г., однако, с нашей точки зрения, единственно верная – это Великая революция. Безусловно, начало XX в. ознаменовалось прогрессом в экономическом развитии, а Первая мировая война дала толчок к внутренним преобразованиям, началу борьбы против колониализма. Однако Восток, в отличие от Запада, нельзя воспринимать как единое целое. Востоку характерна поликофессиональность, полиэтничность, поликультурность, полирелигиозность, многоукладность. Безусловно, что современное французское общество отличается от немецкого, однако, не по сути. А вот индийское отличается от арабского, либо от китайского, по сути, хотя мы вправе говорить о неких, пока еще малопознанных, восточных структурах бытия. Именно Революция 1917 г дала этим обществам возможность ВПЕРВЫЕ участвовать в общемировых делах (декретом Ленина), и именно после нее Восток обрел Надежду (читай, социализм) на альтернативный вариант развития. То же движение неприсоединения говорит о возможности выбора, которого до Великой Революции у стран Востока просто не было.

Что же касается 1973 г., то есть начала западной неоконсервативной революции, то для стран Востока это однозначно не явилось сколько-нибудь значимым событием. А вот распад СССР, а с этим конец поддержки и, самое главное, какой-либо другой альтернативы, оказался для стран Востока самым, что ни на есть худшим вариантом.

---

[1] *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира. Критика запущенной социологии. М.: Мысль, 2005. Т. 4. Раздел 5. Социализм. С. 425.

Обострение арабо-израильского конфликта, исламизация, а с ней и примитизация «джихада», постоянные войны, перманентное и бестолковое вмешательство США в дела Ближнего Востока – все это ведет лишь к обострению мировой ситуации. Все средневосточные республики бывшего СССР, за исключением, пожалуй, Казахстана, переживают не лучшие времена.

Исчезновение соцсистемы обнажило глобальную суть «открытого общества», все более угрожающему всему человечеству Многочисленные «угрозы» и «вызовы» без конца нарастают, но «коммунизма», по признанию, пожалуй, самого главного апологета капитализма, Сороса, уже нет[1].

Исчезновение единственной дисциплинирующей мира позволило выползти не только ксенофобии в ее различных проявлениях, но и различным негативным тенденциям, которые можно охарактеризовать как деконструкцию. Этим термином мы обозначаем тот объективный саморазрушительный процесс, в который примерно в 1990 г вступил социализм и (пока менее заметно, но уже глобально) весь мир.

Студентам в конце семестра я задаю вопрос: «Какая веха, с вашей точки зрения, является началом новейшей истории?». Большинство отмечает Великую войну и лишь 2% говорят о Великой Революции. Между тем, в двадцатом веке не было более существенных дат, чем начало и конец единственного гуманного, пусть идеалистического, но, с нашей точки зрения, лучшего варианта развития общества, чем советское. В этом контексте события начала революции в России могут служить точкой отсчета истории новейшего времени.

---

[1] *Сорос. Дж.* Капиталистическая угроза // Экономическая газета. 1997. № 14. С. 14.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Куренышева Е.П.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Аннотация. статья посвящена анализу исследований Октябрьской революции, созданных в 2000–2010-е гг В новейшей историографии первостепенным стал вопрос о соотношении процесса российской модернизации и характера Октябрьской революции. В работах современных исследователей вырисовывается концепция, связывающая до- и послереволюционный периоды российской истории. Историки, освободившись от идеологических догм советского периода, раскрывают причины Октября, устанавливают роль политических и социальных факторов, по-новому интерпретируют значение и историческую миссию русской революции.

Ключевые слова: историография, Октябрьская революция, исследования, концепция модернизации, антимодернизационное явление

Kuryonisheva E.P.

THE OCTOBER REVOLUTION IN THE MODERN CONCEPT OF MODERNIZATION OF RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of researches of the October revolution created in 2000–2010th. In the newest historiography the question on a parity of process of the Russian modernization and character of October revolution became high-priority. In works of modern

researchers the concept connecting the pre-revolutionary and post-revolutionary periods of the Russian history appears. Historians, having released from ideological dogmas of a soviet-era, open the reasons for October, establish a role political and social factors, in a new fashion interpret value and historical mission of Russian revolution.

Keywords: historiography, the October revolution, the research, the concept of modernization, anti-modernization phenomenon.

В советской идеологии Октябрьская революция расценивалась как революция, открывшая новую эру человечества – эру перехода от капитализма к социализму. В русле формационной теории Октябрьская революция считалась проявлением всемирно-исторической закономерности смены общественно-экономических формаций. В советской историографии Октябрьская революция характеризовалась как событие, знаменовавшее разрыв между старой, царской и новой – советской, большевистской Россией.

В 90-е гг. начался новый этап в изучении истории Октябрьской революции. Идеологизированный облик Октября начал уходить в прошлое. Одновременно сократился объем исследований истории Октябрьской революции, причем не только в российской исторической науке, но также в европейской и американской историографии. Утрачен прежний интерес к конкретным событиям, к последовательности событий и фактов. Сформировался ракурс рассмотрения Октябрьской революции в контексте концепции модернизации. Преобладает стремление к рассмотрению дореволюционного и послереволюционного периодов как непрерывного процесса.

В современной историографии дооктябрьский период российской истории оценивается как успешный с точки зрения модернизационного развития.

Наиболее востребованным с точки зрения осмысления в современной историографии стал период второй половины XIX – первой четверти XX вв.[1] Это связано с тем, что в советское время при всех попытках объективного анализа истории дореволюционного периода над историками незримо довлела необходимость противопоставления советского периода истории царскому, имперскому периоду. Советский

[1] *Беспалов С.В.* Экономическая модернизация России в конце XIX – начале XX вв. Современная историография. Аналит. обзор / РАН ИНИОН. М., 2014. С. 4–6.

период должен был демонстрировать достижения советской власти, на фоне которых дореволюционный период представлялся периодом неудач и провалов. Уход советского периода истории в прошлое освободил историков от идеологической заданности, открыл дорогу свободе исследования. В итоге последние 10–15 лет стали периодом повышенного внимания исследователей к тому периоду истории, с которым, наконец, воссоединилась современная российская история.

Современные авторитетные исследователи считают теорию модернизации наиболее работоспособной в настоящее время «по сравнению с другими влиятельными макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций»[1].

Концепция модернизации подвергает сомнению следующие тезисы, составлявшие суть формационного подхода:

1) о наличии неразрешимого конфликта между растущими производительными силами и сложившейся системой социальных отношений и учреждений;
2) тезис о том, что социальную и политическую структуру российского общества можно было изменить только революционным путем;
3) тезис о том, что только революция могла ликвидировать самодержавный строй;
4) тезис об обнищании народа после реформ 60–70-х гг XIX в.;
5) идею классовой борьбы как основного типа социальных конфликтов в России;
6) идею широкого недовольства «снизу» и несостоятельности «верхов» до февраля 1917 г

Петербургский историк Б.Н. Миронов оперирует понятием «двухвековой гиперцикл модернизации в развитии страны», в который включает период «форсированной глобальной модернизации, продолжавшейся с реформ Петра I до октября 1917 г.», результатом чего стало органическое вхождение России в мировую политическую и экономическую систему[2].

[1] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX в. М.: Весь мир, 2012. С. 647; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М. РОССПЭН, 2006. С. 210–217.

[2] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX в. М.: Весь мир, 2012. С. 698.

Наиболее успешным в плане модернизации России Б.Н. Миронов считает период пореформенного развития и рубежа XIX–XX вв.

Концепция Б.Н. Миронова исходит из того, что имущественное неравенство населения «находилось на более низком сравнительно с западными странами уровне». «Предположение об огромном неравенстве доходов в позднеимперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически». Доходы населения росли благодаря неземледельческим занятиям и снижению налогов[1]. Социальная и политическая система общества успешно модернизировалась. Сословная система уходила в прошлое. Сословия уже со второй половины XIX в. постепенно теряли свои сословные отличия. Декрет об отмене сословий и гражданских чинов, принятый Советским правительством в 1917 г. лишь закрепил реальное положение вещей.

В России на рубеже XIX–XX вв. складывалась конституционная монархия. «Россия вошла в круг правовых государств: конституция и парламент, разделение властей и независимый суд стали неотъемлемыми институтами русской политической жизни, а правомерность исполнения – характерным качеством исполнительной власти»[2].

Выдающаяся роль в процессе модернизации принадлежала государству; модернизация была успешной благодаря структурным реформам сверху. Модернизация в России протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические территориальные сегменты общества. Наблюдались побочные разрушительные последствия в форме роста социальной напряженности, девиантности, насилия. Общество не справлялось с процессом перехода от традиции к модерну. Кризис российского социума был болезнью роста[3].

Марксистская историография искала причины Октябрьской революции в несоответствии производительных сил производственным отношениям, как того требовала формационная теория. Современные историки находят причины Октябрьской революции в Первой мировой войне, в неспособности власти выйти из кризиса, в слабости центристских политических сил, в радикальном характере российской

1 Там же. С. 608.

2 *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд. испр. и доп.. СПб: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 2. С. 159.

3 *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX в. М.: Весь мир, 2012. С. 635, 659, 660.

интеллигенции «Октябрьская революция – следствие борьбы за власть между разными группами элит»[1]; «вдохновителем и организатором революционных действий выступила либерально-радикальная интеллигенция…»[2] – такие выводы делает Б.Н. Миронов. С.П. Постников и М.А. Фельдман отмечают, что «Первая мировая война вела к сокращению удельного веса кадровых индустриальных рабочих, способных сдерживать радикализм маргинальных слоев пролетариата[3]. Октябрьская революция стала возможной как следствие «опоры большевиков на леворадикальные слои пролетариата с мощными антибуржуазными эгалитаристскими настроениями…; новая власть легитимизировала политические настроения отсталых, малограмотных пролетарских слоев в рабочем классе России»[4].

Среди исследователей нет единства по вопросу о смысле и значении Октябрьской революции. А.С. Ахиезер называет события 1917 г в России «антимодернизационным взрывом». Б.Н. Миронов считает Октябрьскую революцию «антимодернистской в некоторых отношениях». С одной стороны, «большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попранных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни»[5], с другой стороны, – результатом революции стала реализация «формулы советской модернизации», которая сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов»[6].

С точки зрения исторической перспективы Октябрь дал дорогу процессу, который длился не менее двух десятков лет Уральские исследователи считают, что «революция, возглавляемая большевиками», являлась противоречивым явлением, открывала путь стратегии, являвшейся «продолжением и ужесточением прежней имперской модели модернизации»[7], т.е. сочетала черты анти- и промодернизационного характера.

Осуществление исторической миссии Октября 1917 г. потребовало гражданской войны, смены старобольшевистской аристократии

1 Там же. С. 647.

2 Там же. С. 648.

3 *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 304.

4 Там же. С. 305.

5 *Миронов Б.Н.* Социальная история. Т. 2. С. 296–297.

6 Там же. С. 333.

7 Опыт российских модернизаций XVIII–XX в. М.: Наука, 2000. С. 71.

на новую преданную власти опору «служилых» людей – выходцев из рабоче-крестьянской среды. Большевики создали «закрытую и тщательно ранжированную касту… прямую наследницу служилого класса Московской Руси (кадровые партийные назначения + номенклатура + система попадания в партийные ряды)[1]. Сетями взаимной протекции вокруг могущественных патронов стали личные семейные круги – считает американский историк А. Гетти[2]. Российский историк С.А. Павлюченков отмечает, что «новая партийно-государственная бюрократия чувствовала себя полноправной воспреемницей старой верхушки общества и усваивала общие для высших слоев стандарты культуры и поведения»[3].

Потребовалась новая социальная опора политического строя. Такой опорой стали выходцы из крестьян – новые рабочие. Современные историки отмечают неизжитость сословного деления российского общества до и после Октябрьской революции. Сходство сословного деления дореволюционного социума и иерархии послереволюционного общества; сохранение слоевой социальной системы, основанной на властных отношениях отмечают С.А. Постников, М.А. Фельдман, Ш. Фицпатрик[4].

«Отрицательный ответ на вопрос о способности промышленных рабочих возглавить культурные преобразования в стране» дают С.А. Постников и М.А. Фельдман. Это связано с преобладанием «обширного массива малоквалифицированных, неграмотных, малограмотных пролетариев»[5]. В 20-е – начале 40-х гг. устойчивой ценностью в рабочей среде стало и оставалось школьное обучение в пределах 3–3,5 классов. Семилетнее и выше образование даже в конце 30-х гг имели всего 8,4% от всего числа рабочих – на порядок ниже, чем в Германии[6].

---

1 *Гетти А.* Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016. С. 23, 59, 102.

2 Там же. С. 176.

3 *Павлюченков С.А.* Орден меченосцев. Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 57.

4 *Постников С. А., Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 359; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2008.

5 *Постников С. А., Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 357.

6 Там же. С. 363.

Тему социальных корней «сталинского большевизма» раскрывает в недавно изданной, но уже широко известной книге А.В. Пыжиков[1]. В его исследовании Октябрьская революция показана как верхушечное явление, которое позволило выйти на историческую арену полуграмотным пролетариям, унаследовавшим от царского периода ненависть и к поповству, и к буржуазным ценностям. Заряженные идеей построения на Земле «царствия Божия» пролетарии с 1–3 классами образования стали опорой сталинского режима.

Таким образом, новейшие исследования показывают, что Октябрь 1917 г., являвшийся сам по себе антимодернизационным явлением в истории, привел к модернизации России. Чтобы реализовать потенциал Октября потребовалось сформировать определенную социальную базу нового сталинского большевистского курса. Это заняло не менее 20 лет Необходимо было проект мировой революции преобразовать в проект строительства социализма в одной стране. Такой социальной базой стали рабочие – выходцы из крестьян, малообразованные, одержимые неприятием официальной православной церкви и стремящиеся построить царство божие на земле. Воспитанные на традициях общинной (некрепостнической) экономики они сумели проявить свои качества, осуществить индустриализацию, отстоять независимость страны в годы Великой Отечественной войны.

Смирнова О.А.

ПРОБЛЕМА АНТИБУРЖУАЗНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ В РОССИИ И ЕЕ ПОСТАНОВКА Н.А. БЕРДЯЕВЫМ

Аннотация. В современной исторической науке достаточно широкое распространение получил тезис об антибуржуазности русской культурной традиции, ставшей ментальной основой революционных потрясений. Этот факт был очевиден многим современникам.

[1] *Пыжиков А.С.* Корни сталинского большевизма. М.: Аргументы недели, 2016.

К их числу принадлежит и русский религиозный философ Н.А. Бердяев. В своих работах он последовательно показывал, что революция 1917 г. фактически стала ответом антибуржуазного русского национального сознания на ценностную шкалу, предложенную капитализмом.

Ключевые слова: русская культурная традиция, национальное сознание, ментальность, антибуржуазность, Н.А. Бердяев, революция.

Smirnova O.A.

THE PROBLEM OF ANTI-BOURGEOIS NATIONAL CULTURE AS THE BASIS OF REVOLUTIONARY UPHEAVALS IN RUSSIA AND ITS FORMULATION N.A. BERDYAEV

Abstract. In modern historical science, the thesis of the anti-bourgeoisness of the Russian cultural tradition, which has become the mental basis of revolutionary upheavals, is widespread enough. This fact was evident to many contemporaries. Among them is the Russian religious philosopher N.A. Berdyaev. In his works he consistently showed that the revolution of 1917 actually became the answer of the anti-bourgeois Russian national consciousness to the value scale proposed by capitalism.

Keywords: Russian cultural tradition, national consciousness, mentality, anti-bourgeoisness, N.A. Berdyaev, revolution.

В современной исторической науке достаточно широкое распространение получил тезис об антибуржуазности русской культурной традиции, ставшей ментальной основой революционных потрясений 1917 г. Этот факт был очевиден многим современникам. К их числу принадлежит и русский религиозный философ Н.А. Бердяев (1874–1948), который, по словам В.В. Зеньковского, был переполнен «глубоким чувством своеобразия России»[1]. Более 40 лет он исследовал феноменологию русской революции, считая, что «каждый народ

[1] *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей / сост. П.В. Алексеева. М.: Республика, 1997. С. 133.

делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом»[1].

Поставив вопрос о взаимосвязи антибуржуазной настроенности русского сознания и революционного процесса, философ писал, что «душа России – не буржуазная душа»[2]. Определяя неприятие буржуазных ценностей как «традиционно русский мотив»[3], он осуществил развернутый анализ этого явления.

Согласно его наблюдениям, несмотря на то, что «русское царство» не отличалось гармонией внутренних отношений, и в нем на протяжении столетий пышно процветали гнет, несправедливость и противоречия, по своей морально-психологической природе оно никогда не было буржуазным. Бердяев подчеркивал: «Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам»[4].

Аргументируя выдвинутый тезис, он обращал внимание на особенности смысловой наполненности в русской культуре понятий «буржуа» и «буржуазный». Мыслитель подчеркивал, что в России они носили порицательный характер и были полностью лишены какого-либо идейного пафоса, в отличие от Запада, где звучали гордо и обозначали почтенное общественное положение[5]. В русской речи эти слова имели не столько социально-экономический, сколько духовно-онтологический смысл, обозначая особое состояние человеческого духа, исключительно ориентированного на земные дела, на материальное устроение при одновременном забвении задач духовного восхождения.

Бердяев отмечал, что для России буржуа – это «человек особого духа или особой бездушности», у которого «похоть жизни, похоть могущества, похоть наслаждения побеждает трагическое сознание вины

---

1 *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины: сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 55.

2 *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 249.

3 *Бердяев Н.*А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 271.

4 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 373; *Его же*. О росте буржуазности в России // Биржевые ведомости. 1916. № 15813. 20 сентября. С. 3.

5 *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1997. С. 170.

и несоответствия между временным и вечным»[1]. Он писал: «Богатый, который духовно порабощен своим богатством и порабощает других, плененный "миром" – буржуа и ему труднее войти в царство небесное, чем верблюду пройти через игольное ухо. Но и бедный, который завидует богатому и духовно порабощен жаждой стать на место богатого и получить себе его богатство, – такой же буржуа, и ему так же затруднено вхождение в царство небесное… Буржуазный дух овладевает всякой социальной группой или в форме довольства своим "положением" и охранения его во чтобы то ни стало, или в форме зависти к ближнему, похоти довольного положения и завоевания его во что бы то ни стало». Таким образом, резюмировал философ: «Буржуазность определяется не экономическим положением человека, но духовным отношением к этому положению», ведущему к «умалению духа», утрате способности радоваться и органически чувствовать жизнь, видеть человеческие лица, природу, небо, звезды[2].

Буржуазности как мироощущению Бердяев противопоставлял «чувство странничества». В нем он видел характерно русское явление – суть «формации русской души». Его стержневым мотивом он называл эсхатологическую устремленность, выражающуюся в духовной невозможности успокоиться ни на чем конечном и состоящую в ожидании распада вещного мира, сковывающего духовные силы человека и не позволяющего ему приобщиться к неисчерпаемому источнику истины, добра и справедливости[3].

За исходом видимого странник прозревает жизнь вечную, в которой нет противоречивых страстей, порождаемых давлением материальной необходимости, а существует лишь единое гармоничное начало внутреннего и внешнего бытия. «Странник, писал Бердяев, – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах»[4]. Он ходит по необъятной земле, нигде

1 *Бердяев Н.А.* О духовной буржуазности // Бердяев Н. А. Избранные труды / Ред.-сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М., 1999. С. 238–240, 246.

2 *Бердяев Н.А.* О духовной буржуазности. С. 244; *Его же*. Размышления о русской революции. М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991. С. 51.

3 *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1997. С. 171.

4 *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 236.

не оседает, ни к чему не прикрепляется, он «не имеет на земле своего пребывающего града, он устремлен к Граду Грядущему»[1]. Пред его «духовными очами» нет очерченного горизонта, он весь устремлен вдаль, в бесконечное искание правды, иной жизни, иного мира. Единственным прибежищем ему может служить лишь град Китеж, являющийся, как и странничество, духовным символом русской культуры[2].

Бердяев считал, что чувство странничества сложилось под воздействием двух основных факторов – особых природно-климатических условий и своеобразия православно-христианской веры. Если необъятность русских просторов, вялость, неторопливость сезонных ритмов явилась неблагоприятной средой для формирования в народном характере черт подтянутости, организованности, активности, то аскетически-монашеский идеал православия чрезвычайно усилил в нем жажду святости и искание абсолютной правды[3]. Объединение этих качеств обусловило, с одной стороны, неумение русских людей обустраивать, оформлять жизнь, а с другой, их духовное нежелание заниматься земными делами и стремиться к земным благам. Бердяев писал: «Россия не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности». Любое вещное, телесное благоустройство – «местное», «мещанское», «временное», «относительное», «промежуточное», «не совершенное», «не абсолютное» – вызывало чувство неприятия, воспринимаясь, как форма продления жизни «старой плоти мира» и препятствие на пути приобщения человека к абсолютному, к Царствию Божьему[4].

По мнению Бердяева, «чувство странничества», как метафизическое свойство, давало о себе знать и тогда, когда русский человек позволял себе «опускаться в низшие состояния», допуская бесчестность и грязь. Однако, отмечал он, это было лишь оборотной стороной невероятно высокого духовного идеала, к которому русский человек вечно стремился, но не всегда находил внутренние силы, чтобы ему соответствовать. Погружаясь в «тяжелый быт», либо становясь отчаянным мошенником и преступником, он никогда не почитал материальные богатства

1 *Бердяев Н.А.* Русская идея. С. 171.

2 Там же. С. 13.

3 *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 229; *Его же.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 396.

4 *Бердяев Н.А.* Судьба России. С. 237.

высшей ценностью, а буржуазный быт святыней. Согласно наблюдениям Бердяева, русская буржуазия всегда чувствовала себя нравственно униженной и идейно загнанной[1]. В отличие от европейского буржуа, который наживался и обогащался с сознанием своего совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели, русский буржуа в глубине души презирал буржуазные добродетели и всегда чувствовал себя немного грешником, замаливал свой грех и в светлые минуты мечтал о другой жизни, например, о странничестве или монашестве, и верил, что жизнь святого Серафима Саровского выше всех земных благ[2].

Вполне вписывающимся в парадигму странничества, по мнению философа, было и народное представление о собственности. Он подчеркивал, что западные понятия о собственности были чужды русскому народу, что русский человек, даже если грех корыстолюбия и стяжательства овладевал им, никогда не считал своей собственности священной, не имел идеологического оправдания своего обладания ею[3]. В ней виделась ему онтологическая неправда, как она виделась и в богатстве, превышающем предел разумной достаточности, и в эксплуатации человека-работника, воспринимаемого не личностью, а средством производства. Бердяев отмечал: «И русский помещик никогда не был до конца уверен, что он по правде владеет своей землей… И русский купец думал, что нажился он не чистыми способами и раньше или позже должен покаяться»[4]. Та же черта отличала и русское крестьянство, не принимавшего идеи частной собственности на землю. Философ отмечал: «Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божья, т.е. ничейная в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей

---

1 *Бердяев Н.А.* О росте буржуазности в России. С. 5; *Его же*. Размышления о русской революции. С. 51.

2 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 373; *Его же*. Размышления о русской революции. С. 50; *Его же*. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М.: Изд-во Г.А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. С. 290.

3 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 373; *Его же*. Размышления о русской революции. С. 50.

4 *Бердяев Н.А.* Размышления о русской революции. С. 50.

было всегда свойственно русскому народу», как и убеждение, что землей могут пользоваться все те, кто трудится и обрабатывает ее[1].

Бердяев подчеркивал, что вопрос о собственности в России по своему характеру был «гораздо более психологический и моральный... чем чисто экономический»[2]. Он рассматривался всякий раз с точки зрения социальной справедливости, проявлявшейся в страстном правдоискательстве, обличении неправды жизни и исканиях Царства Божьего не только на небе, но и на земле. В этой связи философ подчеркивал, что именно на почве сострадания к угнетенным и обездоленным, а также негодования по поводу жизненных несправедливостей многие русские становились атеистами. Они, писал философ, не принимали Творца, сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир и, протестуя, выражали стремление создать лучшее социальное устройство, где не будет несправедливостей[3].

Бердяев отмечал, что этой жаждой социальной справедливости была пронизана вся русская социально-философская мысль XIX в. Он подчеркивал, что все революционеры, начиная от Герцена и народников-социалистов и заканчивая такими зловещими личностями как Нечаев и Ткачев, были полны верой в особый путь России, в ее призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду и избежать ужасов капитализма. Этот, по словам философа, «характерно русский мотив» звучал и в творчестве русских почвенников и религиозных мыслителей. А. Хомяков, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Вл. Соловьев, Н. Федоров и многие другие «низвергали буржуазный строй и буржуазный дух не менее, чем русские революционеры, социалисты и коммунисты», проявляя духовное противление власти буржуазно-мещанской цивилизации[4].

Примечательно, что и сам Бердяев, анализируя антибуржуазность русского национального сознания, со всей очевидностью предстает как непосредственный его носитель. Выражая резко негативное отношение к ценностным установкам капиталистического общества, он подчеркивал, что буржуазная цивилизация, характеризующаяся

1 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 254, 364.

2 Там же. С. 364.

3 Там же. С. 278.

4 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 271, 319; *Его же.* Размышления о русской революции. С. 51.

экономизмом, техницизмом, индивидуализмом, бесчеловечностью, потребительской ориентированностью, бездуховностью и безбожием, глубоко противоположна всякой подлинной культуре[1]. Философ считал, что такая шкала ценностей неизбежно должна была вступить в конфликт с традиционными устоями русской культуры, указывавшим, что «в видимом царстве царит неправда», против которой на протяжении XIX в. роптали широкие круги российской общественности. Недовольство капиталистическим сущим в итоге подтолкнуло многих поддержать революционное движение, базирующееся на коммунистических лозунгах, т.к. их основу составляла беспощадная критика капитализма за его несправедливость, эксплуатацию, антигуманизм[2].

Бердяев утверждал, что Октябрьская революция и социалистическое строительство стали возможны исключительно благодаря антибуржуазной, неиндивидуалистической настроенности народного сознания. В пылу революционного экспроприаторства буржуазного мира отчетливо проявилось общественное убеждение, что богатство и собственность являются разновидностями кражи, т.е. неправдой, которую необходимо устранить. По его мнению, аксиологическую основу имела и сама классовая борьба. Будучи направленной против эксплуатации, как нравственно дурного отношения человека к человеку, она строилась на жестком противопоставлении «пролетариев» и «буржуа» по типу бинарных оппозиций: «добро» – «зло», «справедливость» – «несправедливость»[3]. Того же порядка было и чувство бескорыстной верности коммунистической идее, связанной с терпеливым несением страданий во имя общих интересов.

Однако, по мнению философа, достичь столь высокого уровня в стремлении к социальному служению было возможно лишь на базе религиозной энергии русских людей. Он был убежден, что политика советской власти, направленная на истребление религиозности в России, приведет к «обуржуазыванию» народа. В итоге, это сделает невозможным реализацию основной цели социалистического

[1] *Бердяев Н.А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи. Гл. I, III. [Электронный ресурс] URL: www.humanities.edu.ru/db/msg (дата обращения: 10.02.2017).

[2] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 408; *Его же*. Русская идея. С. 180; *Его же*. Новое средневековье // Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991. С. 17.

[3] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 271.

государства – построение коммунизма, т.к. «никто не пожелает нести жертвы, никто не будет... понимать жизни как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах»[1].

Думается, эта мысль Н.А. Бердяева чрезвычайно провидческая. Характер общественной трансформации, развернувшейся в постреволюционной России показывает, что «обуржуазывание» сознания населения в стране, строящей коммунизм, неуклонно набирало темпы. В итоге, на исходе XX в. это привело к восторженному признанию либеральных ценностей, лаконично выраженных манчестерским слоганом: «Все, что экономически неэффективно – безнравственно, что эффективно – нравственно»[2]. Так начался процесс разрушения традиционной мировоззренческой системы с базовым для нее принципом – «совесть выше выгоды», попытки попрания которого стали сто лет тому назад одним из важных побудительных мотивов для значительной части русского общества, столкнувшейся на рубеже XIX–XX в. с вызовами буржуазной цивилизации, включиться в революционную борьбу.

Николаева М.Е.,
Смирнова Т.С.,
Яримака С.К.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины революций 1917 г. Анализируется историческая память современных студентов и их отношение к событиям 1917 г. и Гражданской войне. Делается вывод о том, что, как и сто лет назад, так и в настоящее время отсутствует однозначное отношение к событиям столетней давности, в том числе и среди студенчества.

Ключевые слова: причины революций 1917 г., историческая память современных студентов, отношение студентов к событиям столетней давности.

1 Там же. С. 364.

2 *Кара-Мурза С.Г.* Обществоведение в России: куда толкает прошлое? // Философия хозяйства. 2000. № 6. С. 29.

Nikolaeva M.E.,
Smirnova T.S.,
Yarimaka S.K.

THE RUSSIAN REVOLUTION THROUGH THE EYES OF STUDENTS

Abstract. The article discusses the main causes of the 1917 revolutions. Analyzes the historical memory of today's students and their attitude to the events of 1917 and the Civil war. It is concluded that, as a hundred years ago, and currently there is no unequivocal attitude to the events of a century ago, including among students.

Keywords: causes of 1917 revolutions, the historical memory of today's students, the student's attitude to the events of a century ago.

Несмотря на прошедшее столетие, ни в научной среде, ни в российском обществе нет однозначной оценки событий 1917 г., Гражданской войны, их причин и последствий для развития нашей страны. «Революции 1917 г., Февральской, а потом Октябрьской, предшествовали события 1905–1907 гг., которые также принято называть революционными. Последние явились следствием тех противоречий, которые были свойственны российскому обществу того периода. Так, нерешенными, в частности, оставались крестьянский, рабочий вопросы. Поэтому причины для социального взрыва оставались»[1].

В настоящее время среди основных причин событий 1917 г. ученые называют системный политический и социально-экономический кризис в России, усугубленный Первой мировой войной; «истерию социально-духовной жизни»[2], выраженную в дискредитации власти, информационном вакууме и распространении «фантастических» слухов

---

1 *Сорокина Н.Д.* Настроения масс, представление о справедливости как фактор революций 1917 г и Гражданской войны // Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Нижний Новгород, 22–23 апреля 2017 г.). В 2 ч. Ч. 1/ Н. Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии, 2017. С. 208.

2 Лекция. Владислав Аксенов. Массовое сознание россиян и его изменения в августе 1914 – марте 1917. [Электронный ресурс] URL: https://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=2771 (дата обращения: 13.02.2017).

об императорской чете на всей территории России даже в образованной среде, неграмотности (в том числе и политической) большей части населения, всеобщем ожидании революции; бездействием верховной власти и др.

Также наряду с этими причинами называется и эффект «молодежного бугра», «способного вызвать революцию даже в относительно благополучной стране», вершина которого пришлась в России на 1901–1902 гг. – 30% молодежи от 15 до 24 лет к взрослому населению. Именно «студенческий возраст» объединяет всех революционеров на протяжении десятилетий до 1917 г., возраст, когда «малосознательные юноши поддавались внушению немногочисленных идеологов старшего возраста и становились пушечным мясом революции»[1].

Сам Ленин называл не рабочих, а студенчество «авангардом демократических сил», ведущих настоящую борьбу с Самодержавием. Студенты предоставили рабочим революционную трибуну, как выразился Ленин о центрах революции в зданиях университетов[2].

Это объясняется в значительной степени социальным положением студенчества. С одной стороны, студенчество, являясь, по словам А.Е. Иванова, «профессиональной интеллигенцией в перспективе»[3], принимало этические нормы, свойственные русской интеллигенции: сострадание, чувство ответственности за угнетенное положение народа, «жажда» спасения мира и т.п. Совершенно естественно, что лозунги Февральской революции стали чрезвычайно близки студенчеству С другой стороны, студенчеству свойственны такие черты, как идеализм, радикализм, экстремизм, социальная обособленность, корпоративность, оторванность от семейных статусных интересов, свобода поведения, склонность к массовым выступлениям и т.п.[4]

---

1 *Зверев С.В.* Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825–1917. [Электронный ресурс] URL: http://stzverev.ru/archives/608#more-608 (дата обращения: 11.04.2017).

2 Там же.

3 *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 6.

4 *Николаева М.Е., Сорокина Н.Д., Яримака С.К.* Интеллигнция и власть: историческое развитие // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире (Том 1): Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 16–19 июня 2016 г.). Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. С. 102–108.

О преобладании инициативы студентов как в революции 1905–1907 гг., так и февральской революции 1917 г. пишет С.В. Зверев в статье «Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825–1917»: «Проведение захвата власти руками студентов уничтожает фантазии о революции как о результате народного недовольства и последствии системного кризиса Империи». И далее: «Само по себе наличие множества студентов не является причиной революционной активности. Самое важное – кто и как направляет их в сторону революции». Цитирует слова Н.П. Боголепова (министра народного просвещения), написанные еще в декабре 1894 г. о том, что количество высланных студентов в процентах по факультетам совпадает «с тем, сколько профессоров-агитаторов существует по факультетам»[1]. В статье автор на основании множества фактов как из уже введенных в научный оборот источников, так и из газет того времени, биографий, дневников и воспоминаний современников революционных событий доказывает свою точку зрения. Например, приводит слова Столыпина, написанные в 1908 г., о том, что руководство партии кадетов использовало студентов для давления на правительство как средство усиления своего политического влияния, и целый ряд других свидетельств.

«В феврале-марте 1917 студенты стали “связующими звеньями” между рабочими и интеллигенцией. Такая связующая роль – есть ключевая и организующая»[2]. Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге следует считать одним из ключевых центров раскачки восстания в феврале 1917 г. Автор статьи приводит множество свидетельств о том, что при численном преобладании рабочих и солдат руководили ими именно студенты: студенты на митингах шли впереди беспорядочной массы солдат, рабочих; оружием распоряжались не рабочие, а студенты и курсистки; «студенты играли роль офицеров, управляющих толпами, которые без них только грабили склады»; студенты руководили арестами (в том числе А.Д. Протопопов – последний министр внутренних дел Российской империи – перед Таврическим дворцом сдался именно студенту). «Без направляющей руководящей силы рабочие и солдаты

[1] *Зверев С.В.* Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825–1917. [Электронный ресурс] URL: http://stzverev.ru/archives/608#more-608 (дата обращения: 11.04.2017).

[2] Там же.

идут на погромы, но никогда – на захват правительственных учреждений и создание собственной власти». «Любые политически мотивированные действия совершались через студентов, получавших указания свыше из центров управления революцией. Для солдат «студенты и курсистки держали речи, пели революционные песни», «варили обеды»[1].

28 февраля Временный Комитет Государственной Думы, едва образовавшись накануне ночью, призвал «студентов всех высших учебных заведений» заведений записываться для организации милиции[2].

Молодой историк А.Ю. Мартынова в статье «Российское студенчество и Февральская революция», опираясь на архивные материалы, материалы периодической печати и опубликованные воспоминания, подробно описывает участие студенчества в событиях 1917 г Это и почти ежедневные политические сходки и демонстрации в январе и феврале 1917 г.; это и самостоятельная работа социал-демократических организаций во всех университетских центрах, печать и распространение листовок и прокламаций; организация отрядов студенческой милиции и санитарных отрядов студентов-медиков; помощь в освобождении политических заключенных и организация питания солдат; погром полицейских участков; снабжение продовольствием ряда воинских частей; арест полицейских чинов и т.п. Университетские помещения были отданы на общественные нужды: в актовых залах проходили митинги; в университетах обосновались штабы народной милиции; в университетах раздавали оружие. Здания университетов наполнились людьми с улицы. Университетская жизнь фактически перестала существовать, студенты совершенно забыли о своих прямых обязанностях. Указ о возобновлении занятий с 13 марта 1917 г., изданный Министерством народного просвещения, не произвел никакого действия. Также Временное правительство провозгласило лозунг «В народ!», поставив задачу донести до сознания народа изменения, произошедшие в обществе. «Нет теперь личных дел, учебных занятий, экзаменов и т.д.! Все на заводы! Все в деревню! – писала большевистская студенческая газета «Борьба»[3].

1 Там же.

2 Там же.

3 *Мартынова А.Ю.* Российское студенчество и февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). [Электронный ресурс] URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml (дата обращения: 11.04.2017).

«С начала марта 1917 года студенты перестали учиться и студенчество как общественная прослойка начала постепенно разлагаться. В итоге к октябрю 1917 года эта активная прослойка уже не существовала. Она представляла собой развалившуюся социальную структуру с нарушенными общественными связями. А вместе с победой большевиков российское студенчество как хранитель революционных традиций общества навсегда ушло в прошлое»[1].

События столетней давности вызывают неоднозначное отношение у современных студентов. Авторами было проведено разведывательное исследование с целью составить определенное мнение об исторической памяти студентов, выяснить их оценку последствий событий 1917 г для развития нашей страны. В рамках данного исследования были опрошены студенты 1, 2, 4 курсов двух московских вузов (МАИ – Московского Авиационного института (национального исследовательского университета) и МИРЭА – Московского технологического университета), обучающиеся по следующим направлениям: «Менеджмент», «Управление персоналом», «Государственное муниципальное управление», «Металловедение и технологии материалов», «Инженерная физика». Всего в рамках проведения занятий по социологии было опрошено 112 человек.

На вопрос: «Чем для Вас является Октябрьская революция 1917 г.?» подавляющее большинство (76 человек) ответило «большевистским переворотом», меньшинство (34 человека) – «закономерным этапом смены общественно-экономического строя страны». На вопрос: «Если бы Вы жили в то время, Вы бы были на стороне: “белых”, “красных”, анархистов?» подавляющее большинство студентов ответило: «ни за тех, ни за других». Несколько голосов были отданы как за «красных», так и за «белых», за анархистов – 0.

В качестве основных причин революций 1917 г. (открытый вопрос) были названы следующие: «оттягивание социально-экономических реформ, противоречия двоевластия»; «величие Российской Империи»; «страшный кризис в стране»; «зависть врагов»; «страна на грани развала»; «Российская империя достигла величия, это вызвало возмущение у врагов нашего отечества»; «нерешенность аграрного вопроса

[1] *Мартынова А.Ю.* Российское студенчество и февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). [Электронный ресурс] URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml (дата обраащения: 11.04.2017).

и обнищание крестьян»; «операция немецких спецслужб»; «слабость правящей элиты»; «стремительное развитие страны»; «экономические трудности, тяжелые условия жизни рабочих, безграмотность народа, несправедливая национальная политика»; «коррупция на всех этажах власти, неспособность Николая II править Россией, что выражалось в неправильном выборе министров и военачальников»; «мировая война, негативные настроения в обществе»; «социальный упадок, «усталость от монархии», «морально устаревшая система власти»; «непонимание части народа ситуации в стране»; «неграмотность народа, церковные законы и т.д.»; «желание большевиков прийти к власти». Таким образом, студенты продемонстрировали широкий спектр мнений, носящих как объективный, так и субъективный характер.

Оценка последствий революций и Гражданской войны была выражена большинством студентов (89 человек) в таких фразах, как: «развитие страны было насильственно прервано» и «страна откатилась назад». Меньшинство (21 человек) студентов полагает, что «Россия превратилась в великую державу». Вместе с тем к восстановлению монархии почти все студенты относятся негативно, несколько человек затруднились ответить.

Представляет интерес отношение студентов к событиям 1917 г и Гражданской войне (открытый вопрос). Это отношение выражено в следующих оценках: «война – это ужасно; ни одна война не может себя оправдать»; «иногда войны необходимы»; «позор тем, кто пошел за красных»; «кровавый террор; много погибло умнейших и интеллигентных людей; к власти пришли не очень образованные люди»; «очень жаль царя»; «гражданская война самая страшная, брат идет на брата»; «итог мне кажется вполне положительным: в результате сменилась российская элита»; «эти события были неизбежны; я отношусь к ним нейтрально»; «несомненно, революция повлекла за собой большие потери, но нельзя отрицать, что это стало огромным рывком в сторону стремительного развития»; «положительно, в стране появилась новая власть»; «негативное, так как (власти) не справились»; «отрицательно; я считаю, если бы Романовых не свергли, Россия была бы сейчас на высочайшем уровне развития». Как видим из ответов, отношение студентов носит неоднозначный характер, они по-разному воспринимают те события. Поэтому не случайно большинство студентов не являются сторонниками как Февральской, так и Октябрьской революции.

На вопрос: «Какие уроки из тех событий мы можем извлечь?» (открытый вопрос), – были даны следующие ответы: «нужно прислушиваться к народу»; «государство всегда было замешано на коррупции, и люди не могли это терпеть»; «нужно суметь разрешить все мирным путем»; «революция не выход»; «переворот всегда несет отрицательный характер, приостанавливал развитие страны»; «обогащение меньшинства за счет большинства приводит к потрясениям в стране»; «оппозиция – это зло, верить ей нельзя»; «судя по ситуации в мире, никаких»; «иногда войны необходимы»; «лидер должен быть сильным, и никакого либерализма»; «либерализм приводит к кровавым последствиям»; «война проблем не решает».

Таким образом, подводя краткие итоги нашего исследования, можно сделать следующий вывод: современное студенчество не представляет собой единую, одинаково настроенную социальную группу. Осознанно или неосознанно студенты вбирают в себя все, что «витает в воздухе» российского общества и выражают полный спектр всевозможных мнений и позиций. Современные студенты пытаются анализировать причины событий столетней давности, соотносить прошлое с настоящим, но их настроения носят «мирный» или нейтральный характер в отличие от студенчества начала XX в. Данное пилотажное исследование большинством студентов было воспринято с интересом и может стать основанием для дальнейшего более широкого проекта. Вместе с тем, следует отметить, что примерно треть опрошенных не смогла выразить ни свое отношение к событиям 1917 г., ни сформулировать значение тех событий для современного российского общества.

Акимченков В.В.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (КОНЕЦ 20-Х – 30-Е ГГ. XX В.)

Аннотация. На фоне коренных преобразований советской музейной сети в 20–30-е гг. XX в. показано создание Севастопольского музея революции. Приведена структура, идейные основы и деятельность музея в обозначенный период времени. Особое внимание уделено исследовательским инициативам и пропагандисткой деятельности сотрудников данного музейного учреждения.

Ключевые слова: Севастопольский музей революции, Севастопольское музейное объединение, Центральный военно-морской музей.

Akimchenkov V.V.

THE REVOLUTION OF 1917 IN COMMEMORATIVE PRACTICES OF THE SEVASTOPOL MUSEUM ASSOCIATION (END OF 20 – 30th XX CENTURY)

Abstract. Against the background of radical restructurings of the Soviet museum network in the 20–30th years of the XX century, creation of the Sevastopol museum of revolution is shown. The structure, ideological bases and activity of the museum is given to a specified period of time. Special attention is paid to research initiatives and the propagandist of activity of staff of this museum institution.

Keywords: Sevastopol museum of revolution, Sevastopol museum association, Central Naval Museum.

В 30-е гг. XX в. в Советском Союзе коренным образом изменилось понимание функций музеев, которым после Первого Всероссийского музейного съезда вменялось в обязанности стать учреждениями массового политического просвещения. Предлагалось к началу 30-х гг XX в. унифицировать музейные экспозиции, представив их по схеме: первобытное коммунистическое, античное рабовладельческое и средневековое феодальное общество. Очевидно, эта схема была обусловлена задачами пропаганды классовой теории общества. Для контроля над реализацией поставленных задач было организовано шефство над музеями со стороны рабочей общественности путем создания постоянных рабочих бригад.

Со второй половины 20-х гг XX в. значительное внимание было уделено созданию в Севастополе Музея революции, поскольку в это время учреждения подобной направленности были «школами ленинских наставлений по теории и практике революционного марксизма»[1]. Официально Севастопольский музей революции был открыт 10 июня 1928 г. в помещении филиала Херсонесского музея по улице Ленина, 49,

[1] В музеях // Маяк Коммуны. 1925. 28 марта. С. 8.

а отдельные планшеты находились в трех залах Военно-исторического музея[1].

Однако, принимая во внимание тот факт, что музей должен был стать центом политического воспитания общественности, ему выделили отдельное помещение по улице Ленина, 11. Сразу перед музеем была поставлена задача привлечь специалистов к научно-музейной работе и сплотить вокруг музея бывших участников революционной борьбы в Севастополе с целью помощи в организации музейных экскурсий и сборе экспонатов. Для этого при музее был создан «Кружок друзей музея»[2]. В 1928 г. директор музея Л. Гусакова издала «Путеводитель по музею революции», в котором была отображена структура и перечень основных экспонатов музея[3]. Весной 1930 г. началось очередное расширение музея[4].

В начале 30-х гг. XX в. Музей революции лишился отдельного помещения, здание по ул. Ленина, 11 было передано в распоряжение Черноморского флота. Экспозицию учреждения было решено разместить в подвальном этаже Музея Крымской войны. 6 августа 1931 г. в музее была открыта выставка к десятой годовщине Севастопольского городского совета рабочих, краснофлотских и красноармейских депутатов. Однако материала для полноценного раскрытия поставленной темы не хватало, тогда руководство музея на страницах газеты обратилось к депутатам Севастопольского городского совета первого созыва (1920–1922), которые предоставили в фонды музея свои воспоминания, архивные материалы, фотографии, плакаты, приказы, газеты, протоколы, агитационную литературу и другую документацию[5].

С 1928 по 1931 гг. в музее существовало три зала: зал 1905 года, зал Февральской и Октябрьской революций и зал Гражданской войны 1919–1920 гг. В начале 30-х гг. XX в. возникла идея организации четвертого зала – социалистического строительства, которая должна была

---

1 Там же.

2 *Гусакова* [*Л.*] Ближе к музею революции // Маяк Коммуны. 1929. 15 января. С. 4.

3 Путеводитель по музею революции / Сост. Л. Гусакова; Севастопольское музейное объединение. Севастополь, 1928.

4 Музей революции расширяется // Маяк Коммуны. 1929. 15 ноября. С. 4.

5 Шлите воспоминания о героических днях // Маяк Коммуны. 1931. 4 июля. С. 4.

«превратиться в опорный пункт пропаганды необходимости дальнейшего усиления темпов социалистического строительства»[1]. На страницах газеты откровенно декларировалась идея о том, что материалы экспозиции «должны наглядно показывать правильность генеральной линии Ленинской партии»[2]. В основу данного отдела вошли материалы с выставки, посвященной десятой годовщине Севастопольского городского совета. Также вокруг работы по созданию отдела был создан «Кружок друзей советского музея» – популярная в то время форма объединения общественности вокруг важных проблем[3]. К 7 ноября 1931 г. новый отдел подготовил выставку в помещении Панорамы на Историческом бульваре. К этой же дате музей подготовил специальную стенгазету «Музейный зритель», а также стенд, посвященный истории Севастопольского музея революции[4].

В 1937 г. к двадцатой годовщине Октябрьской революции был открыт новый отдел – «Гражданская война в Севастополе (1917–1920 годы)»[5]. Несмотря на то, что в городе существовал Музей революции, все историко-революционные памятники Севастополя находились в ведении Комитета по охране памятников при Всесоюзном Центральном исполнительном комитете. В 1938 г. Президиум Горсовета утвердил их окончательный перечень и уполномочил Севастопольское музейное объединение к 1 мая 1938 г. завершить их паспортизацию и ремонт, на который было выделено 51 тыс. руб.[6]

В отчете инспектора Музейного отдела Наркомпроса РСФСР К.А. Врочинской за 1937 г. значительное внимание было уделено Севастопольскому музею революции. Инспектор обозначила, что музей «фактически является выставкой по 1905 г основное внимание уделяющей восстаниям на броненосцах «Потемкин» и «Очаков». Вводная часть дается только на общем материале, без привлечения местного. В показе использованы, но чрезвычайно неудачно, отдельные статьи

---

1 Там же.

2 Там же.

3 *Чиликин П.* Создать в музее революции отдел социалистического строительства // Маяк Коммуны. 1931. 20 сентября. С. 4.

4 [*Чиликин П.*] Музеи к Октябрю // Маяк Коммуны. 1931. 4 ноября. С. 4. Изд. под псевд.: П.Ч.

5 В севастопольских музеях // Маяк Коммуны. 1937. 3 февраля. С. 4.

6 Исторические и революционные памятники // Маяк Коммуны. 1938. 27 февраля. С. 4.

Сталинской конституции»[1]. Однако научный совет Музейного объединения в 1937 г. приступил к разработке тематического плана, а сотрудники Музея революции – к сбору необходимого материала для расширения тематики учреждения. Одним из основных недостатков музея, по словам К.А. Врочинской, являлось «обилие цитат, этикетажа, которым зачастую восполняется пробел, получающийся из-за отсутствия самого материала, благодаря чему получается рассказ экскурсовода с иллюстрацией. Отдельному посетителю материал мало будет понятен <…> Антирелигиозный момент в экспозиции отсутствует <…> В экспозиционном показе еще много небрежности, неряшливости: иногда безымянные портреты, групповые фото <…>»[2]. После инспекции, по решению директора СМО, комната «1905–1908 гг.» была закрыта, внимание обратили и на разработку нового тематического плана музея.

К 1939 г Севастопольский музей революции оставался без собственного помещения, и, как следствие, разработку экспозиционного плана пришлось приостановить на неопределенные сроки. Учреждение начало испытывать трудности в работе. К примеру, основной научный сотрудник Шелухин в 1939 г. работал всего лишь 4,5 месяца, а с сентября 1939 г ушел с занимаемой должности. Директор музея Г.К. Даниловский в течение года фактически работал в музее 7 месяцев. Несмотря на это, в течение года удалось закончить организацию выставки, посвященной революционным событиям 1905 г., перестроить вводную часть и дополнить все экспозиции музея новыми экспонатами в свете «Краткого курса истории ВКП(б)». Из различных центральных архивов, музеев и Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина было получено 417 документов.

За год удалось разработать экспозиции трех передвижных выставок: по материалам XVIII съезда ВКП(б) (10 комплектов по 96 экспонатов), на тему «Сталинская конституция и задачи выборов в советы депутатов трудящихся» (183 экспоната), выставка ко Дню Военно-Морского флота СССР (12 экспонатов по 50 экземпляров). Помимо этого было собрано 16 витрин на 457 экспонатов, посвященных В.И. Ленину, итогам всесоюзной переписи, XXI годовщине РККА, итогам XVIII съезда ВКП(б), 20-летию изгнания из Крыма «англо-французских интервентов»,

[1] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 16. Д. 129. Л. 7.

[2] Там же. Л. 7.

восстанию на броненосце «Потемкин», Дню Военно-морского флота, итогам выборов в местные Советы, 60-летию со дня рождения И.В. Сталина, а также композиция «Партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской Социалистической революции». Кроме того, научный сотрудник Шелухин разработал ряд лекций, которые были утверждены ученым советом: «Восстание на броненосце "Потемкин"», «Ноябрьское восстание Черноморского флота», «Победа социалистической революции в Крыму», «Конспект экскурсии по выставке "Революция 1905 г. в Севастополе"». Однако в связи с его уходом в сентябре 1939 г. пришлось снять ряд таких авторских лекций, как «Лейтенант Шмидт», «Рабочее движение в Севастополе» и не удалось завершить подготовку лекции «Победа социалистической революции в Севастополе». В этот период времени был издан ряд статей и заметок на страницах газет «Маяк Коммуны», «Советская Украина», «Красный Крым», «Красный Комсомолец» и «Красный Черноморец». Таким образом, научно-исследовательская работа Музея революции в значительной мере была подчинена обслуживанию политических вопросов.

В 1939 г. существенно упала посещаемость музея, однако, аудитория слушателей возросла с 1700 человек в 1938 г. до 8124 человек в 1939 г Большое количество фотографий по истории Гражданской войны, копий документов и газет периода 1900–1921 гг были переданы Музею революции Музеем и архивом РККА, Одесским областным архивом, Архивом Октябрьской революции, Архивом Революции СССР, Всесоюзной библиотекой имени В.И. Ленина. В связи с большим количеством запросов от различных организаций, главным образом НКВД, сотрудники Музея революции преступили к разработке картотеки, которая к 1939 г. охватила свыше 3 тыс. человек, проходивших по документам из музейного собрания[1].

14 марта 1940 г. Музей революции окончательно был выделен из Севастопольского музейного объединения в самостоятельное учреждение[2]. В октябре 1940 г музей провел очередную выставку «Черноморский флот в боях за социалистическое отечество», а также в связи с двадцатилетием Крымской республики научные сотрудники подготовили цикл лекций на эту тему[3]. Во время заседания исполкома

[1] ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 7. Д. 15. Л. 47–48.

[2] Коротко // Маяк Коммуны. 1940. 14 марта. С. 2.

[3] В музее революции // Маяк Коммуны. 1940. 5 октября. С. 3.

Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся 11 февраля 1940 г. вновь был поднят вопрос о предоставлении музею отдельного помещения. В итоге данная попытка также оказалась неудачной, Музей революции было решено оставить в подвальном помещении Музея Крымской войны, выделив для проведения научно-исследовательских работ бывший кабинет директора Музейного объединения[1]. Однако к концу 1940 г. Севастопольский музей революции был передан Центральному военно-морскому музею (г Ленинград) и прекратил свое существование.

Таким образом, идея создания совершенно нового музейного учреждения в Севастополе – Музея революции – на рубеже 20–30-х годов XX в. была призвана подчеркнуть специфику учреждения, дать более широкий контекст его работе: в экспозицию должны были войти материалы по истории Первой русской революции 1905–1907 гг., Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны, иностранной интервенции и событий революционного лихолетья. Однако ни эти формы работы, ни варианты продолжения функционирования музея не имели продуктивного развития. В 30-е гг. XX в. музей существовал в рамках Севастопольского музейного объединения как выставочное и экспозиционное учреждение. Данные обстоятельства не способствовали качественному развитию его работы, став, по сути, причинами сворачивания любых исследовательских инициатив и дальнейшего расширения экспозиции.

Список сокращений

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия
СМО – Севастопольское музейное объединение

Куренышев А.А.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ И.Ф. НАЖИВИНА

Аннотация. В статье идет речь о творчестве писателя Наживина, отразившего в своих произведения многие особенности революционных событий в России. Он отмечал неготовность малограмотного,

[1] ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 10. Д. 131. Л. 32.

некультурного народа к восприятию новых буржуазно-демократических порядков, навязывавшихся русскому крестьянству оторванной от народа элитой, неспособность российской интеллигенции адекватно оценивать ситуацию, что, по мнению Наживина, привело страну к власти большевиков и к кровавой Гражданской войне.

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, революция, власть, народ, крестьянство, зеркало русской революции.

Kornyshev A.A.

THE RUSSIAN REVOLUTION THROUGH THE EYES OF THE WRITER I.F. NAGIBINA

Abstract. The article deals with the work of the writer Nazhivin, who reflected in his works many features of the revolutionary events in Russia. He noted the unpreparedness of a semi-literate, uncultured people to accept the new bourgeois-democratic order imposed on the Russian peasantry by the elite cut off from the people, the inability of the Russian intelligentsia to adequately assess the situation, which, according to Najivin, led the country to power of the Bolsheviks and to a bloody civil war

Keywords: I.F. Najivin, arevolution, power, people, peasantry, mirror of the Russian revolution.

Наживин Иван Федорович (1874–1940), по нашему мнению, первый писатель-«деревенщик» и «зеркало» Второй русской революции 1917–1921 гг Ленин в свое время употребил в отношении Льва Толстого определение «зеркало русской революции», имея в виду революцию 1905–1907 гг. В отношении писателя Наживина, толстовца, кстати говоря, можно использовать тот же термин, но уже в отношении революции 1917 г или шире, включая Гражданскую войну 1917–1920 гг. Ленин полагал, что граф Толстой отражал крестьянскую позицию и психологию, но гораздо сильнее эти аспекты были выражены в творчестве Наживина. Мнение о Наживине как о выразителе «темных инстинктов» деревни, отразившим кулацко-мужицкую природу, сложилось еще в годы, предшествовавшие драматическим событиям Великой русской революции. Согласно мнению официального

советского литературоведения, отраженного «Литературной энциклопедией»: «Он – сын кулака, уже с самого начала литературной деятельности (ок. 1890 г.) числился наиболее реакционным сторонником толстовства...»[1]. «Сопоставление имени великого художника с революцией, которую он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным», – отмечал Ленин[2]. «Не называть же зеркалом того, кто, очевидно, не отражает явление правильно?» – писал он далее. «Но наша революция – явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»[3].

Вот что отражалось в зеркале Толстого, по мысли Ленина. «Толстовские идеи, это – зеркало слабости и недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка»[4].

Интересы и мнения такого же мужичка выражал в 1917–1920-х гг. Наживин. Более того, в творчестве Наживина отразился, если можно так выразиться, эдакий вселенский мужик, вселенский, но все-таки исконно русский. Революция оценивается в произведениях Ивана Федоровича глазами крестьян, крестьян основательных, обстоятельных, косо смотревших на приход к власти разного рода голытьбы, смутьянов, хулиганов и прочей сомнительной публики, включая и таких столпов новой власти, как Александр Федорович Керенский. В романе «Распутин» Наживин рисует сцену явления во сне Керенскому этого «черного человека» российской действительности последних предреволюционных лет. Во сне Керенского Распутин выступает в роли больной совести премьера. Одновременно он высказывает сомнения в правомерности, логичности и полезности для страны всего, что делают новые революционные власти.

«– Рази забыл ты, каким соловьем ты в Думе, бывало, заливался? А скольких людей по темницам ты теперь запер да держишь? Вон

1 Цит. по: *Куденис К.* Иван Наживин в Бельгии // Культурное наследие Российской эмиграции 1917–1940. Книга вторая. М.: Наследие, 1994. С. 265.

2 *Ленин В.И.* Полн. Собр. соч. Т. 17. С. 206.

3 Там же.

4 *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 212.

сенатор твой хошь две слезинки над ними пролил, а ты? Потому-то и говорю я, что не убили меня, не сожгли меня и ничего, ничего не кончено, а может быть, самое главное только еще начинается... Много у меня наследничков, ох, много! И зря вы замучили меня ни за што...

– Никогда я тебя не мучил!

– Не токма что мучили, а и жизни решили... – сказал печально Григорий. – За что?».

И далее явившийся Керенскому во сне Распутин, заявляет: «И одно мне больше всего чудно: не вы ли на всех перекрестках орали, чтобы приходил мужик Расеей управлять, а стоило только мне нос показать, как вы же кричать стали: "А-а, сиволдай! Куда лезет! Нешто это мысленное дело, чтобы безграмотного дурака к такому важнеющему делу подпущать?"[1]. Народ... Дак я и есть народ... Какого же вам еще народа надобно? Али вы ждали, что к вам оттедова все одни преподобные придут? Преподобных, братец ты мой, там весьма даже малое количество, весьма малое, а остальные все с червоточинкой... Да опять же, ежели и коло преподобных полутче пошарить, то тоже, может, такого откопаешь, что и не возрадуешься... Все-то мы, друг ты мой ситнай, пьяницы, все деньгу любим, а пуще всего все, как и ты вот, себя уважают... Все люди, все человеки: ты – это я, я – это ты...»[2].

Наживин в своем творчеством заставлял-таки обратить внимание на крестьянство, его роль и значение, его суждения и мнения. Это весьма важно и необходимо, поскольку, как считают некоторые историки и публицисты: «В отечественном обществознании все еще преобладает интеллигентский взгляд на события российской истории, а порой и прямо противоположный крестьянскому – дворянско-помещичий. Е.А. Прудникова пишет в своем исследовании: «Российская элита не воспринимала крестьянство как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений. <…> Известный русский философ Николай Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал: «Просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная

[1] *Наживин И.Ф.* Распутинъ. Роман в 3-х тт. Лейпцигъ: Книгоиздательство д-ра Фритцъ Фрикенчера, 1923. Т. 3. С. 63–64.

[2] Там же. С. 64.

незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт». В общем-то – да, сие есть факт, – добавляет от себя Прудникова: баре физически и душевно отличаются от мужиков». Действительно, в течение долгих лет вторичность мужика была общепринятым социологическим фактом. «Чумазый не может играть на пианино», – говорил один из персонажей фильма Н.С. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино»[1]. К сожалению, такая историографическая парадигма преодолевается с большим трудом. «Как, почему вышло, что нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян?» – задает вопрос Прудникова. «С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей, да царей? Хотели написать другую, да не получилось», – пишет она далее. «Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны к властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели»[2].

«Я пошел домой, полный самой тяжелой тревоги: с первых же минут понял я, что будет значить республика в наших русских условиях при семидесяти пяти процентах безграмотных, при повальной продажности нашей, при озлоблении народа, при остервенелой, лишенной всякой сдержанности борьбе наших малокультурных политических партий. А между тем ближайшие же дни подтвердили страшное сообщение моего спекулянта»[3]… «Наша деревня первые дни как-то затаилась, сдерживалась, точно еще не веря случившемуся, остерегаясь, чья

[1] Цит. по: *Куренышев А.А., Хомякова Т.В.* Русский крестьянин на войне и о войне. Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П. Е. Ермакова о событиях первой мировой войны и революции 1917–1918 гг // Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19–20 мая 2016 г. [Электронное издание] / Под ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. М.: МПГУ, 2016. С. 337–338.

[2] Цит. по: *Куренышев А.А., Хомякова Т.В.* Указ. соч. С. 338.

[3] *Наживин И.Ф.* Записки о революции 1917–1921. М.: Кучково Поле, 2016. С. 41–42.

еще там возьмет, а потом начались митинги, и все зашумело недобрым шумом. Раз как-то, в начале первой нашей революции, я беседовал о ней со Львом Николаевичем Толстым. Мне, тогда еще очень "революционно настроенному", было тяжело его резко отрицательное отношение к революционерам, которое он с такой прямотой и таким мужеством выражал тогда в своих писаниях. – И вы особенно удивляете меня… – сказал старик, останавливаясь среди снежных полей. – Ведь вы знаете народ не из окна какой-нибудь петербургской редакции… Ну скажите по совести: кто первый пристал в деревне к революции?.. Я – увы!.. – знал, кто пристал к ней»[1].

Мужичок быстро смекнул, что красная шпана при поддержке центральной большевистской власти приберет к рукам не только имущество капиталистов и помещиков, но и его «крепкое», разъевшееся в годы военного лихолетья, хозяйство. Помещик, царь, попы – плохо, но и матрос с батраком не лучше. Вот и метался крестьянин от белых к красным и обратно через «зеленых». И вместе с ним метался Наживин. Он уже в 1926 г подал прошение о возвращении ему советского гражданства, а в 1930-е писал самому Сталину просьбы об амнистии. «Он сообщал в газету "Правда" о появившемся в бельгийской прессе призыве атамана Семенова атаковать Советский Союз и предупреждал: "Оглашайте эти факты. Готовьтесь, не спите"». Сам Семенов был оголтело враждебен «Интернационалу», оккупировавшему, по его мнению, Россию. И после ликвидации Коминтерна в 1943 г. был сильно обескуражен и готов был даже к сотрудничеству с Советами, поскольку исчез объект его многолетней борьбы, уничтоженный самими большевиками.

Наживин был готов вычеркнуть из своих произведений все антисоветские высказывания и предложил Академии наук издать 40-томное собрание своих сочинений[2]. А.И. Солженицын много в свое время разглагольствовал в своем антишолоховском опусе о том, что настоящий писатель-автор на переработку своего творения по требованию властей никогда не пойдет.. Тут мы видим, что не только Шолохов и Фадеев корежили свои романы, но и «свободный художник», живший в свободной стране готов был заняться тем же самым...

«Крестьянин-писатель И.Ф. Наживин отверг старую Русь, но новой России не принял». Эмигрантские политические и литературные

---

1 Там же. С. 42.

2 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 12.

«чистоплюи» отвергали наживинские оценки революции. «Автор записок, "не понимая революции, так и говорит..., а раз не понимает, то все это чепуха, мерзость"; книга Н. – "незаменимое руководство к тому, чтобы поближе узнать автора, приглядеться к нему – бунтующему обывателю революции"», – писал меньшевик Ст Иванович[1]. Как «вопль обывателя, маленького, задавленного грандиозностью событий человека» оценивалась книга Н. и в журнале "Сполохи"»[2].

Н.Л. Мещеряков, известный советский публицист, писал о Наживине и его книге о революции: «Картину, если не полного распада толстовства, то перерождения консервативной его части дает вышедшая недавно в Вене книжка Ив. Наживина – "Записки о революции". Сам по себе Ив. Наживин – фигура малоинтересная. Это – серый, заурядный человек и писатель. Но, именно как заурядный человек из массы нашего народничества, Наживин представляет интересную фигуру Перелом в его настроениях и идеологии типичен для рядовой, заурядной массы интеллигентов и обывателей. С этой стороны и интересна его книжка. С другой стороны, Ив. Наживин откровенно выбалтывает многое такое, о чем человек более умный и менее озлобленный счел бы лучшим временно промолчать. Ввиду этого я и займусь несколько подробней книгой Ив. Наживина. Как кулак, с одной стороны, и как интеллигент-кадет, с другой, Ив. Наживин с самого начала февральской революции почуял, что революция несет ему большие неприятности. Когда в конце февраля 1917 г. по телефону один знакомый сообщил ему о начавшейся революции, о падении самодержавия, о том, что, вместо монархии, будет "как-будто" республика, Ив. Наживин "пошел домой, полный самой тяжелой тревоги". Эта "тревога" скоро перешла в открытую вражду к революции не только к пролетарской, но и ко всякой революции. Это был определенный отказ от прошлого. До революции Наживин был или считал себя народником. А теперь он смотрит на народ, как на «толпу, которая с полной развязностью лезет туда, куда вход ей был жизнью запрещен. Наживин тосковал о городовом. Так же тосковал он и по жандармам. "В Ростове, – пишет он, – каюсь, не без удовольствия я увидел первых жандармов, вежливых и исполнительных как в старину"»[3].

---

1 *Шелохаев В.В.* Энциклопедия Русской эмиграции. М.: РОСПЭН, 1997. С. 280.

2 Там же.

3 *Мещеряков Н.Л.* Распад // Красная новь. 1922. № 1. С. 230–237.

Наживин тоскует и по казненной бывшей царице. «За что освистывали всякие негодяи эту больную и страдающую женщину, – пишет он. – За что кидали в нее грязью люди с репутацией явно позорной», и т д. и т п.

Наживину хотелось бы вернуть и городового, и жандармов, и царя, и старых чиновников. А потому на выборах он голосует... за меньшевиков. И в то же время он чуть не объясняется в любви Н.Н. Львову, председателю союза земельных собственников, и передает ему для издания свою брошюру. «Наша беседа с Н.Н. Львовым, – пишет он, – то – и дело прерывалась тем, что мы вставали, долго с улыбкой трясли друг другу руки и потом опять садились и снова продолжали беседу»[1].

Классовый инстинкт собственника помогает Наживину быстро и верно разглядеть классовую сущность партий: работая с крупными помещиками (союза земельных собственников), он голосует за меньшевиков. Когда ему предлагают стать кандидатом в учредилку от эсэров (народных социалистов), он отвечает: «Будем откровенны: мне думается, что вы называете себя народными социалистами только потому, что у вас нет мужества откровенно назваться кадетами». И тут же прибавляет: «Я ваше предложение пообдумаю»[2].

Относительно аграрного вопроса Наживин думал, что помещичьи земли надо было передать крестьянам, но, конечно, обязательно за выкуп, «ибо за время войны они припрятали в землю миллиарды, и нельзя было не извлечь этих денег из их мошны».

Естественно, что Н.Н. Львов так горячо жал руку Наживину. Его книжка была издана союзом земельных собственников в 100 тысячах экземпляров.

Наживин был толстовцем, и отвергал поэтому всю обрядность православия. Но, чтобы спастись от революции, он готов отречься от всего, готов принять снова и проповедовать православие со всей его обрядностью. «Без Бога жить трудно».

Человек, дошедший до такого градуса черносотенства, не мог, конечно, ужиться в советской России. Он бежал к Деникину. Работал у Деникина. Но, по его собственным признаниям, из этой работы ничего не выходило.

---

1 *Мещеряков Н.Л.* Указ. соч.

2 Там же. С. 234.

«Не более толку получалось и из моих выступлений среди народа, – пишет он.

– Особенно запомнилась мне почему-то моя речь к гарнизону Геленджика после парада во время какого-то добровольческого праздника. Я говорил солдатам о нашей России, о долге нашем перед ней, перед нашими детьми, о законности, о порядке, говорил понятно, говорил с огоньком, говорил и смотрел на ряды этих тупых, совершенно равнодушных лиц. Публика аплодировала, а они, серые, тупо смотрели перед собой, ко всему равнодушные»[1].

Наживин ненавидит революцию смертельной ненавистью и с восторгом приветствовал тех, кто вступил в борьбу с нею.

«Вот на глазах у всех развратничает и пьянствует генерал Добровольский, назначенный к ним главноначальствующим по борьбе с "зелеными"... А посмотрите на переполненные кафе на бойких улицах городов. Прекрасные дамы в сногсшибательных туалетах – ничем не проймешь этих бесстыжих – и полковники генерального штаба, и черномазые восточные человеки, и шустрые евреи, и совсем зеленые молодые люди, несомненно, призывного возраста, – и чиновники, и бывшие помещики спекулируют на дамских чулках, на валюте, на спичках, на пуговицах, на хинине, на всем, что угодно, жадно, лихорадочно, отвратительно... И тут же за столиками сидят больные и раненые офицеры, изможденные, часто грязные, оборванные, часто в не раз простреленных шинелях, часто с пятнами[2] высохшей крови на них, и пьют холодный поддельный чай с противным привкусом сахарина. Так как ни квартир, ни комнат нет, то ютятся они на подоконниках у знакомых, в передних, во вшивых тифозных общежитиях»[3].

«Страшный, невероятный, моральный развал царил в это время не только в администрации, но и среди интеллигенции... Сколько молодых, сильных людей слоняется по тылам. Сколько людей порядочных, культурных, погрязло в самой бесстыжей, наглой спекуляции. И видя это, снова глухо ворчит народ»[4].

Хулиганство этого сброда доходило до того, что даже такой крайний монархист и черносотенец, как Наживин, признается: «При взгляде

1 *Мещеряков Н.Л.* Указ. соч. С. 233.
2 Там же. С. 235.
3 *Наживин И.Ф.* Записки. С. 286–287.
4 Там же. С. 353.

на эти сонмища негодяев, на этих разодетых барынь в бриллиантах, на этих вылощенных тыловых молодчиков, я думал, я чувствовал только одно, я молился: Господи, пошли сюда большевиков хоть на неделю, чтобы, хотя среди ужасов чрезвычайки эти животные поняли, наконец, что они делали, что они сделали с людьми. И я верю, что чаша гнева не минует их, – без этой веры невозможно жить»[1].

Поведение Милюкова Наживин называет «растерянностью, политической неопрятностью, шарлатанством, жалким карьеризмом». Бурцев произвел на него впечатление «человека тупого».

Насмотревшись на эти картины белогвардейщины и на ее вождей, Наживин начинает терять веру и надежду на победу контрреволюции. Мы видели, как он хотел восстановить патриархальное православие со всей его обрядностью, со всеми его нелепостями, с его обеднями и вечернями, в которых ничего нельзя понять. Но он видит и признает, что это воскресенье православия «может совершиться только чудом». В нем «тяжело поднимались иногда ядовитые сомнения: а, может быть, тщетны эти попытки оживить и удержать умирающее православие? Ведь стоят же на наших глазах опустевшие египетские или греческие храмы... И как за смертью тех богов не последовало решительно ничего страшного, так не будет ничего страшного и за смертью наших богов».

Наживину приходит в голову мысль, что, пожалуй, гибнет вся старая русская дворянско-буржуазная культура и не только русская, а и европейская. «А что если мы и в самом деле умираем, – пишет он, – сходим в Вечность, и через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?.. Может быть, умирает даже вся Европа. Ведь недаром же, в самом деле, все чаще и чаще слышатся там голоса о возможной гибели всей нашей цивилизации со всеми ее богами, упованиями, храмами, библиотеками, форумами и проч.».

Вот мысли, вот настроение, с которым Наживин бежал из России после поражения Деникина. «Первый этап был кончен, – мы были на пороге Европы, Европы новой, взбаламученной, незнакомой... Что-то ждет нас в ней?»... Этими словами Наживин оканчивает свою книгу[2].

---

1 *Мещеряков Н.Л.* Указ. соч. С. 234.

2 Там же. С. 236.

Как кулак-собственник Наживин глубоко ненавидит пролетарскую революцию. Он энергично боролся с ней. Но эта ненависть и борьба не прошли для него даром. Он заплатил за них жестокой, дорогой ценой. Он превратился в монархиста-черносотенника, поклонника городовых и жандармов. Он ставит под знаком вопроса всю русскую литературу, он впадает в нелепейшую форму мистицизма, он становится поклонником обрядности православия и в то же время теряет веру в возможность торжества этого православия, он теряет веру в прочность всей буржуазной культуры. Судьба Наживина типична. Это судьба многих русских интеллигентов, разорвавших с революционным народом и крепко привязавших свою утлую ладью к корме гибнущего буржуазного корабля.

Очень многие бывшие русские демократы произвели переоценку всего своего прежнего миросозерцания и мечтают теперь не о свободе, а о возвращении к временам самой темной реакции. Вот, например, о каких порядках мечтал Ольденбург на так называемом «национальном съезде», который состоялся весной 1921 г. в Париже: «Русское общество, – говорил он в своем докладе, – не должно рассчитывать на свободу, когда Россия восстановится. Еще, может быть, будет дана та доза свободы, которая была при Александре III, но речи не может быть о свободе, которой оно пользовалось в довоенное время»[1].

Но и самодержавие Александра III не удовлетворяет русских белогвардейцев. Чем яснее обнаруживается их поражение, чем безнадежнее их положение, тем реакционнее становятся их мечтания. От Александра III они переходят к Павлу I.

История жизни и деятельности И.Ф. Наживина, его описание и осмысление революции и последующих событий демонстрирует какую-то патологическую неспособность нашей страны, нашего народа к демократии, самоуправлению, свободе и болезненную приверженность к авторитарным, диктаторским формам правления, к патернализму, вранью о себе и своем прошлом, а попытки сказать правду встречают бешеную ненависть и преследование тех, кто эту правду пытается нести людям...

Наживину хотелось «дать голос… настоящей, русской, кондовой и нисколько не черносотенной, но просто отрезвевшей и практичной России» Он обращался за поддержкой к К. Крамаржу, имевшему репутацию русофила и панслависта, писал и другим видным деятелям.

[1] *Мещеряков Н.Л.* Указ. соч. С. 234.

В том числе Наживин обращался за помощью к герцогу Г.Н. Лейхтенбергскому, и на этот раз мечты претворились в жизнь: новое издательство получило название «Детинец». В первую очередь Наживин-издатель озаботился привлечением к работе известных писателей и формированием идеологической направленности. Так, например, он активно призывал И.А. Бунина к совместному сотрудничеству Изначально издательство планировалось как монархическое: недавний толстовец, Наживин поддерживал хорошие отношения со сторонниками Белого движения, например, с П.Н. Красновым. В начале 1920-х гг он писал резко антикоммунистические повести с автобиографической основой. В этот период Наживин подвергся нападкам со стороны левой части политической эмиграции в значительной степени из-за резких высказываний по еврейскому вопросу.

СОБЫТИЯ 1917 ГОДА: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Занданова Л.В.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ РОССИЙССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» НАПРАВЛЕНИЯ 44.04.01 «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Аннотация. В статье представлен опыт преподавания истории Великой российской революции 1917 г в процессе изучения дисциплин программы магистратуры по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование», направленность «Историческое образование». Выпускники данной программы готовятся к педагогической и научно-исследовательской деятельности. По окончании обучения по данной программе им присваивается степень «магистр». Знание проблем истории и проблем преподавания истории Великой российской революции 1917 г является важной частью этой квалификации.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г., педагогическое образование, историческое образование, программа магистратуры, проблемы изучения и преподавания.

Zandanova L.V.

THE STUDY OF THE HISTORY OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF THE MASTER PROGRAM "HISTORY EDUCATION" 44.04.01 DIRECTION "PEDAGOGICAL EDUCATION": FROM THE TEACHING EXPERIENCE

Abstract. The article describes the experience of teaching the history of the Great Russian Revolution of 1917 in the process of studying the master program courses towards training 44.04.01 «Teacher education» direction of Historical education. Graduates of this program are prepared for teaching and research activities. The graduates of the program are assigned a degree of «Master». Knowledge of the problems of teaching history and problems of the Great Russian Revolution of 1917 is an important part of this training.

Keywords: the Great Russian Revolution of 1917, teacher education, historical education, master's program, the problems of studying and teaching.

Программа магистратуры в нашей стране в последнее десятилетие стала частью многоуровневой структуры высшего образования, а степень магистра следует за степенью бакалавра и предшествует степени кандидата наук. Она является академической степенью и присуждается по окончании обучения по соответствующей образовательно-профессиональной программе, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования.

Программа магистратуры в Педагогическом институте Иркутского государственного университета (до 2013 г – Восточно-Сибирской академии образования) реализуется, начиная с 2007 г Первоначально она обеспечивала подготовку магистрантов по направлению «Социально-экономическое образование», где приоритетным был профиль «История», а начиная с 2014 г., на основании ФГОС ВО (Приказ Минобрнауки РФ от 21 ноября 2014 г. № 1505) была разработана программа и начата подготовка по основной профессиональной образовательной программе высшего образования по направлению 44.04.01 «Педагогическое образование», направленность (профиль) «Историческое образование».

Магистерская программа направления подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование» направленность «Историческое образование» является вторым образовательным уровнем обучения студентов, следовательно, опирается на программу бакалавриата, которая в ее профильной части должна содержать дисциплины, необходимые для приобретения конкретных знаний по профилю обучения и должна являться базовой составляющей при обучении по программе магистратуры направления «Педагогическое образование».

Обучение по программе магистратуры осуществляется в течение 2-х лет. Учебный процесс регламентируется учебным планом, который включает в себя перечень всех дисциплин базового (основного) и вариативного (специального) циклов магистерской программы. Большую часть этих дисциплин, в соответствии с государственными требованиями к минимуму содержания и уровню подготовки магистров, определяют вузы, реализующие ОПОП магистратуры, что дает возможность более индивидуализировано подходить к процессу обучения. Рабочие программы дисциплин, как правило, носят авторский характер и отражают существующие в вузе и на кафедрах, преимущественно реализующих программу, научно-педагогические школы.

Наполнение содержания вариативной части связано с выработкой концептуального подхода к формированию компетентности выпускника, заключающегося в непрерывности исторического образования на трех уровнях подготовки и приобретении необходимых знаний для дальнейшей профессиональной и научно-исследовательской деятельности. В связи с этим мы включаем в учебный план магистратуры дисциплины, способствующие расширению и углублению знаний, умений, навыков, позволяющих осуществлять теоретическую и мировоззренческую подготовку обучающихся с целью получения более глубоких знаний для успешной профессиональной деятельности и дальнейшего продолжения научно-исследовательской деятельности.

Примером углубления, расширения и актуализации знаний может быть изучение истории современной отечественной историографии. Так, если в программе бакалавриата направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» направленность (профиль) «История» преподаванию дисциплины «Историография истории России» отводится всего 76 ч, из которых 16 – лекционных, 32 – практические занятия и 24 часа – самостоятельная работа, а содержательная часть рассчитана на получение представления о процессе формирования

историографических знаний в нашей стране на протяжении почти десяти столетий, то становится понятным, что современная историографическая наука остается абсолютной terra incognito.

Опыт прошедших лет обучения по магистерской программе «Историческое образование» показал, что необходимо использовать возможности самостоятельного формирования содержательной части учебного плана, в связи с чем в него была введена дисциплина под названием «Российская история в концептуальных объяснениях и трактовках». Содержание этой дисциплины выходит за рамки традиционных курсов по историографии истории России, изучаемой в бакалавриате, поскольку базируется на знании студентами теоретических основ современных достижений исторической науки, требует самостоятельного изучения трудов и научных концепций, способствует успешной ориентации в мире историографических источников, а также способствует более продуктивному овладению основами научного исследования и написанию выпускной квалификационной работы.

Целью освоения дисциплины «Российская история в концептуальных объяснениях и трактовках» является актуализация знаний по историографии современной отечественной истории, формирование и развитие компетенций в области профессиональной педагогической и исследовательской деятельности обучающихся. Задачами дисциплины являются необходимость способствовать формированию у обучающихся по магистерской программе системно-целостного мышления и умения адаптировать конкретно-исторический материал применительно к разным историческим эпохам; формировать способность устанавливать системную взаимосвязь между экономическими, социальными, политическими, природно-климатическими, культурологическими, правовыми, демографическими параметрами, влияющими на ход исторических процессов; актуализировать знания о месте и роли России во всемирно-историческом процессе и в современном глобальном мире, формировать «образ» России, аргументировать российские национально-государственные приоритеты и духовно-культурные ценности; интегрировать знания о принципах типологизации и анализа исторических и историографических источников, делать грамотные научные выводы и теоретические обобщения, углубить знания по истории формирования отечественной историографии.

Данная дисциплина рассчитана на 202 часа, 40 из них – лекции, 10 часов – практические занятия и 122 – самостоятельная работа,

которая является важной частью магистерской программы и включает в себя подготовку к практическим занятиям: изучение научной литературы по темам, конспектирование и аннотирование текстов, составление словарей терминов и понятий, биографического и библиографического.

Содержание дисциплины включает изучение основных тенденций и характерных черт разработки проблем новейшей истории советского и российского общества и государства в современной российской историографии, начиная с 1980-х гг и заканчивая первым десятилетием XXI в.

Программа изучения новейшей истории Советского Союза и России в современной отечественной историографии начинается с раздела «Формирование новых подходов к изучению узловых событий истории страны в 1917–1941 гг.», в котором первая тема – «1917 г. в России». В лекционном курсе, предваряющем практические занятия и самостоятельную работу обучающихся, речь идет о том, что 90-е гг XX в. прошли под знаком переосмысления истории Октябрьской революции и всего советского периода отечественной истории. Прежние схемы были разрушены, новой целостной концепции событий 1917 г. в России еще не было создано. Однако к тому времени прекратила свое существование историко-партийная наука, шел поиск новых методологических подходов к изучению революции, наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая, наряду с Великой французской революцией, стала одной из крупнейших в мировой истории.

1917 г. в России и Октябрьская революция – центральный вопрос в переосмыслении истории. Этому процессу способствовало определение «застойных зон», введение в научный оборот новых источников, публикация работ западных историков, расширение проблемного поля в исследовании истории революции.

Новые научные разработки по истории 1917 г связаны со стремлением к объективному освещению событий, возвращению в российскую историю ее действующих лиц, расширением проблемного поля направлений исследований.

Обучающиеся по программе магистратуры, опираясь на свои знания по общим теоретическим и практическим вопросам историографии, при изучении данной темы демонстрируют не только понимание проблемы, знание событийной истории, но и уровень овладения

компетенциями, определенными государственными стандартами подготовки по данной направленности. В рамках подготовки к практическим занятиям они знакомятся с историографическими источниками по данной теме, опубликованными в советский период, рецензируют их, определяя степень достоверности и научности трудов советских историков.

Вторым этапом овладения знаниями по теме «1917 г. в России» является поиск и работа с трудами современных авторов, знакомство с их источниковой базой, методологическими основами, обновленной тематикой. Обучающиеся делают краткий конспект научных статей или монографий по теме, их историографический анализ, узнают биографии ученых. Они проводят эвристическую работу по сравниванию точек зрения авторов трудов по истории российской революции 1917 г., опубликованных в разные исторические эпохи, пытаются понять их концептуальные взгляды, выявить идеологическую основу историографии советского периода, увидеть различия в их трактовках.

В центре внимания обучающихся при изучении данной темы – периодизация Великой российской революции, социальные проблемы российского общества, политические партии, их программы и лидеры, вопросы повседневности и т.д. Участие каждого обучающегося в изучении данного вопроса через знакомство с современной историографией и ее анализ дает возможность познакомиться с большим количество авторов и публикаций, увидеть многогранность проблемы, широкую палитру тем.

Одним из видов самостоятельной работы, на которую приходится значительная часть всех часов, отведенных на дисциплину, является заполнение словарей. Практика показала, что это вид работы, отражающий в концентрированном виде знания обучающихся при изучении той или иной темы. Определение важнейших терминов и понятий, биографий и основой литературы, с которой познакомился автор словаря в процессе подготовки к практическим занятиям и в ходе самостоятельной работы, – вот тот формат, при котором происходит рефлексия той или иной темы.

Региональные аспекты истории Великой российской революции находят свое отражение в процессе овладения знаниями по таким дисциплинам, как «Динамика социокультурного развития Сибири в XX в.», «Народная история Сибири в XX в.», изучаемым одновременно с «Российской историей в концептуальных объяснениях и трактовках», где

также основными видами деятельности является знакомство не только с историческими фактами, но и новейшей историографией.

С проблемами преподавания темы «Великая российская революция» обучающиеся знакомятся в образовательных учреждениях в процессе прохождения практики по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (педагогической).

Достаточно часто выпускники выбирают различные аспекты темы «Великая российская революция» в качестве своих научно-исследовательских работ, которые выполняют в период производственной практики (научно-исследовательской работы) и подготовки выпускной квалификационной работы.

Усманов Н.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «МЕСТНОГО» МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОБЫТИЙ 1917 Г. В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ

Аннотация. Используя опыт преподавания курса Отечественной истории в Бирском филиале Башкирского госуниверситета, автор исследует проблемы изучения и осмысления событий Февральской революции в провинциальном вузе.

Ключевые слова: Февральская революция, провинциальный вуз, проблемы изучения и понимания

Usmanov N.V.

THE USE OF “LOCAL” MATERIAL IN THE STUDY OF THE EVENTS OF 1917 IN A PROVINCIAL UNIVERSITY

Abstract. Using the experience of teaching the course of Russian History in the Birsk branch of the Bashkir State University, the author explores problems of studying and understanding the events of the February Revolution in provincial higher school.

Keywords: the February Revolution, provincial higher school, problems of studying and understanding

При изучении событий 1917 г в курсе Отечественной истории в провинциальном педагогическом вузе наряду с информацией о том, что происходило в политическом центре страны, на наш взгляд, очень важно использовать и местный материал. Конечно, наиболее заметные и, безусловно, решающие революционные события, круто поменявшие жизнь России, имели место главным образом в столицах. Это подчеркивается в учебной и прочей исторической литературе и в средствах массовой информации. В то же время при рассмотрении данной темы отсутствие информации о том, что же в 1917 г происходило за пределами Петрограда, Москвы и некоторых крупных городов России порождает мнение, что на местах народные массы были лишь пассивными созерцателями переломных событий. В определенной мере это и пытаются внушить населению Российской Федерации в последнее время через влиятельные средства массовой информации. В результате у молодых людей складывается впечатление, что их предки не имели никакого отношения к знаковому и судьбоносному для нашей страны 1917 году, что все решали «элиты» или беспринципные «заговорщики». Однако знакомство с реальными фактами, имевшими место на территории, где в настоящее время живут и учатся наши студенты, позволяет им иначе взглянуть на роль провинциального населения в событиях того переломного времени.

В данном конкретном случае речь идет об изучении исторических событий 1917 г. (до Октябрьской революции) в Бирском филиале Башкирского госуниверситете, ранее – Бирском педагогическом институте. Здесь получают профессию учителя, в основном выпускники школ северо-западной части республики Башкортостан. В первой трети XX в. это была территория Бирского уезда (в советское время, до 1930 г. – кантона) Уфимской губернии и автономной Башкирской республики. По национальному составу большинство в начале XX в. составляли башкиры и татары, также здесь компактно проживали русские, марийцы, удмурты и представители других народов. Примерно такой же этнический состав на этой территории остается в настоящее время. В Бирском филиале БашГУ студенчество также многонационально.

Изучая революционные события весны-лета 1917 г в Бирском уезде, приходится сталкиваться с определенными трудностями. Тому, что происходило в это время в Уфимской губернии в советской историографии, на наш взгляд, придавалось недостаточно внимания. События же

происходившие на северо-западе Башкирии (в Бирском уезде), можно сказать и вовсе игнорировались или подавались не совсем объективно. В определенной мере это характерно и для современной башкортостанской историографии. Для того чтобы познакомить студентов с тем, что было знаменательным в рассматриваемый период, преподаватели Бирского филиала БашГУ в основном вынуждены обращаться к разрозненным краеведческим публикациям, напечатанным в местных (районных) газетах, некоторым материалам, сохранившимся в местных музеях, и в меньшей степени к некоторым материалам периодической печати 1917 г. и архивным документам. Преподаватели, обнаружившие в последнее время интересные свидетельства о прошлом, как правило, делятся своими находками с коллегами для дальнейшего использования на лекциях и семинарских занятиях по предметам «История Отечества», «История Башкортостана».

Весьма интересной и познавательной для студентов стала, например, информация о жизни города Бирска и уезда, опубликованная в губернской прессе в 1916 и 1917 гг. Доцент БФ БашГУ Р.Н. Масалимов, внимательно просмотрев периодические издания Уфы, обнаружил там некоторое количество заметок и очерков, характеризующих положение в Бирском уезде накануне событий февраля 1917 г. (собственной газеты Бирск в имперский период не имел). Анализируя публикации различных корреспондентов, пишущих в губернские издания, он сделал вывод, что назревание каких-то решающих событий в определенной степени ожидалось населением Бирска и уезда[1]. Доценту Масалимову принадлежит также уникальное открытие. Относительно недавно за пределами родного города он обнаружил столетней давности номера «Бирской народной газеты», выходившей весной-летом 1917 г. Между тем, многие современные жители региона ошибочно считали, что собственная периодическая пресса появилась здесь лишь после Октябрьской революции. Публикации в указанной уездной газете позволяют утверждать, что население города и региона положительно восприняло свержение самодержавия и первые, действительно демократические, решения Временного правительства. После известий из Петрограда о свержении монархии на двух площадях города прошли многолюдные

[1] *Масалимов Р.* Бирск в первые месяцы революции // Бирская газета. 2017. № 3.

собрания, в которых принимала активное участие местная учащаяся молодежь. Выступавшие на них горожане, в том числе представители прежней администрации, единодушно поддержали революцию[1]. Известно, что в городе был уездный отдел монархической партии «Союз русского народа»[2], но какой-либо поддержки свергнутой монархии членами союза, судя по свидетельствам того времени, в городе не наблюдалось. Об отношении к свержению самодержавия свидетельствует и следующий факт: «После отречения Николая II либерально настроенные преподаватели реального училища Бирска повели учащихся на снятие портрета царя в актовом зале. Только четверо реалистов отказались принимать участие в этом мероприятии, за что их товарищи объявили им бойкот»[3]. Подобные же антимонархические настроения, как можно догадываться, были и у местных гимназисток. Еще в 1905 г педагогический и попечительский совет городской гимназии на своем заседании обсуждал вопрос участия старших девочек в социальных волнениях, и данный факт тогда квалифицировался как «нравственное растление»[4].

Многолюдные собрания, приветствовавшие свержение монархии, прошли в крупных селах Бирского уезда. Надо отметить, что после ликвидации самодержавия значительная часть населения связывала с новой властью самые оптимистические ожидания. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы-приветствия в адрес Временного правительства, посланные из самых разных областей России, в том числе, и из Бирского уезда Уфимской губернии. Так, от имени 30 тыс. населения Ваныш-Алпаутовской волости, среди которых были «свободные мусульмане, русские, черемисы и вотяки, – сообщал председатель волостного комитета в телеграмме, отправленной 16 марта 1917 г. в Государственную думу, – собравшись на торжество освобождения с освящением (с молитвой – *У.Н.*), приветствуют новое правительство». Далее в тексте выражалась надежда, что под знаменем

1 *Масалимов Р.* Дни великих потрясений // Победа. 2017. 23 марта.

2 *Белоглазов В.С.* Бирск: история и современность (история города с 1663 по 2009 год). Бирск, 2009. С. 36.

3 Бирск. Путеводитель по историческим и памятным местам. Бирск, 2011. С. 175.

4 Там же. С. 172.

Временного правительства «воцарится гражданское, национальное направление». В другой телеграмме, отправленной 21 марта в Думу, сообщалось, что более двух тыс. мусульман Асяновской волости Бирского уезда, собравшись на сходку, как уполномоченные от 36 тыс. мусульманского населения, выразили «чувства живейшей радости», ознакомившись с программой Временного правительства, и обещали ему поддержку всеми силами. Председатель этого собрания депутат 1-й Думы от Уфимской губернии бирский землевладелец, купец и земский деятель С. Максютов отметил, что собравшиеся просили правительство включить в его состав одного члена Думы от мусульман, «ибо этим оно окончательно расположит к себе все 25-миллионное мусульманское население России»[1]. Данные послания от имени мусульман дают определенное представление о настроениях в этой среде, но в то же время ясно показывают, что бывшие думцы в условиях революции стремились возглавить мусульманское движение как в центре, так и вдали от него.

«Бирская народная газета», как и другие периодические издания того времени, публиковала обращения к гражданам от имени Временного правительства. Разумеется, свободная от цензуры газета не могла игнорировать актуальный аграрный вопрос. В издании, издаваемом представителями отнюдь не большевиков, например, по этой проблеме было высказано следующее довольно радикальное требование: «Необходимо в корне изменить закон о праве пользования землей, руководствуясь только одним принципом: “Земля тому, кто её обрабатывает”»[2]. В то же время, можно отметить, что на страницах этой газеты поддерживался курс Временного правительства на продолжение войны с германским блоком.

Отдельно остановимся на оживлении национального движения после Февральской революции. Многонациональный состав студентов вуза эта тема вполне интересует Не все из них, однако, реально представляют, что при царизме существовали определенные национальные и конфессиональные ограничения. Новая власть отменила их, что можно

[1] Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Эхо веков. 1997. № 12. С. 169–170.

[2] Цит.по: *Масалимов Р.* Бирск в первые месяцы революции // Бирская газета. 2017. № 3.

сказать, восторженно, хотя, может быть, и излишне оптимистично было воспринято нерусским населением уезда. Студентам полезно узнать, что в городе Бирске, где они получают высшее образование, сто лет назад проходили различные национальные конференции не только местного, но и всероссийского уровня. Среди таких форумов, следует назвать I Всероссийский съезд марийского народа. Он проходил в июле 1917 г. в помещении городского реального училища, которое в настоящее время занимает одно из подразделений БФ БашГУ. Об этом напоминает и мемориальная доска на здании вуза. Протоколы съезда были переизданы в наше время[1]. Знакомство с ними позволяет студентам лучше понять общественно-политическую атмосферу тех лет. Кроме того, в городе прошло собрание удмуртов, избравших делегатов на съезд удмуртского народа в г Глазов. В городе и в крупном селе Бураево прошли уездные съезды (йыйны) башкир, выбравших своих представителей на Первый Всебашкирский курултай в Оренбурге.

Представительным уездным национальным мероприятием был, так называемый, Первый уездный мусульманский съезд, копия отпечатанного протокола которого сейчас доступна для изучения[2]. Из документа студенты узнают, что на съезде присутствовали их земляки, а возможно и родственники, жившие почти сто лет тому назад. Событие имело место в начале августа 1917 г. На нем были представлены делегаты из разных волостей уезда, в том числе женщины. Название «мусульманский» съезд не должно приводить в заблуждение. Это не было религиозное собрание, хотя здесь среди прочих обсуждались и вопросы отправления культа. По сути это был татаро-башкирский съезд, но в то время самоназвание «татары» еще не вполне укоренилось, и тюркоязычные делегаты представляли на форуме тех, кто называл себя не только башкирами и татарами, но и тептярями, мишарями, татаро-башкирами, башкиро-татарами и просто «мусульманами». Съезд проходил в здании женской гимназии, которое в настоящее время продолжает оставаться средней школой, и в которой педагогическую практику проходят многие студенты Бирского филиала БашГУ. Первый уездный мусульманский съезд находился под сильным влиянием Второго (Казанского)

[1] Съезды народа мари. 1917–2004 гг. Йошкар Ола, 2008. С. 45–96.

[2] Бэре оязы мусулманнарнын беренче съездынын пратакулы. Беренче китап. Уфа, 1917 (на старотатарском языке).

Всероссийского мусульманского съезда, где была провозглашена культурно-национальная автономия тюрко-мусульман страны. Студенты также узнают, что в Бирске была поддержана линия Казанского съезда об участии мусульман в выборах в Учредительное собрание[1]. Из рекомендованных делегатами шести кандидатур позднее депутатом Учредительного собрания был избран эсер Ахметдин Мухаметдинов, который накануне его созыва вошел в самостоятельную мусульманскую социалистическую группу.

В целом студенты узнают, что крестьянское население уезда было настроено на поддержку сторонников социалистического направления. Об этом однозначно свидетельствуют, например, протоколы Всероссийского марийского съезда и Уездного мусульманского съезда. Как видно из документов, крестьянское население Бирского уезда поддерживало партию эсеров. Впрочем, полного единства по вопросу предпочтения той или иной политической партии, конечно, не было. Так, один из участников Бирского съезда мусульман, вспоминал в начале 1960-х гг., что когда выступление одного из его участников организаторы посчитали большевистской пропагандой и выпроводили его из зала, за ним вышла почти половина делегатов, одни чтобы побить его, другие – «пожать руку» в знак солидарности с его выступлением[2].

В целом, подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что студенты Бирского филиала БашГУ, изучая тему Февральской революции и последующих событий 1917 г., понимают, что они отнюдь не были случайными и ожидались населением различных регионов страны. Населявшие Бирский уезд представители различных национальностей в массе своей приветствовали свержение самодержавия и искренне рассчитывали на дальнейшее свободное развитие в демократической стране. Они не оставались пассивными созерцателями осуществлявшихся в стране преобразований. И хотя реальное развитие событий прошло несколько иначе, чем они рассчитывали, многие их надежды все же были реализованы. Начало этому положила Февральская революция, к которой оказались причастны миллионы россиян.

---

1 Там же. С. 10.

2 *Сабиров Г.* Бабич Бэреля // Агидель.1961. № 7. С. 75–77 (на башкирском языке).

Долгова А.В.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.: ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается методика преподавания истории революции 1917 г. в средней школе – в советскую эпоху и в наши дни. Анализируются основные трудности при изучении темы учащимися. Даются рекомендации о том, каким образом следует провести урок, чтобы учащиеся смогли усвоить материал.

Ключевые слова: методика преподавания, Октябрьская революция, урок истории, образование.

Dolgova A.V.

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: THE CHALLENGE OF TEACHING IN SECONDARY SCHOOL

Abstract. The article discusses teaching methodology of the history of Russian revolution in the secondary school in the Soviet era and nowadays. It is analysis the main difficulties in studies of subject by schoolboys. It is provided recommendations how to give a lesson and have schoolboys can learn knowledge.

Keywords: Teaching methodology, Russian revolution, history lesson, education.

Одна из проблем в преподавании истории сегодня – это методика. Особенно если речь идет об изложении материала по истории революции 1917 г. Каким образом за один-два урока добиться понимания учащимися важнейших событий, происходивших в то время?

В советскую эпоху проблеме методологии преподавания истории уделялось куда больше внимания, чем сейчас. Об этом свидетельствует огромное количество публикаций, в которых учителя делились опытом. Рассмотрев статьи за разные периоды Советского государства в журнале «Преподавание истории в школе», мы выяснили, как проходили уроки истории. Не имея под рукой современных технических средств, учителя советской школы знали, как добиться от учащихся усвоения

материала. Дело не в том, что раньше уделялось большее внимание истории партии, чем сейчас, а в самой системе, методике преподавания.

Историк В.Г. Карцов выделял четыре ступени познавательного процесса в методике преподавания истории: методы создания правильных, ярких и образных исторических представлений и единичных конкретных понятий учащихся, методы абстрагирования и формирования более сложных, общих и абстрактных понятий, методы раскрытия диалектики исторического развития, методы установления связи истории с современностью[1].

В статье «Работа над историческими документами по теме "II Всероссийский съезд советов"» И.Ф. Рымарев отмечал, что урок должен начинаться с определения цели – подведение учащихся к пониманию того, что с победой Великой Октябрьской социалистической революции началась новая эра в истории – эра крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма. Далее автор предложил использовать «оборудование урока»: карта, картина «Выступление В.И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов», извлечения из декрета о земле, напечатанные на машинке или четко переписанные от руки; выдержки из местных документов. Затем – план: воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам», декрет о мире, декрет о земле, образование Советского правительства, установление диктатуры пролетариата. После рассказа об открытии II съезда Советов, о партийном составе делегатов и о попытке меньшевиков и эсеров сорвать работу съезда, учитель переходит к раскрытию содержания декретов. Заранее перепечатанные или переписанные от руки тексты декрета лежат у учащихся на партах. После прочтения начинается беседа. Закончив изучение декретов, учитель рассказывает об образовании первого Советского правительства – Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным[2].

В другой статье рассматривается проведение уроков учителем В.О. Пунским по темам «Двоевластие» и «Рост революционного движения в апреле-июне 1917 г и начало кризиса Временного правительства». Учитель начинает занятие с плана: переход от буржуазно-

[1] *Стражев А.И.* Итоги дискуссии о методике преподавания истории как науки // Преподавание истории в школе. 1957. № 2. С. 37–45.

[2] *Рымарев Н.Ф.* Работа над историческими документами по теме II Всероссийский съезд советов // Преподавание истории в школе. 1957. № 5. С. 93–96.

демократической революции к социалистической, значение апрельского, июньского и июльского кризисов, VI съезд партии, корниловский мятеж и революционный подъем осенью 1917 г.[1]

Н.С. Курова в статье «Победа Октябрьской революции в Москве» предложила в качестве закрепления материала составление учащимися календаря событий по ходу изложения учителя, а выполнение задания проверить в конце урока[2].

Таким образом, при проведении урока по истории Великой Российской революции 1917 г. советский учитель должен был в изложении материала использовать как минимум план урока, карту, схемы, документы, портреты личностей, напечатанные на машинке или написанные от руки тексты.

Среди современных авторов следует отметить Э.Н. Бельского – учителя истории одной из московских школ, который предложил использовать на уроке схемы, как, например, «Крах мятежа генерала Корнилова». Автор пояснил, что в августе 1917 г ситуация характеризовалась наличием трех сил на политических весах России: левые (большевики), центр (Временное правительство) и правые (группа военных и крупной буржуазии, возглавляемые генералом Л.Г. Корниловым). Далее Э.Н. Бельский излагает основные события, подытожив, что после подавления мятежа началась большевизация советов, что и подготовило свержение Временного правительства. После этого учитель дает задание в конце урока – назвать три причины краха выступления генерала Корнилова и сделать анализ документа[3].

Э.Н. Абдулаев и А.Ю. Морозов также предложили использование схем при изучении данной темы. План урока: начало революции, отречение Николая II, приход к власти Временного правительства, формирование двоевластия, приезд Ленина в Россию, выступление Ленина в Таврическом дворце с Апрельскими тезисами, I-й кризис Временного правительства, нота Милюкова, I-й Всероссийский съезд Советов, II кризис Временного правительства, III кризис Временного правительства,

1 *Степанова В.Е.* Республиканские «педагогические чтения» 1957 г. // Преподавание истории в школе. 1957. № 3. С. 93–100.

2 *Курова Н.С.* Победа Октябрьской революции в Москве // Преподавание истории в школе. 1977. № 1. С. 88–93.

3 *Бельский Э.Н.* Схемы по истории России XX века // Преподавание истории в школе. 2014. № 10. С. 68–69.

подавление попытки захвата власти большевиками, конец двоевластия, VI съезд РСДРП(б), сдача Риги, мятеж генерала Корнилова, большевизация Советов, Октябрьское вооруженное восстание, низложение Временного правительства, взятие власти большевиками, II съезд Советов. Далее в приведенной авторами таблице кратко и доходчиво поясняется каждый из этапов. После чего предлагается с использованием схемы и таблицы сформулировать причины краха Временного правительства и перехода власти в руки большевиков[1]. Немаловажное значение имела подготовка учащимися материала и на региональном уровне.

Сегодня одна из проблем в усвоении учащимися материала – использование Интернет, а также технических средств, позволяющих быстро находить нужную информацию. Эти технические средства, призванные повысить эффективность и качество обучения, не всегда идут на пользу. Так, вместо того, чтобы конспектировать излагаемый учителем материал, учащиеся копируют или фотографируют уже готовые презентации, «скачивают» рефераты. Обучение истории сводится к просмотру фильмов и презентаций, что существенно снижает роль учителя и учащихся в образовательном процессе. Подготовка к Единому государственному экзамену – погоня за высокими баллами – еще одна проблема. В результате материал не прорабатывается учащимися, а значит, не усваивается. Все сводится к механическому заучиванию материала. Помимо отсутствия знаний, не прорабатываются навыки пересказа, способность анализировать и делать выводы.

Итак, каким же должен быть, на наш взгляд, урок истории по рассматриваемой теме? Помимо того, что уже отмечалось выше, начать следует с небольшого опроса, чтобы подготовить учащихся к усвоению нового материала. Могут быть заданы следующие вопросы: причины революции, какие события предшествовали, внутриполитическая и внешнеполитическая обстановка в 1917 г. Далее учитель переходит к изложению содержательной части урока, используя презентацию, которая не должна занимать более половины времени.

В конце урока не мешало бы закрепить пройденный материал в виде проведения краткого опроса или небольшой письменной

[1] *Абдулаев Э.Н., Морозов А.Ю.* Россия от Февраля к Октябрю 1917 года. Материалы для проведения проблемного занятия // Преподавание истории в школе. 2017. № 2. С. 16–18.

работы. Домашним заданием может быть подготовка рассказа по одной из личностей или по конкретному событию 1917 г. На следующем занятии можно посмотреть небольшой документальный фильм и написать контрольную работу, которая должна содержать, помимо основных терминов и понятий, вопросы, на которые требуется дать развернутые ответы.

При изучении истории Российской революции 1917 г., равно, как и всего XX в., у учащихся возникают такие проблемы, как непонимание и трудность в запоминании дат и событий. Учащимся могут быть не знакомы понятия – «большевики», «Советская власть», «революция», и каким образом революционные события привели к Гражданской войне.

Учитель должен помочь разобраться учащимся и в проблемных вопросах, как, например, свержение или падение самодержавия, Революция и Гражданская война – отдельные события или Гражданская война – продолжение революции? Необходимо объяснить возможные варианты развития государственности в 1917 г: путь реформ, военная диктатура и диктатура пролетариата.

Одна из проблем, как указывалось выше, это запоминание дат и событий. В данном случае следует изучать материал «блоками», то есть сначала условно поделить 1917 год на два периода – «до» и «после» Октябрьской революции. Далее разбить материал следующим образом: первое, второе и третье коалиционные правительства (состав), Первый Всероссийский крестьянский съезд, первый и второй съезд рабочих и солдатских депутатов, рабочее и крестьянское движение, государственное и демократическое совещания, VI съезд партии. Затем перейти к другим событиям: Временный комитет Государственной думы, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство, сущность двоевластия, отречение Николая II, Приказ № 1, демократические преобразования Временного правительства, нота Милюкова, общеиюльский национальный кризис, Корниловский мятеж, объявление России республикой, приход к власти большевиков, образование Совета народных комиссаров, первые декреты.

Важно объяснить учащимся степень влияния большевиков на массы на протяжении всего 1917 г., их программу, а также как решались вопросы о власти, о войне и о земле.

Вместе с тем при изучении истории Российской революции необходимо уделять внимание и таким вопросам, как роль личности в истории, систематизация фактов, выявление причинно-следственных связей. При изложении материала, кроме опубликованных документов, желательно использовать мемуары, архивные фото и кинодокументы. При изучении любой темы учитель должен преподносить материал таким образом, чтобы способствовать формированию гражданственности, патриотического самопознания, гордости за свое Отечество.

Комкова М.С.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье на конкретном примере рассматриваются возможности применения междисциплинарного подхода к изучению революции начала XX в., даются рекомендации по его применению в образовательном процессе.

Ключевые слова: преподавание истории, революция, междисциплинарный подход, трудоемкость, точка зрения.

Komkova M.S.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN THE TEACHING OF HISTORY OF REVOLUTION

Abstract. Opportunities of interdisciplinary approach application to study of revolution in early 20th century are considered at the article based on certain example with providing of recommendations for its apply to educational process.

Keywords: teaching history, revolution, interdisciplinary approach, workload, point of view.

Революция – это сложное явление, требующее тщательного и всестороннего изучения сегодня. По прошествии ста лет с момента революционных событий в России сформировалось большое количество

полярных мнений о них, как в нашей стране, так и за рубежом. Кроме этого, в разные исторические периоды эти мнения подвергались влиянию различных факторов. Сегодня, преподавая историю революции, мы заново смотрим на нее уже с точки зрения современной молодежи, а нередко – и в контексте политической ситуации. При этом не стоит забывать и об общепринятых трактовках в изучении данного вопроса.

В конце марта этого года в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова открылась международная конференция, посвященная 100-летию событий 1917 г. На пленарном заседании, помимо историков, с приветственным словом выступили приглашенные политики. После этого от студента в адрес организаторов поступила следующая критика: «Зачем Вы приглашаете людей, которые говорят совсем не те вещи, которые они здесь должны говорить…?».

Это свидетельствует о том, что в ходе преподавания у студента сложилась своя «специфическая» оценка революции, отягощенная неприятием других точек зрения. Далекая от общепринятых взглядов на события 1917 г., она может привести к непониманию человека окружающими людьми, а впоследствии – и к возможному конфликту с ними. Чтобы избежать подобного сценария, необходимо использовать актуальные подходы и приемы к преподаванию, способствующие расширению кругозора учащихся и воспитанию толерантного восприятия ими альтернативного взгляда на мир.

Междисциплинарный подход, предлагаемый нами при изучении революции, рассчитан на освоение второго концентра по истории. Помимо школы, нам видится приемлемой такая подача материала для студентов средних специальных учебных заведений и студентов первых курсов непрофильных высших учебных заведений. Данный подход призван способствовать формированию у учащихся собственной оценки революции, но при этом научить их уважительно относиться к другим точкам зрения на события далекого прошлого.

Наполняемость и трудоемкость дисциплин, в ходе которых планируется изучение обозначенных проблем, может варьироваться в зависимости от целей и задач, стоящих перед преподавателем, а также от уровня знаний учащихся.

Остановимся лишь на нескольких взаимосвязях, которые расставлены нами не по степени релевантности.

Дисциплина / наука	Перечень вопросов для обсуждения
Иностранный язык/ филология (английский, французский, немецкий языки, в зависимости от знаний учащихся)	Работа с иностранными историческими источниками: • иностранной прессой 1917/2017 г., • мемуарной литературой (в которой содержится информация о ситуации в России и отношение к ней, например – воспоминания У. Черчилля)
Психология	Рассмотрение образа русской революции в восприятии белых эмигрантов, иностранцев, большевиков и жителей современной России
Социология	Изучение общественного мнения по отношению к революционным событиям и личностям того периода
Литература/филология	Работа с терминологией, используемой в статьях о России. Анализ политических карикатур, опубликованных в прессе. Анализ фотографий, опубликованных в прессе. Просмотр и работа над фильмами, как художественными, так и документальными (российскими, британскими и др.), посвященными событиям 1917 г (в качестве домашнего задания). Синхронизация изучения исторического периода и литературных произведений (например, «Тихий Дон», «Белая гвардия» и др.)
География	Анализ карт того времени, в том числе, опубликованных в прессе
Статистика	Количественный и качественный анализ заголовков статей о ситуации в России (по материалам, доступным в сети Интернет), сравнение полученных результатов по нескольким странам
Экономика	Сравнение основных экономических показателей России, Германии, Великобритании, Франции

Дисциплина / наука	Перечень вопросов для обсуждения
Политология/ обществознание	Анализ оценок современных политиков, ученых, деятелей культуры и других представителей общественности
Право/юриспруденция	С точки зрения действовавшего в начале XX в. законодательства разобрать один или несколько эпизодов из истории революционных событий (например, с правомерностью отказов выплачивать долги английским компаниям, чьи представительства находились в Мурманске и Архангельске)
Информатика	Работа с социальными сетями. (Они сегодня, к сожалению, становятся одним из основных источников получения информации для молодежи). Например, телеканал RT запустил в социальной сети Twitter проект; были созданы специальные страницы – аккаунты реальных исторических личностей того времени, с фотографиями и архивными видеоматериалами. Помимо указанного, было запущенно несколько проектов, которые выкладывают информацию о каждом дне 1917 г. (ТАСС) и т.д.
Музейная педагогика	Проведение уроков на базе музеев (например, в Музее современной истории или Историческом парке на ВДНХ «Россия – Моя история»). Посещение (или организация) выставок, посвященных роли революции в искусстве
История/генеалогия	Написание эссе о судьбе членов своей семьи в годы революции (по возможности), работа с семейными и государственными архивами, создание фотовыставки в учебном заведении «Семейные реликвии / фотографии революции»
Историография	Знакомство с точками зрения разных историков, как очевидцев тех событий, так и наших современников, как русских, так и иностранных

Возможны и другие сочетания наук/дисциплин в контексте изучения революции начала XX в.

Реализация междисциплинарного подхода приветствуется как в урочное, так и во внеурочное время.

Плодотворные результаты может принести работа в паре нескольких преподавателей различных дисциплин, что, на наш взгляд, в наибольшей степени помогает на практике продемонстрировать возможности сочетания приемов и методов разных наук при изучении одного вопроса.

Белоус С.Г.

1917 ГОД В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается проблемный метод обучения и возможность его примепепия посредством введения на уроках истории такого элемента, как проблемно-познавательные задачи. Определена значимость использования в процессе обучения на современном этапе проблемных задач, нацеленных на самостоятельный поиск знаний и более расширенное постижение изучаемого материала учащимися. Применение данного метода рассматривается на примере событий 1917 г., их освещение в казахстанских школьных учебниках.

Ключевые слова: проблемный метод, проблемпо-позпавательпая задача, аналитическое мышление, история Казахстана.

Belous S.G.

1917 IN THE SCHOOL COURSE OF HISTORY OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article deals with the problem method of teaching and the possibility of implementing it by introducing cognitive problem-solving tasks into history lessons. The importance of using problem-solving tasks aimed at independent knowledge discovery and a more

extensive comprehension of learning material by students in the process of education at the present stage is defined. Application of this method is considered on the example of events 1917, their lighting in the Kazakhstan school textbooks.

Keywords: problem method, cognitive problem-solving tasks, critical thinking, history of Kazakhstan.

Сегодня как никогда выпускнику школы важно обладать способностью приобретения знаний и использования их для решения огромного количества сложных задач. Развивая свои мыслительные способности, человек может перейти к такому уровню, на котором появляется возможность обоснованно судить о достоверности и смысле полученной информации. Критическое мышление формируется, прежде всего, в дискуссиях, письменных работах и активной работе с текстами.

В свете новых подходов сфера профессиональных компетенций учителя расширяется. Обновление содержания образования подразумевает использование заданий творческого характера (задания исследовательского, занимательного характера, задания с экономическим содержанием и др.). Применение проблемно-познавательных задач в обучении истории основывается на дидактической теории проблемного обучения. В педагогической литературе этот вопрос получил развитие в 1960–1980-х гг. в работах советских и зарубежных авторов. Понятие «проблемно-познавательная задача» не имеет единого дидактического определения. Чаще всего под таковой понимается особый вид учебных заданий, при которых от обучаемого требуется произвести необходимые поисково-познавательные действия для получения предполагаемого результата[1]. В задаче всегда наличествует условие в виде исходных данных и вопрос, фиксирующий искомое. Условие и вопрос соотнесены и связаны между собой таким образом: они содержат противоречия, образуют проблему, указывают направление поиска, которое помогает снятию противоречия в ходе правильного решения задачи[2].

Современные казахстанские педагоги-методисты отмечают, что проблемные методы обучения способствуют формированию у учащихся

[1] *Вуколов В.Н.* Использование проблемно-познавательных задач в школьных курсах истории СССР и основ советского государства и права. Алма-Ата, 1987. С. 6.

[2] *Рукина Ц.Л., Лукаш А.Ф.* Применение познавательных задач при обучении гуманитарных предметов // Советская педагогика. 1981. № 1. С. 153–155.

умения «мыслить исторически», т.е. видеть, оценивать, анализировать явления прошлого в контексте того времени и во взаимосвязи с предшествующими и последующими событиями[1].

Многие студенты казахстанских вузов привыкли к традиционному изложению последовательности событий – от историков ждут рассказа, почему случилось так, а не иначе. Именно поэтому история выступает как текст, как повествование, как рассказ. Процесс обучения студентов в вузах Республики Казахстан выявляет типичные недостатки в усвоении исторических знаний, полученных в школе. Вчерашние школьники привыкли получать информацию в готовом виде, которая часто воспринята фрагментарно, без определенной системы. Лишь незначительное число выпускников школ обучены применять исторические знания в творческом процессе, но почти всегда по готовому образцу. И уж совсем редко первокурсники демонстрируют самостоятельность в применении исторических знаний в нестандартной ситуации. Одной из причин перечисленных недостатков является то, что в методике преподавания истории Казахстана не адаптирована система познавательных задач, усложняющихся от класса к классу.

В большинстве действующих школьных учебников по истории Казахстана, которые изданы в двух вариантах на казахском и русском языках, преобладают вопросы и задания, направленные на пересказ учебного материала, поэтому познавательная деятельность школьника часто носит только воспроизводящий характер.

Обратимся к тому, как события 1917 г. в России изложены в курсе «Истории Казахстана» для 9 класса («Казахстан в период Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г. в России») и 11 класса («Казахстан в период революционных событий 1917 г.»)[2]. В этих

---

1 *Зарифова М.А.*, *Тарасенко Е.М.* Критическое мышление на уроках истории Казахстана: методическое пособие в помощь учителю истории. Астана, 2013. С. 7.

2 *Козыбаев М.*, *Нурпеис К.*, *Жукешев К.* История Казахстана (1914–2009 гг.). Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. 3-е изд., перераб., доп. Алматы, 2013. С. 23–32; *Аяган Б.Г.*, *Шаймерденова М.Ж.* История Казахстана. Учебник для 9 класса общеобразовательных школ. 3-е изд., перераб. Алматы, 2013. С. 31–39, 64–71; *Койгелдиев М.К.*, *Касымбаев Ж.К.*, *Толеубаев А.Т.*, *Далаева Т.Т.*, *Калиева Е.Т.* История Казахстана (Важнейшие периоды и научные проблемы): Учебник для 11 класса общественно-гуманитарного направления общеобразовательных школ. 3-е изд., перераб., доп. Алматы, 2015. С. 116–129.

учебниках **Февральская революция 1917 г. представляется как катализатор общественной и политической жизни общества и деятельности казахской интеллигенции**. Революция была воспринята положительно в казахской степи, поскольку создала возможность установления в обществе гражданского мира, однако, не оправдала возложенных на нее надежд. С чем это связано?

В учебнике Б.Г. Аягана отмечается: «Важнейшим итогом Февральской революции стало утверждение широких политических свобод, демократизации всей общественной жизни и начавшегося в рамках этого процесса политического самоопределения масс. Однако революция не решила вопроса о войне, но создала возможность для его решения; не решила вопроса о земле, но уничтожила опору дворянства – самодержавие, существенно подорвала позиции помещиков, прервала практику изъятия земель, но не вернула те земли, что народ потерял в предыдущие десятилетия; не предотвратила возможного нового противостояния масс и власти, вопрос слома аппарата управления на местах – он остался все тем же, лишь вместо губернаторов появились областные комиссары, вместо уездных начальников – уездные комиссары. Революция частично разрешила национальный и аграрный вопрос в стране, но не ликвидировала институты колониального управления. Переселенческие управления продолжали отбирать у местного населения наиболее плодородные земли»[1]. Трудно не согласиться с выдвинутыми положениями, поскольку, несомненно, существует непосредственная связь между произошедшими революционными событиями и национально-освободительным движением казахского народа, целью которого являлось возрождение государственности, равноправие с другими народами, возвращение отнятых земель и установление социальных прав и свобод – то, на воплощение чего народ рассчитывал в период «послефевральской» эйфории. Однако результативных шагов в этом направлении не последовало, чем и обусловлена последовавшая волна массовых недовольств.

В каждом учебнике положительно оценивается роль Февральской революции, заявившей о приверженности общечеловеческим ценностям – свободе и равенству народов как фактора, повлиявшего на национальную политику петроградского Временного правительства. В учебнике для 11 класса подчеркивается, что в этот период

[1] *Аяган Б.Г., Шаймерденова М.Ж.* Указ. соч. С. 37.

интеллигенция проявила себя как главная политическая сила казахского социума, вдохновитель, организатор и идеолог национально-освободительного движения. «Тяжелое положение казахов, лишившихся своей земли, за которую на протяжении веков они невинно проливали свою кровь, поражения массовых восстаний, тяжелый гнет колониального режима, бесправие населения национальной окраины заставили всерьез задуматься передовую часть народа – интеллигенцию. Люди с передовыми взглядами, болеющие за народ и понимавшие трудное положение страны, стали организаторами освободительного движения»[1]. Безусловно, особенно велико значение этой части общества в формировании и подъеме национального самосознания, которое характеризуется усилением интереса к духовной культуре своего народа, ее ценностям и идеалам, ее истории, взаимодействию с культурами других народов. Такие периоды подъема сопровождаются возрастанием в сознании этносов идей, концепций, разрабатываемых его идеологами. Как правило, в их качестве выступают представители интеллигенции тех или иных народов.

В учебнике для 11 класса отмечается, что в марте 1917 г. на территории края стали создаваться казахские комитеты. Основными задачами их были подготовка и проведение казахских съездов различных уровней, своевременное оповещение о происходящих изменениях в обществе и решение текущих проблем. Все казахские съезды, прошедшие после Февральской революции, были организованными, результативными и значение их в деле консолидации этноса, формулирования общенациональных задач переоценить трудно. На этих собраниях решались такие важные вопросы, как отношение к власти Временного правительства и созыв Всероссийского Учредительного собрания, разбирались беззакония со стороны бывших царских чиновников, намечались программы действий по неотложным вопросам развития образования и культуры[2]. Конечно, нельзя сказать, что казахские комитеты стали сразу же эффективно работать. Их деятельности мешали факторы как внутреннего, так и внешнего характера. Несмотря на это, с марта 1917 г. областные, уездные, а кое-где и волостные казахские комитеты перешли к самостоятельному управлению своими регионами.

---

1 *Койгелдиев М.К., Касымбаев Ж.К., Толеубаев А.Т., Далаева Т.Т., Калиева Е.Т.* Указ. соч. С. 105.

2 Там же. С. 117–118.

В условиях, сложившихся после Февральской революции, казахский народ только таким образом мог защитить свои национальные интересы. Подобные факты до учащихся должен доводить учитель.

В этом же учебнике сказано, что в течение 1917–1918 гг. по инициативе казахских комитетов было проведено 68 съездов казахской общественности областного, уездного и волостного уровня. Они стали свидетельством огромной политической активности народа, успешной деятельности национальной интеллигенции в создании механизма самосохранения нации[1]. Работа съездов стала, на наш взгляд, показателем политической культуры казахских лидеров.

В этих учебниках, а также в методических пособиях превалируют задания репродуктивного характера. Задаются вопросы на воспроизведение материала, имеющегося у учащегося в готовом виде: «Перечислить партии»[2], или другой типичный пример: «Расскажите об отношении к Временному правительству казахской интеллигенции, возглавляемой А. Букейхановым»; «Назовите основные задачи, которые выполняли казахские комитеты. Каково ваше мнение об этом?»[3]. «Известно, что лидер казахской демократической интеллигенции, А. Букейханов входил в состав Конституционно-демократической партии. Однако позднее вышел из нее. Что послужило побудительным мотивом?» Решение: «Его пути с кадетами разошлись после Февральской революции, поскольку он перестал находить поддержку среди них в самом главном вопросе – предоставлении автономии казахскому народу, а также по другим принципиальным вопросам, таким как землепользование и др.»[4].

На наш взгляд, такие вопросы следует формулировать, используя сравнительно-исторический метод, например, так: «Сравните позиции кадетов и трудовиков по аграрному вопросу. Сопоставьте их с взглядами казахской интеллигенции, изложенными в программе партии

---

1 Там же. С. 120.

2 *Турлыгул Т.Т.*, *Адамбосынов К.Ж.*, *Райымбекова М.Т.* История Казахстана: Методическое руководство: Пособие для учителей 11 класса естественно-математического направления общеобразовательных школ. Алматы, 2007. С. 23.

3 *Сауенова Р.*, *Нугманова Н.* История Казахстана: Дидактические материалы: Учебное пособие для 11 класса общественно-гуманитарного направления общеобразовательных школ. 2-е изд., перераб., доп. Алматы, 2011. С. 22.

4 *Козыбаев М.*, *Нурпеис К.*, *Жукешев К.* Указ.соч. С. 26.

"Алаш". Выявите общие и различные черты»; «Выявите отличия Советов в Казахстане в 1905 и 1917 гг.»; «Рассмотрите положение в российской деревне и в казахском ауле в 1880 г. и в начале XX в. Какие из проблем были за это время решены? Что изменилось к лучшему? Что к худшему? Появились ли новые противоречия в развитии сельского хозяйства?». Такие вопросы требуют от учащихся сравнения позиций государственных чиновников разных уровней, имеющих различные точки зрения на один и тот же вопрос, сравнения программных документов, высказываний деятелей и помогут сделать вывод о том, что послужило причиной выбора той или иной позиции, и на основе полученных данных прийти к собственному заключению.

Крайне важно обучить учащихся критическому подходу к статистическим данным и продемонстрировать им на одних и тех же материалах значение такого подхода. Так, в учебнике для 9 класса сказано: «Если с 1893 по 1905 гг. у казахского населения было отмежевано 4 млн десятин земли, то с 1906 по 1912 гг эта цифра достигла 17 млн десятин. К 1917 г под переселенческие участки, под лесные дачи казачьих войск, помещичьи имения, монастырские участки, для городов и полос отчуждения железных дорог были изъяты более 45 млн десятин»[1]. После этого следовало, на наш взгляд, поставить вопрос: Какой вывод из приведенных данных вытекает? Есть ли связь с этническими конфликтами в регионе того периода? Принимались ли шаги по улучшению подобного положения?

В учебнике для 9 класса сказано: «Временное правительство, придя к власти, предприняло ряд мер к урегулированию отношений в Степном крае: из Тургайской области был отозван карательный отряд генерала Лаврентьева; 7 марта 1917 г издан указ об амнистии; 24 апреля 1917 г решением правительства были возвращены казахи, мобилизованные на тыловые работы». Вопрос: Что явилось причиной подобных мер? Предложенное авторами учебника решение таково: «Одним из назревших проявлений кризиса стали события 1916 г. Этот ряд мер явился попыткой погасить недовольство населения»[2]. Действительно, неверно обвинять Временное правительство в абсолютном бездействии, ряд принятых мер был успешным, однако они были половинчатые и первостепенные вопросы так и не решили, что соответственно разжигало

[1] Там же. С. 6–7.

[2] *Аяган Б.Г., Шаймерденова М.Ж.* Указ.соч. С. 32.

новые недовольства. Таким образом, справиться с последствиями конфликта 1916 г было недостаточно.

Далее в этом учебнике сказано: одной из жизненно важных задач в Казахстане было прекращение кровавой бойни, развязанной в период событий 1916 г Временное правительство не стремилось к решению аграрного вопроса, не могло решить национальный вопрос и даже не пыталось предоставить казахам автономию. Деятельность правительства была прервана Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде, который оценивается как военный переворот, названный впоследствии «Великой Октябрьской социалистической революцией». Осуществили его большевики – радикальная часть российских социал-демократов, по оценке авторов учебника, не самая крупная на то время партия в стране, но самая организованная и настойчивая в достижении своих целей[1]. На наш взгляд, происходило постепенное назревание общенационального кризиса, обусловленного наследием монархии и неспособностью Временного правительства удовлетворить нужды населения. Стоял выбор – военная диктатура или приход к власти леворадикальных сил. В данном случае ближе к народу были большевики. Нужно сказать, что отношение к советской власти в Казахстане проявилось в особенностях ее установления в регионах, в зависимости от расстановки политических сил. В ряде районов края установление советской власти носило кровопролитный характер, в других проходило относительно мирно.

В ноябре 1917 г. большевиками были обнародованы «Декларация прав народов России», которая провозглашала их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, и «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно»[2]. Однако провозглашения равноправия и самоопределения народов на практике не происходило. Навязывалась модель: окраина – метрополия. Представители местного населения не допускались на ключевые посты. Вся полнота власти сосредотачивалась

---

1 Там же. С. 34.

2 Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (Обращение Совета Народных Комиссаров) [Электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310/ (дата обращения: 02.04.2017).

в руках «пришлого элемента». Об образовании автономии или отделении речи не шло[1]. В борьбе за власть большевики сумели под такими предлогами перетянуть на свою сторону бывшие угнетенные народы царской России.

Во всех учебниках отмечается, что лидеры казахской интеллигенции не приняли Октябрьскую революцию. В казахском обществе Советы ассоциировались с царской администрацией. В Казахстане социальная база антибольшевистских сил была прочной, в связи с чем оказывалось активное сопротивление[2]. Как правило, непримиримыми противниками Октябрьской революции выступали представители Уральского, Семиреченского, Сибирского, Оренбургского казачества, правительство Алашской и Кокандской автономий, но уже в период Гражданской войны.

Таким образом, Февральская и Октябрьская революции, охватившие Россию, для казахского общества имели значение, поскольку привели к коренным изменениям и активизировали политические процессы в обществе. Казахи в русле происходящих в стране изменений устремились к реализации права на самоопределение: созданы казахские комитеты, первая политическая партия «Алаш», проведены казахские съезды, провозглашена автономия и правительство Алаш-Орда.

Содержание учебников по всем этим вопросам совпадает, разница состоит лишь в объеме представленной информации и форме повествования (в учебнике для 11 класса использован более сложный понятийный аппарат, чем в учебниках для 9 класса). Данные учебники, на наш взгляд, показывают, что на сегодняшний день все же существует нехватка заданий для развития критического мышления у школьников. В учебниках политическая ситуация того периода в России и в Казахстане описана таким образом, что затрудняет восприятие учащимися всей полноты картины. У учеников фактически отсутствует понимание того, какие политические силы боролись за власть, в чем была разница их программных документов и общих целей борьбы. Поэтому 1917 год в Казахстане они, как правило, не воспринимают как логическую цепочку исторических событий, а как ряд разрозненных фактов, часто не связанных между собой или с последующей действительностью. Данная тема вызывает сильные затруднения в понимании не только у школьников, но как следствие и у студентов.

[1] Там же. С. 64.

[2] Там же. С. 65.

Рыжкова О.В.,
Кочкина А.А.

«ТЕЛЕРЕФЛЕКСИЯ» СТОЛЕТИЯ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье представлены обзор телепередач канала «Культура», посвященных 100-летию российской революции, перечень творческих заданий и методические рекомендации к их выполнению, которые можно использовать на уроках истории.

Ключевые слова: революция 1917 г., урок истории, телепередача, методика преподавания.

Ryzhkova O.V.,
Kochkina A.A.

"TV-REFLECTION" OF THE RUSSIAN REVOLUTION'S CENTERARY: OPPORTUNITIES OF USE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. The article proposes a list of creative assignments and methodological recommendations for their implementation, which should be used when teaching the topic of the Great Russian Revolution at school. An approach to the use of media resources for education that is unconventional for school education is proposed.

Keywords: revolution of 1917, education, history, culture, school, TV.

Юбилеи исторических событий становятся катализатором научных исследований, общественных дискуссий, просветительской деятельности. Форматы рефлексии по поводу того или иного исторического события определяются профилем, целями и задачами деятельности институций, вовлеченных в этот процесс, а также целевой аудиторией, на которую эта рефлексия рассчитана. В последние годы мы стали свидетелями телерефлексии важнейших событий отечественной истории: 400-летия Дома Романовых, 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и т.д. Отмечаемое в этом году столетие русской революции

тоже повлияло на формирование программы передач ряда телеканалов РФ. В них появились как актуальные, специально созданные к юбилею, так и ретроспективные тематические передачи. Жанровое, содержательное разнообразие телересурсов о русской революции, появление интернет-телевидения, ключевой особенностью которого является интерактивность, когда пользователь получает возможность сам выбирать удобное для себя время включения в просмотр программы[1] – все это делает их незаменимыми при организации как школьного, так и вузовского исторического образования.

В связи с этим предлагаемый в данной статье обзор телепередач канала «Россия К», посвященных 100-летию российской революции и перечень творческих заданий, методических рекомендаций к их выполнению, которые можно использовать на уроках истории, представляется актуальным.

23 февраля исполнилось 100 лет Февральской революции. К этой дате на телеканале состоялась премьера документальных фильмов «Временный комитет у руля революции»[2], «Заключенный камеры № 207»[3], были подготовлены спецвыпуски аналитических публицистических программ («Власть факта»[4], «Тем временем»[5], «Что делать?»[6]).

15 марта (2 марта по старому стилю) 1917 г. Николай II отрекся от престола, что стало одним из ключевых событий Февральской революции и положило начало распаду Российской империи. Это событие телеканал отрефлексировал премьерой документального фильма

---

1 *Давиташвили Г.А.* Интернет-телевидение сегодня и завтра [Электронный ресурс]. URL: http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%206/VII/Davitashvili.pdf (дата обращения: 04.05.2017).

2 Временный комитет у руля революции. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61583/ (дата обращения: 04.05.2017).

3 Заключенный камеры № 207. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61584 (дата обращения: 04.05.2017).

4 Власть факта. Февральская революция. [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/1470453/video_id/1594438/ (дата обращения: 04.05.2017).

5 Тем временем с Александром Архангельским. Февраль 1917: как, с кем и во имя чего мы будем говорить о русской революции. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/1467899/brand_id/20905/ (дата обращения: 04.05.2017).

6 Что делать? Февральская революция или февральский переворот? [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1458790 (дата обращения: 04.05.2017).

«Дело №. Отречение Николая II: последний документ истории»[1], повтором документального фильма Ф. Эрмлера «Перед судом истории», снятого в 1964 г., и киноленты «Красное и Белое. Эрмлер и Шульгин», спецвыпуском программы «Наблюдатель»[2] и кинокартиной Г. Панфилова «Романовы. Венценосная Семья» (2000 г.).

28–31 марта 2017 г. в рубрике «Иллюзион. Ленин. Лабиринты истории» телеканал «Россия К» предложил четыре художественных фильма, снятых в советское время: «Ленин в Октябре», «Великое зарево», «Синяя тетрадь», «Шестое июля». Просмотр этих фильмов позволил современному зрителю представить, как менялся образ вождя революции В.И. Ленина в отечественном кинематографе.

В канун Пасхи телеканал транслировал документальный фильм «Красная Пасха»[3]. Кроме того, в течение рассматриваемого периода на канале были представлены кинохроника лета 1917 г в цикле «Запечатленное время»[4] и повтор серии «Кто не с нами, тот против нас» документального цикла «Истории в фарфоре», снятого режиссером Е. Плугатыревой в 2011 г.[5]

Краткая характеристика вышеперечисленных ресурсов, составленная по материалам архива телеканала, приведена в Приложении 1. Ранее одним из авторов уже был представлен опыт использования TV-ресурсов при изучении отечественной истории в вузе[6]. Внедрение

1 Дело №. Отречение Николая II: последний документ империи. [Электронный ресурс]. URL:https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/61641/episode_id/1481120/video_id/1601754/ (дата обращения: 04.05.2017)

2 Наблюдатель. Отречение от престола. Из первых уст. [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1478619/video_id/1601067/viewtype/picture/ (дата обращения: 04.05.2017).

3 Красная Пасха. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61738 (дата обращения: 04.05.2017).

4 Запечатленное время. Танцы под музыку революции. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/23445/episode_id/1463293 (дата обращения: 04.05.2017).

5 Истории в фарфоре. Кто не с нами, тот против нас. [Электронный ресурс]. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32656/episode_id/187090/video_id/187090/viewtype/picture/ (дата обращения: 04.05.2017).

6 *Рыжкова О.В.* Портфолио как способ «погружения» в историю русской революции 1917 года // Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. Часть I. XXI всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. статей. Екатеринбург: ФГБОУ «УрГПУ», 2017. С. 269–277.

подобного опыта и в общеобразовательную школу, на наш взгляд, обеспечит преемственность процесса обучения. Далее приведем перечень заданий, мотивирующих учащихся к анализу описанных TV-ресурсов. Они могут быть использованы на уроках истории при изучении темы Великой русской революции как в девятом, так и в одиннадцатом классе.

1. *Февраль 1917 года*: *хроника революции.* Анализируемые TV-ресурсы: д/ф «Временный комитет у руля революции», выпуск передачи «Власть факта. Февральская революция».

Задания

А) Составь хронику событий февраля 1917 г., отраженных в предлагаемых TV-ресурсах, заполнив таблицу:

Событие, отраженное в TV-ресурсе	**Это мне уже было известно**	**Это я узнал**	**Это мне не понятно**

Б) Используя предложенные TV-ресурсы, составь тест из трех заданий на знание фактов российской истории в период с 23 февраля по 2 марта 1917 г

В) Используя предложенные TV-ресурсы и знания, полученные на уроках, напиши эссе на тему: «Февраль 1917: революция или переворот?».

2. *Крушение монархии*: *как это было?* Анализируемые TV-ресурсы: д/ф «Дело №. Отречение Николая II: последний документ империи», «Временный комитет у руля революции», «Перед судом истории», выпуск передачи «Наблюдатель. Отречение от престола. Из первых уст».

Задания

А) Определи, какие исторические источники были использованы в предложенных TV-ресурсах и заполни таблицу:

Название TV-ресурса	**Название и вид использованных исторических источников**

Б) Составь три проблемных вопроса к предложенным TV-ресурсам, позволяющих выявить глубину понимания представленной в них информации.

В) Используя предложенные TV-ресурсы и знания, полученные на уроках, составь план-коспект на тему «Отречение Николая II от престола».

3. *Революция и культура.* Анализируемые TV-ресурсы: д/ф «Истории в фарфоре. Кто не с нами, тот против нас», выпуск передачи «Запечатленное время. Танцы под музыку революции».

Задания

А) Определи, какие исторические визуальные источники были использованы в предложенных TV-ресурсах, и дай им характеристику, заполнив таблицу:

Название TV-ресурса	**Название и вид использованных визуальных источников**	**Характеристика использованных визуальных источников**

Б) Используя предложенные TV-ресурсы, составь три вопроса на знание персоналий отечественной истории изучаемого периода.

В) Используя предложенные TV-ресурсы и знания, полученные на уроках, составь текст своего выступления на интегрированном уроке «Революция и культура».

Отметим, что для подготовки интегрированного урока «Революция и культура» (История и МХК) и учителю, и ученику может помочь статья К.О. Ширмановой и С.И. Федоровой[1].

4. *Революция в судьбе человека и человек в революции.* Анализируемые TV-ресурсы: д/ф «Заключенный камеры № 207», х/ф из цикла «Иллюзион. Ленин. Лабиринты истории».

[1] *Ширманова К.О., Федорова С.И.* Революция и судьба культуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3951–3955. [Электронный ресурс]. URL: http://e-koncept.ru/2016/86829.htm. (дата обращения: 05.05.2017).

Задания

А) Используя д/ф «Заключенный камеры № 207» и другие доступные источники, составь биографическую справку о великом князе Николае Михайловиче Романове.

Б) Составь рецензию (авторский отзыв) на фильм из цикла «Иллюзион. Ленин. Лабиринты истории».

В) Перед просмотром х/ф о Ленине познакомься с докинематографической историей картины (замысел, этапы создания), узнай об исполнителе роли Ленина, после просмотра фильма напиши сочинение на тему «Образ В.И. Ленина в кинокартине "*Название фильма*"».

Грамотно организовать просмотр и анализ художественного кино как исторического источника учителю поможет чтение специальной литературы по данной теме[1].

5. *Великая российская революция*: *100 лет спустя.* Анализируемые TV-ресурсы: передачи «Что делать? Февральская революция или февральский переворот», «Тем временем. Февраль 1917: как, с кем и во имя чего мы будем говорить».

Задания

А) Проанализируй мнения участников дискуссий о событиях февраля 1917 г. в России в предложенных TV-ресурсах и заполни таблицу:

Название TV-ресурса и ФИО участника дискуссии	**Точка зрения участника дискуссии о событиях февраля 1917 г.**

Б) Мнение какого участника вышеназванных передач ты разделяешь, обоснуй свой ответ

[1] См., например: *Волков Е.В.* Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920–1930-е годы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 416–426; *Горбачев О.В.* Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 126–136.

В) Представь, что ты редактор детского исторического журнала и готовишь спецвыпуск, посвященный 100-летию русской революции 1917 г. Напиши статью в рубрику «Колонка главного редактора».

Таким образом, телепространство современной России содержит большой объем ресурсов о русской революции 1917 г, которые можно использовать в школьном историческом образовании. Юбилей этого судьбоносного для России события в значительной степени пополнил список TV-ресурсов. Просмотр данных ресурсов школьниками, выполнение заданий, направленных на их осмысление и интерпретацию, позволит не только повысить общий уровень информированности учащегося о событии (знание фактов, персоналий), но и будет способствовать формированию и развитию навыков работы с визуальными источниками, письменного и устного аргументированного изложения собственной точки зрения по проблемам отечественной истории, критического восприятия исторической информации.

Однако использование TV-ресурсов в образовательном процессе требует дополнительной теоретической и методической подготовки учителя, освоение им литературы, освещающей методику анализа визуальных источников.

Приложение 1

Характеристика TV-ресурсов о Великой русской революции, транслированных на телеканале «Россия К» в феврале – апреле 2017 г.

Название, автор /ведущий, год создания TV-ресурса	**Содержание TV-ресурса**
Документальное кино	
Временный комитет у руля революции *Реж. И. Кокорина 2017*	Фильм основан на документах, рассекреченных лишь в недавнее время, и рассказывает об активных действиях членов Временного комитета Государственной думы, которые по мнению современных историков, превратили стихийный бунт в подлинную революцию.

Название, автор /ведущий, год создания TV-ресурса	**Содержание TV-ресурса**
	Участвуют: доктор ист. наук К. Соловьев, доктор ист. наук В. Шелохаев, директор Государственного исторического музея А. Левыкин, исполнительный директор фонда «История Отечества» К. Могилевский, кандидат ист. наук Ю. Манойленко
Заключенный камеры № 207 *2017*	Фильм о семи месяцах заключения в тюрьме Петропавловской крепости великого князя Николая Михайловича Романова, внука императора Николая I, двоюродного брата императора Александра III и дяди императора Николая II, председателя Императорского Русского исторического общества, ученого и благотворителя. *Участвуют*: кандидат ист. наук И. Карпенко, Государственный музей истории Санкт-Петербурга; ответственный секретарь Российского исторического общества А. Петров; доктор ист. наук И. Попова; кандидат биолог наук А. Львовский, Зоологический институт РАН; краевед Е. Жерихина
Дело №. Отречение Николая II: последний документ истории *2017*	Авторы фильма предоставляют уникальную возможность увидеть и осмыслить документы, связанные с отречением Николая II от престола, которые хранятся в Государственном архиве РФ (коллекция документов последнего российского императора Николая II и его семьи – Новороманновский архив). *Комментирует* «Акт об отречении», долгое время доступный лишь немногим, доктор ист. наук, научный руководитель ГА РФ С.В. Мироненко

Название, автор /ведущий, год создания TV-ресурса	**Содержание TV-ресурса**
Перед судом истории *Реж. Ф. Эрмлер 1964*	Фильм построен на диалоге Историка (Сергей Свистунов) с Василием Шульгиным – крупнейшим политическим деятелем России начала XX в., который был противником большевиков, лидером Государственной Думы, принимавшим отречение Николая II, участвовавшим в образовании Белой армии. В конце Великой Отечественной войны был «препровожден» из Югославии в СССР, где был осужден. В 1956 г. освободился из Владимирской тюрьмы и поселился во Владимире. Парадокс картины заключается в том, что авторы всячески пытались показать, что Шульгин исторически ошибался. Однако после выхода фильма в 1965 г его отправили на полку, потому что сильная личность Шульгина победила вопреки замыслу авторов. Как они ни старались заставить Шульгина раскаяться, он не пошел ни на какие компромиссы
Красное и Белое. Эрмлер и Шульгин *Реж. А. Столяров 2010*	Рассказана история создания фильма «Перед судом истории»
Красная Пасха *Авторы: А. Пивоваров и О. Белова 2016*	Фильм охватывает период между Пасхами 1917 и 1918 гг. – временно́й отрезок, который предопределил всю дальнейшую судьбу РПЦ, и посвящен истории появления праздника Пасхи, а также традициям, что связаны с этим главным церковным праздником в России. Показано, как в разное время менялось отношение к празднованию Пасхи в нашей стране

Название, автор /ведущий, год создания TV-ресурса	**Содержание TV-ресурса**
Истории в фарфоре. Кто не с нами, тот против нас *Реж. Е. Плугатырева 2011*	Фильм о советском агитфарфоре, в создании которого участвовали мастера русского авангарда: Малевич, Суетин, Чашников
Информационно-аналитические публицистические передачи	
Власть факта. Февральская революция. *Ведущий М. Ремизов 2017*	В программу включены сюжеты: «Февраль 1917: как все начиналось»; «Первые солдаты революции»; «Образ царской семьи в эпоху мировой войны». *Участники дискуссии*: доктор ист. наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. Колоницкий; кандидат ист. наук, доцент МГУ Ф. Гайда
Наблюдатель. Отречение от престола. Из первых уст. *Ведущий А. Максимов 2017*	Обсуждается отречение от престола Николая II. *Участники дискуссии*: доктор ист. наук, главный специалист Государственного архива РФ З. Перегудова; доктор ист. наук, профессор, директор Института российской истории РАН Ю. Петров; доктор ист. наук, профессор Школы исторических наук Высшей школы экономики М. Давыдов
Что делать? Февральская революция или февральский переворот. *Ведущий В. Третьяков 2017*	Вопросы для обсуждения: Была ли неизбежна Февральская революция? Была ли она революцией? Каким к февралю 1917 г было военное, экономическое и внутриполитическое положение России? Сильным или слабым правителем был Николай II? *Участники дискуссии*: Ю. Петров, директор Института российской истории РАН; А. Шубин, доктор ист. наук; Д. Андреев, кандидат ист. наук; А. Барсенков, доктор ист. наук; Г Бордюгов, кандидат ист. наук

Название, автор /ведущий, год создания TV-ресурса	**Содержание TV-ресурса**
Тем временем. Февраль 1917: как, с кем и во имя чего мы будем говорить? *Ведущий А. Архангельский 2017*	Вопросы для обсуждения: Что хочет (и что должно) услышать общество само о себе в связи с февралем 1917 г.? Что может (и что в состоянии) современная культура актуализировать в далеком историческом событии? О чем мы будем думать здесь и сейчас по поводу Февральской революции ? *Участники дискуссии*: Ф. Дзядко, журналист, главный редактор образовательного проекта Arzamas; Б. Колоницкий, историк, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге; А. Кара-Мурза, доктор философ. наук; С. Ореханов, журналист, старший редактор проекта «1917»; Ю. Грымов, режиссер; Ю. Кубановский, поэт.
Запечатленное время. Танцы под музыку революции. *Реж. А. Артемьев, ведущий В. Баталин 2012*	Это хроника, снятая летом 1917 г. и зафиксировавшая атмосферу праздника Петров день, который активно и весело отмечался в Петербурге и Москве, несмотря на то, что шел третий год кровопролитной войны, уже был свергнут император и страной управляло Временное правительство, а до Октябрьского переворота оставалось всего четыре месяца. В день чествования святых апостолов Петра и Павла ничто не говорило о грядущем скорбном противостоянии. *Эксперт*: историк, редактор военно-исторического журнала Н. Поликарпов.

Стрелова О.Ю.

ОТ «ТРУДНЫХ ВОПРОСОВ» ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. – К ДИСКУССИОННЫМ, АКТУАЛЬНЫМ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ XXI В.

Аннотация. Автор статьи сопоставляет трудные и дискуссионные вопросы истории с точки зрения их направленности на предметные, метапредметные и личностные результаты общего образования. Обосновав преимущества дискуссионных вопросов, автор далее вводит понятие «содержательные линии» и показывает, как на их основе школьный фонд источников по революции 1917 г. обогащается оригинальными текстами, усиливается культурно-историческая компонента темы, создаются условия для поисково-исследовательской и творческой деятельности школьников, формируется интерес и личностное отношение к столетнему прошлому.

Ключевые слова: трудные вопросы истории, дискуссионные вопросы истории, содержательные линии, концепция «Великая российская революция 1917 г.».

Strelova O.Yu.

FROM “DIFFICULT ISSUES” IN THE HISTORY OF THE 1917 REVOLUTION – TO DISCUSSION, RELEVANT TO STUDENTS OF THE XXI CENTURY

Abstract. The author compares difficult and discussion questions of history from the point of view of their focus on the subjective, meta-subjective and personal results of common education. Having substantiated the advantages of discussion issues the author further introduces the concept of “content lines” and shows how the school source’ fund of the 1917 revolution is enriched by original texts, culture-historical component of this topic is enlarged, conditions for creative activity, interest and personal attitude of schoolchildren to the centennial past are created.

Keywords: difficult questions of history, discussion questions of history, content lines, concept of “The Great Russian Revolution of 1917”.

Урок истории – место для дискуссий,
тем более в год столетия революции.

Е.А. Ямбург

Коллизия заголовка и содержание статьи строится на противоречии между трудными и дискуссионными вопросами истории. Поэтому сначала определимся с понятиями.

«Трудный», согласно словарю В.И. Даля, означает тяжкий, удручающий, недостижимый и т.д. С психологической точки зрения, трудный объект/субъект заключает в себе определенные затруднения и требует большого труда, усилий и т.п. Близки к таким значениям и авторы Концепции нового УМК по отечественной истории: «Перечень «трудных вопросов истории России» составлен на основе предложений учителей истории, на практике *сталкивающихся* с *недостатком материалов и достоверной информации* о некоторых *сложных* (с точки зрения преподавания истории в школе) *исторических вопросах*»[1] (курсив – *О.С.*).

Выходом из обрисованной в Концепции ситуации стало издание разных методических пособий и справочных материалов в серии «Трудные вопросы истории России», в том числе по революции 1917 г.[2] Доктора исторических наук в «научной части» пособий действительно четко отвечают на «трудные вопросы», а авторы-методисты прогнозируют, что на основе изучения этих текстов «ученики выходят на понимание причин слабости Временного правительства… и силы большевиков…»[3].

Таким образом, «трудные вопросы истории» в их теоретико-практическом варианте вызваны недостатком достоверных учебных материалов и работают преимущественно на предметно-знаниевый компонент результатов общего образования.

---

1 Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории на сайте Российского исторического общества. [Электронный ресурс] URL: http://rushistory.org/?page_id=1219 (дата обращения: 13.03.2017).

2 Трудные вопросы истории России: Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революция 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2017; *Шубин А.В.* Великая российская революция: 10 вопросов. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2017.

3 Трудные вопросы истории России: Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революция 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2017. С. 122–129.

Дискуссионными вопросами принято считать вопросы, не получившие у своих современников или новых поколений исследователей общей интерпретации и оценки событий прошлого. Вследствие этого они продолжают вызывать неподдельный интерес широких слоев общества и ученых[1]. Включенные в образовательный процесс, дискуссионные вопросы способствуют развитию интереса школьников к критически-творческому изучению истории и анализу настоящего, приобщают к поисково-исследовательской и проектной деятельности, обогащают коммуникативный опыт и повышают культуру общения, создают эффект сопричастности к событиям и личностям прошлого, ведут к интериоризации гуманистических ценностей. Таким образом, дискуссионные вопросы направлены на достижение не только предметных, но и всех видов метапредметных (познавательные, коммуникативные и регулятивные учебные действия), а главное – личностных результатов общего образования.

Природа дискуссионных вопросов ближе к познавательным потребностям молодых людей, живущих в век информационно-коммуникационных технологий и не испытывающих серьезных проблем с *поиском* информации. «Проблема, – по мнению Е.А. Ямбурга, которое мы разделяем, – заключается в том, что каждое поколение вырабатывает свое отношение к прошлому, не позволяя предшествующему или последующему поколению навязать иную точку зрения. Мало этого, каждый человек формируется под воздействием ключевых исторических событий своего времени…»[2]. Поэтому «не стоит бояться обсуждать со старшеклассниками самые сложные и запутанные вопросы истории. Зачем? Не для накачивания их мертвой цеховой ученостью, а для формирования подлинного исторического мышления, которое не уводит от жизни, а вводит в ее глубины… Такой подход формирует ответственное отношение к жизни, несовместимое с фатализмом, какие бы идеологические или религиозные формы он ни принимал»[3].

Логично, что *педагогический подход* к формулированию дискуссионных вопросов будет иным, чем к формулированию «трудных».

[1] *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Педагогические подходы к реализации концепции единого учебника по истории. М., 2015. С. 74.

[2] *Ямбург Е.А.* Дети на войне исторической памяти. [Электронный ресурс] URL: http://echo.msk.ru/blog/e_yamburg/1950142-echo/ (дата обращения: 14.03.2017).

[3] Там же.

Он не будет жестко привязан к предметным (дидактическим) единицам Историко-культурного стандарта. Обобщая их, он скорее будет восходить к ключевой идее раздела ИКС, в частности, посвященного событиям 1914–1921 гг.: «Не поиск правого и виноватого, не осуждение одних и оправдание других, будь то либералы, большевики или их противники, а стремление *объяснить эту трагическую эпоху и извлечь из нее уроки, чтобы избежать повторения...*»[1] (курсив – *О.С.*).

Какие же вопросы, касающиеся российской революции 1917 г и ее столетия, можно предложить школьникам в качестве дискуссионных? Как среди «сложных и запутанных» выбрать те, которые способны воспитывать ответственное отношение к жизни, своей и других людей, страны, человечества? В каких сферах безграничного прошлого[2] искать и формулировать вопросы, «уводящие в глубины жизни»?

Ранее мы уже не раз представляли учителям концепцию основных и дополнительных содержательных линий для учебного предмета «История». Раскроем их возможности в организации школьных дискуссионных площадок, посвященных столетию Великой российской революции.

Содержательные линии – это комплексы принципов отбора, конструирования и изучения содержания в соответствии с особенностями учебного предмета и составляющих его курсов. В то время как разделы, темы, блоки структурно представляют учебное содержание, содержательные линии пронизывают все его компоненты, создают своеобразный ценностный каркас (архитектонику) – единство внутреннего и внешнего образовательного проекта в целом[3]. Каждая линия расширяет школьный арсенал источников за счет оригинальных текстов и средств, остающихся за бортом традиционных уроков; она значительно усиливает культурно-историческую компоненту учебного предмета, обеспечивает условия для поисково-исследовательской и творческой деятельности школьников, ориентирована, в конечном итоге,

[1] Трудные вопросы истории России: Причины, последствия и оценка падения монархии в России, революция 1917 г., прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2017. С. 36.

[2] *Про А.*: «Не существует фактов, исторических по своей природе… область потенциальных объектов истории неограничена» // *Антуан Про*. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 81.

[3] *Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю.* Феномен фальсификации истории России и историческое образование школьников. М., 2014. С. 50–51.

на формирование личностного отношения к прошлому и сознательной гражданской позиции.

Содержательная линия «*История и Память*» актуализирует различия в оценочных отношениях современников и потомков к историческим событиям; знакомит с инструментами формирования коллективной исторической памяти и национального самосознания; показывает способы управления ими с помощью политики памяти, монументальной пропаганды и «войн памяти»; содействует развитию исторического и критического мышления; прививает интерес к посещению и изучению «мест памяти».

За сто лет, прошедших с 1917 г., Россия осуществила и пережила не один проект памяти о революциях, их героях и антигероях[1]. В наше время разрабатывается и дискутируется концепция «Великой российской революции 1917 г»[2]. Школьники могут принять участие не только в обсуждении эффективности советских проектов памяти в 1920–1970-е гг., причин их дискредитации и угасания в 1980–90-е гг., возрождения интереса к ним со стороны политиков и общественности в начале XXI в., но и высказаться об инициативе Российского военного-исторического общества установить в Крыму памятник примирения как доказательство того, что «гражданская война наконец-то закончилась»[3].

Содержательные линии «*История и художник*», «*История и кино*», «*История и писатель*» раскрывает особенности исторической живописи, литературы, кинематографа с присущими им эстетическими, познавательными, идеологическими ценностями, методами художественной реконструкции и интерпретации прошлого в зависимости от общественно-политической конъюнктуры и личностных пристрастий «мастеров культуры». Тем самым эти линии подводят школьников

---

1 *Бордюгов Г.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010; *Тихонов В.В.* «Революция 1917 г в комеморативных практиках советской эпохи» // Диалог с Историей: Мы и Великая российская революция 1917 г.: Круглый стол РВИО, «Дрофа». [Электронный ресурс] URL: https://drofa-ventana.ru/material/kruglyy-stol-dialog-s-istoriey-my-i-velikaya-rossiyskaya-revolyutsiya-/(дата обращения: 14.03.2017).

2 Концепция Великой российской революции 1917–1921 гг: pro et contra – Круглый стол историков в обществе «Мемориал» 10 февраля 2017 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=hEcbesO5gWk (дата обращения: 14.03.2017).

3 Памятник примирения [Электронный ресурс] URL: http://dar.histrf.ru/p/pamyatnik-primireniya/ (дата обращения: 14.03.2017).

к восприятию художественных произведений как возможных и знаковых для определенной исторической ситуации, создают условия для многоперспективного анализа источников: историк – художник/поэт/режиссер, исторический факт – историко-художественный миф, сторонники – противники и др. Они обогащают представления учащихся о российской культуре и ее созидателях, воспитывают уважение к культурному наследию страны, учат ценить и беречь его многообразие.

Российские и советские кинематографисты, писатели, поэты, художники, скульпторы внесли немалый вклад в создание ярких образов революции 1917 г., что позволяет школьникам критически-творчески сравнивать разные произведения, в центре которых одни и те же сюжеты или личности, или, наоборот, произведения одного и того же художника (писателя, поэта), созданные на одну и ту же тему, но в разные годы[1]. Вопросы, вокруг которых строится дискуссия, актуальная для школьников, живущих в открытом, сложном, противоречивом информационном пространстве, могут быть такими: Какой из двух вариантов картины/памятника/стихотворения и т.п., по вашему мнению, более достоверен? Или возможен «третий вариант» реконструкции событий 1917 г.? В чем вы видите его преимущества или ограничения? Что, по вашему мнению, заставляет художника/писателя/режиссера «переписывать» историю? Как вы относитесь к анализируемым произведениям: как к позитивному мифотворчеству или фальсификации отечественной истории? Какое место подобные произведения должны занимать в историко-культурном наследии нашей страны (выставляться в музеях? храниться в закрытых фондах? уничтожаться?)?

Содержательная линия «*Культурное пространство*» – это ответ на требования Концепции нового УМК по отечественной истории применять «новый подход к истории российской культуры как непрерывному обретению национальной идентичности», а также использовать многофакторный подход к освещению истории всех сторон жизни российского государства и общества, историко-культурологический подход – для создания пространства диалога между современниками и потомками («вертикали диалога культур»), между очевидцами/участниками исторических событий, испытывающими к ним противоположные

[1] Например, картины *В.А. Серова* «В.И. Ленин провозглашает Советскую власть», написанные в 1947 и 1962 гг. Об этом как о сюжете для учебного проекта см. в кн.: *Вяземский Е.Е.*, *Стрелова О.Ю.* Проектная деятельность школьников на уроках истории. М., 2017. С. 128–131.

эмоции и чувства («горизонтали диалога культур»). Реализация этой линии в школьных курсах истории пестует восприятие культурного многообразия как ценности и условия развития общества, воспитывает чувство принадлежности к богатейшим российским культурно-историческим традициям, способствует развитию диалогической культуры общения, эмпатии, эмоционально-ценностного отношения к прошлому, его людям и памятникам.

Еще в 1987 г. в СССР была издана книга «Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий»[1]. Однако эти оригинальные свидетельства не вошли в школьные фонды источников по истории российской революции ни тогда, ни теперь. Они не привнесли с собою «детское измерение» прошлого и детский взгляд на события, ломавшие привычный уклад жизни; не стали основой школьных дискуссий на актуальную в наши дни тему «Дети и политика». Анализ и интерпретацию детских рисунков можно провести, предварительно объединив их в группы, сообразные возрасту юных художников, или по направлениям: «Образы эпохи», «Митинги и демонстрации», «Уличные бои и перестрелки», «Очереди в продовольственные лавки и магазины».

Независимо от группы, к которой будет отнесен тот или иной рисунок, нужно сначала попытаться представить себе маленьких художников: возраст, социальное положение, занятия, уровень образования, интересы и увлечения, отношение к происходящему. В комментариях к одним рисункам Н.Н. Гончарова сообщает только имена и фамилии детей, их возраст; к другим – пытается воссоздать детские образы на основе рисунков: «мальчик постарше (по фамилии Яцкевич) уже в состоянии передать своеобразие представшей перед ним картины», «Рисунок Косарева чрезвычайно экспрессивен, очевиден сильный творческий темперамент юного художника» и т.д. Но в основном творческая реконструкция образов детей, запечатлевших революционные события 1917 г., станет частью вернисажа-дискуссии современных школьников.

[1] Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий. Из коллекции Государственного исторического музея / Составитель и автор текста *Н.Н. Гончарова*. М., 1987. Оцифровка интернет-журнал «Подмосковный краевед», 2017. [Электронный ресурс] URL: http://trojza.blogspot.ru/2017/01/1917.html – часть 1; http://trojza.blogspot.ru/2017/01/1917_17.html – часть 2; http://trojza.blogspot.ru/2017/01/1917_19.html – часть 3.

О чем можно рассуждать, разглядывая уникальные рисунки и читая подписи к ним, несущие на себе печать советского проекта памяти о Великой Октябрьской социалистической революции? Предложу несколько идей.

- В чем особенности детского взгляда на революционные события 1917 года?
- Создают ли рисунки ощущение, что дети понимали, в какое время им выпало жить? Как эти ощущения передаются через рисунки маленьких художников?
- Кем, судя по рисункам, ощущают себя дети: сторонними наблюдателями? вовлеченными в события свидетелями? сочувствующими определенным политическим личностям и партиям? активными участниками происходящего? безвинными жертвами «жестокого времени»?
- Могут ли эти рисунки быть источниками по истории России в 1917 году? В чем их познавательная и художественная ценность?
- Почему в СССР эти рисунки публиковались только один раз и небольшим тиражом?
- Если бы создавали свой учебник новейшей истории России, какие рисунки отобрали бы для темы «Великая российская революция»? Объясните свой выбор рисунков или отказ от этой идеи.

Но я полагаю, что школьники XXI в. захотят и смогут задать своим далеким ровесникам собственные вопросы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Анисков Артём Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Калужского филиалп Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г Калуга).

Архипова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского (г Ярославль).

Астарджиева Татьяна Стефановна – доктор (PhD), Великотырновский университет «Святых Кирилла и Мефодия» (г Велико-Тырново, Республика Болгария).

Базанов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (г Москва).

Белоус Светлана Геннадьевна – магистр по специальности «История», докторант Казахского национального педагогического университета имени Абая (г Алматы, Республика Казахстан).

Белоусова Ксения Андреевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Вдовин Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г Москва).

Виталь Владимир Анатольевич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г Таллин, Эстония).

Войтиков Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, главный специалист Центра публикации архивного фонда Центрального государственного архива г Москвы (г Москва).

Волгирева Галина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета (г Пермь).

Горский Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Гурьянова Светлана Ивановна – соискатель Вятского государственного университета (г Киров).

Долгова Анжела Валерьевна – кандидат исторических наук, ведущий специалист Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка (г Москва).

Дриё Клое (Cloé Drieu) – исследователь Центра турецких, османских, балканских и центрально-азиатских исследований при Французской академии наук (г. Париж, Франция).

Занданова Лариса Викторовна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (г Иркутск).

Зданович Александр Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Исхаков Салават Мидхатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций (г Москва).

Касаточкин Денис Романович – кандидат исторических наук, заведующий научно-презентационным сектором Московского государственного института культуры (г Москва).

Комкова Мария Станиславовна – магистр, аспирант Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского (г Брянск).

Кондорский Борис Михайлович – кандидат биологических наук, начальник отдела Научно-производственной фирмы «Синбиас» (г Донецк).

Кочешков Геннадий Николаевич доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (г Ярославль).

Кочкина Анастасия Александровна – студентка Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета (г Нижний Тагил).

Куприянов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова Российской академии наук (г. Москва).

Куренков Геннадий Александрович – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов Российского государственного архива социально-политических исследований (РГАСПИ), г Москва.

Куренышев Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России (г Москва).

Куренышева Екатерина Павловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Лачаева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, ректор Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Марченкова Наталия Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (г Москва).

Николаева Марина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Московского Авиационного института (Национального исследовательского университета) (г Москва).

Петровичева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г Владимир).

Писчикова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г Рязань).

Птицына Галина Михайловна – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир).

Рид Кристофер – профессор (УниверситетУорик, Великобритания) / **Christopher Read** (Professor, University of Warwick, The United Kingdom).

Рыжкова Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета) (г. Нижний Тагил).

Савосина Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г Рязань).

Семенов Александр Михайлович – PhD, профессор, директор Центра исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г Санкт-Петербург).

Смирнова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей (г. Оренбург).

Смирнова Тамара Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии и управления персоналом Московского Авиационного института (Национального исследовательского университета) (г Москва).

Смит Джереми – профессор (Университет Восточной Финляндии, Финляндия) / **Jeremy Smith** (Professor, University of Eastern Finland, Finland).

Сотникова Анастасия Алексеевна – секретарь (Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Институт российской истории РАН) (г. Москва).

Стрелова Ольга Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор Хабаровского краевого института развития образования (ХК ИРО), (г Хабаровск).

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г Москва).

Сыпченко Алла Викторовна – доктор исторических наук, профессор, вице-президент Негосударственного образовательного частного учреждения «Русская Академия страхования» (г Москва).

Толмачев Юрий Олегович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Усманов Наиль Вакилович – кандидат исторических наук, доцент Бирского филиала Башкирского государственного университета (г. Бирск).

Хандорин Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г Москва).

Хрипунов Андрей Сергеевич – аспирант исторического факультета Ивановского государственного университета (г Иваново).

Чжо Чжун вэ – профессор (Университет Совон, Республика Корея) / **Junbae Jo** (Professor, Seowon University, Republic of Korea).

Чураков Димитрий Олегович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Яримака Светлана Константиновна – ассистент кафедры социологии и управления персоналом Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (г Москва).

Научное издание

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Сборник статей
по итогам Международной научной конференции
24–25 апреля 2017 г. (г. Москва)

Печатается в авторской редакции
Оформление обложки *Удовенко В. Г.*
Верстка *Попова Н. А.*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 03.11.2017.
Формат 60×90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 25 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 730.

ISBN 978-5-4263-0556-4

